

Пламенные сердца 2

Двенадцать вдохновляющих
историй современных преследуемых
христианок о вере, дающейся
дорогой ценой

«Убирайтесь!»

«Здесь разрешён только ислам! Разве вы не понимаете, что вам здесь делать нечего?»

Вскоре после того, как Тамара с мужем переехали в город Исфара, Таджикистан, им нанесла визит делегация мусульманских женщин. Поприветствовав их в своем доме, Тамара сразу поняла, что визит не будет дружеским. Эти женщины знали, что Тамара и её муж делились Евангелием с жителями города, и поэтому они заявили супругам, что им следует покинуть их город. Христианам, особенно тем, кто делился своей верой с мусульманами, здесь были не рады.

Пока Тамара слушала их, она не вполне осознавала ту опасность, в которой они с мужем оказались.

Тамара — одна из двенадцати отважных женщин, с которыми вы познакомитесь в этой книге, являющейся продолжением книги «Пламенные сердца». От колумбийской евангелистки, вынужденной бежать из-за того, что свидетельствовала партизанам, до американской женщины, публично простившей исламских экстремистов, застреливших её мужа на улицах Бенгази, Ливия, — жизни этих женщин перевернулись с ног на голову, когда они повиновались словам Христа. Однако каждая из них обрела надежду, которую можно найти только в непоколебимом вечном царстве нашего Господа Иисуса Христа.

В дополнение к этим двенадцати историям вы также прочитаете свидетельства одиннадцати женщин, которые рассказывают о том, как Бог укреплял их и заботился о них, когда их земное царство пошатнулось, пока они служили Ему.

Более 50 лет организация «Голос мучеников» делится историями о мужественных христианах, которые следуют за Христом в самых трудных и опасных для следования местах мира. Эта новая книга познакомит вас с подлинными историями отважных женщин, героинь веры, которые представляют бесчисленное множество других, сталкивающихся с подобными испытаниями сегодня. Эти примеры веры и послушания вдохновят вас следовать за Христом с пылающим сердцем, какой бы высокой ни была цена!

«ГОЛОС МУЧЕНИКОВ» (ГМ) — это некоммерческая межконфессиональная христианская организация, которая помогает преследуемым христианам в самых сложных и опасных для миссионерского служения регионах мира. Основанная в 1967 году Ричардом и Сабиной Вурмбранд, организация ГМ стремится вдохновлять всех верующих на укрепление своей приверженности Христу и исполнение Его Великого Поручения, чего бы это ни стоило.

Пламенные сердца 2

Двенадцать вдохновляющих
историй современных
преследуемых христианок о вере,
дающейся дорогой ценой

ГОЛОС МУЧЕНИКОВ

Книга первоначально издана под названием *Hearts of Fire 2*
Авторское право © 2023 Голос мучеников

Авторское право защищено.

Библейские цитаты приведены из Синодального перевода, если другой перевод не указан.

Книга создана на пожертвования христиан и не предназначена для продажи.

Перевод Маргариты Тучковой
Редакторы — Светлана Фотина, Пётр Никитин

Для получения дополнительной информации о «Голосе мучеников» и наших ресурсах, которые включают в себя наш молитвенный бюллетень, посетите сайт **www.vom-ru.org**.

Вы также можете подписаться на наши печатные и цифровые материалы по адресу **info@vom-ru.org**.

Присылайте нам свои фото о распространении наших материалов, а также свидетельства о том, как они действуют в вашей жизни и жизни тех, кто вас окружает. Без обратной связи с вами мы не знаем, как Бог использует наш труд. Ваши сообщения послужат огромным ободрением команде «Голоса мучеников».

Итак, мы, приемля царство
непоколебимое, будем хранить благодать,
которою будем служить благоугодно Богу,
с благоговением и страхом, потому что
Бог наш есть огонь поядующий.

Послание к Евреям 12:28–29

О «Голосе мучеников»

В Евангелии от Луки 9:23 Господь Иисус говорит: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною». Это может звучать грустно и тревожно для христиан, идущих мирским путём. Такие христиане часто сочувствуют тем, кому приходится страдать за веру. Они надеются на жизнь, полную процветания, без боли для себя и других.

Однако существует «великое облако свидетелей» (Евр. 12:1), которое знает лучший путь. Это мужчины и женщины из разных стран мира и нашей собственной страны, как из прошлого, так и наши современники, которые отдают свою жизнь Господу в одно мгновение или демонстрируют Его жертвенную любовь в течение многих лет. Они учат нас тому, что Божья любовь стоит любой человеческой боли и что такую любовь не может остановить никакая сила на земле, включая смерть. Их путь — единственный путь к глубокой и вечной радости. Это нормальная христианская жизнь.

«Голос мучеников» призван помочь братьям и сёстрам со всего мира помнить об этом пути и вместе научиться идти по нему. Мы делаем это, внимательно прислушиваясь к голосу Иисуса, а также христианских мучеников и современных преследуемых христиан, которые следуют за Ним, несмотря ни на что. Мы сотрудничаем и общаемся с теми, кто страдает за Христа, не из жалости, сочувствия или желания спасти их, а из

Пламенные сердца 2

убеждения, что жертвенная любовь Христа — это величайшее сокровище, которое люди могут получить от Бога и отображать в своей жизни.

Организация «Голос мучеников» была основана в 1967 году пастором Ричардом Вурмбрандом, который отбыл четырнадцатилетний тюремный срок в коммунистической Румынии за веру в Иисуса Христа. Его жена Сабина три года провела в исправительно-трудовых лагерях. В 1965 году Ричарда и его семью выкупили из Румынии, и они основали всемирную сеть миссий, которые до сих пор служат преследуемому Телу Христову.

Вступление

Динамические свидетельства двенадцати женщин, чьи достоверные истории вы прочтёте в этой книге, воплощают слова автора Послания к Евреям: «Итак, мы, приемля царство непоколебимое, будем хранить благодать, которою будем служить благоугодно Богу, с благоговением и страхом, потому что Бог наш есть огонь...» (12:28–29).

Когда эти женщины приняли решение повиноваться и служить Христу, их жизни перевернули с ног на голову те, кто противостоял их вере. Как написано в Послании к Евреям, их земные царства поколебались...

Сара была вынуждена скрываться от партизан в Колумбии.

Супруга Шемсе зверски убили исламисты в Турции.

Муж Сюзанны был похищен в Малайзии, и его местонахождение до сих пор неизвестно.

Бьянка рисковала жизнью, чтобы добраться до советских солдат — врага, оккупировавшего её родную Румынию.

Грасия была похищена и удерживалась в плену террористами «Абу Сайяф» на Филиппинах.

Мужа Тамары застрелили в их доме в Таджикистане.

Пламенные сердца 2

Бупху задержала и допрашивала полиция в Лаосе.

Муж Хульды был убит индусскими экстремистами в Индии.

Марзие и Марьям посадили в тюрьму в Иране.

Муж Аниты был расстрелян исламистами в Ливии.

Семья Ханнели погибла от рук талибов в Афганистане.

Хелен содержали в металлическом контейнере в тюрьме Эритреи.

Каждая из этих женщин держалась за надежду, которую можно обрести лишь в непоколебимом вечном царстве Иисуса Христа, нашего Господа. Хотя их ответ на страдания и потери не всегда проявлялся сразу, то, что они были исполнены надежды, позволяло им прощать убийц своих близких, петь песни поклонения в тюрьме, провозглашать Благоую весть, испытывать близость со Христом посреди трагедии и знать, что следование за Господом стоит того, даже если это приведёт к смерти.

В этом продолжении первой части, опубликованной в 2003 году, мы добавили одиннадцать свидетельств женщин, которые, подобно героиням основных историй, рассказывают, как Бог поддерживал и укреплял их, когда они сталкивались с судьбоносными жизненными испытаниями, выполняя Божью работу в самых трудных и опасных для следования за Христом местах мира.

Эти рассказы от первого лица, которые мы назвали **«Из первых уст»**, представляют женщин из различных стран — Австралии, Америки, Ирана, Китая, Кубы, Лаоса, Непала, Нигерии, России, Румынии, Чехии. Однако их послание объединяет благодарность за Божью силу и доброту и доверие Ему посреди боли и страданий.

Вступление

Вы не застрахованы от испытаний и трудностей, сотрясающих ваше земное царство; от них не застрахован ни один последователь Христа. Поэтому мы молимся, чтобы эти истории вдохновили вас стремиться к непоколебимому Царству Божьему, отдавая себя в жертву поклонения Господу и возлагая надежду на истину, что Бог — это всепоглощающий огонь, который однажды всё поставит на свои места. Пусть ваше сердце воспламенится стремлением искать и созидать Божье царство, где бы вы ни жили, — любой ценой.

«ГОЛОС МУЧЕНИКОВ»

Сара

Благовестница партизанам

КОЛУМБИЯ

2001 год

Восемнадцатилетняя Сара Гомес с тревогой сидела на длинной скамейке кузова грузовика, пока машина мчалась по горным дорогам на восточной границе Колумбии. Большой брезент, натянутый над их головами, защищал её и других пассажиров от палящего солнца.

Усталые попутчики прижимались к Саре с обеих сторон, и она вся съёжилась, стараясь стать как можно меньшей. Когда грузовик замедлил ход и остановился у контрольно-пропускного пункта, Сара натянулась как тетива. Капля пота скатилась по лбу, но она не стала вытирать её. Внимание девушки привлёк мужчина, только что запрыгнувший в кузов «джунглевого такси».

Тент, защищающий пассажиров, натянулся как раз под подбородком мужчины, скрывая от Сары его лицо. Однако она заметила его грязные ботинки. Девушка ощутила сильный толчок, когда партизан бросил под ноги мешок с боеприпасами, через мешковину которого пробивались острые концы пуль.

Сара опустила голову и затаила дыхание. Сейчас — её единственная надежда на побег. Если мужчина наклонит голову хоть на несколько сантиметров, он увидит пассажиров,

Пламенные сердца 2

сидящих под брезентом. Если он заметит её, Сара знала, что произойдёт.

Он убьёт её.

Когда Сара росла, её жизнь была полна страданий. Мать вышла замуж в четырнадцать лет; а к восемнадцати она уже была вдовой с двумя маленькими детьми, которых приходилось воспитывать в одиночку. Чтобы прокормить семью, мать Сары связала жизнь с мужчиной, у которого было тринадцать своих детей, среди которых Сара была старшей.

Семья жила в маленькой деревне на плодородных землях в двух часах от города Кукуты. Её отчим был батраком. Они сами выращивали себе еду. Жила семья в простом доме из деревянных досок с земляным полом. Когда шёл дождь, дешёвая жестяная крыша грохотала, словно они находились под шквальным артиллерийским обстрелом. Дети спали на матрасах, сделанных из мешков, набитых соломой и тростником. Вместо подушек они сворачивали и клали под голову изношенную одежду.

Один из новых братьев дал Саре прозвище «Толстощёка», что очень подходило круглолицей, кареглазой, дружелюбной маленькой девочке. В детстве Сара мечтала стать врачом, хотя и понимала, что эта мечта недостижима. Как семья могла позволить себе оплачивать её обучение? И даже если бы они могли, Сара жила на сельской ферме, вдали от возможностей образования, доступных лишь в больших городах. К тому же её чрезмерная заинтересованность мальчиками одновременно отвлекала её и была проблемой.

Для Сары дом никогда не был безопасным убежищем. Хотя отец был женат на матери, у него было двое детей от двух других женщин, одну из которых он нанял ухаживать за женой после рождения их последнего ребёнка. Отношения родителей

были нестабильными: брак был полон насилия, ему подвергалась и сама Сара. Двое сводных братьев, намного старше по возрасту, подвергали её сексуальному насилию в течение более пяти лет. Саре потребовались годы, чтобы освободиться и восстановиться после травмы.

Страна также находилась в состоянии хаоса. С 1964 года марксистские повстанческие группировки стремились к революции в Колумбии. Заимствуя стратегии Че Гевары, революционера-марксиста, присоединившегося к Фиделю Кастро в свержении диктатуры на Кубе, разрозненные отряды боевиков боролись с правительством за контроль над властью в стране. Вдохновлённые созданием коммунистической смеси марксизма и социальных программ, эти яростные партизаны вербовали мальчиков и девочек в свои ряды, якобы для освобождения обедневшего населения Колумбии. Для расширения своего влияния партизаны использовали любые насильственные методы и преступную тактику, включая похищение людей.

К концу 90-х — началу 2000-х годов партизанские группировки обнаружили, что торговля наркотиками может финансировать их движение, и насилие возросло. Для защиты от партизан были сформированы различные военизированные подразделения, члены которых также занимались торговлей наркотиками. Таким образом бои шли на трёх фронтах: между партизанами, военизированными формированиями и правительственными войсками. Когда в деревню Сары вошли партизаны, отчим перевёз свою большую семью в Кукуту. Там, как он думал, они будут в безопасности — вдали от угрозы, что Сару и её братьев и сестёр завербуют в партизанское движение.

Однако жизнь в городе была далеко не лёгкой. Городские дети прозывали Сару и её братьев и сестёр «грязными фермерами». Даже когда они приглашали Сару с братьями и сёстрами поиграть, девочка быстро поняла их истинные скрытые намерения: дети просто хотели посмеяться над их акцентом.

Пламенные сердца 2

Вскоре Сара научилась яростно защищать своих младших братьев и была готова драться с любым, кто насмеялся над ними или пытался их обидеть. Когда девочка увидела, как старший мальчик пытался утопить её брата, она прыгнула на нападавшего и так укусила его за спину, что откусила часть плоти. Когда позже мальчик появился с мачете, чтобы расквитаться с Сарой и её братом, семье снова пришлось переехать. Сара была убита горем. Хотя привыкнуть к городской жизни было трудно, она смирилась с ней и не хотела начинать всё заново. Жизнь семьи в этом районе была самой счастливой за всё время, однако теперь им снова приходилось уезжать.

Когда Саре было двенадцать, мать и отчим разошлись. Сара и двое младших братьев и сестёр вместе с матерью переезжали из города в город, из дома в дом, пересекая обширные просторы страны, в поисках ею работы и любви.

Мать Сары изливала свои разочарования на детей, яростно пинала дочь и била её деревянной метлой так сильно, что та треснула пополам. Однажды женщина набросилась на неё с раскалённым утюгом. Единственное, что остановило её от того, чтобы обжечь девочку, был короткий шнур.

Хотя отчим Сары был ужасным мужем, он всегда проявлял любовь и заботу по отношению к Саре. Он заботился о её потребностях и наставлял на правильный путь. Сара очень скучала по отчиму.

В декабре 1997 года сквозь тьму наконец прорвался луч надежды. Отчим собирался навестить Сару. Он даже пообещал забрать её к себе, в свой новый дом. Впрочем, ещё более захватывающим было его второе обещание, которое, несомненно, изменило бы жизнь девушки: всего лишь через несколько лет он оплатит её обучение в медицинском колледже.

Однако ночью накануне его приезда мать разбудила Сару, сообщив сокрушительную новость. Её отчим неожиданно скончался от недиагностированного сердечного заболевания.

Сара: Благовестница партизанам

Его смерть разбила Сару. Она упала на подушку и уставилась в потолок. Так разбилась её единственная надежда на будущее.

Три недели спустя, в праздники, во время поездки на природу, Сара столкнулась с группой бойцов Армии национального освобождения (АНО), вооружённых и одетых в зелёную камуфляжную форму с красно-чёрными масками, закрывающими лица. Сара знала, что их следует избегать, и перешла на другую сторону дороги.

— Мы собираемся изменить Колумбию, — крикнули они ей. — Ты тоже можешь изменить Колумбию.

Сара остановилась и медленно повернулась к мужчинам.

— Какая у тебя мечта? — спросил один из бойцов. — Чего ты хочешь от жизни?

— Я хочу стать врачом, — ответила Сара.

— Ты можешь стать врачом у нас. Присоединяйся к нам, и ты сможешь сделать много хорошего!

В течение семи лет отчим направлял Сару на правильный путь. Но теперь, когда его не стало, жизнь казалась ей совершенно бессмысленной. В тот день четырнадцатилетняя Сара вернулась домой, взяла своё единственное праздничное платье, сказала матери, что уходит в монастырь, и ушла к партизанам.

Примкнув к рядам АНО, Сара быстро научилась сражаться, убивать и стрелять из автоматической винтовки АК-47. Шрам, боец, ответственный за её военную подготовку, получил своё прозвище из-за шрама, оставшегося после маховой резаной раны, который тянулся через всю его щёку.

— Как только изучишь оружие и завершишь обучение военному делу, — обещал Саре Шрам, — сразу же приступишь к обучению медицине.

Пламенные сердца 2

Невзирая на то, что Сара боялась оружия, страх прослыть трусихой был гораздо сильнее, поэтому она быстро освоила его.

Когда Сара окончила боевую подготовку, она поняла, что теперь будет принадлежать АНО до конца. С этого момента любого, кто отказывался от дела, наказывали смертью.

— Ни шагу назад! — скандировала она вместе с другими новобранцами. — Свобода или смерть!

В пятнадцать лет Сара стала опытной убийцей.

Завершив военную подготовку, Сара начала готовиться стать медиком. Для обучения медсестёр были наняты кубинские врачи, и это произвело на Сару огромное впечатление, потому что кубинские врачи в Колумбии считались лучшими. Её научили извлекать из тела пули, перевязывать раны и выполнять другие медицинские процедуры, характерные в условиях боевых действий в джунглях.

Сара закончила медицинское обучение за несколько месяцев. И товарищи-партизаны дали ей позывной Целительница.

Скрываясь от солдат колумбийской армии, партизаны АНО укрывались среди пышной растительности тропических лесов Амазонки, где Сара выросла. Её новая семья — военная рота, состоящая из примерно сотни вооружённых повстанцев — могла сделать восьмидневный марш-бросок, и за всё это время не выйти из джунглей. Обширные джунгли Колумбии были идеальными для создания «красных зон» — территорий, контролируемых повстанцами, — откуда были изгнаны колумбийские военные. В этих «красных зонах» царила преступность.

В отряд Сары, группу из десяти человек, состоящую из трёх триад и командира, входили бывшие инженеры, архитекторы, студенты и крестьяне. Почти половина бойцов АНО — от

Сара: Благовестница партизанам

низших до высших чинов — были женщины. Многие из них присоединились потому, что жизнь в Колумбии не представляла для них, как и для Сары, лучших возможностей. Другие сделали это, чтобы избежать домашнего насилия, зачастую с сексуальными домогательствами. Некоторые пришли, спасаясь от бедности, в то время как другие — по политическим соображениям: были пламенными борцами за лучшее будущее для бедных. Были и те, кого обманули, их наивность сделала их лёгкой добычей вербовщиков АНО, оказывающих на них давление.

Сара научилась выживать в диких джунглях и плавать по рекам, протекающим по тропической местности. Она стала мастером в обращении с мачете, инструментом, который оказался полезным, чтобы прокладывать путь во время походов.

Однако жизнь в джунглях была трудной. Земля, представляющая собой смесь глины и грязи, в сезон дождей становилась невыносимой. Влага просачивалась в ботинки Сары, вызывая болезненные мозоли и вызывая ненавистную «траншейную стопу», от которой страдали почти все партизаны. Она знала, что это заболевание, возникающее в результате постоянного воздействия сырости, если его не лечить, может привести к инфекции или даже ампутации.

Бёдра Сары натёрлись от постоянной ходьбы, а на спине, где ружьё и сумка с боеприпасами тёрлись о кожу, образовались толстые мозоли. Отряд преодолевал восьми-двенадцатичасовой путь в день, часто меняя местонахождения, чтобы не быть обнаруженными колумбийской армией, а также чтобы сражаться со своими многочисленными врагами — военными бригадами, военизированными группировками и другими повстанцами. Большинство недель они тратили на то, чтобы добраться к новому месту предназначения и заново разбить лагерь. Глубоко в тропическом лесу, когда отряд чувствовал себя укрытым от врагов, они могли оставаться на одном месте

Пламенные сердца 2

на два месяца и дольше. Но рядом с небольшими городками они задерживались лишь на несколько дней.

В лагере Сара соблюдала строгий распорядок дня. Каждый день в 4:45 утра дежурный обходил палатки, подавая сигнал тревоги и будя бойцов. Сара мылась как могла и одевала зелёную камуфляжную рубашу и чёрные брюки. Через пятнадцать минут она уже стояла в строю, готовая петь гимн АНО и отдавать честь красно-чёрному флагу.

Затем следовал час физической подготовки, прежде чем компания расходилась в поисках завтрака, который обычно состоял из риса и картофеля. Если недавно зарезали корову, солдаты лакомились и говядиной. Сара заметила, что командование АНО всегда платило за еду, в отличие от других партизанских военизированных группировок, бродящих по джунглям. В основном они получали пищу от местных жителей и крестьян-фермеров, но иногда, получив продовольственное обеспечение от лидеров АНО, им приходилось переносить его на спинах.

После завтрака начиналась тренировка по стрельбе, затем обед и короткий перерыв перед отработкой боевых навыков до самого вечера. Поужинав, Сара и другие бойцы стирали свою форму в реке и вели идеологические дискуссии о философских трудах своих лидеров, а также о произведениях Ленина, Маркса и даже Кастро. В 6 часов вечера джунгли погружались во тьму, а в 8 вечера все уже спали. Ранний отбой позволял Саре отдохнуть перед двухчасовой ночной сменой на посту.

Находясь вблизи городов, бойцы АНО рассредоточивались, чтобы помочь местным жителям удовлетворить их физические потребности. Одни строили дома; другие помогали выполнять сельскохозяйственные работы. Будучи медиком, Сара проводила время, заботясь о нуждающихся в медицинской помощи. Впервые она начала ощущать, что её жизнь имеет ценность. Жители города стекались, чтобы поприветствовать её, и она наслаждалась своим новым предназначением.

Сара: Благовестница партизанам

Однако боевые действия оказались совершенно иным опытом. Иногда ей позволяли оставаться в лагере, чтобы лечить раненых солдат, но чаще всего отправляли на передовую, в окружение взрывающихся гранат и свиста пуль.

Однажды, пробираясь через густые джунгли, партизаны АНО наткнулись на молодого бойца, который был ранен неделей ранее. Его тело было изрешечено пулями либо колумбийских военных, либо какой-то военизированной группировки.

К тому времени, когда его привели к Саре, раны уже начали гноиться от инфекции. Она осмотрела ранения на груди и животе. В порезах на теле шевелились личинки.

Без какой-либо анестезии Сара засунула ему в рот тряпку.

— Держите его, — приказала она другим бойцам. Онаковытаскивала личинки из ран юноши вместе с попавшими туда палками, листьями и кусками ткани от формы. Его адские крики вызывали у Сары резкий озноб. Когда медсестра закончила и вырвала мокрую тряпку изо рта молодого человека, на неё обрушился яростный поток ругательств.

Шесть раз в день в течение трёх дней Сара обрабатывала раны юноши и накладывала свежую марлю, чтобы предотвратить распространение инфекции. На седьмой день она поняла, что он выживет.

Однако спасти удавалось не всех бойцов. Всякий раз, когда убивали партизана АНО, обязанностью Сары было провести вскрытие тела. Она аккуратно извлекала органы и определяла, можно ли вернуть тело семье. Сара оставляла тела бойцов, случайно наступивших на мины, установленные колумбийской армией, в джунглях.

Однажды ночью, когда одна из медсестёр держала фонарик между плечом и щекой, чтобы освободить руки, колумбийский военный заметил свет и открыл по ней огонь через кусты джунглей. Выстрелы попали в цель и размозжили нижнюю часть лица молодой женщины. Товарищи Сары забинтовали

Пламенные сердца 2

зияющую рану, где раньше была челюсть женщины, и отправили её на лечение. Когда год спустя Сара снова увидела свою коллегу, бедную женщину было не узнать.

Сара стала свидетельницей стольких страданий, кровопролития и смерти, что это начало сказываться и на ней. Когда другая повстанческая группа расстреляла семью фермеров в отместку за помощь Саре и её товарищам, она осознала, что стала виновной в их смерти. Она была противницей похищения молодых мужчин и женщин ради дела, проповедующего справедливость.

Сара также чувствовала, что в её сердце чего-то не хватает, что её душа пуста. К тому же она теряла своих ближайших друзей. Один был ранен в бою и оставлен умирать в джунглях. Другой выступил против командира и был расстрелян. Один за другим они исчезали.

За четыре года, прошедшие с момента её присоединения к партизанам, Сара видела свою мать лишь один раз. Однажды мать услышала, что отряд Сары ненадолго зайдёт в город, который находился за много миль от зоны боевых действий. Мать так сильно скучала по дочери, что отправилась туда в надежде увидеться с ней.

Когда отряд АНО проходил через город, мать Сары внимательно всматривалась в группу повстанцев и наконец заметила дочь. Она бросилась к ней и умоляла вернуться домой. В то время Сара была под сильным влиянием пропаганды, чтобы прислушаться к словам матери. Однако теперь жажда увидеть мать разгорелась в девушке с новой силой и желание вернуться домой стало занимать все её мысли.

Наконец Сара достаточно насмотрелась на смерть и насилие и решила покинуть АНО. Она видела, как мало руководство

Сара: Благовестница партизанам

заботилось о её друзьях и убивало любого, кто осмеливался проявить малейшее несогласие. Сара решила уйти.

— Я хочу остановиться, — как-то сказала она своей подруге, молодой женщине, отвечавшей за радиосвязь группы. Подруги придумали, как поступить: они скажут, что Сара беременна и нуждается в уходе в доме доверенного лица в городе. К их удивлению, план сработал.

Однако подруге Сары не повезло. Через несколько дней после того, как она помогла Саре покинуть ряды АНО, во время дежурства женщина тоже решила бежать, но была замечена, поймана и расстреляна.

Саре было скучно в городе. Она не знала, чем заняться, и коротала время, сидя на балконе. Однажды девушка познакомилась с соседями: добрыми пожилыми супругами-христианами. Мужчина работал в пекарне. Сара казалась ему подавленной, и он каждый день стал навещать свою новую соседку.

— Мой пациент проявляет признаки грусти, — как-то сказал сосед.

— Нет, нет, нет, — отпиралась девушка. — Со мной всё в порядке.

Наконец, Сара не выдержала и выплеснула все тяготы жизни на доброго соседа. Она хотела бежать от партизан АНО, но боялась решиться на это, зная, что встретит на пути как друзей, так и врагов.

— Мой сын может помочь тебе, — предложил мужчина. Его сын также был христианином. Они не одобряли методы АНО и хотели помочь Саре.

Несмотря на то, что Сара находилась далеко в горах, в десяти днях езды от Кукуты, сын мужчины ездил на небольшом грузовике и вызвался перевезти её.

Сара знала, что это будет опасная миссия. Помимо вооружённых групп, которые могли в любой момент остановить транспорт, на контрольно-пропускных пунктах машины часто останавливала полиция для проверки документов. Без наличия

Пламенные сердца 2

национального удостоверения личности, *седула*, полиция, естественно, предположит, что Сара — член какой-либо из повстанческих группировок. Не имея *седулы*, ей необходимо будет предъявить копию свидетельства о рождении. Поэтому сосед связался с братом Сары, чтобы получить необходимый документ.

Как и колумбийские военные, бойцы АНО устанавливали свои контрольно-пропускные пункты и внимательно проверяли проезжающие транспортные средства в поиске своих бывших соратников, которые теперь находились в бегах. Многие из них, так же как и Сара, покидали ряды АНО, и повстанческая группировка с повышенным вниманием относилась к поимке дезертиров. Сара слышала об этом от своих друзей из АНО и имела веские основания опасаться. Если дезертира ловили, его убивали самым жестоким способом, который только можно себе представить.

Утром в день побега Сары жена соседа уложила ей волосы, нанесла макияж и принесла гражданскую одежду. Чем больше Сара будет похожа на городскую девушку, тем более убедительно будет, что она не партизанка.

Водитель помог Саре сесть в кузов своего грузовика. Скамейка уже была почти полностью занята пассажирами. Девушка нырнула под большой брезент и втиснулась между двумя попутчиками. Она очень боялась, что её поймут, но знала, что бежать необходимо. Это был единственный путь к спасению.

Глядя на ботинки партизана, стоявшего у борта кузова, Сара затаила дыхание. Грузовик с боевиком на борту проехал через блокпост. В течение тридцати ужасающих минут Сара не сводила глаз с мужчины, который стоял совсем рядом, держась за брезент, накрывающий кузов. Каждую секунду её одолевал страх, что он узнает её.

Сара: Благовестница партизанам

Когда грузовик подъехал к следующему контрольно-пропускному пункту, Сара вытянула шею, чтобы осмотреться, кому он принадлежал, и сразу узнала зелёный камуфляж повстанцев АНО. Мужчины подошли к грузовику как раз в тот момент, когда Сара, дрожа, втянула голову. Партизаны были всего в нескольких шагах от неё.

Внезапно один из боевиков поднял тревогу. Сара приготовилась к наихудшему. Однако вместо того, чтобы хватать девушку, мужчины побежали к машине позади них.

— Давай, езжай! — подгонял один из солдат водителя грузовика, жестом приказывая двигаться вперёд. Удивительно, но таким образом Сара избежала обнаружения.

Грузовик петлял по дорогам, пролегающим посреди джунглей, пока снова не замедлил ход на очередном контрольно-пропускном пункте. Сара почувствовала, как её пульс снова ускорился, а на верхней губе выступили капельки холодного пота. Девушка втянула шею и опустила голову. Она увидела, как в задней части грузовика партизан ослабил хватку и переступил с ноги на ногу.

«Что он делает?! Он узнал меня?»

Внезапно мужчина наклонился, схватил мешок с боеприпасами и выпрыгнул из грузовика. На несколько мучительных секунд Сара задержала дыхание, но он и не думал оглядываться. Когда он отошёл от грузовика, девушка наконец выдохнула. Казалось, она стала невидимой, защищённой от обнаружения человеком, который мог причинить ей много горя.

Несколько дней спустя грузовик наконец добрался до города и подъехал к автобусной остановке. Сара огляделась. Водитель остановил машину, вышел на пыльную дорогу и жестом приказал Саре оставаться на месте.

Пламенные сердца 2

— Не выходи, — сказал он. — Я скажу, когда можно будет.

Взглядом Сара провела его до автобусной станции.

Вернувшись, он помахал Саре, и она встала. Её спина ужасно болела от изнуряющего путешествия. Пробравшись мимо остальных пассажиров и соскочив с кузова грузовика, девушка взяла билет на автобус из протянутой руки водителя.

— Всё будет в порядке, — успокоил он Сару. — Иди садись в автобус.

Они попрощались, и она стала наблюдать, как он забрался обратно в свой грузовик и уехал.

Зайдя в ожидающий автобус, Сара протянула водителю билет. Она нашла свободное место рядом с пожилой женщиной и приготовилась к следующему этапу своего долгого пути домой.

Несколько часов автобус грохотал по пыльным дорогам, пока, наконец, не начал тормозить. Сара застонала: «*Только не очередной КПП!*» Она так боялась этих остановок, каждая из которых таила опасность быть обнаруженной и переданной обратно в руки боевиков АНО.

Более дюжины колумбийских военных зашли в автобус и начали проверять удостоверения личности пассажиров. Сара приготовила свидетельство о рождении и ждала, пока они подойдут к ней.

— Почему ты путешествуешь со свидетельством о рождении? — потребовал ответа мужчина, нахмурившись, глядя на документ в руке Сары.

— Я из деревни, — сказала она. — Это всё, что у меня есть.

— Сними обувь, — приказал офицер. Сердце Сары замерло. Единственная причина, по которой он сказал ей показать ноги, заключалась в том, что он подозревал, что она партизанка, а многочасовые марши по влажным джунглям оставляли на ногах партизан характерные знаки. Сара сняла туфли, и офицер осмотрел её босые ноги.

Сара: Благовестница партизанам

— Почему у тебя мозоли? — спросил он, и его глаза сузились от подозрения.

Сара быстро сообразила.

— Потому что я крестьянка, — объяснила она. — Я работаю в деревне.

Однако офицер был явно недоволен её ответами.

— Встань и покажи спину, — настоял он.

Ношение оружия и тяжёлых сумок с боеприпасами и продуктовыми припасами оставляло на спинах партизан мозоли, которые являлись неопровержимым доказательством обнаружения повстанца. Сара закрыла глаза и оттянула край рубашки, надеясь, что её мозоли успели хоть немного зажить.

Не успел проверяющий взглянуть на спину Сары, как рядом с ней послышался шум. Другой офицер обыскивал сумку её соседки и обнаружил, что она перевозила наркотики. Оба мужчины сосредоточили внимание на женщине, а Сара медленно села. Шли минуты, и Сара поняла, что о ней совершенно забыли. Так ей снова удалось избежать обнаружения.

5 МАЯ 2001 ГОДА

После нескольких дней тряски в кузове грузовика и нервной поездки на автобусе Сара наконец-то обрела свободу. Автобус подъехал к автовокзалу в её городке, и, ступив на родную землю, она увидела, как к ней со слезами, текущими по лицу, бежит старшая сестра. Даже младший брат Сары, теперь настолько взрослый, что сначала она не узнала его, заплакал при виде сестры, которая в детстве так много раз защищала его от обидчиков.

Наконец Сара воссоединилась с матерью. В последующие дни девушка узнала о том, что несколько членов её семьи стали

Пламенные сердца 2

христианами и каждый день молились за неё и просили Бога, чтобы она вернулась домой. Теперь родные Сары видели, как Он ответил на их молитвы.

Саре нужно было найти работу. Ей пришлось продавать лотерейные билеты от порога к порогу в криминальных и бедных кварталах по всей Кукуте. Всякий раз, когда она узнавала партизан — мужчин и женщин, которые проникли во все сферы жизни Колумбии в качестве информаторов и вербовщиков, — она отворачивалась в надежде, что её не узнают.

Впрочем, иногда подпольные вербовщики узнавали Сару. Некоторые из них были знакомы с ней или слышали о её возвращении. Они пытались оказать на девушку давление, чтобы вернуть её в ряды АНО, будучи уверенными, что их идеалы и идеи достаточно сильны, чтобы вернуть её к борьбе. Сара соглашалась на встречу, а затем торопилась домой и запиралась, вновь и вновь давая себе клятву больше никогда не появляться в этих районах. Когда же наступал день встречи, она не появилась. К огромному счастью девушки, никто из вербовщиков не знал, где она живёт, иначе её бы застрелили.

Во многих отношениях жизнь за пределами подразделения АНО по-прежнему была трудной, но Сара находила способы развлечься.

Однажды вечером в танцевальном клубе Сара встретила мужчину, который впоследствии стал её мужем. Их семьи дружили довольно долгое время, но Сара и Антонио Гомес не виделись уже много лет.

— О, привет! — обрадовалась встрече Сара, расплывшись в широкой улыбке.

Это была любовь с первого взгляда. Они часами танцевали, а в конце вечера поцеловались.

Антонио уже слышал отрывки истории Сары, но на той неделе она сама поведала ему о своём прошлом и о том, что

Сара: Благовестница партизанам

пережила в рядах партизан АНО. В последующие месяцы Сара и Антонио очень сблизились.

Вскоре молодые люди решили пожениться. Свою совместную жизнь они начали на семейной ферме. Через год Сара родила их первенца, красивую девочку, которую они назвали Вероникой.

Сара обладала незаурядными организаторскими способностями и была назначена главой местного общественного совета. Её известность, как и уважение в обществе, росла. Однако это дорогого ей стоило. Как-то Сару узнал боевик АНО и в отместку за предательство донёс на неё полиции.

Сара недавно забеременела вторым ребёнком, мальчиком, когда её забрали на допрос.

— Нет, — возражала Сара, — я больше ничего не знаю об этой жизни. Я уже не имею связей с АНО, и уже давно.

Однако сотрудники полиции были неумолимы. Сару подвергли полудневному допросу, настолько интенсивному, что у неё случился выкидыш.

После допроса Сара и Антонио решили перевезти свою семью, включая мать Сары, её младших братьев и сестёр, некоторых тётушек и дядюшек, а также свою двухлетнюю дочь, за тринадцать часов езды на юг, в столицу Боготу, где они надеялись избежать пристального внимания со стороны сторонников АНО. По крайней мере раз в неделю бабушка Сары, набожная христианка, «приставала» к внучке по поводу веры.

— Ты ещё не обрела спасения. Ты должна поверить в Бога! — настаивала она.

Неохотно Сара и Антонио пошли с ней в церковь, хотя в глубине души они этого очень не хотели.

Сара снова забеременела, но врачи обнаружили врождённые пороки развития лёгких плода. В отчаянии Сара и Антонио решили снова пойти в церковь и там умолять Бога об

исцелении. Однако, когда последующее УЗИ показало улучшение, супруги решили, что Бог им больше не нужен.

Ребёнок Сары, их вторая дочь, родилась с недоразвитыми лёгкими, и ей требовалась операция по спасению жизни. Поэтому родители снова стали умолять Бога об исцелении.

Хирург, проводивший операцию, был христианином.

— Я всего лишь инструмент в Божьих руках, — заявил он Саре. — Бог будет использовать меня, но всю работу выполнит Он.

Сара не совсем понимала слова доктора. Инструмент в Божьих руках? Как это может быть?

Когда операция прошла успешно, Сара и Антонио поняли, что жизнь их дочери — не что иное, как чудо Божие. И они посвятили свои жизни Тому, Кто исцелил её. Через несколько лет Сара родила третьего ребёнка, мальчика. Она чувствовала, что этот сын был даром от Бога взамен сына, которого она потеряла во время выкидыша. Когда у Сары родился четвёртый ребёнок, дочь, они с Антонио решили, что теперь их семья полная.

По мере того, как росла семья Сары, укреплялась и её вера. Признавая преданность и страсть пары к распространению Евангелия, пастор возлагал на них всё большую ответственность. Сначала Сара и Антонио присоединились к нему в его евангелизационных поездках на мотоцикле по сельской местности. Естественное дружелюбие Сары и понимание Библии Антонио делало их эффективной командой. Затем пастор поручил Гомесам основать новую церковь в близлежащей красной зоне. Как и другие красные зоны, этот район находился под контролем боевиков и кишел наркотиками и жестокой преступностью.

Сара: Благовестница партизанам

В 2015 году руководство конфессии, к которой принадлежала церковь Сары и Антонио, попросила их основать ещё одну церковь в красной зоне — районе, где царило насилие, а дороги были усеяны минами и заложённой боевиками взрывчаткой, — и взять на себя ответственность за поместную церковь. Ни одна из этих должностей не предусматривала никакой финансовой компенсации, поэтому, чтобы прокормить себя, семья готовила *арепу*, лепёшки из кукурузного теста, основной продукт питания колумбийцев. Продавая их на улице, им удавалось поддерживать своё служение и даже расширить его, начав вести личные беседы с людьми в их местной общине.

Сара и Антонио разъезжали на мотоцикле по сельской местности и раздавали экземпляры красочной версии «Библии в действии» в виде графического романа. Они быстро поняли, что эта Библия предназначена как для молодых людей, так и для менее грамотных взрослых. Саре нравилось использовать её, потому что это значительно упрощало процесс благовестия и ученичества. Время от времени супруги получали угрозы от боевиков-партизан.

— Своими Библиями вы уводите от нас людей! — негодовали они.

Однако Сара и Антонио продолжали проповедовать Евангелие.

В сельской местности, где они несли служение, визуальное представление делало послание Священного Писания более простым и приемлемым для людей. Вскоре Сара обнаружила, что в их районе многие пасторы учатся читать по этой Библии.

Каждую неделю их служение росло по мере того, как партизаны, торговцы наркотиками и фермеры, выращивающие коку¹, слышали Евангелие и принимали решение довериться Иисусу Христу.

¹ Листья растения коки являются сырьём для изготовления наркотика кокаина.

Но не все в округе были довольны такой внезапной трансформацией общества. Лидеры повстанческих группировок ощутили опасность, когда евангельская весть распространилась по деревням и сельским угодьям, неся угрозу их идеологии и преступной деятельности, которая финансировала их работу.

— Ваша проповедь настраивает людей против нас, — заявили они Саре и Антонию. — После неё они отказываются собирать наркотики, которые нам нужны.

Сара и Антонию стали врагами членов вооружённых группировок, и те начали грабить их церковь и препятствовать благовестию.

Однажды Сара ждала на обочине дороги автобус, который отвёз бы её с несколькими коробками Библий туда, где в них нуждались. Вдруг она увидела приближающийся грузовик и поняла, что нём находились вооружённые повстанцы из соседнего города. Сара видела этих людей раньше и знала, что партизаны конфискуют Библии и, вероятно, вместе с книгами заберут и её.

Имея всего несколько секунд на то, чтобы действовать, Сара остановила первую попавшуюся машину. Забравшись в неё, женщина почувствовала облегчение. Грузовик, набитый повстанцами, отдалялся, становясь всё меньше и меньше.

В то время как партизаны делали рьяные попытки пресечь распространение Сарой и Антонию Библии, колумбийские военные, как ни удивительно, были восприимчивы к служению Гомесов и позволяли им проповедовать в своих рядах. Это, конечно же, было очень благоприятным для их служения военнослужащим, однако ещё больше обострило вражду со стороны повстанцев. Связь с военными как бы означала, что супруги поддерживают их, хотя на самом деле усилия христиан были направлены исключительно на спасение их душ, а не на поддержку их военных целей. Супруги понимали, что, если партизаны узнают об этом, угроза их жизни усилится.

Сара: Благовестница партизанам

Впрочем, и Сара, и её муж осознавали, что дело проповеди Евангелия стоило риска.

— С тех пор, как я полюбила Господа, — рассказала Сара, — Он дал мне смелость проповедовать бойцам вооружённых группировок, потому что я знаю, что они причиняют вред многим людям. Они принимают много плохих решений. Как много людей хотели бы выйти из этих групп так же, как я, и я рассказываю им о том, что может сделать их по-настоящему свободными.

Сара видела в подростках, которых приводила ко Христу, себя. *«Насколько другой была бы моя жизнь, — размышляла она, — если бы кто-нибудь рассказал мне об Иисусе, когда мне было четырнадцать лет!»*

Старшая дочь Сары Вероника также страстно стремилась удержать молодых людей от вступления в партизанские группировки. Будучи студенткой университета, она убеждала юношей и девушек ехать в город учиться. Вероника знала, что, если молодые люди будут учиться в вузе, у них появится больше шансов избежать неприятностей. Вероника призвала студентов, которые интересовались коммунистической идеологией марксизма, расширить свои взгляды с помощью университетского образования. Она также научила их техническим и деловым навыкам, например, как зарабатывать деньги выпечкой тортов, что могло помочь им зарабатывать на жизнь и держаться подальше от повстанцев.

Сара и Вероника были рады, что им удавалось отвратить молодёжь от соблазна вступить в ряды вооружённых подразделений, а вот вербовщики повстанцев были крайне недовольны. Их вначале тонкие угрозы в адрес Вероники быстро становились всё более жёсткими.

Когда однажды днём в 2019 году Антонио вернулся домой, то увидел перед своим домом грузовик. Когда он подошёл ближе, из машины вышли вооружённые люди и окружили его.

Пламенные сердца 2

Заметив их резиновые сапоги и то, что они путешествовали большой группой, Антонио сразу понял, что это партизаны.

— Вы отец Вероники Гомес? — спросил один из мужчин.

Антонио утвердительно кивнул.

— Ей нужно преподать урок, — сказал он, глядя на Антонио и сплёвывая на землю возле своего ботинка. — Возможно, мы её похитим.

Ноги Антонио подкосились, но он изо всех сил пытался удержать зрительный контакт с боевиком.

— А может быть, мы отрежем ей язык и убьём её.

Передав послание, повстанцы запрыгнули в грузовик, но, прежде чем отъехать, водитель повернулся к Антонио и напоследок пригрозил:

— Нечего вмешиваться в дела, которые вас не касаются.

Когда позже в тот же день Сара увидела Антонио, то сразу же поняла, что что-то не так. Супруг рассказал о встрече с партизанами, и Сара поняла, насколько серьёзными были угрозы в адрес их дочери. Им нужно было покинуть город — и немедленно.

Сара, Антонио и их младшие дети переехали в маленькую комнату — единственное место, которое они смогли найти в такой краткий срок. Район, наполненный наркобизнесом и преступностью, был настолько опасен, что дети даже не могли выйти на улицу. Каждый день там происходили грабежи и расстрелы. Со временем коллега по служению устроила семью жить на ферме своей сестры в сельской местности, но даже там вербовщики партизан действовали очень активно.

Через несколько месяцев вторая по старшинству дочь Сары и Антонио, Анита, призналась, что повстанцы пытались убедить её присоединиться к их движению. Анита никогда не была сильной личностью и боялась отказать вербовщикам, потому что они угрожали её убить. Она знала, что семья и так находится в отчаянном положении, у них закончились деньги

Сара: Благовестница партизанам

и им некуда идти. К тому же пандемия коронавируса только что парализовала страну, и люди были в панике.

Каждую ночь, лёжа в своей маленькой хижине на ферме, Сара и Антонио задавались вопросом, придут ли сегодня партизаны за их дочь. И каждый раз, когда они слышали шум мотора, то просили Господа, чтобы, если это последняя ночь их жизни, Бог подготовил их души к встрече с Ним.

После двух недель беспокойства и бессонницы родители перевезли детей в Кукуту. Они приехали ни с чем и провели несколько часов в поисках жилья, прежде чем нашли комнату, в которой жили до тех пор, пока христианский служитель не связался с ними и помог арендовать дом, подходящий для их семьи.

Гомесы привыкли начинать всё с нуля, и перемены не обескуражили их. Каждый раз они знали, что Бог с ними, и, находясь в каждом новом месте, верили, что Он даст им возможность проповедовать Евангелие.

Бог в этом с нами, — часто повторяла Сара, — и у Него есть для нас план!

Чтобы заработать на жизнь, Антонио переделывал старые шины в раскрашенные горшки и корзины и продавал их на обочине дороги; Сара готовила арепу, как делала это раньше. Однако этого скудного дохода никогда не хватало, даже чтобы прокормить семью. Супруги зывали о помощи к Господу.

И Бог ответил на молитвы Сары и Антонио, когда об нужде стало известно братьям и сёстрам по вере, которые предоставили им машину для большего производства арепы, достаточно мощную, чтобы обеспечивать нужды их семьи и служения.

Ежедневно в пять часов утра Сара и Антонио начинают готовить кукурузу, замоченную со вчерашнего вечера. Каждый

Пламенные сердца 2

из их четверых детей помогает в различных аспектах бизнеса: они перемалывают кукурузу, формируют небольшие лепёшки, упаковывают их и складывают в холодильник.

— Мы готовим арепы с любовью, — рассказала Сара. — И каждый разговор с покупателем — это возможность рассказать о Христе, сказать: «Иисус любит тебя и приготовил для тебя нечто особенное».

Около третьего часа их выпечка арепы на день заканчивается, и семья проводит совместное богослужение, прежде чем отправиться на служение благовестия. Они собирают людей в общественном парке, чтобы показать им короткую сценку об Иисусе, или посещают местную тюрьму, чтобы засвидетельствовать заключённым.

Молодёжь в стране Сары и Антонио очень восприимчива к вербовке в повстанческие группировки, однако супруги делают всё, что в их силах, чтобы указать им лучший путь — к Иисусу Христу.

Любить людей и делиться с ними Благой вестью — неотъемлемая часть характера Сары. Покинув АНО, женщина прошла обучение и теперь является дипломированной медсестрой. Несколько раз в неделю она работает в качестве волонтера медсестрой в лагере беженцев для венесуэльцев, бежавших от своего репрессивного правительства и ужасающих, спровоцированных им бедности и насилия. Многие женщины прибывают в лагерь беженцев беременными из-за сексуального насилия, которому они подверглись от контрабандистов при пересечении границы. Медицинский осмотр позволяет Саре поделиться Благой вестью с каждой из них.

Сара часто вспоминает свою прежнюю жизнь, когда она работала медиком в джунглях Колумбии; она помнит те трудные дни боёв, убийства и «промывание мозгов». Жизнь женщины отмечена как бременами, так и благословениями. Несмотря на то, что Сара не может стереть прошлое, она

Сара: Благовестница партизанам

убедилась на личном опыте, что Иисус Христос может изменить будущее любого человека.

— Было бы лучше, если бы я начала служить Иисусу, когда была совсем молодой, — сказала она. — Я раскаиваюсь в том, что не покаялась ещё в молодости.

Сара осознаёт, что каждый день, когда они с Антонио на мотоцикле доставляют арепу, их могут схватить повстанцы. Однако женщина не заикливается на этом, потому что ей предстоит ещё выполнять важную миссию. Бог призвал их с мужем проповедовать Его Слово и приводить окружающих к вере в Него. Более полноценной жизни себе Сара не может и представить.

— Если вы ничего не делаете для Бога, вы ничего не делаете, — сказала она. — Мы знаем, что Бог присутствует в нашей работе, и надеемся на победу во имя Его.

Из первых уст
Норин

Норин Брансон и её муж Эндрю служили Господу в Турции в течение более 20 лет, когда 7 октября 2016 года их вызвали в полицейский участок.

Мы с Эндрю пошли в полицейский участок, как мы думали, для получения долгосрочного вида на жительство. Мы распланировали остаток дня и уж точно не подозревали

о том, что не сможем вернуться домой. Когда в полиции нам сообщили, что нас депортируют, мы удивились. С одной стороны, мы не были шокированы: такое может запросто произойти с миссионерами. Однако мы знали, что Бог дал нам задание взрастить урожай в Турции и депортация не поспешествовала его выполнению. Наш труд по выполнению этого задания как раз был в самом разгаре. В течение дня стало ясно, что нам не просто приказали идти домой и собираться, чтобы покинуть страну — нас арестовали.

Тремя месяцами ранее в Турции произошла попытка государственного переворота. В стране было введено чрезвычайное положение, и все находились на повышенном уровне напряжения. Арестовывали десятки тысяч людей. Жизнь внезапно перевернулась с ног на голову.

В первые дни пребывания в центре заключения у меня в голове кружила мысль: «А может, в тюрьме начнётся жатва, и Бог хочет, чтобы мы сидели вместе с этими людьми». Я пыталась подготовиться к этому и смириться: «Господи, если это то, что Ты желаешь для нас, я должна подчиниться этому; хотя мне очень трудно».

Я боялась исчезнуть в тюремных застенках и никогда больше не увидеть своих детей. Я знала, что они, должно быть, напуганы. Мы с Эндрю также боялись, что нас разлучат. В этой ситуации, которая была настолько неподконтрольна мне, я сказала: «Господи, эта поездка застала нас врасплох, и мы не знаем, куда нас везут. Я ничего не могу сделать, чтобы связаться со своими детьми. Тебе придётся позаботиться о них».

Это определённо была борьба, которой никто не хочет даже представить себе. В конце концов, нас никто не заставлял сдаваться, но именно этого Господь хочет от нас. Когда мои эмоции кричали «Нет!», мне помогало, когда я говорила: «Я не хочу этого, мои эмоции этого не хотят, но Норин, которая во Христе, говорит: «Да!» всему тому, что Ты приготовил для

Пламенные сердца 2

меня, мой Господь». Та, кем я являюсь во Христе — это та, кто я на самом деле, поэтому я могу сказать: «Господи, я не хочу этого, но Норин, которая во Христе, говорит: «Да!».

Норин освободили после тринадцати дней заключения, а её муж провёл в тюрьме в Турции в общей сложности 735 дней.

Шемсе

В ожидании славного воссоединения

Измир, Турция

1994 год

Дверь автобуса открылась, и двадцатипятилетняя Шемсе увидела, как в автобус садится молодой человек. Она наблюдала за тем, как он расплачивается за проезд и проходит по переполненному салону. Даже не остановившись, мужчина прошёл мимо пустого места рядом с ней. Это не удивило Шемсе: она знала, что любая женщина является нежелательной соседкой для мужчины-мусульманина, а тем более та, чья голова не покрыта и чья одежда не соответствует религиозной традиции.

Однако несколько мгновений спустя молодой человек вернулся к Шемсе. Как оказалось, место рядом с ней было единственным свободным в автобусе. Он неохотно сел рядом.

Автобус шумно помчал по дороге. Через несколько минут мужчина заметил открытый карманный Новый Завет, лежащий на коленях у Шемсе. Он взглянул на листы бумаги в её руках и бегло пробежал взглядом конспект её рассказа о христианстве, который она подготовила ко встрече с группой христианской молодёжи, которая должна была состояться позже в тот же день. Христианские материалы Шемсе часто служили поводом для начала разговора во время поездок на

Пламенные сердца 2

автобусе, поэтому девушка всегда старалась, чтобы они были видны соседям.

— Вы — миссионерка? — поинтересовался мужчина.

Шемсе сразу поняла глубокий смысл, скрытый в его вопросе: вы враг, который пытается изменить религию и культуру моего народа? Прежде чем ответить, она помолчала мгновение.

— Если бы почтальон не доставил отправленное вам письмо о наследии вашего отца, как бы вы отнеслись к нему?

— Я бы возненавидел этого человека, — не колеблясь, ответил мужчина. — Он должен доставить мне письмо о наследии отца!

— Я — именно такой почтальон, — сказала Шемсе. — Я передаю исполненное любви послание вашего Небесного Отца и ваше наследие, ваше спасение. Всё это — в Библии, вот ваше письмо, — продолжала она, указывая на Новый Завет. — Вот почему я миссионерка — я доставляю вам письмо.

Мужчина выслушал её и несколько мгновений помолчал, прежде чем заговорить снова.

— А Иисус не самом деле умер, — спросил он, — или вместо него умер Иуда?

Уловив подтекст вопроса, Шемсе поняла, что этот человек собирается вызвать у неё недовольство и спровоцировать спор.

— Предатель не мог умереть за грехи людей, — спокойно парировала Шемсе. — Иисус пришёл умереть за твои грехи.

— Но как же можно верить в трёх богов?

— Мы верим не в трёх богов, — объяснила Шемсе. — Мы имеем одного Бога в трёх лицах: Отца, Сына и Святого Духа.

Затем разговор зашёл о матери Иисуса, Марии.

— Как у Бога может быть жена? — удивлялся мужчина.

Шемсе знала, что всё, чему этого человека научили о христианстве, было ложью.

Когда автобус подъехал к следующей остановке, Шемсе собрала вещи и, прежде чем направиться к выходу, протянула

Шемсе: В ожидании славного воссоединения

руку, чтобы попрощаться, однако мужчина отказался её пожать. Он не желал прикасаться к «неверной».

Шемсе написала на клочке бумаги своё имя и номер рабочего телефона.

— Вот, возьмите, — сказала она, протягивая ему его вместе со своим Новым Заветом. — Если у вас возникнут вопросы, позвоните.

Это был рискованный шаг со стороны Шемсе. Ведь она была не только женщиной, но ещё и христианкой. К тому же, если мужчина неправильно истолкует её действия, ошибочно полагая, что это неприличное предложение, она может оказаться в опасной ситуации.

«Господи, — молилась Шемсе, — если Ты не собираешься спасти этого человека, пожалуйста, не позволяй ему связаться со мной. Но если Ты хочешь спасти его, пускай он прочитает Твоё Слово и вернётся ко мне». Размышляя так, девушка смотрела вслед отъезжающего автобуса.

Шемсе зашагала до своей работы, туристического агентства, которое предлагало приезжим христианам туры по семи церквям, упомянутым в Книге Откровение. Турция имеет богатую христианскую историю, а город Константинополь (современный Стамбул) был когда-то центром раннего христианства.

Однако с тех пор ислам узурпировал христианство и стал доминирующей религией в этом регионе. Церковь императора Константина, Святая София, когда-то бывшая крупнейшей христианской церковью в мире, подверглась разрушению мусульманами и была превращена в мечеть. Хотя когда-то страна изобиловала христианами, небольшая церковь, которую посещала Шемсе, насчитывала всего десять членов.

Большинство турок черпали свои знания о «христианстве» из глубоко аморальных фильмов «христианской» Европы и Америки. И если эти страны настолько аморальны, предполагали турки, то и их религия должна быть такой же.

Пламенные сердца 2

В течение последующих двух недель Шемсе молилась за молодого человека, которого она встретила в автобусе. Но он всё не звонил, и вскоре девушка забыла о нём. Однако три месяца спустя зазвонил её рабочий телефон.

— Это Нежати, — прозвучал голос на другой стороне линии.

Шемсе молчала. Она потеряла дар речи.

— Это мужчина из автобуса, — продолжал объяснять он. — Я читаю вашу Библию, и у меня много вопросов. Я хочу принести вам Коран. Хотите встретиться, чтобы ответить на мои вопросы и сравнить, что написано в Библии и в Коране?

Шемсе задумалась о том, не была ли это ловушка. Её очень обрадовали слова звонившего, но в то же время и крайне насторожили.

— Хорошо, — согласилась девушка. — Давайте встретимся в кофейне на старом базаре.

В таком многолюдном месте этот мужчина наверняка не смог бы причинить ей никакого вреда. Кроме того, она была как минимум на пять лет старше его и чувствовала себя старшей сестрой.

— Только принесите Коран, — напомнила она.

Шемсе была средним ребёнком из девяти, родившихся в номинальной христианской семье, находившейся под сильным влиянием окружающей исламской культуры. Её отец, который работал строителем, проводил большую часть времени вдали от дома на турецко-сирийской границе и возвращался домой лишь раз в неделю. Находясь дома, он читал своей семье истории из Библии, восхваляя мужчин, о которых повествовало Писание, но унижая женщин.

Как среди многих представителей их культуры, взгляды отца влияли и на повседневную жизнь семьи. В то время как сыновей отправляли в школу, а затем в университет, к дочерям часто относились как к домашней прислуге. С девяти часов

Шемсе: В ожидании славного воссоединения

вечера до трёх часов ночи Шемсе стирала грязное бельё — колоссальную кучу, собранную у всех одиннадцати членов семьи. Её маленькие ручки болели, а кожа была натёрта до ран.

Шемсе часто чувствовала, как внутри неё вздымается буря. Как Бог мог создать меня и так не ценить? Она чувствовала, как её сердце постепенно ожесточается по отношению к отцу и к Богу. В религии своего отца Шемсе не находила ни мира, ни свободы и в конце концов восстала и против отца, и против своей культуры.

В подростковом возрасте Шемсе ненавидела мужчин, но всё же жаждала от них любви и одобрения — чувств, подобных её отношениям с отцом. Шемсе учили, что её жизнь была ценна только в той степени, в которой она нравилась мужчинам.

Жизнь в деревне Шемсе была опасной даже для номинальных христиан. Мужчины там носили оружие, чтобы защитить своих дочерей от похищения мусульманами для принудительного брака.

В школе Шемсе была одним из двух учеников-христиан. Одноклассники-мусульмане издевались над ней. Когда она входила в класс, они кричали:

— Приближается крестовый поход!

К двадцати годам Шемсе не знала цели собственной жизни и не ведала, каким путём ей идти. Каждое утро, когда девушка просыпалась, ей казалось, что она стоит на краю обрыва и готова прыгнуть вниз. Примерно в это время её сестра Джанет стала христианкой.

— Я нашла Иисуса, — сказала она отцу. — Теперь я настоящая христианка.

Отец вырвал у неё Библию и швырнул через всю комнату, разгневанный проявлением новой ревностной веры дочери. Тем не менее Джанет поделилась Евангелием с Шемсе. Две молодые девушки вдвоём посещали церковь и вскоре вместе переехали в город.

Шемсе: В ожидании славного воссоединения

Со временем Шемсе начали мучить негативные мысли и духовные нападки. Она смотрела фильмы ужасов, которые наполняли её разум ужасом. Однажды девушка пошла ночевать в дом подруги, где они стали задавать вопросы духовному миру. Страх становился всё сильнее, и Шемсе чувствовала, как он парализует её, отчего боялась оставаться одна. Когда она мыла волосы, шампунь пёк ей глаза, потому что она не закрывала их, боясь увидеть ужасающие образы. Ей казалось, что страх поглотил её целиком и она как будто теряет рассудок.

— Призови Иисуса, — советовала Шемсе Джанет.

Однако совет Джанет злил Шемсе. Поскольку девушка не могла видеть Иисуса, то думала, что Он не может помочь ей преодолеть страх. Она не понимала, что Бог есть Дух, и Он силён дать ей победу в этой духовной схватке.

Наконец, когда Шемсе была уже доведена до отчаянья и больше не могла выносить состояние, в котором оказалась, она последовала совету сестры. Однажды, в фотостудии, где она работала, нужно было пойти в тёмную комнату, чтобы обработать плёнку. Девушка до смерти боялась этой задачи. «Иисус, если Ты реален, — взмолилась она, — пожалуйста, защити меня и помоги мне».

В одно мгновение Шемсе почувствовала, как страх исчезает, и его место занимает ощущение истинного покоя. Она представила себя пятилетней девочкой, сидящей на любящих коленях своего Небесного Отца, и сразу же поняла, что стала другим человеком.

— Иисус помог мне! — сказала Шемсе сестре. — Я больше не боюсь и хочу читать Ему Библию.

Во Христе девушка обрела любовь и смысл жизни. У неё было такое чувство, будто она нашла живую воду в пустыне, и ей хотелось узнавать Его всё больше и больше, изучая Божье Слово. Наконец-то христианка почувствовала себя по-настоящему

Пламенные сердца 2

свободной и ценной. Даже родители увидели радикальные перемены в жизни дочери: мятежная, злая девушка преобразилась.

Шемсе пошла к отцу и попросила у него прощения.

— Папа, — сказала она, — мне жаль, что я не была для тебя хорошей дочерью. Я очень сожалею о своих грехах.

Когда Шемсе увидела любовь и прощение в его полных слёз глазах, она знала, что Бог растопил лёд в его сердце. Вскоре вера двух дочерей повлияла на других детей, и ещё больше братьев и сестёр решили доверить свои жизни Иисусу Христу.

В последующие годы у Шемсе появилось огромное желание смело проповедовать Евангелие. Она знала, как отчаянно люди нуждаются в Иисусе, даже ненавидя Его, потому что не знают Его.

Шемсе почувствовала, что Святой Дух дал ей духовный дар благовестия, и она не собиралась угащать его. Она не соглашалась с тем, что ей не следует проповедовать Евангелие мужчинам только потому, что она — женщина, или потому, что люди могли воспользоваться открытостью молодой христианки. Радость спасения фонтаном била из Шемсе, и она использовала любую возможность, чтобы поделиться ею с окружающими и засвидетельствовать им об Иисусе Христе.

Пять лет спустя, во время поездки на автобусе в Измир, решительность Шемсе поделиться Евангелием изменила её жизнь и жизнь молодого мусульманина.

Через несколько дней, после окончания рабочего дня, Шемсе отправилась на базар, где встретила Нежати. Молодые люди заказали кофе. На этот раз девушка взяла с собой Библию, в состав которой входят как Ветхий Завет, так и Новый Завет. Они сидели за маленьким столом, и Шемсе объясняла Нежати Библию, от самого начала Книги Бытие.

Шемсе: В ожидании славного воссоединения

Каждую неделю они встречались на базаре, чтобы поговорить о христианстве, о вере и об Иисусе Христе, Который является центром Божьего Слова.

Нежати происходил из строгой мусульманской семьи суннитского толка с радикальным прошлым. Его семья ожидала, что он станет религиозным лидером их общины, человеком, всецело преданным поклонению Аллаху и распространению ислама. Он преподавал в мечети и учил молодых людей серьёзно следовать исламу. Молодой человек оправдывал ожидания своих родителей и даже весьма превзошёл их.

Однако после встречи с Шемсе и знакомства с Библией Нежати начал видеть ислам таким, какой он есть на самом деле. Он понял, что в отличие от Библии Коран не открывает верный путь к спасению. Он увидел, что Библия рассказывает о том, как Бог любит людей, а не о том, как люди должны угождать Ему, чтобы заслужить Его благосклонность.

Примерно через шесть месяцев еженедельных встреч в кафе и посещения библейских занятий с пастором Шемсе у неё дома Нежати наконец понял Божью благодать. Он отбросил неподъёмное религиозное бремя ислама, которое он так долго нёс, и доверился Иисусу Христу.

— Теперь я верю в Иисуса, — сказал он однажды Шемсе, садясь за столик в кафе.

Шемсе видела перемены, которые Бог совершил в сердце Нежати. Они отражались даже на его лице. В течение полугода Бог превратил этого закоренелого мусульманина в последователя Своего Сына.

— Хорошо! — сказала Шемсе и, сделав паузу, продолжила: — Теперь вы знаете путь, знаете Иисуса и Его церковь... Думаю, я вам больше не нужна.

После встречи Нежати вернулся в свой дом. В последующие дни и недели его родители, братья и сёстры с тревогой наблюдали, как молодой человек, который когда-то привлекал

людей в ислам, теперь читал Библию; и, что ещё хуже, он рассказывал окружающим об Иисусе Христе. Он свидетельствовал об Иисусе и объяснял Его учение даже членам семьи.

— Иисус заповедал нам любить своих врагов, — говорил Нежати родителям.

Зная, что они вот-вот потеряют его, родственники разработали план. Старший брат приставил пистолет к голове молодого человека и потребовал, чтобы он перестал следовать за Христом.

— Мы не хотим убивать тебя, — сказал он. — Но если ты будешь продолжать, я просто прострелю тебе колено, чтобы ты не мог ходить в церковь и встречаться с христианами.

В ужасе Нежати побежал к единственному человеку, которому он мог довериться, — Шемсе.

Шемсе никогда не видела Нежати таким напуганным. Она знала, что он осознаёт цену следования за Христом и цену, которую он может заплатить за отказ от своей мусульманской веры и семьи.

Позже в тот день Нежати вернулся домой. Он любил свою семью, однако иметь в своей жизни и семью, и Иисуса казалось совершенно невозможным. Шемсе наблюдала за борьбой, которая разворачивалась в его сердце. Как говорят в Турции, молодой человек словно пытался удержать в одной руке два арбуза — один из них непременно должен упасть.

Нежати решил скрывать свою веру, поступив на обязательную военную службу в турецкую армию. Но прежде, чем отправиться на службу, он договорился о последней встрече с Шемсе.

— Ты выйдешь за меня? — спросил он девушку.

Шемсе начала влюбляться в Нежати с того момента, как он стал христианином. Однако ей нужен был муж, преданный своей вере, сильный в Господе.

— Я хочу видеть, что ты твёрд в вере, — ответила она. — Иди в армию и покажи мне, что ты настроен серьёзно.

Шемсе: В ожидании славного воссоединения

Нежати уехал на Кипр. Восемнадцать месяцев он служил стране. Решение пойти в армию позволило ему скрыть свою христианскую веру от семьи и избежать изгнания. Шемсе и Нежати часто переписывались. Девушка призвала его сосредоточиться на своей вере и продолжать расти в хождении со Христом. Вскоре после этого Шемсе нашла для Нежати на Кипре церковь, пастор которой стал его духовным наставником.

К тому времени, когда Нежати вернулся в Турцию, он стал человеком твёрдой веры и был готов жениться на Шемсе.

Впрочем, сёстры Шемсе не были столь уверенны.

— Он новообращённый, — напоминали они. — Он не сможет справиться с тобой. Он не может справиться даже со своей семьёй.

Но Шемсе знала, что она любит Нежати.

Семья молодого человека также была против его брака. Когда он сообщил о своём намерении жениться на Шемсе, они пришли в ярость и позвонили девушке.

— Нежати говорит, что хочет жениться на тебе, — сказали они, — но только если ты примешь ислам. Лишь став мусульманкой, ты сможешь выйти за него замуж.

— Я люблю мужчину-христианина, — ответила Шемсе. — Если Нежати не христианин, то я не знаю его, и он меня тоже больше не должен знать!

В течение пятнадцати дней Шемсе ничего не слышала от Нежати. Никаких звонков, писем и встреч. Она помолилась за него и отдала его в руки Бога: «Неважно, насколько сильно я его люблю. Если у него нет веры, я не выйду за него замуж. Если он на самом деле отказывается от Иисуса, то я отказываюсь от него».

Бог ответил на молитвы Шемсе, и Нежати принял решение предпочесть веру во Христа своей семье.

— Я не могу жить без Иисуса, — сказал он.

Пламенные сердца 2

Семья Нежати прокляла его и отсеклась от него. Его выгнали из дома.

— Лучше бы ты умер, — плевали они ему в лицо. — Ты опозорил нашу семью! Нам лучше было бы убить тебя, но это только навредит нам. У тебя больше нет семьи. Ты для нас мёртв!

7 мая 1998 года в маленькой церквушке в присутствии дюжины друзей Нежати и Шемсе стали мужем и женой, заключив свой союз перед Богом. Пока молодожёны искали работу, они жили на подаренные на свадьбе деньги. Разослав более сорока запросов, супруг, наконец, получил постоянную работу на кондитерской фабрике.

Теперь Нежати стал пылким евангелистом. Он смело свидетельствовал о своей христианской вере по всему Измиру — городу, который ранняя церковь называла Смирной. Сам Иисус обращался к христианам, жившим в Смирне, с ободряющим посланием: «Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть. Вот, диавол будет ввергать из среды вас в темницу, чтобы искусить вас, и будете иметь скорбь дней десять. Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» (Книга Откровение 2:10).

Когда Нежати смело делился своей верой, мусульмане плевали ему в лицо и твердили одно: какой позор, что он оставил ислам. Но это не останавливало его. Вместе с супругой он приводил людей ко Христу, а потом обучал и наставлял их у них дома.

Нежати даже сыграл роль Иисуса в пасхальном спектакле, показ которого прошёл в нескольких турецких городах. Они также записали театральный спектакль и начали распространять фильм «Жизнь Иисуса» по всей стране. Свидетельство Нежати вызывало гнев многих жителей Измира.

Через два года после свадьбы, когда Шемсе была на шестом месяце беременности их первым ребёнком, супруг был арестован сотрудниками полиции, когда проповедовал Евангелие в

Шемсе: В ожидании славного воссоединения

деревне недалеко от Измира. Позже они узнали, что жителей деревни принуждали давать фальшивые показания о Нежати, утверждая, что он якобы проклял ислам и пророка Мухаммеда, а это преступление карается смертью.

Целый месяц Нежати просидел в тюрьме. Семья Шемсе переехала в Европу, оставив её одну. Впрочем, главным её беспокойством в те мучительные недели была вера мужа.

— Я не хочу, чтобы моя беременность сделала его уязвимым, и он ослаб в вере.

Шемсе поддерживала Нежати, писала мужу письма, побуждая его брать пример с Иосифа из Библии и рассматривать его несправедливое заключение как источник силы и утешения. Как и Иосиф, Нежати также испытал силу Бога.

Находясь в заключении, Нежати опасался за свою жизнь. По телевизору в тюрьме передавали ложную информацию, которая привела к аресту Нежати. Он задавался вопросом, когда начнутся избиения. Но внутри тюремных стен происходило то, о чём христианин даже не догадывался. Сокамерники каждый день видели любовь и сострадание на его лице и понимали, что в этом человеке есть что-то особенное.

Однажды Нежати окружила группа заключённых. «Вот теперь, — подумал он, готовясь к нападению, — меня побьют». Однако вместо этого его забросали вопросами.

— Расскажи нам, — расспрашивали они, — почему ты оставил ислам?

И Нежати, сидя в окружении воров и убийц в турецкой тюрьме, стал рассказывать им о том, как он посвятил свою жизнь Христу.

— Бог любит вас, — сказал он им. — Христос предлагает каждому из вас прощение.

Он был удивлён тем, что никто его не бил, не проклинал и не притеснял. Заключённые никогда не видели той любви и прощения, которые демонстрировал этот человек. Когда Нежати попросил Шемсе принести в тюрьму христианские

печатные материалы, она тайно пронесла евангелизационные брошюры, чтобы супруг мог дать их сокамерникам.

Когда пришло время суда над Нежати, прокурор предложил ему сделку.

— Откажись от Христа, — сказал он, — и с тебя снимут все обвинения.

— Моя свобода — в Иисусе, мой адвокат — Иисус. Мне не нужна ваша свобода и ваша помощь, — без колебаний ответил Нежати.

Чудесным образом, когда жителям деревни пришло время свидетельствовать против обвиняемого, Бог коснулся их сердец, и они отказались от своих клеветнических показаний. Один за другим свидетели признавались в даче ложных показаний под принуждением. Нежати освободили из тюрьмы, и они с Шемсе отпраздновали Божью победу.

Арест Нежати, впрочем, заставил супругов усомниться в будущем своей христианской деятельности на постоянной основе. Нежати имел возможность продолжать работать на фабрике, и супруги задавались вопросом, на самом ли деле Бог призывает их перейти на миссионерское служение «на полную ставку». Мужчина чувствовал, что Бог призвал его, помазал и дал ему дерзновение проповедовать о Его любви мусульманам.

Хотя Нежати всё ещё испытывал боль отвержения со стороны родственников, он не прекращал молиться за них. Он даже написал и отправил им письмо. «Никто не заставлял меня верить во Христа и служить Ему, — было написано в нём. — Сам Иисус сделал это, соединив мои вены с Его духовным образом. Он — во мне, и во мне Его Дух... Вот почему я служу Ему и люблю Его. — Нежати хотел, чтобы его родные осознали, что

Шемсе: В ожидании славного воссоединения

его вера исходит от Бога, а не возникла из-за любви к девушке или из-за денег. — Я молюсь за вас, люблю вас и жду, когда вы откажетесь от ненависти и обратитесь к нам».

Вместе с двоими детьми, которым на то время было меньше двух лет, супруги приняли решение переехать в город Малатья на востоке Турции, где Нежати собирался работать в христианском издательстве. Друзья семьи, супруги Айдын, считали, что те сошли с ума, собираясь покинуть Измир.

— Как вы можете ехать в этот город? — недоверчиво косились они на них. — Это же так опасно! Мусульмане там такие консервативные! Вам будет там одиноко.

Однако Нежати и Шемсе твёрдо знали, что Бог призывает их именно в Малатью, и Его призвания и присутствия будет достаточно. Сквозь слёзы Нежати прощался с местностью, где он вырос, и оплакивал семью, которая отреклась от него.

— Мы до самой смерти будем следовать за Тобой, Господи, — молились супруги. — Мы не отступим и не замедлим свои усилия.

Но угроза их жизням никогда не покидала их мыслей, особенно Нежати:

— Я знаю, что у меня у горла нож, потому что я покинул ислам.

Малатья, Турция

18 АПРЕЛЯ 2007 ГОДА

Каждое утро перед уходом на работу Нежати проводил время с семьёй: завтракал, пил кофе, вместе с ними молился и читал Библию.

Нежати открыл Библию на 1 Книге Царств 17 и начал читать о Давиде и Голиафе. Шестилетняя Эстер и семилетний

Елисей с восторгом слушали о том, как Бог помог мальчику-пастуху Давиду победить гигантского воина-филистимлянина Голиафа при помощи всего лишь пращи и нескольких камней. Дети всё ещё были в хорошем настроении после вчерашнего вечера, проведённого с отцом в состязании, кто съест больше шоколада, который он привёз им из своей недавней поездки в Германию.

После чтения Библии Нежати вместе с семьёй помолились. Они просили у Бога мужества и силы, даже под угрозой смерти, чтобы продолжать делиться Божьей любовью с народом Малатьи. Шемсе очень соскучилась по мужу, пока он находился в десятидневной поездке, и была благодарна, что он снова дома.

В восемь часов Нежати оделся, чтобы идти на работу. У него была назначена встреча с двумя мужчинами-мусульманами, которых он наставлял. Эмре Гюнайдин и Абузер Йылдирим жили в соседнем здании, где находилось общежитие религиозной общины. Однажды они пришли в его издательство, чтобы познакомиться.

— Мы живём здесь рядом, в общежитии, — сказали они Нежати, указывая в сторону своего жилья, — и ни во что не верим, но нам хотелось бы узнать о вашей вере. Мы хотим знать о Евангелии и об Иисусе Христе.

Нежати сомневался в их искренности, однако всё же пригласил их в свой кабинет и воспользовался возможностью засвидетельствовать о Христе. Он ответил на их вопросы и даже согласился встречаться для бесед регулярно.

Шемсе не была знакома с этими мужчинами, но их поведение вызывало у неё глубокие подозрения. Женщина часто размышляла о письмах с угрозами, которые недавно получил её муж. Нежати обычно держал эти письма при себе, желая защитить семью от беспокойств, впрочем, Шемсе было известно об их существовании.

Шемсе: В ожидании славного воссоединения

Однажды, когда Шемсе была в офисе мужа, в комнату вошёл человек, которого она не узнала.

— Ш-ш-ш! — Нежати приложил палец ко рту, предупреждая жену о нежелательности того, чтобы незнакомец услышал их разговор.

«Этот человек, должно быть, опасен», — подумала Шемсе.

— Я знаю их сердца, — объяснил муж жене дома. — Они подобны Иуде. Но я хочу дать им такую же возможность познать Спасителя, которую Бог дал мне. Иисус не бежал от Своего Иуды, и я тоже не собираюсь.

Шемсе восхищалась мужеством, бесстрашностью мужа, а также его преданностью Христу, но не доверяла этим людям.

— Не встречайся с ними наедине в офисе, — просила она.

Собравшись на работу, Нежати надел туфли и направился к двери. Шемсе хотела пойти с мужем, но он остановил её.

— Нет, — покачал он головой, — не сегодня.

Нежати вышел из двери квартиры и нажал кнопку вызова лифта. Шемсе наблюдала за ним, размышляя о том, как её муж не любит лифты и как он задыхается в замкнутом пространстве. Прежде чем войти внутрь, Нежати обернулся на мгновение и улыбнулся жене.

Несколько часов спустя

В полдень вслед за своими двумя детьми Шемсе вошла в покрытое сайдингом здание и вызвала лифт, чтобы подняться на пятый этаж. Она отпёрла дверь квартиры, и Элиша с Эстер живо бросились внутрь, спеша переодеться из школьной формы в домашнюю одежду.

Зазвонил телефон.

Шемсе пошла в гостиную и сняла трубку.

Пламенные сердца 2

— В офисе твоего мужа произошло нападение, — без лишних вступлений сообщил Эркан, друг и коллега Нежати по служению из Измира.

— В вашем офисе в Измире? — переспросила Шемсе, как бы не слыша собеседника.

Эркан работал в офисе в Измире, где раньше трудились и супруги Айдын.

— Нет, Шемсе, в Малатье, — повторил коллега мужа. — В офисе Нежати в Малатье.

Эркан узнал о нападении по телевидению, когда об этом начали сообщать в новостях.

Шемсе повесила трубку и сразу же позвонила в офис мужа в издательстве «Зирве» — небольшое христианское издательство, которое распространяло Библии, книги и брошюры о Христе по всему региону. Шемсе забеспокоилась. Она знала, что у мужа есть враги, которым не нравилась его работа.

Вызов шёл, однако никто на отвечал на звонок. Поэтому Шемсе позвонила коллеге и соотечественнику Нежати, Угуру Юкселю, который, как и он, обратился в христианство из ислама. Они вместе работали в издательстве.

Никто не ответил.

Наконец она набрала номер Тильмана Геске, сорокашестилетнего христианина из Германии, который также работал в издательстве.

Дети Шемсе были рядом, занятые своей игрой. Женщина включила телевизор и увидела репортаж о местных новостях. В Малатье произошло нападение, и полиция расследует преступление. Шемсе прибавила громкости и стала смотреть, как бригада скорой помощи выносит носилки из офисного здания, где работал её муж.

На носилках лежал не застёгнутый до конца чёрный чехол с трупом, из которого торчали ноги.

Шемсе: В ожидании славного воссоединения

Шемсе в недоумении смотрела на экран телевизора, а по её телу распространялась волна онемения.

Это были туфли её мужа...

В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ

Нежати поехал в издательство и провёл утро, как обычно, занимаясь делами. В одиннадцать часов пришли Эмре и Абузер, двое молодых людей, которых он обучал. Нежати пригласил их в офис и угостил чаем. Все трое сидели в маленькой гостиной и говорили о Христе. Нежати держал дверь широко открытой, помня совет Шемсе не оставаться наедине с этими людьми. Поскольку Тильман и Угур работали в соседних кабинетах, он чувствовал себя в безопасности.

Ближе к концу встречи Эмре попросил.

— Мы бы хотели, чтобы ты познакомился с нашими друзьями. Они ждут снаружи, в машине. Ты смог бы их также обучать?

— Хорошо, — согласился Нежати, не желая потерять ещё одну возможность благовествовать.

В лице каждого из этих молодых мусульман христианин видел себя. Что, если бы Шемсе не нашла времени встретиться с ним? Где бы он сейчас был?

— Сейчас у меня нет времени, но позже мы сможем встретиться, и я буду обучать вас всех вместе.

При этих словах Эмре вытащил сотовый телефон и направился к двери офиса. Он сделал короткий звонок, и через несколько секунд, вне поля зрения Нежати, из машины к издательству бросились трое мужчин — Хамит Чекер, Джума Оздемир и Салих Гюрлер. Они взлетели по лестнице на пятый этаж и ворвались в офис, захлопнув за собой дверь.

Пламенные сердца 2

Мужчины схватили Нежати, затолкали его в кабинет и прижали к стене. Его били по голове, пока он, из-за головокружения и потери крови не упал на пол. Один из мужчин вытащил из рюкзака два ножа, бельевые верёвки, пистолеты и пластиковые перчатки. Сначала Нежати избивали ногами, лежащего на полу, а затем привязали к стулу. Пятеро молодых мусульман организовали нападение и намеревались убить его за то, что он был христианином.

Услышав шум, доносившийся из кабинета Нежати, Тильман и Угур поспешили туда. Пятеро нападающих набросились на них и избивали руками и ногами, пока те тоже не оказались на полу. Двое связали Тильману руки и ноги и привязали его к стулу рядом с Нежати, а двое же других сделали то же самое с Угуром.

Почти час мусульмане пытали троих христиан. Запугивая ножами и огнестрельным оружием, от них требовали отречься от Христа и отвергнуть свои христианские убеждения. В течение долгих шестидесяти минут Нежати и его братья по вере отказывались сделать это.

Тильман взывал к Иисусу, видя, как один из мужчин убивает Нежати. Убедившись, что тот мёртв, нападавшие переключили внимание на сидевшего перед ними немецкого миссионера. Они бросили Тильмана на пол и несколько раз ударили ножом, а затем перерезали ему горло и стали смотреть, как он умирает.

Угур в ужасе смотрел на происходящее со стула, к которому был привязан. Оба его коллеги неподвижно лежали на полу, а ковёр под их безжизненными телами пропитывали лужи крови. Ни один из них не отрёкся от Христа.

— Где вы храните деньги! — кричали нападающие Угуру.

Угур не понимал, о чём речь. Ему ничего не было известно о том, что организаторы резни — группа, состоявшая примерно из двадцати человек, в которую входили полицейские, профессора университетов и религиозные лидеры — подстрекали

этих пятерых совершить нападение и завладеть деньгами христиан. «Если будет нужно, можете убить их», — говорили они.

— Где вы храните деньги? — они требовали ответа, схватив Угура за руку и начав ножами резать ему пальцы.

Пока Угур страдал в офисе, в издательство приехали супруги-миссионеры из церкви Нежати — Гёкхан и его жена Озге. Не подозревая о происходящем внутри, они подошли к офису и обнаружили, что дверь заперта. Это было необычно. Они пытались связаться сначала с Нежати, затем с Тильманом по телефону, однако никто не ответил.

Внезапно зазвонил телефон Угура. Один из нападавших передал его владельцу и заставил ответить.

— Скажи, что ты в отеле «Золотой абрикос», — требовал убийца. Гостиница находилась в пятнадцати минутах ходьбы от издательства.

Угур сделал, как ему велели.

— Ты можешь встретиться с нами там? — спросил он Гёкхана.

Гёкхану и Озге всё это показалось крайне подозрительным. Десять дней назад их церковь праздновала в этом отеле Пасху, но зачем Угуру было встречаться там с ними сейчас?

Не зная, что ещё делать, супруги согласились и спустилась по лестнице издательства. Голос Угура звучал обеспокоенно, казалось, он был в беде.

Придя в отель и увидев, что там нет их друзей, Гёкхан последовал своему инстинкту и вызвал полицию.

Полиция прибыла в офис издательства «Зирве» уже через несколько минут. Когда убийцы услышали стук в дверь, они запаниковали. Один из них схватил нож и стал наносить Угуру многочисленные ранения, а потом одним решительным движением перерезал ему горло.

В этот момент сотрудники полиции выбили дверь и ворвалась в офис. Они арестовали четверых из пяти убийц. Все они были в возрасте от восемнадцати до двадцати двух лет.

Пламенные сердца 2

Лидеру нападающих, Эмре, удалось бежать через окно. В попытке спуститься вниз, он перелез через ограждение балкона и упал с пятого этажа. Эмре провёл несколько недель в больнице с черепно-мозговой травмой, прежде чем сотрудники полиции смогли допросить его.

Ещё живого Угура доставили в отделение неотложной помощи. После переливания ему более пятидесяти единиц крови, он умер в 6:30 той же ночью.

Глаза Шемсе всё ещё были прикованы к экрану телевизора. При виде обездвиженных ног мужа, свисающих из чехла на носилках, женщина ахнула. Спустя несколько мгновений из здания офиса появились вторые носилки. На них был Угур, коллега Нежати. Шемсе видела, как из раны на его шее текла кровь.

С ужасом Шемсе осознала, что нападавшие перерезали им глотки. Она издала пронзительный крик отчаянья и упала на колени. На крик в комнату прибежала дочь.

— Мама, — испуганно спросила Эстер, — почему ты плачешь?!

— Всё в порядке, — постаралась успокоить её Шемсе, изо всех сил пытаясь улыбнуться. — По телевизору показывали плохие новости, но расскажу тебе об этом чуть позже. — Шемсе глубоко вздохнула и попыталась вернуть спокойствие своему голосу. — Иди поиграй с Элишей в другой комнате.

Несколько часов Шемсе провела в томительном ожидании известий о состоянии мужа. Ей отчаянно хотелось знать, что произошло, однако она понимала, что не может взять своих маленьких детей с собой в офис Нежати. Там она ни за что не сможет держать себя в руках в их присутствии. Пока женщина ждала, её охватило странное ощущение — ощущение покоя и силы. «Это шок так влияет на меня?»

Шемсе: В ожидании славного воссоединения

Нет, потрясение не может дать покоя и придать сил. Шемсе чувствовала, как Бог обнял её Своей рукой. Ей казалось, будто она находится в защитном пузыре. Женщина ощущала Его руку на своём сердце, а отчаяние и печаль и вовсе исчезли.

С этого момента Шемсе перестала испытывать ненависть к убийцам мужа. Она не рыдала, не кричала и не чувствовала себя потерянной. Наоборот, она чувствовала, что Нежати жив, просто теперь он не на земле.

Шемсе любила Нежати больше, чем себя, и теперь она отдала своего мужа Иисусу. Она знала, что он теперь живёт на небесах с Ним.

Когда в Малатье распространилась новость о нападении на издательство, в квартиру Айдынов потянулась череда друзей-христиан. В течение дня и ближе к вечеру более 500 человек пришли оказать поддержку Шемсе.

Несколько часов жена не знала наверняка, жив её муж или мёртв. Полиция не сообщила никаких новостей, и никто из коллег-христиан также ничего не знал. Женщине оставалось лишь ждать и молиться.

Когда наконец пришёл свежий выпуск газеты, в доме Шемсе воцарилась тишина. Она глазами пробежала статью, а родные и друзья наблюдали за ней в молчании. Напечатанные слова подтвердили самые ужасающие подозрения Шемсе: Нежати убит. Тильман тоже убит. А Угур, который был ещё жив, когда Шемсе видела, как его выносили из здания, скончался в больнице от потери крови. Только тогда Шемсе решилась поделиться разрушительной новостью о смерти отца с детьми.

Вскоре Шемсе уже сама утешала христиан, пришедших утешить её.

Пламенные сердца 2

— Почему Бог не защитил их? — задавались вопросом посетители. — Почему они сами не защитились? Почему у них не было оружия или хотя бы камер наблюдения?

В первые минуты после смерти Нежати Шемсе знала, что для неё самым важным было отстоять их с мужем веру.

Менее чем через двадцать четыре часа после нападения жена Тильмана, Сюзанна Геске, дала поразжающее интервью об убийцах своего мужа. Её слова быстро облетели первые полосы самых известных газет страны. Вместо того, чтобы призывать к мести, как могли ожидать читатели, она шокировала Турцию заявлением совершенно иного рода:

— Боже, прости им, — сказала Сюзанна, — ибо они не знают, что творят. Я прощаю тех, кто это сделал.

Когда репортёры пришли в дом Шемсе, она вторила словам своей сестры во Христе:

— Я прощаю их, потому что Иисус простил меня. Я не желаю мести. Прощение — это не слабость, а сила Божья. Это — дар свыше. И это прощение — не от меня. Это Иисус во мне прощает убийц.

На следующий день после трагедии приехала сестра Шемсе Джанет. Вместе женщины отправились в морг. Шемсе вошла в холодную комнату и увидела на металлическом столе тело Нежати. Оно напоминало кокон бабочки. Она прикоснулась к его ногам и лицу. Было видно, в каких муках он умер.

Но даже после смерти на его лице был мир. «Это в морге ему сделали такое лицо? — подумала Шемсе. — Они хотели скрыть его страдания?»

Семсе знала верующего, умершего от сердечного приступа. На похоронах она видела, как гримаса на его лице отражала боль, которую он испытывал в момент смерти.

Но Нежати умер спокойно.

В этот миг Бог напомнил Шемсе о том, что не нужно бояться людей, которые могут убить тело, потому что не могут

Шемсе: В ожидании славного воссоединения

коснуться души. Смерть не коснулась души Нежати, не коснётся и её собственной.

Каждый раз, когда звонили в дверь квартиры Шемсе, дети бежали в надежде увидеть отца.

— Папочка! — кричали они.

Каждое разочарование приносило горе, а Шемсе пыталась утешить малышей, которые увядали, как цветы без воды.

— Ваш отец ушёл в свой настоящий дом, на небеса, — напоминала им Шемсе. — Его больше нет на земле. Он жив, и теперь он на небесах.

Впрочем, детям было трудно принять смерть отца. Поняв, что он не возвращается домой, они решили, что их отец, возможно, на работе.

— Мама, как ты думаешь, папа сейчас в своём кабинете? — спрашивала Эстер. — А он когда-нибудь собирается вернуться?

— Он уже у себя дома со Христом, — напоминала Шемсе дочери.

Через неделю после убийства сотрудники полиции передали Шемсе ключ от офиса Нежати. Медленно повернув ключ в дверном замке, она вошла внутрь и осторожно прикрыла за собой дверь. Глаза женщины внимательно оглядывали пространство в поисках чего-либо, что могло бы дать ей хоть какую-то подсказку относительно того, как прошли последние мгновения жизни её мужа на земле.

На столе стояла пустая чашка, из которой Нежати пил за несколько минут до смерти. Техники вытерли кровь мужчин с пола, однако ею была забрызгана занавеска. В углу комнаты Шемсе увидела швабру, низ которой был очищен, но на рукоятке всё ещё виднелись пятна засохшей крови.

Несмотря на то, что власти пытались скрыть преступление, произошедшее в этой комнате, Шемсе увидела вокруг себя тревожные признаки насилия. Впрочем, даже в тот миг женщина ощущала покой.

Вскоре после смерти Нежати Шемсе поехала в Измир на его похороны. Незадолго до похорон в дом, где женщина остановилась, пришёл брат мужа. Она обняла деверя, но он остался стоять, как вкопанный.

— Я приехал забрать тело Неджати, — заявил он. — Без твоего разрешения мне его не отдадут.

— Зачем тебе его тело?! — застыла в шоке Шемсе.

— Чтобы похоронить его в соответствии с мусульманскими обычаями.

— Почему я должна отдавать его тебе?

— Потому что в моих жилах течёт его кровь.

— Но он христианин, — не сдавалась Шемсе. — Его убил мусульманин, а вы хотите похоронить его как мусульманина. Я не могу позволить этого. Я не отдам тебе тело мужа.

Шемсе отметила про себя, что похороны Нежати больше походили на свадебное торжество. Более 300 христиан собрались, чтобы отметить переход её мужа с земли на небеса.

В церкви семилетний Элиша шагал рядом с матерью по проходу вперёд. Шемсе видела, что он хочет что-то сказать, однако не была уверена, что именно. Когда мальчик открыл рот, женщина была поражена словами, которые вышли из его уст. Казалось, что через сына говорил Сам Бог.

— Мой папа, дядя Тильман и Угур — друзья Бога. Они умерли за Иисуса, — тихо произнёс мальчик. — Поскольку Иисус умер за нас, мы тоже должны умереть за Него.

Когда они заняли свои места и начали петь, Эстер не понимала поведения матери.

— Мама, почему ты поклоняешься? — спросила девочка. — Ты что, рада, что папа умер?

Шемсе наклонилась и посмотрела в глаза дочери.

Шемсе: В ожидании славного воссоединения

— Нет, Эстер, — уверенно ответила она. — Мы празднуем вхождение твоего отца на небеса. Ангелы там празднуют ещё больше, чем мы здесь. Он жив, его просто больше нет на этой земле. Как будто бы он просто что сменил место проживания.

Позже Шемсе узнала, что свидетелем её короткого разговора с дочерью стал сидевший неподалёку репортёр.

— У христиан есть надежда после смерти, — в тот вечер сказал он во время репортажа. — Вот почему на похоронах они не горюют.

Шемсе с удивлением смотрела репортаж, а ведущий продолжал:

— Эти вдовы, простив убийц своих мужей, достигли большего, чем миссионеры смогли сделать за две тысячи лет.

А в дни, последовавшие после убийства Нежати, Угура и Тильмана, христиане Малатьи испытывали ужас. Даже церковь Шемсе, которая существенно выросла за годы, прошедшие с тех пор, как они с Нежати приехали в город, сократилась вдвое. *Кого убьют следующего?*

Однако вера Шемсе защищала её от стрел врага.

— Страдать вместе с Ним и за Его имя действительно того стоит, — повторяла женщина. — Я не потеряла всё. Наоборот: приобрела.

Друзья, невеста Угура и жена Тильмана также утешали Семсе.

— Я рада, что мой муж умер вместе с твоим, — сказала ей как-то вдова Тильмана, Сюзанна. — Иначе все улики бы просто уничтожили и не было бы никакого расследования.

В глазах правительства жизнь турецкого христианина не имеет никакой ценности. Но поскольку был убит гражданин Германии, международное внимание к этому

преступлению было слишком большим, чтобы правительство могло скрыть его.

По мере приближения дня суда Шемсе спросили, считает ли она, что убийцы её мужа должны понести наказание смертью.

— Нет, — ответила женщина. — У меня ум Христов, а Он сказал бы «нет». Впрочем, судьи и правительство пусть решают, следует ли приговорить их к пожизненному заключению.

Шемсе, невеста Угура и Сюзанна присутствовали на нескольких первых заседаниях суда, сохраняя надежду на то, что справедливость восторжествует.

— Я убиваю за ислам, — твердил каждый из обвиняемых. — Мы убиваем за ислам! Мы гордимся тем, что совершили, и при необходимости готовы поступить так же снова.

Шемсе молча смотрела на убийц, слушая, как они один за другим отстаивают свою позицию. Во время перерыва в туалете Шемсе и Сюзанна оказались лицом к лицу с матерями убийц.

— Вы разрушили жизни наших детей! — обвинила женщин одна из них.

Шемсе не отвечала.

Когда Шемсе вернулась в зал суда, один из подозреваемых попытался ввести суд в заблуждение, рассказывая о своей причастности к убийству таким образом, будто он действовал гуманно, и даже подложил полотенце под окровавленную голову Нежати в то время, когда его пытали, а затем убили. Шемсе не могла больше молчать. В глазах зала суда мужчина выглядел как ягнёнок, однако вдова знала, что внутри он волк, как это подозревал и Нежати.

— Ты пришёл, чтобы убить, — воскликнула Шемсе из зала, — а теперь пытаешься убедить всех в своей доброте? Это неправда.

В наказание за нарушение порядка женщину удалили из зала суда.

Шемсе очень беспокоилась о сыне и дочери. В теленовостях выдвинули предположение, что их могут похитить. Мать также знала, что, если что-нибудь случится с ней, детей отправят жить к родным Нежати.

Каждый день Шемсе приводила детей в школу и забирала домой под охраной полиции. Она также боялась, что её могут убить с целью предоставить родственникам-мусульманам возможность забрать Элишу и Эстер и воспитать их в традициях ислама. Чтобы защитить детей на случай, если с ней всё же что-нибудь случится, Шемсе попыталась написать завещание, назначив опекуном детей свою сестру Джанет. Однако в Турции такое завещание не имеет никакой юридической силы. Если Шемсе умрёт, суд в любом случае отдаст детей семье её мужа.

— Если правительство передаст детей нам, — твердили в интервью новостным каналам родственники Нежати, — мы будем рады воспитать их мусульманами.

Шемсе смотрела телетрансляцию интервью, взятого у сестры Нежати в здании суда.

— Я не верю, что моего брата убили мусульмане, — заявила она. — Я уверена, что его убил миссионер. Это Шемсе сделала его жертвой христианства. Иначе почему не убили братьев Шемсе? Почему умер мой брат, а не Шемсе?

Шемсе смотрела телевизор, слушала, как её имя транслируется по всей Турции, наблюдала за тем, как её бывшая золовка слепо защищает свою религию. Христианка знала, что теперь она стала известной мишенью и, чтобы защитить детей, ей придётся бежать из страны.

В конце концов женщине удалось обеспечить убежище для своей семьи в Соединённых Штатах. Она не умела ни говорить по-английски, ни водить машину, однако она хорошо помнила один из разговоров с Нежати.

Пламенные сердца 2

— Я не смогу жить без тебя, — сказала она мужу незадолго до того, как он был убит.

— Сможешь и будешь, — ответил он. — Ты сможешь жить с Иисусом.

В 2014 году, через семь лет после пыток и убийства Нежати, так и не получив приговора за свои преступления, убийцы были временно освобождены при условии, что они будут носить электронные браслеты для мониторинга их местонахождения. Турецкий суд установил, что продолжительность их содержания под стражей превысила недавно принятый максимальный срок. Судебное разбирательство в конечном итоге продолжилось, но на тот момент убийцы оказались на свободе.

Когда Шемсе услышала эту новость, для неё естественно было почувствовать разочарование и гнев, однако Святой Дух не позволил ей. Он помог ей увидеть ситуацию с точки зрения вечности, и вскоре Шемсе смирилась с этой земной несправедливостью. «Неважно, сидят ли убийцы Нежати в тюрьме или нет, — размышляла женщина. — Единственное, что имеет значение, — придут ли они ко Христу. Месть придёт через милосердие, а не по справедливости».

Шемсе молилась, чтобы Бог излил Свой Святой Дух на этих молодых мусульман, чтобы они стали последователями Христа, как Нежати, Тильман и Угур. Это принесло бы Богу славу и спасло их души.

В сентябре 2016 года, на 115-м слушании дела и спустя почти десять лет после преступления, судебная система, наконец, свершила хоть какое-то земное правосудие по отношению к людям, убившим Нежати. По обвинению за «предумышленное убийство» суд приговорил каждого из пятерых преступников к сроку, равному трём пожизненным заключениям. Двое

Шемсе: В ожидании славного воссоединения

других подозреваемых были приговорены к нескольким годам лишения свободы.

В результате ужасающего вихря событий Шемсе сама внезапно оказалась в центре судебного разбирательства, когда преступники стали предпринимать попытки отмыть своё имя от ассоциации с исламским терроризмом и вернуть деньги, которые им было присуждено выплатить семьям жертв. В 2016 году суд присудил Шемсе и семьям других жертв компенсацию за преступления, совершённые против Нежати и его коллег. Однако год спустя убийцы обжаловали решение. Апелляционный процесс и бесконечные волны судебных разбирательств вызвали у Шемсе такой стресс, что она заболела опоясывающим лишаём.

— Господи, почему это происходит? — взывала женщина. — Это несправедливо! Они убили моего мужа и попали в тюрьму. Как теперь могут они управлять судом?! Это уже слишком. После потери и всей перенесённой мной боли я уже не смогу выдержать такое.

Но когда христианка сосредотачивала мысли на Боге и Его Слове, чувство гнева, обиды и несправедливости проходило. «Боже, — молилась она, — это Твоя проблема. Это Твой суд больше, чем мой. Твой! Всё принадлежит Тебе. Если Ты говоришь, что всё будет в порядке, значит всё будет в порядке».

— Мне не пришлось прикладывать усилия, чтобы простить, — делится размышлениями Шемсе. — Бог просто дал мне такой подарок.

Впрочем, дар прощения не заменил страдания Шемсе.

— Я очень страдаю, — признаётся она. — Я буду страдать до самой смерти. Но мне не жаль, что мы переехали [в Малатью]. Это было лучшее, что могло случиться с Нежати. Он совершил

Пламенные сердца 2

чудо; Он поступил замечательно. Нежати создал очень красивый сценарий своей жизни.

Шемсе молится о том, чтобы смерть Нежати стала семенем, которое зародит новую волну духовной трансформации в Турции.

— Молитесь, чтобы я приняла это наследие веры Нежати, — просит она. — Он оставил нам это наследие. И это наследие принадлежит и Турции, и также его семье, потому что мы верны до смерти. Мы хотим быть верными до смерти. И даже в нашей утрате, даже в травме, в нашем одиночестве и во всех жизненных трудностях мы хотим быть верными до смерти как наследию Нежати, так и нашей истории.

Шемсе до сих пор носит обручальное кольцо и отказывается считать себя вдовой. Она знает, что её муж жив с Иисусом на небесах, и однажды она присоединится к нему.

Но до того дня, пока женщина ожидает того славного воссоединения, она верит, что у неё есть всё, что ей нужно в этой жизни. Она полагается на Иисуса, и «Иисус занимает место Нежати».

— Мы не жертвы, — твёрдо заявляет Шемсе. — В Иисусе мы победители.

Из первых уст *Элис*

В 2011 году воинствующие исламские фулани² в штате Плато в Нигерии напали на деревню, в которой жила Элис. Женищина и её семья спали, когда около полуночи в их дом

² Фулани — народная группа, преимущественно мусульманская. В Нигерии некоторые фулани настроены воинственно и нападают на христиан.

ворвались вооружённые люди с закрытыми лицами. Когда её муж Булус открыл дверь спальни, его застрелили.

Одного звука их шагов было достаточно, чтобы шок и страх убили нас. Мы никогда не думали, что с нами может случиться такое.

Всё моё тело внезапно размякло. По лицу текли слёзы, но я не могла заплакать вслух. Мой малыш Джером крепко прижался ко мне. От страха он даже не плакал. Звук выстрелов разбудил других детей. Они также ухватились за меня. Вышла мать мужа и стала плакать.

У Булуса был маленький телефон. Когда его застрелили, раздался звонок. Я ответила и попросила: «Вызовите солдат, моего мужа расстреляли». Нападавшие фулани в это время всё ещё находились в селе. Булус лежал на земле и кричал от боли. До сих пор я не знаю, кто это звонил.

Нападавшие всё ещё стреляли снаружи, и звук выстрелов очень пугал меня. Я уложила малыша и пошла за перевязочным материалом³.

Я спросила Булуса, куда он ранен, и перевязала ему раны. После недолгой беспорядочной стрельбы нападавшие ушли. Я не могла покинуть Булуса, поэтому начала звать на помощь. Пришли солдаты и спросили, знаю ли я нападавших. Я ответила, что никогда раньше не видела этих мужчин, но мой муж знал человека, который в него стрелял.

Двое солдат погрузили Булуса в машину и отвезли его в больницу. По дороге он умер. На следующий день мы похоронили его на общественном кладбище. Служба была не долгой, все боялись, что фулани вернутся.

Булус был моим лучшим другом. Я не помнила себя от горя. В какой-то момент мне захотелось умереть и оставить детей. Я плакала. Я не могла есть. Я спрашивала себя, когда я смогу

³ Кусок ткани для перевязки.

перестать плакать. Я молилась Богу, чтобы Он забрал слёзы. И Бог ответил. Это было нелегко, но в конце концов я начала обретать покой и исцеление. А затем фулани снова напали на нашу деревню.

Была суббота, обычный день, когда моя свекровь, дети и я закончили утреннюю молитву. Я стала собираться на ферму. Взяв годовалого Джерома на спину, я сказала остальным детям приготовить завтрак и поесть, прежде чем я вернусь и позабочусь об обеде. Мы попрощались, и я оставила их на попечение бабушки играть и наслаждаться утром.

Я вышла на улицу, чтобы встретиться с соседями, которые тоже направлялись на свои фермы. Но прежде, чем мы успели выйти, прибежала моя подруга и сообщила, что сегодня не слишком хороший день, чтобы идти на фермы, потому что она видела много фулани. Мальчики, включая одного из моих сыновей, сразу же бросились на ближайший холм. Они увидели группу мужчин, одетых в чёрное, с оружием в руках, которые приближались к деревне. Мы все бросились бежать. Я бежала с ребёнком на спине. Мои дети и свекровь разбежались в разные стороны. Каждый беспокоился о своей жизни, и никто не помнил о семье.

В нашей деревне только один мост. Добежав до него, я заметила, что туда направляются двое нападавших. Они не позволили бы никому спастись. Когда люди перебежали мост, нападавшие пытались стрелять в них из огнестрельного оружия. Но оно, казалось, не работало. Я молилась, и Бог услышал мою молитву. По Его милости все успели перебежать на противоположную сторону прежде, чем оружие снова заработало.

Я находилась в состоянии шока. Я никогда не думала, что такое может произойти. Никто не думал. Подобное случилось в нашей деревне впервые. Всё, на что я была способна, это недоумевать от случившегося. Я не могла даже утешить своего ребёнка, не говоря уже о ком-то ещё.

Пламенные сердца 2

Мы все надеялись, что вскоре сможем вернуться в свою деревню. Но солдаты сообщили нам, что от неё ничего не осталось. У нас не было больше возможности вернуться назад. Мой дом исчез. Место, которое я знала и любила, пропало. Моё сердце замерло, и я стояла, поражённая осознанием реальности. Я находилась в незнакомом мне месте, и за спиной у меня была только одежда. Всё, что я могла делать, — это плакать.

Я размышляла над ситуацией, в которой оказалась, спрашивала себя, как я могу позаботиться о своих детях. У моего старшего сына нет ни отца, ни дяди, а значит, обязанность вырастить из него мужчину ложится на меня. А что, если я умру? Будущее моих детей теперь всецело зависит от меня. Итак, я молилась и просила Бога дать мне мудрости. «Как мне теперь быть? Бежать всю оставшуюся жизнь? — спрашивала я Его. — Я уже бежала и попала сюда. И теперь мне опять куда-то бежать? Пожалуйста, дай мне сил!»

Когда я молилась, меня окутало ощущение покоя. Я почувствовала, как Он поднимает моё бремя. Бог дал мне силы. Без этой силы я бы не смогла переносить трудность за трудностью. Вот почему я продолжаю просить Его и дальше давать мне силы.

Следовать за Христом очень больно! К этому нужно быть готовым. Каждый день я сталкиваюсь с разными трудностями, но Бог всегда спасает меня. После страдания приходит наслаждение. Я буду следовать за Христом, несмотря ни на что. Если бы мне пришлось вернуться в прошлое и прожить жизнь заново, я бы всё равно выбрала Христа. Это стоит того. Я не вижу другого пути, превосходящего путь Христа. Если бы не Он, меня бы здесь не было. Без Него нет жизни. Без Него меня бы сегодня не было в живых.

Элис и её дети были вынуждены покинуть свои дома на последние два года. Они находили убежище везде, где только могли, включая небольшой коридор в доме пожилой женщины.

Из первых уст: Элис

В конце концов женщине помогли поселиться в новом доме и начать новую жизнь. Хотя она пережила огромные страдания от рук исламских боевиков фулани, она простила тех, кто убил её мужа, и продолжает делиться любовью Христа с фулани в своей общине.

Сюзанна

Надежда, которую мы имеем

ПЕТАЛИНГ-ДЖАЯ, МАЛАЙЗИЯ

13 ФЕВРАЛЯ 2017 ГОДА

Сюзанна Кох вышла из машины и поспешила через парковку к полицейскому участку. Был десятый час вечера, и она знала, что её друг, адвокат, скоро приедет. Сюзанна дошла до здания и остановилась, чтобы дожидаться его. Рядом стояли несколько офицеров, которые с подозрением косились на неё.

Сюзанна представилась и объяснила, почему она здесь. В это время на парковку въехал её друг. Женщина чувствовала ободрение от его присутствия. Офицер проводил их в небольшой задний кабинет внутри полицейского участка. Сын Сюзанны Джонатан ждал у двери кабинета.

До этого Сюзанна бывала в участке только раз — чтобы подать заявление после того, как у неё украли сумочку, — но это происходило в приёмной. «А разве заявление о пропаже человека подаётся не в приёмной? — подумала Сюзанна, опускаясь в кресло. — Это как-то странно».

Её друг-адвокат устроился в кресле рядом, а напротив женщины сел молодой офицер в штатском и стал что-то набирать на компьютере. Сверху комнату заливал ослепительный свет.

Когда полицейский наконец оторвался от монитора, Сюзанна объяснила ему, что пришла подать заявление о пропаже своего мужа, пастора Раймонда Коха.

Ранее в тот день пастор Кох пропустил запланированную встречу. Сюзанне не удалось связаться с ним по телефону, и он не вернулся домой. По её словам, Джонатан провёл вечер в поисках местных полицейских участков и больниц, однако ему не удалось найти никакой информации о местонахождении отца.

Задав несколько вопросов, офицер вдруг спросил Сюзанну:

— А пастор Раймонд обращал мусульман в свою веру? Он не обучал малайских мусульман христианству?

К горлу Сюзанны подкатил ком. Они с мужем были этническими китайцами, которые составляют 30 процентов населения Малайзии. Около 60 процентов составляют этнические малайцы. Федеральная конституция требует, чтобы малайцы говорили на малайском языке, исповедовали малайскую культуру и соблюдали коренную религию — ислам. Всё это делает противозаконным прозелитизм, и христианам запрещено делиться своей верой с людьми, которые являются этническими малайцами.

Сюзанне пришла в голову пугающая мысль. А что, если Раймонда арестовала полиция? Она знала, что один неосторожный ответ может оказаться для мужа опасным. Её ответы могут поставить под угрозу его свободу и безопасность.

— Так обращал пастор Раймонд мусульман в свою веру? — настойчиво переспросил офицер.

— Я не знаю, — ответила Сюзанна.

Чтобы защитить жену, Раймонд не поделился подробностями своей работы. Она объяснила полицейскому, что они с мужем проводят рабочие дни отдельно, занимаясь каждый своими делами. У неё приоритет — собственный ювелирный бизнес, и она не участвует в делах мужа.

Однако объяснение Сюзанны не удовлетворило офицера. Он всё ещё настаивал на своём вопросе, но Сюзанна дала тот же ответ:

— Я не знаю.

— Ваш муж ездил на север, чтобы обращать мусульман в христианство?

Сюзанна: Надежда, которую мы имеем

У Сюзанны ускорилось сердцебиение. Похоже, офицеру известно о деятельности Раймонда!

— Зачем он посещает деревни?

Офицер допрашивал Сюзанну в течение нескольких часов. Однако вместо того, чтобы сосредоточиться на том, что могло бы помочь найти Раймонда, как, например, куда он собирался в тот день или по какой дороге ехал, офицера интересовала только его христианская деятельность и имена коллег.

Каждый раз, когда Сюзанна отвечала на один из вопросов офицера, он делал паузу и записывал её ответы в компьютер. Через несколько часов он дал Сюзанне пять минут, чтобы сходить в туалет, и когда она вернулась, допрос продолжился. Ни один из вопросов не имел отношения к поиску Раймонда, и женщина изо всех сил старалась сосредоточиться, чтобы не сказать ничего лишнего.

Наконец Сюзанна решительно посмотрела на офицера.

— Я больше не буду отвечать на вопросы, — сказала она, взвинченная и разочарованная тем, что офицера совершенно не заботит то, чтобы найти её супруга. — У меня есть права, и я пойду искать мужа сама. И для вас самое важное — это также идти и искать моего мужа.

Наконец, один щелчок по клавиатуре и принтер ожил. Офицер собрал страницы и протянул их через стол Сюзанне.

— Подпишите это, — потребовал он.

Под ярким светом лампочек в кабинете для допросов Сюзанна быстро просмотрела лежащий перед ней документ. Это было заявление — её заявление — однако в документе ничего не упоминалось об определении местонахождения Раймонда.

Вместо этого в заявлении речь шла о «противозаконной» деятельности пастора Коха. Сюзанна увидела два вопроса, которые взволновали её больше всего: обращал ли пастор Раймонд мусульман в свою веру? И обучал ли он малайских мусульман о христианстве?

Пламенные сердца 2

Сюзанна встала со стула и взяла сумочку. Было почти три часа ночи, и она провела в полицейском участке пять бесплодных часов. Травма давала о себе знать, и с неё этого было достаточно. Женщина вышла за дверь и направилась домой.

Сюзанна родилась в Малайзии и воспитывалась вместе со своими братьями и сёстрами набожной бабушкой-буддистской в городе Куала-Лумпур. Её родители жили в небольшой деревушке, и бабушка часто возила Сюзанну и её братьев и сестёр навестить их.

В детстве ежедневной работой Сюзанны было расставлять ароматные благовония в урнах возле каждого буддийского алтаря по всему дому. В гостиной находился большой деревянный алтарь, окружённый красными свечами, на котором бабушка размещала изображения многих богов, которых она почитала, а вместе с ними выдающихся буддистов, а также её собственных предков. Там бабушка молилась к этим мужчинам и женщинам из прошлого, ставшим для неё божествами. Даже будучи маленькой девочкой, Сюзанна не чувствовала связи с богами своей бабушки. Каким-то необъяснимым образом она знала, что ни один из них не был настоящим Богом.

Бабушка, известная друзьям по прозвищу «Тигрица», имела жёсткие представления о том, как должна вести себя внучка. Когда она ругала Сюзанну за какое-то нарушение, девочка спешила вверх по лестнице в свою спальню. Глядя в окно на небо, она разговаривала с Богом. «Я знаю, что Ты истинный Бог, — говорила Сюзанна, — а не идолы бабушки».

Однажды сосед пригласил Сюзанну в воскресную школу в соседней церкви. Именно там она впервые услышала об Иисусе Христе. Девочка продолжала посещать церковь и к пятнадцати годам исповедовала веру во Христа. Своё решение она держала в тайне от бабушки и призналась в нём только друзьям-христианам. Но в следующем году, когда Сюзанна захотела принять крещение, она наконец рассказала бабушке о своей новообретённой вере.

Сюзанна: Надежда, которую мы имеем

— Если ты крестишься, — предупредила бабушка, — домой не возвращайся.

Сюзанне больше некуда было идти, однако её желание публично выразить свою веру через крещение было непреодолимым. Девочка знала, какой мир она испытала благодаря Иисусу, и хотела быть послушной Ему. Несмотря на риск быть отвергнутой семьёй, Сюзанна выполнила своё обещание принять крещение.

После этого Сюзанна с опаской возвращалась домой, уверенная, что бабушка прогонит её; но, к удивлению, она этого не сделала. Однако, когда семья узнала о христианской вере девочки, её стали высмеивать. Бабушка, братья и сёстры издевались над ней всякий раз, когда она молилась перед едой.

— Почему ты благодаришь Бога? Это Бог приготовил для тебя еду? — спрашивали они.

Впрочем, со временем многие члены семьи Сюзанны постепенно приняли Христа.

Спустя годы, когда Сюзанна училась в библейском колледже, она проследила свою родословную и узнала, что её прадедуска был христианином и слышал об Иисусе от миссионера, посетившего их деревню. Когда миссионер обратился к общине на их родном языке хакка⁴, прадедуска Сюзанны и его семья пригласили соседей прийти послушать его проповедь. Бабушка и мать Сюзанны тогда слышали Евангелие, но не поняли его.

Поколения спустя, после многих лет горячих молитв прадеда о спасении семьи, его правнучка Сюзанна уверовала во Христа. Сюзанна молилась за свою мать в течение многих лет и помогла ей научиться читать, используя Библию. Когда мать наконец познала Господа, она поделилась своей верой со своей матерью, братом и сестрой, а также со своими детьми.

⁴ Диалект хакка — это язык, на котором говорят китайцы хакка. В Малайзии проживает почти 2 миллиона китайцев хакка. Раймонд и Сюзанна принадлежали к этой народности.

Так Сюзанна узнала, что по милости Божией члены её семьи познали Господа ещё много поколений тому.

Когда Сюзанне исполнилось двадцать, её церковь посетили два миссионера из организации «Операция Мобилизация». Молодые люди приехали на большом грузовике, иностранном автомобиле с иностранными номерами, не похожем ни на один из тех, которые Сюзанна когда-либо видела в Малайзии. Странный грузовик возбудил её любопытство, и ей очень захотелось услышать, что скажут эти миссионеры. Во время вечернего богослужения мужчины поделились тем, как они доверяют Богу, преодолевая на своём грузовике огромные расстояния по всему континенту — от Индии через Бангладеш, Бирму (Мьянму) и Таиланд до Малайзии — чтобы проповедовать Евангелие.

«Вот это да, — думала тогда Сюзанна. — Совершать такие поездки очень опасно, и Бог защищал этих миссионеров». Глубина их преданности, то, что они отдали всё в жизни, чтобы служить Богу, бросила вызов Сюзанне. «Мне нужна такая вера! — подумала Сюзанна. — Я тоже хочу принимать в этом участие!»

Когда Сюзанне рассказали о предстоящей конференции в Сингапуре, на которой она сможет больше узнать об «Операции Мобилизации», она ощутила, что Господь призывает её на миссионерское поле. На то время мать Сюзанны была христианкой всего несколько месяцев, однако она уже научилась читать Библию. Когда Сюзанна изъявила желание узнать больше об «Операции Мобилизации», её матери пришли на память слова из Евангелия от Матфея 28:19: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа». Мать поддержала призвание дочери и разрешила ей поехать на конференцию.

Сюзанна: Надежда, которую мы имеем

За несколько недель до конференции Бог начал готовить сердце Сюзанны. Во время своего тихого часа с Господом она слушала кассеты, читала книги по ученичеству и ежедневные чтения «Потоки в степи». Руководство церкви также поддерживало её план. Примерно в это время Сюзанна поняла, как она стремится к более глубокому пути и более близким отношениям с Господом. Она хотела укрепляться в вере и служить Иисусу Христу.

Во время конференции жизнь Сюзанны изменилась. Она узнала о многочисленных возможностях миссионерской организации: одни — на суше в Индии, другие — на корабле в море. Сюзанна боялась змей, поэтому мысль о поездке в Индию — страну, полную ядовитых змей, укусы которых часто смертельны, — была для неё непривлекательной. Поэтому она начала искать информацию о корабле и посетила вторую конференцию, на этот раз в Бельгии, в которой принимали участие молодые люди со всего мира. Встреча с таким количеством молодёжи, которая служила Богу, стала для девушки потрясающим опытом.

По окончании лета Сюзанна отправилась в Лондон, чтобы работать среди иммигрантов. Несмотря на культурный шок, она научилась делиться своим свидетельством и участвовать в евангелизации от двери к двери, во время которой двери нередко захлопывали прямо у неё перед носом.

По истечению месяца в Англии Сюзанну попросили стать лидером команды девушек. Это была неожиданная просьба. Она чувствовала себя недостаточно подготовленной для этой задачи. Однако Бог дал ей Свою благодать, и она всё больше и больше училась обращаться к Нему за мудростью.

Когда пребывание в Англии подходило к концу, Сюзанна поняла, что Бог призывает её к служению на корабле «Логос», принадлежащему организации «Операция Мобилизация». На борту Сюзанне были поручены обязанности кладовщицы, и она работала каждый день с 5 часов утра до полуночи. С «Логоса» Сюзанна вскоре перешла на «Дулос».

Пламенные сердца 2

Она и команда работали по двенадцать часов в день, неутомимо убирая корабль. Несмотря на изнурительный график, Сюзанна была довольна. Она говорила Господу: «Я так рада, я так счастлива! Ведь именно для этого я приехала сюда — чтобы служить».

Руки Сюзанны со временем стали сухими и морщинистыми от чистящих средств. Как-то посмотрев на свою огрубевшую кожу, девушка помолилась: «Эти руки и ноги для Тебя, Господи». Проснувшись на следующее утро, она была поражена, увидев, что её руки снова выглядят молодыми, а кожа — как у новорождённой. Для Сюзанны это было напоминанием о том, как Бог благ и как Он заботится даже о мелочах в её жизни.

На борту корабля «Дулос» Сюзанна работала с командой из двадцати пяти молодых людей из разных стран. Ей снова поручили ответственность за кладовую, и ей приходилось находить подход к капризному повару-норвежцу, чтобы кормить 300 членов команды, которые жили на борту.

Однажды вечером, когда Сюзанна работала в кладовой уже долго после окончания ужина, к ней подошёл молодой человек. Девушка знала, что он был одним из инженеров корабля. Он только что вернулся с работ в дымовой трубе корабля, и его лицо было чёрным от выхлопных газов. Кладовщица бросила взгляд на перепачканный маслом комбинезон.

— У вас есть еда? — спросил инженер.

У Сюзанны его вопрос вызвал раздражение. Он должен знать, что остатки еды хранятся в холодильнике на дне корабля. К тому же он должен был есть в отдельной столовой, где питается технический персонал. Инженеры корабля были известными трудоголиками, они работали по шестнадцать часов в день.

— Мне очень жаль, — холодно ответила девушка, желая, чтобы молодой человек как можно скорее оставил её в покое. — Здесь не хранятся остатки еды.

Сюзанна: Надежда, которую мы имеем

Мужчина ушёл в поисках позднего ужина, а Сюзанна вернулась к своей вечерней работе. Она и не подозревала, что через несколько лет снова встретит этого человека.

Работа на «Дулосе» была изнурительной, но команда жила как одна семья и каждый день наслаждалась совместными молитвами. Экипаж совместно молился, поклонялся и занимался благовестием в каждом порту. Вместе они укреплялись в вере, вместе решили прочитать всю Библию. Отношения Сюзанны с Господом значительно углубились. Это было время, которое заложило основу для всей её жизни.

Год спустя, завершив программу ученичества на «Дулосе», Сюзанна была готова к следующему этапу своего пути с миссией «Операция Мобилизация». Она перешла в команду, которая несла служение на суше — и так началось её путешествие по Европе и Азии.

Сюзанна и дюжина других молодых женщин залезли в кузов грузовика с маленьким окошком и отправились в миссионерское путешествие. Каждую ночь они раскладывали свои спальные мешки на коробках с христианской литературой, чемоданах с тёплой одеждой и другим оборудованием. Их пунктом назначения была Индия — страна, кишая крысами и змеями, куда Сюзанна так боялась ехать.

Путешествие заняло несколько месяцев. Иногда миссионеры останавливались, чтобы приготовить в поле еду, открывая консервы или намазывая арахисовое масло и джем на хлеб, купленный у местных пекарей. Когда они проезжали через тёплые регионы, в грузовике стояла невыносимая жара; а в холодных местах молодые женщины дрожали от холода. Когда колонна проезжала через опасные регионы, миссионеры цитировали Псалом 90, чтобы побороть страх.

Пламенные сердца 2

Команда проезжала через Иран, когда в стране шла революция. Выглянув в маленькое окошко, Сюзанна увидела толпу граждан, опрокидывающих статую шаха Ирана. Дым и огонь валили из витрин магазинов и банков, а вдоль дорог стояли солдаты.

Когда команда проезжала Афганистан, девушкам приходилось долго бродить по песчаным дюнам в поисках уединённого места, чтобы справить нужду. Как-то лидер команды, служивший миссионером в Афганистане и знакомый с местностью, предупредил Сюзанну, что следующий участок пути называется «полоса грабителей».

— Это особо опасная полоса, — предупредил он, сидя за рулём рядом с супругой. — И поскольку мы едем на иностранном транспорте, нас наверняка заметят.

Мгновение спустя команда услышала стук по крыше грузовика. Сердце Сюзанны учащённо забилося:

— На нас напали?!

— Благодарность Господу! — воскликнул лидер команды. — Пошёл дождь! Теперь это плохой день для грабителей.

Так в пустыне Афганистана Бог послал маловероятный для той местности дождь, чтобы обеспечить команде безопасный проход.

Наконец команда Сюзанны прибыла в Калькутту. Прокажённые бездомные спали на кусках картона, устлавших улицы. Первые семь месяцев девушка пыталась привыкнуть к культурному шоку от жизни в таком бедном и многолюдном городе.

Однажды, когда Сюзанна помогала мыть посуду, она узнала, что ей снова предстоит взять на себя роль лидера команды девушек, которая состояла из молодых индийских женщин.

— Нет, нет, нет, — запротестовала Сюзанна. — Я только что приехала и ничего не знаю об Индии.

Но решение уже было принято. «Боже, — взмолилась Сюзанна, — Ты снова выводишь меня из зоны комфорта. Почему?»

Сюзанна: Надежда, которую мы имеем

Вскоре Сюзанна столкнулась со змеями, которых так боялась. Когда они с девушками вошли в спальню, одна из них закричала:

— В комнате змея!

Сюзанна удивилась, обнаружив, что не она побежала от страха первой.

— Тише, — прошептала она. — Выходите медленно, одна за другой...

Когда пришёл мужчина, чтобы обезглавить замершую на месте змею, Сюзанна увидела в этом Божье провидение. Она так долго боялась змей, но теперь видела, как Бог заботился о ней. Она удостоверилась, что Его благодати достаточно в любой ситуации, с которой ей придётся столкнуться.

Служение Сюзанны также включало евангелизацию от двери к двери и десятидневные перерывы, в течение которых они с командой занимались обучением. Они продавали Библии и христианские книги, чтобы оплачивать свои расходы, но иногда этого было недостаточно. Однако Бог всегда обеспечивал их.

Лидеры организации посещали здание миссии и проводили обучение и тренинги. По завершении команде Сюзанны давали коробки с Библиями, христианскими книгами и евангелизационными трактатами и отвозили девушек в близлежащие деревни, где они продавали их.

Однажды миссионерки договорились с местным жителем встретиться на пикник. Однако вечером накануне встречи, собравшись в помещении миссии, они обнаружили, что у них нет денег на билеты на поезд. Принося свою нужду Богу, девушки слышали шум. Приближалась полночь.

«Нас хотят ограбить!» — проскочила мысль.

Наконец, одна из девушек набралась храбрости и крикнула:

— Чего вы хотите?

— Я хочу купить Библию, — последовал неожиданный ответ.

Миссионерки поспешили вниз и обнаружили человека, ищущего истину. Они поделились с ним Евангелием, и он принял Иисуса Христа.

Библия, которую он хотел купить, была дорогой. Подсчитав средства, девушки с радостью обнаружили, что денег хватит на билеты на поезд для всех двенадцати, а также на еду для пикника. Так Бог ответил на их полуночную молитву.

Змеи не были единственной опасностью, с которой Сюзанна столкнулась в Индии. Однажды она решила проигнорировать культурные запреты на выступления женщин на публике, чтобы засвидетельствовать о своей вере. Она пошла на ближайший базар и начала открыто проповедовать Евангелие.

Краем глаза Сюзанна увидела, как к ней несётся индус. Он явно был в ярости, и Сюзанна видела, что он собирается напасть на неё. Ударит ли он по лицу? Сможет ли она добраться до здания миссии или травма будет слишком сильной? Девушка приготовилась к удару.

Неожиданно в последний момент произошло чудо. Подбежав к Сюзанне, мужчина повернулся и ушёл прочь. Сердце девушки всё ещё учащённо билось, когда она на одном выдохе произнесла молитву изумления и благодарности: «Боже, Ты защитил меня!»

Сюзанна провела в Индии два года, прежде чем вернуться в Малайзию. Там она продолжила служить в миссии «Операция Мобилизация», где вскоре встретилась с мужчиной, с которым познакомилась много лет назад на борту «Дулоса» — сварщиком в грязном комбинезоне. Сюзанна помнила, как держалась от этого человека на расстоянии, за исключением одного неприятного инцидента, когда он спрашивал об остатках еды.

Сюзанна: Надежда, которую мы имеем

Однако в Малайзии этот человек был руководителем этой организации, и Сюзанне предстояло служить под его руководством. Его звали Рэймонд Кох.

Когда Рэймонд и Сюзанна начали работать вместе, он узнал, что она трижды провалила экзамен по вождению, поэтому предложил помочь ей. Рано утром, до того, как солнце становилось слишком жарким, он приезжал к дому Сюзанны, чтобы провести урок вождения. В процессе обучения вождению девушка узнала, что Рэймонд был добрым и терпеливым человеком. С каждым уроком чувства Сюзанны к Рэймонду становились сильнее и превратились во что-то гораздо большее, чем просто дружба.

Её коллеги на работе заметили развивающиеся отношения между ними.

— Кажется, он тебе нравится, — говорили они. — Он тоже часто смотрит на тебя.

Вскоре наступил день, когда Сюзанна должна была сдавать экзамен по вождению в четвёртый раз, но она снова провалилась. Когда она смотрела на письмо с отказом, понимая, что все её усилия были напрасны, Рэймонд подошёл и нежно взял её за руку.

— Всё в порядке, — сказал он, пытаясь утешить девушку. Он сделал небольшую паузу и продолжил: — Ты мне нравишься.

Сюзанна оторвала взгляд от письма и улыбнулась.

— Ты мне тоже нравишься.

С благословения руководства миссии, Сюзанна и Рэймонд начали строить отношения. Они говорили о служении и больших рисках, которые возникают через свидетельство о любви Христа среди тех, кто Его не знает.

— Если ты выйдешь за меня, готова ли пойти в тюрьму? — спросил он.

Сюзанна кивнула.

— Я готова принять всё, на что есть воля Господа.

Она знала, что если это воля Божья, чтобы они были вместе, то Он позаботится о них. Если она попадёт в тюрьму, Бог

Пламенные сердца 2

даст ей силу справиться с этим, так же как дал ей силу в Индии справляться с крысами и змеями.

Сюзанна и Рэймонд поженились. Через год у них родился первый ребёнок, сын, которого они назвали Джонатаном. Вскоре в растущей семье появились дочери, Элизабет и Эстер. Супруги переехали в Новую Зеландию, где прожили более трёх лет, пока Рэймонд и Сюзанна учились в библейском колледже. После окончания колледжа Рэймонд понял, что Господь призывает его вернуться в Малайзию, чтобы исполнить незавершённое задание.

По возвращении в Малайзию семья Кох начала заниматься основанием церквей. Они со страстью несли это служение на протяжении тринадцати лет. В то же время Сюзанна открыла детский сад, и через эти два служения они начали приводить людей к Господу. Даже в свободное время Рэймонд радостно свидетельствовал о любви Христа тем, кто не знает Его.

После разрушительного цунами, случившегося сразу же после Рождества в 2004 году, семья Кох создала благотворительную организацию, чтобы помочь местному населению. Они предоставляли продукты одиноким матерям и учили их зарабатывать на жизнь шитьём, выпечкой и изготовлением украшений. Пара открыла несколько центров обучения чтению, один из которых в Куала-Лумпуре, где дети из бедных семей проходили уроки грамотности. Они работали с бедными, маргинализированными и нуждающимися, включая инфицированных ВИЧ и СПИД, и назвали свою благотворительную организацию «Nagaran Komuniti» («Общество надежды»). Сюзанна и Рэймонд знали, что, чтобы быть руками и ногами Христа, они должны находиться там, где находятся люди. Посредством добрых дел они могли коснуться жизней людей и удовлетворить все потребности человека, а не только духовные.

Сюзанна: Надежда, которую мы имеем

В августе 2011 года, во время мусульманского праздника Рамадан, Сюзанна и Рэймонд собрались в церкви, которая позволила им устроить праздничный ужин в благодарность помощникам «Общества надежды». Среди тех, кто поддерживал их благотворительность и присутствовал на мероприятии, были 150 друзей разных национальностей и религий.

Внезапно за дверью поднялся шум. Участники мероприятия замерли, когда в комнату ворвались не менее пятидесяти человек. Сюзанна сразу же заметила, что некоторые из них были в оранжевых жилетах со знаками различия религиозных властей. Остальные, по её предположению, были полицейскими. Все гости были в шоке. Никогда раньше в Малайзии не совершался рейд на церковное здание.

Сюзанна встала и быстро вывела мужчин из комнаты, закрыв за собой дверь.

— У вас есть ордер? — спросила она. — Вам нужен ордер.

— Нам не нужен ордер! — ответил один из мужчин. — Здесь есть мусульмане?

— Это закрытая встреча, — сказала Сюзанна, — и у вас нет приглашения.

Затем Сюзанна попыталась объяснить, что это праздничный ужин, а не христианское богослужение. Присутствовавшие на нём даже не находились в зале для богослужений. Но власти были неумолимы. Сюзанна знала, что, даже если это не было официальным церковным богослужением, религиозные власти боялись, что мусульмане, присутствующие на встрече, могут быть обращены в христианство, просто находясь в церковном здании.

Внутри Рэймонд разработал план побега. Вместо того чтобы выдать мусульман властям, группа решила выйти вместе, надеясь сбить офицеров с толку. Всем вместе, возможно, им удалось бы покинуть помещение.

Один за другим гости вставали. Индиец взял за руку китайца, а тот, в свою очередь, — малайца.

Пламенные сердца 2

Разговаривая с офицерами, Сюзанна увидела, как дверь открылась и из неё стала выходить длинная процессия держащихся за руки людей.

К сожалению, план пастора Рэймонда лишь отсрочил неизбежное. Представители религиозных властей выхватили из ряда двенадцать человек, которые, по их мнению, были мусульманами, и сотрудники полиции доставили их в участок на допрос. Оттуда некоторых отправили на «перевоспитание» в тюремный лагерь, где они подверглись интенсивной пропаганде ислама и пыткам, чтобы заставить их соблюдать нормы ислама.

Проснувшись на следующее утро, Сюзанна и Рэймонд увидели в заголовках газет осуждение рейда. «Руководство церквей осуждает рейд, проведённый государственным исламским департаментом», — гласил один из них. В последующие дни религиозные власти угрожали преследовать мусульман по законам шариата⁵. В конце концов в ситуацию вмешался султан Малайзии, конституционный глава государства. В попытке подавить общественные волнения и восстановить мир в стране он издал указ о том, что никто не будет привлечён к ответственности. Так мусульмане, присутствовавшие на праздничном ужине, были освобождены.

Этот рейд стал началом череды угроз. Вскоре после этого семья Кох получила по почте странную посылку. Открыв её, супруги нашли две пули и пакет с белым порошком, подписанный: «сибирская язва». Зловещая записка, написанная красным цветом, содержала предупреждение: «Мы знаем, чем вы занимаетесь, и хотим убить вас».

Пастор Рэймонд сообщил о смертельной угрозе в полицию, однако расследование не дало никаких результатов.

В панике Сюзанна хотела уехать из страны. Коллега посоветовал Рэймонду сделать небольшой перерыв, и они с Сюзанной, собрав чемоданы, улетели в Австралию.

⁵ Шариат – это исламский закон, применяемый к мусульманам.

Сюзанна: Надежда, которую мы имеем

Рэймонда уговаривали остаться в Австралии, однако он был непреклонен.

— Бог не сказал, что моё задание в Малайзии выполнено, — говорил он Сюзанне.

И Сюзанна соглашалась.

Так, рискуя жизнью, супруги вернулись в Малайзию, чтобы продолжить служение.

К 2016 году Сусанна начала замечать некоторые тонкие изменения в деятельности мужа. Рэймонд стал совершать долгие молитвенные прогулки по окрестностям и проводить время за заучиванием наизусть больших отрывков из Писания.

— Я только что закончил заучивать наизусть 13-ю главу Первого Послания к Коринфянам, — сказал он однажды жене.

Сюзанна также заметила, что у мужа появилось чувство неотложности в проповеди Евангелия.

— Возможно, у меня осталось всего лет пять, — как-то сказал он ей.

И в течение времени настойчивость пастора Рэймонда усиливалась. Казалось, он чувствовал, что его время ограничено, что Бог готовит его к чему-то важному.

— Может быть, у меня осталось всего полтора года.

«Что происходит?!» — думала Сюзанна. Вскоре она об этом узнает.

10:30 УТРА,

13 ФЕВРАЛЯ 2017 ГОДА

Сюзанна убирала на кухне своей подруги после завтрака, в то время как двое детей подруги, о которых она заботилась, отдыхали поблизости. Несколько дней назад сестра этих ребят перенесла операцию по удалению злокачественной опухоли мозга, и женщина была рада присмотреть за детьми, пока её подруга с мужем повезли дочь в больницу на послеоперационное обследование.

Пламенные сердца 2

Закончив уборку на кухне, Сюзанна вспомнила, что оставила пакет с креветочной пастой, важным ингредиентом малайзийской кухни, в багажнике машины. Креветочная паста была подарком для друга, который остановился в гостевом доме их благотворительной организации и этим утром должен был вернуться домой в Индонезию. Сюзанна забыла отдать пакет Рэймонду, когда он уходил из дома.

Не найдя своего мобильного телефона, Сюзанна вспомнила, что, вероятно, оставила его на зарядке в гостевом доме. Она воспользовалась телефоном подруги и позвонила Рэймонду. Через несколько минут её муж подъехал к дому, в котором располагалась квартира, чтобы забрать пакет с креветочной пастой из багажника её машины. С пакетом в руках он попрощался с Сюзанной и уехал на своей белой «Хонде-Аккорд».

Как только муж уехал, Сюзанна вспомнила, что забыла попросить его забрать свой телефон. Гостевой дом был недалеко, и она хотела застать Рэймонда до того, как он оставит креветочную пасту и уедет. Она поспешно набрала его номер и попросила забрать телефон, когда он будет отдавать подарок другу. Теперь Сюзанна смогла полностью сосредоточиться на детях.

Рэймонд свернул с шоссе на тихую, обсаженную пальмами улицу с жилыми домами. Было около 11 часов утра, час пик давно миновал. Он направлялся в гостевой дом церкви, чтобы отдать креветочную пасту.

Позади пастора Рэймонда с шоссе свернули три большие чёрные внедорожника. За ними ехали два седана и два мотоцикла.

Внезапно, одним плавным, скоординированным движением, внедорожники окружили машину пастора Рэймонда — один

Сюзанна: Надежда, которую мы имеем

спереди, один сзади и один справа, блокируя водительскую сторону, — и вынудили его резко остановиться⁶. Металлическое ограждение перекрывало пассажирскую сторону его машины.

Восемь человек в чёрной одежде с закрытыми чёрными масками лицами, выскочили из внедорожников. Несколько из них были вооружены.

Мужчины бросились к пастору Рэймонду и окружили его машину. Рэймонд попытался бежать. Хонда резко рванулась вперёд, но деваться было некуда. Путь был перекрыт со всех сторон. Один из мужчин разбил окно рядом с Рэймондом, и нападающие в масках вытащили его из автомобиля.

Из одного из сопровождающих седанов выскочил мужчина, который держал в руках видеокамеру и снимал происходящее. Двое мужчин на мотоциклах стояли на страже.

Сзади подъехал зелёный хетчбэк, его водитель не знал, что происходит. Мужчины в капюшонах из двух седанов бросились к нему и начали прогонять прочь. Свидетелей быть не должно. Водитель хетчбэка дал задний ход и поспешил назад по улице. Один из мотоциклов последовал за ним, следя, чтобы он держался на расстоянии и не вмешивался.

Пастор Рэймонд пытался бороться со своими похитителями, однако мужчины в масках легко одолели его и затолкали во внедорожник. Один из похитителей сел за руль машины Рэймонда и завёл её.

Одним плавным, синхронизированным движением машины тронулись с места и покинули улицу. Единственными доказательствами на месте происшествия остались осколки стекла и номерной знак автомобиля пастора Рэймонда.

Всего в операции принимали участие семь машин и как минимум пятнадцать человек. Похищение пастора Рэймонда Коха заняло всего сорок две секунды.

⁶ В Малайзии левостороннее движение.

Друзья Сюзанны вернулись домой после успешного медицинского обследования. Их дочь выздоравливала, и Сюзанна была счастлива. Она собрала сумку и отправилась домой.

Вернувшись домой, женщина набрала номер Рэймонда. Звонок сразу же был переведён на голосовую почту. Она попробовала ещё несколько раз, но каждый раз включался автоответчик. «Странно, что он не отвечает», — подумала Сюзанна, ощущая, как её сердце охватывает тревога. Она пошла на кухню, приготовила ужин и стала ждать, когда Рэймонд перезвонит.

Позже вечером Джонатан вернулся домой с мобильным телефоном матери. Когда Сюзанна увидела множество пропущенных звонков, её сердце забилося быстрее. Она позвонила коллеге Рэймонда, с которым он должен был встретиться.

На встречу Рэймонд так и не появился.

Сюзанна запаниковала. Её муж был пунктуальным и ответственным человеком. Если он говорил, что приедет, значит, приедет. Ужин уже прошёл, а Рэймонд так и не дал о себе знать. Сюзанна позвонила нескольким друзьям, пастору, а затем адвокату. Когда адвокат не ответил, она перезвонила пастору. «Иди и подай заявление о пропаже человека в полицию», — посоветовал он. Через несколько минут перезвонил адвокат и дал тот же совет. Сюзанна поспешила в отделение полиции.

ШЕСТЬ ЧАСОВ СПУСТЯ

Сюзанна с сыном вернулись из полицейского участка совершенно измотанные и разочарованные нежеланием полиции искать Рэймонда. Перед тем как принять столь необходимый душ, женщина написала сообщения нескольким друзьям-христианам с просьбой молиться. Вскоре по домофону позвонил

Сюзанна: Надежда, которую мы имеем

консьерж их жилого дома и сообщил, что приехал следователь и хочет поговорить с Сюзанной.

— Мы с вами только что встречались в полицейском участке, — сказал мужчина. — Могу ли я подняться?

— Полиция последовала за мной домой? — удивилась Сюзанна в ужасе.

На случай, если мужчина действительно был из полиции и планировал провести обыск их квартиры, она попыталась затянуть время и сказала, что ей нужно посоветоваться с адвокатом.

Следователь разозлился.

— Вы тратите моё время! — сердито воскликнул он перед тем, как уйти.

Бегая по квартире, Сюзанна очищала её от всего, что могло быть сочтено уливающими их семью вещественными доказательствами. Она собрала стопки евангельских трактатов и выбросила их в мусорный бак, а Библии отнесла на хранение соседям-христианам. Женщина не спала уже больше двадцати четырёх часов, однако разум её, возбуждённый страхом, беспокойством и стрессом, не давал ей заснуть.

Через несколько часов Сюзанну снова вызвали на допрос в полицию. На этот раз её отправили в центральное управление, и дело было передано в особый отдел. К тому времени Сюзанна уже понимала, что с её мужем произошло что-то ужасное. Когда она приехала, её снова засыпали теми же вопросами, что и раньше, а затем опять отпустили домой.

Слухи о пропаже пастора Рэймонда разнеслись быстро, и на следующий день крупные газеты начали связываться с адвокатом Сюзанны, чтобы взять у неё интервью.

Сюзанна подозревала, что полиция тайно забрала её мужа и хотела рассказать об этом всему миру.

Пламенные сердца 2

— Хорошо, — согласилась она. — Я дам интервью.

Новость мгновенно стала вирусной, и Сюзанна узнала первую полезную информацию о пропаже мужа по телевизору. Мужчина, который стал свидетелем похищения Рэймонда, дал свидетельские показания, а журналисты раскопали их и включили в свои репортажи. Заголовки о пропаже Рэймонда заполнили утренние газеты, и, наконец, у Сюзанны появилось что-то, с чего можно было начать поиски: название улицы, где произошло похищение Рэймонда.

Сюзанна с сыном поспешили на место происшествия. Они медленно шли вдоль дороги, ища доказательства похищения, а найдя разбитое стекло на обочине дороги, поняли, что находятся на верном пути.

Увидев рядом запрапочную станцию, Сюзанна и Джонатан остановились. «У них должны быть хорошие камеры наблюдения», — подумала она. Женщина зашла на заправку и стала расспрашивать сотрудника о камерах и вчерашних видеозаписях.

— К нам приходили из полиции и сказали, чтобы мы не давали их вам, — ответил он.

Сердце Сюзанны наполнилось горечью разочарования.

Джонатан посмотрел через дорогу и заметил, что многие дома для безопасности также оборудованы камерами наблюдения. А что, если одна из них засняла похищение?

Дома стояли по обеим сторонам дороги, и Сюзанна с сыном провели несколько следующих вечеров, обходя их в надежде получить необходимую им запись. Наконец в ближайшем к месту происшествия доме, оснащённом двумя камерами наблюдения, они нашли то, что искали: одна из камер была направлена прямо на место, где похитили Рэймонда.

Сюзанна и Джонатан вернулись домой и разделили записи между ближайшими друзьями. В течение нескольких часов все они тщательно просматривали файлы. Наконец, один из друзей позвонил и сказал, что нашёл нужный фрагмент видео.

Сюзанна: Надежда, которую мы имеем

Он передал цифровой сегмент Сюзанне, и когда видео появилось на её экране, женщина почувствовала, что с трудом может дышать. Она с ужасом смотрела, как люди в капюшонах разбивали окно машины Рэймонда и тащили его в чёрный внедорожник. Сюзанна плакала, видя, как её муж пытался бороться с похитителями.

Сюзанна сразу же сообщила о существовании видео в полицию. Однако вместо того, чтобы выразить жене потерпевшего благодарность за предоставленные доказательства состава преступления, офицер пришёл в ярость. Разочарованные отсутствием помощи со стороны полиции, друзья пастора Рэймонда выложили запись с камер безопасности в интернет. В считанные минуты она стала вирусной.

Видео похищения пастора Рэймонда потрясло страну. «Пожилого пастора похитили, когда он ехал один по ПД⁷», — гласил заголовок одной из первых статей.

Вскоре после исчезновения мужа и в разгар новостных репортажей о его похищении Сюзанна поняла, что ей необходимо простить похитителей.

— Я решила, что должна принять это решение, просто как акт воли, — вспоминает женщина. — Это не означало, что я полностью была в согласии с этим своими эмоциями или чувствами. Я просто не хотела, чтобы во мне оставалась какая-либо тьма, какая-нибудь тень, что-то, что могло бы помешать Богу действовать в моей жизни.

Однажды во время обеда к Сюзанне подошёл христианин, которого она плохо знала, и сказал:

— Вам нужно молиться за полицию.

⁷ Петалинг-Джая — пригород Куала-Лумпура, столицы Малайзии. Местные жители называют его «Пи-Джей».

Пламенные сердца 2

Сюзанна сразу поняла, что с ней говорит Бог. «У меня плохое отношение к полиции, — подумала она. — Вот почему Он посылает ко мне человека, чтобы сказать мне молиться за полицию».

По дороге домой Сюзанна почувствовала осуждение и заплакала. Она раскаялась в своих чувствах к полиции и простила их во имя Господа. Там, за рулём, произошёл прорыв в её чувствах.

Вскоре после того, как была раскрыта личность человека, который возглавил операцию по похищению Рэймонда, Сюзанна узнала, что ответственный за исчезновение её мужа был госпитализирован для лечения рака. Женщина расспросила о местонахождении больницы и решила передать ему корзину с фруктами. Это было практическим, осязаемым выражением её прощения.

Сюзанна взяла с собой друга семьи, мусульманина, надеясь, что мужчина, возможно, согласится принять молитву от единоверца.

— Благословляйте своих врагов, — повторяла Сюзанна. — Молитесь за них.

Но когда она и её сопровождающий подошли к стойке регистрации в больнице, план Сюзанны потерпел фиаско.

— К кому вы пришли? — спросила регистратор.

Сюзанна ответила. Женщина посмотрела в компьютере и ответила:

— У нас нет пациента с таким именем.

— Хм, — озадаченно произнесла Сюзанна. — Его уже выписали?

Регистратор снова поискала в компьютере.

— Нет, — ответила она, — такой к нам не поступал.

Сюзанна вернулась к машине с корзиной фруктов в руках, размышляя, не солгал ли мужчина о своей госпитализации, чтобы избежать запланированного расследования Комиссии по правам человека.

Сюзанна: Надежда, которую мы имеем

Хотя Сюзанна и простила полицию, её чувства были на взводе. Всё ещё испытывая непреодолимый гнев к участникам похищения, она переживала моменты горечи. Видя полицейских — людей, которые, как она знала теперь, были ответственны за исчезновение Рэймонда, — ей хотелось дать им пощёчину или задушить их.

Впрочем, каждый раз Бог сдерживал Сюзанну и вскоре она смогла повторить в своём сердце слова Иисуса: «Отче, прости им, ибо не знают, что делают».

В последующие недели Сюзанна остро ощутила усилия полиции по её запугиванию. Сотрудники органов фотографировали её на улице и добывали информацию о ней у её знакомых. Опасаясь, что полиция прослушивает её мобильный телефон и отслеживает её передвижения, женщина купила новый телефон и неоднократно меняла номер. Она перестала публично встречаться с друзьями и сосредоточилась на своём ювелирном бизнесе. У неё возникли проблемы со сном, она страдала от приступов паники.

— Успокойся, успокойся, — уговаривал женщину адвокат, когда она начинала задыхаться от панических атак.

По ночам Сюзанна слушала на телефоне песни поклонения, одна из которых напоминала ей, что Бог всегда верен и силен.

До похищения Рэймонд и Сюзанна планировали посетить ретрит в Таиланде. Теперь, когда их дочь Элизабет вернулась домой после учёбы в Соединённых Штатах, Сюзанна решила, что им стоит поехать вместе. Это будет долгожданное облегчение от хаоса, заполонившего её жизнь.

В ретрит-центре, спрятанном среди тихой красоты Божьего творения и далеко от преследующих репортёров и полиции, Сюзанна смогла сосредоточиться на Господе. И теперь она, наконец, смогла испытать Его мир.

Однажды утром, гуляя по территории и молясь, Сюзанна упала на колени. Почти час она изливала своё сердце Богу. Она

Пламенные сердца 2

раздумывала о словах любимой песни поклонения, которая напоминала ей о Божьем присутствии в каждом дне её жизни, несмотря на неизвестность, и о том, как Он держит её за руку на каждом шагу пути.

Женщина также вспомнила Книгу Руфь, которую прочитала тем утром, и почувствовала, что Бог напоминает ей: «Я — твой Искупитель». Независимо от того, что произойдёт дальше, Сюзанна знала, что может доверить своё будущее Иисусу, ей казалось, что Бог говорит: «Я — твой муж». Она вернулась домой с ретрита, полная надежды на будущее.

Сюзанна встречалась с полицейскими и политиками и, в конце концов, дошла до премьер-министра Малайзии. Молитвенные цепочки возникали в городах по всей стране, а затем и по всему миру. Сотни, а иногда и тысячи людей собирались в каждом месте, чтобы молиться за пастора Рэймонда. Также была создана онлайн-петиция с требованием к правительству Малайзии объяснить его исчезновение.

Несмотря на эти усилия, Сюзанна не смогла добиться успехов в своём расследовании. Из отчёта Национальной комиссии по правам человека Малайзии она сделала вывод, что к исчезновению причастна полиция. На каждом этапе Сюзанна ощущала, что они стараются помешать её успеху.

Почти три года спустя после исчезновения Рэймонда Сюзанну снова вызвали на допрос. Накануне вечером её снова охватил страх, и она почувствовала пульсирующую боль в голове.

Вдруг ей вспомнились слова из Книги пророка Исаии 43:2: «Будешь ли переходить через воды, Я с тобою, — через реки ли, они не потопят тебя; пойдёшь ли через огонь, не обожжёшься, и пламя не опалит тебя». Она подумала о Псалме 45:2, 11:

Сюзанна: Надежда, которую мы имеем

«Бог нам прибежище и сила, скорый помощник в бедах» и «Остановитесь и познайте, что Я — Бог». Затем ей вспомнился отрывок из 2 Послания Коринфянам 12:9: «...довольно для тебя благодати Моей». Сюзанна начала петь слова о вознесении хвалы перед Господом в присутствии врагов, и её головная боль утихла. С обновлённой уверенностью в Господе она смогла уснуть.

На следующий день, когда офицер начал допрос, Святой Дух помог ей говорить смело и уверенно.

— Вопросы, которые вы задаёте, не имеют отношения к поиску Рэймонда. Вы должны искать его врагов, тех, кто желал его смерти или заключения.

Она вышла из полицейского участка, будучи убеждённой, что Бог всегда будет с ней в трудные моменты.

Сюзанна знала, что политическая и судебная системы Малайзии пронизаны коррупцией, скандалами и злом, но она старалась сосредоточиться на более широкой картине: Бог проводит очищение в Малайзии, и Ему нужно вынести на свет всё тёмное и злое. Будучи христианкой, Сюзанна знала, что ей нужно молиться о том, чтобы Божья воля восторжествовала в её стране, поэтому она молилась, чтобы власти познали Господа.

— Чтобы в Малайзии произошли трансформации, изменения должны произойти в жизнях людей, — говорила она.

В последовавшие после исчезновения Рэймонда годы тысячи христиан из разных стран мира отправляли письма и открытки Сюзанне и её детям.

— Это очень поддерживало нас в трудные моменты, особенно во времена праздников, таких как Рождество, — рассказывает женщина. — Бог использовал Священное Писание, которое они вкладывали в открытки, чтобы ободрить нас. Я вижу, как Бог действует через жизни этих христиан. Когда они молятся, их молитвы возносятся к Богу на небо, как фимиам, как аромат, как благоухание. Я очень благодарна за молитвы святых.

Пламенные сердца 2

Но даже среди этих проблесков надежды и поддержки всемирного Тела Христа Сюзанна нередко переживала уныние.

— Для нашей семьи было очень сложно не знать, что случилось с пастором Рэймондом, не знать, где он находится, как бы замерев в своём горе. Мы не знаем, жив ли он, мёртв ли. Однако среди этого всего мы держимся: у нас есть живая надежда, потому что мы верим во Христа. Мы верим в Его воскресение. И поэтому, если что-то случится с пастором Рэймондом, он с Богом, и Бог с ним. И ещё: у нас есть надежда на то, что однажды мы увидим его. Поэтому мы пытаемся справиться с горем и быть стойкими, учиться принимать ситуацию такой, какая она есть, с неопределённостью, с неизвестностью. Мы испытали благодать Божью, потому что Он обещал: «...довольно для тебя благодати Моей⁸, ибо сила Моя совершается в немощи». И поэтому мы обращаемся к Богу с сокрушёнными сердцами, и Он встречает нас там, где мы находимся.

— Именно благодаря силе и благодати Божьей я могу каждое утро встать с постели. Именно близкие отношения с Богом, утреннее время тишины, чтение Его Слова толкают меня вперёд. Также я понимаю, что, возможно, у Бога есть цель, хотя и не желаю, чтобы такое произошло с кем-либо. Это сблизило нас как семью, сблизило с Богом, а также принесло много положительных процессов в церкви Малайзии — единство среди церквей и дух молитвы.

Продолжая ожидать новостей о местонахождении Рэймонда, Сюзанна и её взрослые дети не прекращают помогать бедным и нуждающимся через свою благотворительную организацию «Общество надежды», направляя ресурсы, которые Бог предоставляет им, в руки тех, кто нуждается в них больше всего. Сюзанна также продолжает продавать ювелирные украшения, чтобы обеспечивать свою семью. В последующие после

⁸ Послание к Коринфянам 12:9.

Сюзанна: Надежда, которую мы имеем

исчезновения Рэймонда годы Бог продолжает заботиться о ней и её детях.

— Я только хочу быть в центре Божьей воли, и если Он хочет использовать меня, чтобы быть голосом для тех, у кого этого голоса нет, говорить о несправедливости, то я охотно буду делать это ради Божьего имени и стану сосудом, который Он может использовать для Своей славы и чести.

— Со временем мы будем видеть всё больше людей, подвергающихся преследованиям, грядут страдания, — говорить Сюзанна, размышляя о Книге Откровение 5:9 и 7:9, любимых библейских стихах Рэймонда. — Будут мученики. Но, в конце концов, мы увидим людей из всех племён, народов и языков, поклоняющихся Богу на небесах. Это та надежда, которая у нас есть. Наши жертвы имеют смысл, и я верю, что Рэймонд посчитал бы достойным пострадать за Христа.

Из первых уст **Сабина**

29 февраля 1948 года муж Сабины Вурмбранд, Ричард, так и не дошёл до здания своей церкви. Он был похищен с улиц Бухареста, Румыния, сотрудниками коммунистической тайной полиции, которые хотели заставить замолчать этого смелого пастора.

Мы сидели молча, ожидая Ричарда. А он всё не приходил. Мы обзвонили все больницы. Я обошла все отделения

неотложной помощи, думая, что он мог попасть в аварию. Никаких следов.

Так начались часы, недели и годы поисков. Походы от одного учреждения к другому. Попытки открыть дверь любого кабинета, которая только могла открыться.

Я узнала, что особо важных заключённых держат в подвалах Министерства внутренних дел. В то время своих арестованных мужей, сыновей и отцов искало так много женщин, что для обработки запросов открыли «справочное бюро». Лестница, ведущая к его окошку, была забита матерями и детьми. Они стояли, в отчаянии ожидая новостей.

Каждая по очереди называла имя пропавшего близкого человека. Чиновники делали вид, что проверяют списки. Они заглядывали в картотеки. Однако следов большинства пропавших найти не могли.

Ходили слухи, что Ричарда увезли в Москву. А я всё не могла поверить, что он исчез из моей жизни. Вечер за вечером я готовила еду и сидела у окна. «Сегодня он обязательно придёт, — думала я. — Ведь он ничего не сделал. Его скоро отпустят. Коммунисты не могут быть хуже фашистов, которые всегда отпускали его через неделю или две».

Он не пришёл. Я прижалась лбом к стеклу и заплакала. Спать легла поздно, но никак не могла уснуть. Однажды утром мы с пастором Магне Сольхаймом, коллегой Ричарда по служению в лютеранской церкви, обратились за помощью к шведскому послу, в прошлом нашему союзнику, который сказал, что сразу же обратится к министру иностранных дел Ане Паукер.

Ответ Паукер последовал незамедлительно: «По нашим данным, пастор Вурмбранд бежал из страны с чемоданом долларов, доверенных ему для помощи голодающим. Говорят, сейчас он прячется в Дании».

Посол поднял этот вопрос перед премьер-министром Петру Грозой, который повторил версию Паукер, шутливо добавив:

Пламенные сердца 2

— Вы считаете, что Вурмбранд в наших тюрьмах? Если сможете доказать это, я его освобожу!

Настолько коммунисты были уверены в себе.

Оказавшись в секретных тюремных камерах, человек переставал существовать. Никто больше не мог вмешаться и помочь ему. Единственная оставшаяся надежда, которую питали тысячи людей, — это подкуп. И цена такой услуги была высокой. Мы собрали сумму с большим трудом, и она была передана.

Впрочем, ничего не произошло.

Это был не первый и не последний раз, когда нас обманывали. Мы ничего не могли поделать. Я встречала множество воров и преступников, но эти в своём роде были профессиональными мошенниками. Некоторые были высокопоставленными чиновниками. Некоторые из них были номинальными коммунистами.

Через несколько месяцев напрасно предпринимаемых нами усилий вечером в церковь зашёл незнакомец. Мужчина был небрит, и от него несло сливовицей. Он настаивал, чтобы мы говорили наедине.

— Я знаком с вашим мужем, — сказал он.

Моё сердце тотчас же замерло.

— Я — надзиратель, и не спрашивайте, в какой тюрьме. Но я ношу ему еду, и он сказал, что вы хорошо заплатите мне за новости о нём.

— Это зависит... сколько? — спросила я.

Мы уже потерпели так много неудач.

— Я рискую своей шеей, сами понимаете.

Названная им сумма была огромной. Он не хотел торговаться.

Пастор Сольхайм сомневался так же, как и я. Он сказал надзирателю:

— Принеси мне несколько слов, написанных рукой Вурмбранда.

Он дал мужчине плитку шоколада из гуманитарной помощи голодающим.

— Отнеси это Вурмбранду и принеси обратно сообщение с его подписью.

Два дня спустя мужчина вернулся. Он снял кепку, вынул из-под её подкладки обёртку от плитки шоколада и вручил мне её. Я прочитала: «Моя дорогая жена, благодарю тебя за твою сладость. Я здоров. Ричард».

Это был его почерк. Смелый и чёткий, решительный, но взволнованный. Никаких сомнений в подлинности этих бурных и одновременно уверенных строк.

— С ним всё в порядке, — заверил надзиратель. — Некоторые не могут выдержать одиночество. Не любят оставаться в своей собственной компании. — От него исходил жуткий запах водки. — Он передаёт, что любит тебя.

Мы согласились заплатить деньги, если он будет продолжать передавать сообщения. Он ответил:

— Ладно. Но за это можно получить двенадцать лет. Но, знаете, дело ведь не только в деньгах.

Этот человек рисковал своей свободой из-за двойной любви: он любил деньги и любил выпивку, которую он покупал. Но он также любил Ричарда. Иногда он просовывал ему хлеб вне нормы. Он продолжал приносить нам устные сообщения.

Сольхайм и его жена немедленно бросили все остальные дела и сосредоточились на моей поддержке и спасении Ричарда. Пастор Сольхайм пошёл со мной в шведское посольство, где нас сразу же принял посол. Увидев клочок бумаги с почерком Ричарда, он быстро составил записку премьеру: «Вы обещали освободить пастора Вурмбранда, если мы сможем доказать, что он находится в румынской тюрьме. Теперь у меня на руках доказательство».

Гроза передал записку Ане Паукер в Министерство иностранных дел. Шутка премьер-министра спровоцировала

Пламенные сердца 2

конфликт. Паукер вызвала посла и устроила ему скандал. Если она сказала, что Вурмбранд бежал в Данию, значит, он бежал. И это не обсуждается. Она не позволит оскорблять себя послу какой-то малой державы, который суёт нос во внутренние дела её страны. Она не обманщица!

Так посол был объявлен персоной нон грата. Вышестоящее руководство усомнилось в мудрости его вмешательства. Ричард был гражданином Румынии, хотя и работал в иностранной миссии. Посол был отозван в Стокгольм и отправлен в отставку с дипломатической службы.

Затем Сольхайм, который считал Румынию своей второй родиной, был вынужден покинуть страну. Он отождествлял себя с нами и своей миссионерской организацией. Однако он больше ничем не мог помочь. Но у нас всё ещё оставались верные друзья, хотя быть дружелюбным по отношению к нам означало подвергать себя опасности.

Я плакала, думая о том, что Ричард в этот момент может подвергаться пыткам. Я боялась, чтобы он не сломался и не предал наших друзей. Он обещал, что умрёт, но не сделает этого, но кому известно, сколько может вынести человек? Пётр также обещал, что не отречётся от Христа.

Если Ричард умрёт, я знала, что мы встретимся в вечной жизни. Мы договорились ждать друг друга у одних из двенадцати ворот небес. Мы решили, что нашим местом встречи будут Вениаминовы врата. Иисус назначил встречу Своим ученикам в Галилее после Его смерти. И Он выполнил Своё слово.

Сабине также удалось узнать, где Ричард находился в заключении, увидеть его и даже пообщаться с ним — и всё это с помощью её подруги Бьянки. Вы можете прочитать историю Сабины в первом томе книги «Пламенные сердца».

Бьянка

Иисус, её постоянный спутник

БРАШОВ, Румыния

1945 ГОД

Распространение Библий среди советских солдат было рискованным занятием для любого христианина, живущего в Румынии, особенно для женщин. Русские были печально известны изнасилованиями. Многих их жертв находили с перерезанными горлами.

Двадцатилетняя Бьянка Рехниц знала, что это особенно опасная работа. Вторая мировая война только что закончилась, и коммунисты, теперь удерживавшие Румынию железной хваткой, оказались столь же жестокими, как и нацисты.

Как только все политические оппоненты были арестованы и брошены в тюрьмы, следующей группой, подвергшейся гонениям, преследованиям и попыткам заставить их замолчать, стали христиане. Некоторые церковные лидеры и прихожане вынуждены были сотрудничать с коммунистами, став информаторами тайной полиции в своих общинах.

Бьянка знала, что единственная надежда для её страны — это весть о спасении через Иисуса Христа. Она была готова рисковать жизнью, чтобы поделиться Евангелием с русскими солдатами, оккупировавшими её страну, даже если для этого нужно было тащить тяжёлую сумку с книгами на территорию советских казарм.

Пламенные сердца 2

Вот почему девушка приехала на поезде в Брашов, красивый город, расположенный в горах Трансильвании. В сумке у неё на спине были экземпляры Евангелий, тайно напечатанные пастором на русском языке.

Подходя к главным воротам территории, Бьянка встрети-лась взглядом с несколькими солдатами. Спустя несколько секунд она поняла, почему там было сосредоточено так много войск. Она наткнулась на местный штаб Советской Армии. Девушку задержали и потащили через двор внутрь здания для допроса.

Командир стоял за письменным столом и пристально рас-сматривал Бьянку. Он уже осмотрел Библии, которые были разбросаны по полу. Была ли она шпионкой? Он опять поднял одну из книжечек.

— Где ты это взяла? — насмешливо спросил он.

Если бы Бьянка сказала правду, это поставило бы под угрозу её пастора, который послал её на это задание. Если бы она назвала его настоящее имя — пастор Ричард Вурмбранд — его нашли бы, арестовали, подвергли пыткам и присудили к высшей мере наказания или же отправили в лагеря принуди-тельного труда в холодную Сибирь.

— Это книги Британского библейского общества, — отве-тила девушка.

Офицер покачал головой.

— Кто его возглавляет? Как его имя?

— Простите, но я не знаю, — ответила она. — Британское библейское общество находится в Лондоне, а не в Румынии. Я никогда не была в Лондоне, поэтому я не знаю, кто его возглавляет.

— Кто им руководит?! — закричал мужчина. — Назови его имя!
Бьянка опять дала тот же ответ.

Снова и снова офицер кричал, его лицо краснело, а по сторонам разлетались брызги слюны. И каждый раз Бьянка

отказывалась дать какую-либо информацию, которая могла бы поставить под угрозу её пастора и их церковную общину в Бухаресте.

Через тридцать минут офицер наконец сдался.

— Отведите её в милицию, — приказал он, — и допрашивайте, пока она не сознается.

Бьянка родилась в Бухаресте, столице Румынии, в 1925 году. В то время вся страна страдала от бедности, и овдовевшая мать Бьянки, слишком больная и бедная, чтобы заботиться о ней, поместила её в приют для еврейских девочек. Ей было всего три года.

Приют был строгим, с равнодушным персоналом, который едва выполнял свои минимальные обязанности по обеспечению детей пищей, одеждой и по их обучению. В первые годы жизни Бьянка почти не испытывала радости и любви со стороны окружающих. Она была самой младшей девочкой в приюте на целое десятилетие. Будучи совершенно одинокой и постоянно скучая, она просила старших девочек научить её читать. И они не только научили её читать и писать, но и стали ей «матерями», которые пытались заполнить пустоту в её сердце.

Приют финансировали богатые еврейские семьи, жившие в сельской местности, однако у них почти не было прямого контакта с детьми. А без регулярного надзора персонал приюта часто воровал еду, предназначенную для сирот, чтобы кормить свои семьи.

Однажды приют посетил президент комитета правления, чтобы расследовать тревожный сигнал: дети получали только миску супа и початок кукурузы на ужин. Президент опросил старших девочек, чтобы выяснить, действительно ли это правда. Опасаясь мести, они боялись сказать правду и молчали.

Пламенные сердца 2

Однако восьмилетняя Бьянка, которая устала от голода, смело высказалась.

— Да, это правда, — заявила девочка, заслужив тем самым уважение других воспитанниц.

Персонал, однако, счёл её ответ предательством. После этого случая жизнь Бьянки стала настолько трудной, что она часто убегала от своей беды и находила укрытие, прячась в большом деревянном сундуке.

Бьянка была в восторге, когда в приют прибыла ещё одна младшая девочка. Наконец у неё появилась подруга для игр! Девочка была прелестной и обладала красивым голосом. Вечерами она пела песни об ангелах, играющих на арфах, и о месте под названием небеса, где улицы вымощены чистым золотом, и о человеке по имени Иисус. Её песни обещали тёплое, солнечное место, без плача или слёз — место, совершенно не похожее на серую жизнь, которую Бьянка влачила в приюте. Маленькая девочка, как и Бьянка, не понимала песен, которые она пела, однако её пение делало их обоих счастливыми.

В приюте раввин обучал детей еврейским традициям и призывал гордиться своим наследием. Но когда антисемитизм проник в Восточную Европу из Германии, еврейское образование было внезапно запрещено. Бьянка и другие девочки продолжили обучение религии в ближайшей православной школе. Поскольку православная церковь была преобладающей в Румынии, раз в неделю в школу приходил священник и преподавал христианскую религию. Он освобождал от урока Бьянку и ещё двух еврейских девочек.

— Вам не обязательно быть на моём уроке, — говорил он им, — поскольку христианство — это наша религия, а не ваша.

Подруги Бьянки радовались дополнительному свободному времени и играли на улице, а Бьянка оставалась, чтобы узнать больше об Иисусе. Её внимательность привлекла внимание старого священника.

Бьянка: Иисус, её постоянный спутник

— Стыдно вам, — говорил он христианским детям в классе. — Она, кто принадлежит к другой религии, более приемлема, чем вы!

Когда Бьянке исполнилось шестнадцать лет, ей пришлось покинуть приют и самой зарабатывать на жизнь. Но куда ей было идти? Несмотря на то, что она была свободной, образованной девушкой, она ощущала пустоту в душе. Она мало знала о жизни вообще, о жизни в любящей семье, о принадлежности к обществу и отношениях с другими людьми, поэтому она вернулась домой к матери, которая всё ещё была очень больна.

В их маленьком, однокомнатном доме не было отопления. Там была только одна узкая кровать. Бьянка спала на полу. В суровую, холодную зиму она не могла даже выйти из дома, потому что у неё не было тёплой одежды. Мать ходила в местный пункт питания для евреев, где брала горячий суп. Однако к тому времени, когда она возвращалась, суп уже был холодным, и они не могли тратить драгоценное топливо, чтобы разогреть его. Керосиновая плита давала достаточно тепла, только чтобы они не замёрзли насмерть.

В конце концов Бьянка приобрела тёплую одежду и стала ходить на прогулки вместе с матерью. Однажды, когда они гуляли по городу, мать внезапно остановилась и указала на старика с тростью на другой стороне улицы.

— Это твой отец, — сказала она.

Бьянка была шокирована. Всё это время она думала, что отец её брата, который к тому времени уже умер, был и её отцом. Мать перевела дочь через дорогу и представила их друг другу, однако встреча оказалась странной и натянутой. Бьянка вернулась домой с новой болью о своём прошлом, добавившейся к страданиям и путанице настоящего.

Однажды утром Бьянка проснулась и поразилась странному зрелищу — её мать стояла на коленях на полу и молилась Иисусу. Мать Бьянки была дочерью строгих еврейских родителей, но в какой-то момент она, очевидно, стала христианкой.

Вскоре после этого в их район приехал молодой еврей, который стал раздавать брошюры и Новые Заветы еврейским семьям. Бьянка с друзьями безжалостно издевались над ним.

— Как человек может быть одновременно евреем и христианином?! — смеялись они. — Наверняка у него не все дома!

Впрочем, когда он пригласил Бьянку принять участие в праздновании Рождества в доме пастора, её отношение изменилось. Мать, желая увидеть, как другие евреи празднуют Рождество, настояла на том, чтобы пойти.

Внутри дома пастор — худой, высокий мужчина — открыл Библию и прочитал о страждущем слуге Господа из 53-й главы Книги пророка Исаии. Он говорил о Его смерти и воскресении и о том, как народ не узнал своего Мессию и Спасителя.

— Знаете ли вы, дорогие гости, — сказал пастор, — что Рождество на самом деле самый прекрасный еврейский святой день и должно праздноваться нами как таковой?

Он перевернул страницу Евангелия от Иоанна и прочитал:

— Пришёл к своим, и свои Его не приняли⁹. — Пастор сделал паузу. — Величайшая трагедия нашего народа, — продолжил он, — не признать своего Мессию.

После проповеди, когда присутствующие общались, Бьянка повернулась к подруге и спросила:

— Как зовут этого пастора?

— Это Ричард Вурмбранд, — ответила та.

Проповеди и наставления пастора Вурмбранда заинтересовали Бьянку. Она хотела узнать больше об Иисусе, но одновременно желала оставаться свободной и наслаждаться жизненными удовольствиями. В течение трёх лет девушка

⁹ Евангелие от Иоанна 1:11.

Бьянка: Иисус, её постоянный спутник

отказывалась принять главенство Христа, хотя продолжала посещать собрания в доме пастора Вурмбранда и слушать истину, которую он проповедовал.

Бьянка узнавала всё больше и больше об Иисусе из Назарета, однако бедность, голод, нищета и отчаяние продолжали преследовать её. Однажды боль стала настолько невыносимой, что Бьянка решила покончить с жизнью. Она подошла к краю озера и бросилась в воду.

На противоположном берегу стоял человек, заметивший, как Бьянка готовится к отчаянному поступку. Он прыгнул в воду, доплыл до тонущей девушки и спас её.

Однажды днём, подходя к дому, Бьянка обнаружила, что он охвачен пламенем. Ещё более болезненным для девушки, которая познала в жизни так мало любви, было то, что её мать сгорела заживо.

Снова оставшись одна, Бьянка чувствовала себя беспомощной. «Даже Иисус, — думала она, — не может вытащить меня из безнадёжности». Постепенно, скорбя о смерти матери, Бьянка становилась всё более благодарной за веру, которую та передала ей. Это было наследие, более ценное, чем любое другое. Мать водила её в церковь и учила молиться.

В следующем году Бьянка решила, что достаточно долго убегала от Бога. Она отказалась от своей мирской, греховной жизни и приняла крещение, которое преподал пастор Вурмбранд. Девушка решила посвятить себя помощи пастору и его жене Сабине в их служении евреям, которым они занимались уже в течение нескольких лет. Бьянка была настолько исполнена радости Господа, что больше не сосредотачивалась на своей бедности и не завидовала тем, кто жил в большем достатке. Теперь ей не приходилось нести тяжкое бремя одиночества и грусти, которое тяготило её большую часть жизни. Наконец она обрела внутренний мир и цель жизни. Бьянка уже не была одна, теперь она знала, что она — часть Божьей семьи.

Ричард и Сабина Вурмбранд воспитывали Бьянку в вере и стали для неё семьёй. После Второй мировой войны Вурмбранды также заботились о многих еврейских детях, которые осиротели, когда их родители погибли в нацистских концлагерях. Любовь Вурмбрандов к этим одиноким детям глубоко тронула Бьянку и раскрыла её сердце для Бога.

Впрочем, новообретённая вера Бьянки подверглась испытанию, когда однажды она шла по бухарестской улице и увидела своего отца, слабого и больного, который еле ковылял. Она сердито покосилась на него. «Он ни разу не связался со мной, даже на мой день рождения, — подумала девушка. — Я ничего ему не должна».

Первым инстинктом Бьянки было пройти мимо, однако её сердце, теперь тронутое Иисусом, подсказывало отвести отца в миссию и дать ему пакет с едой, как она поступала с другими нуждающимися. Там Сабина напомнила Бьянке, что так же, как она обрела прощение, она должна научиться прощать. Отец был поражён, что дочь помогла ему, а сама девушка была ещё больше поражена силой Бога изменить её сердце.

Затем, под предлогом «освобождения» Румынии от нацистов, советская армия вторглась и устроила в обедневшей стране ещё больший террор. Пастор Вурмбранд ощущал, что Бог призывает его свидетельствовать этим русским, живущим во тьме атеизма под гнётом коммунистического правительства. Он тайно организовал печать тысячи копий Евангелий на русском языке и собрал небольшую группу молодых людей из своей церкви, которые распространяли их среди солдат на улицах. Пастор обучил своих новоиспечённых миссионеров и подготовил их к опасной работе.

Бьянка вызвалась пойти на задание, хотя боялась жестокости и зверств солдат советской армии. Все её молитвы

Бьянка: Иисус, её постоянный спутник

сводились к двум просьбам: «Защити Евангелия от рук тех, кто захочет сделать из них сигареты. Защити моё тело от безжалостных солдат».

БРАШОВ, Румыния
1945 ГОД

Бьянка стояла в отделении милиции и ждала решения офицера, от которого теперь зависело, как всё пойдёт дальше. Поступил приказ отправить её на допрос комиссара в административный центр уезда, город Плоешти, примерно в тридцати пяти милях к северу от Бухареста. Бьянка собрала свою стопку русских Евангелий и засунула их обратно в большую сумку.

Солдат сопровождал Бьянку до железнодорожной станции. Окружённая солдатами и охваченная ужасом перед предстоящим допросом, она почувствовала, как поезд начал медленно двигаться. А вскоре пейзаж за окном стал проплывать всё быстрее и быстрее.

Первой остановкой на пути Бьянки было небольшое отделение милиции. Солдат вывел девушку из поезда и отвёл туда. Он оставил её в холле, а сам пошёл поговорить с дежурным. Бьянка пыталась подслушать их разговор. Было очевидно, что новый дежурный, который должен был сменить прежнего, не появлялся.

— Мне нужно домой. Так жарко, а я не переодевался уже два дня, — мужчина вздохнул. — Я так голоден, но как я могу уйти, на кого оставить эту арестованную?

«Они говорят обо мне», — подумала Бьянка.

— Можешь идти, — убеждал его сопровождающий Бьянки.

Пламенные сердца 2

— А если она сбежит? Здесь такая глушь, что она легко сможет скрыться под покровом темноты.

— Говорю тебе, можешь сходить домой. Я знаю: эти люди не бегут от ответственности.

— Эти люди? — удивилась Бьянка.

— Я знаю их, — продолжил мужчина. — Мне часто приходится иметь с ними дело.

Внезапно смысл слов мужчины стал ясен Бьянке. Эти люди, должно быть, христиане!

Мужчины вышли из отделения, оставив Бьянку одну. Солнце уже село, и женщина стала обдумывать свои возможности. Она почувствовала сильное желание бежать. Никто не увидит её, и она сможет избежать ужасного допроса.

Однако что-то удерживало её от бегства. У неё в голове продолжали звучать слова офицера: «Эти люди не бегут от ответственности». Как оказалось, он знал других арестованных христиан, которые оставили по себе такое хорошее свидетельство. Как она могла разрушить его?

Как я могу вести себя так трусливо, когда другие поступали так смело?

Бьянка оставалась в отделении, пока поздно вечером не возвратился дежурный.

Во время дальнейшего пути сопровождающие ругали и запугивали Бьянку.

— Увидишь, что с тобой будет завтра, — сказал один из них, скривившись в злой ухмылке.

На следующее утро, когда они прибыли в Плоешти, Бьянке предстоял допрос комиссаром полиции.

— Ты не только поставила под угрозу всех нас и всю страну своей подрывной деятельностью среди советской армии, — не унимался офицер, — к тому же, чтобы допросить тебя, нам пришлось побеспокоить самого комиссара в его выходной

Бьянка: Иисус, её постоянный спутник

день. Ты действительно заслуживаешь наказания, которое тебе предстоит.

Впрочем, Бьянка не волновалась. До конца поездки она ощущала сверхъестественный мир. Не в силах сдержать прилив радости, переполнявшей её сердце, она всю ночь пела гимны, утешаясь присутствием Бога, в Котором не было никаких сомнений.

В субботу вечером поезд наконец прибыл в Плоешти. На следующее утро Бьянку привели к комиссару.

Она сняла с плеча сумку с Библиями и поставила её у ног. Бьянка внимательно изучала комиссара, размышляя, как пройдет допрос. Им был представительный пожилой человек, который сидел за большим столом. Вокруг него по стойке смирно молча стояла дюжина молодых офицеров.

— Ну что ж, девушка, — наконец сказал комиссар, — расскажите-ка, что заставило вас заниматься подрывной деятельностью среди советских солдат? Что побудило вас к этому?

Бьянка никогда не считала себя особенно смелым человеком. Но она знала, что Бог укреплял её смелостью с самого детства и удалял из её сердца остатки страха. Девушка глубоко вздохнула и начала говорить.

— Гражданин начальник, — сказала она, — я верю, что советская армия здесь не случайно. Я верю, что её присутствие здесь допустил Бог.

Она сделала паузу, чтобы посмотреть на лицо комиссара, но его выражение не выдало его реакции.

— Эти люди, — продолжила она, — многие годы насильно удерживаемые во тьме атеизма после большевистской революции, теперь пришли в нашу христианскую страну, чтобы

получить свет Евангелия через нас для своего спасения. Христос умер и за их грехи.

Комиссар строго посмотрел на Бьянку, и она затаила дыхание. Постепенно на его лице появилась невыразительная улыбка. Он покосился на молодых офицеров.

— Послушайте, товарищи, — начал он, — я убеждён, что если бы в нашей стране было побольше таких молодых людей, то наша страна избежала бы многих бед.

Он снова повернулся к Бьянке.

— Можешь идти. Ты свободна!

Широко раскрыв глаза и с трудом веря в только-что произошедшее, Бьянка быстро схватила свою тяжёлую сумку с Евангелиями и молниеносно покинула кабинет. Она вырвалась на солнечный свет, с облегчением глубоко вздохнула и направилась на вокзал, чтобы сесть на поезд домой.

С того дня каждый раз, когда её арестовывали русские солдаты в этом районе, по звонку комиссара полиции её освобождали.

Однажды Бьянку задержали в курортном городке в горах Трансильвании. Пока она ждала на полицейском участке, звонил телефон.

Когда дежурный офицер положил трубку, он посмотрел на Бьянку и улыбнулся.

— Ты свободна. Но почему же ты раньше не сказала, что ты знаешь нашего комиссара?

Бьянка наивно ответила:

— Да, мы познакомились после моих предыдущих арестов русскими.

Офицер снова улыбнулся и выразил неожиданную просьбу:

— Прежде чем уйти, ты можешь сделать мне одолжение? Постирай мои носки. Сегодня так жарко, а я уже несколько дней не был дома, чтобы переодеться.

Бьянка: Иисус, её постоянный спутник

Бьянка рассердилась. Как смеет этот дурак просить её о таком унижительном одолжении! Особенно сейчас, когда он узнал, какой у неё высокий покровитель — его высший начальник!

Но тут же Господь заговорил с Бьянкой: «Разве Я не мыл пыльные ноги Своих учеников? Разве ты больше своего Учителя?» Бьянке стало стыдно за своё высокомерие. Она взяла вонючие носки мужчины, постирала их и повесила сушиться перед тем, как вежливо уйти из полицейского участка.

Годы спустя, после того как Бьянка уехала из страны, она встретила румынского проповедника, который знал комиссара полиции из Плоешти.

— Неужели этот человек был тайным верующим? — спросила Бьянка.

— Конечно! — ответил мужчина. — Я хорошо знал его. Это комиссар Маринеску. Его сестра была членом моей церкви.

Только по прошествии тридцати лет Бьянке довелось узнать, кем на самом деле был её защитник. Комиссар помогал многим евреям скрываться от нацистских преследователей, а христианам — от преследований коммунистическим режимом. Каждый раз, когда к нему приводили христианина, задержанного за «незаконную подрывную деятельность», комиссар приказывал оставить их наедине для «допроса». Он запирали дверь кабинета, доставал Библию и говорил:

— Я тоже христианин. Давай вместе почитаем Божье Слово и помолимся.

Со временем комиссар был арестован русскими и провёл в тюрьме двенадцать лет.

Господь исполнил две просьбы, с которыми Бьянка обращалась к Нему в молитве, когда начинала служение благовестия. Невзирая на то, что её много раз ловили во время распростра-

нения Евангелий, и на то, что её арестовывали, угрожали ей и ругали её, Бог защитил её тело. Иисус всегда посылал «ангелов с человеческими лицами», которые появлялись в нужный момент, чтобы спасти девушку от злых рук.

Кроме того, огромную тяжёлую сумку с Евангелиями на русском языке, которую она носила в течение многих лет, никогда так и не конфисковали. Казалось, Бог ослеплял глаза русских относительно сумки Бьянки. Через день или два солдаты всегда освобождали её с сумкой, полной русскоязычных Евангелий, готовых к распространению среди тех, кто нуждался в благой вести об Иисусе Христе.

Однажды, когда Бьянка стояла перед зданием миссии, раздавая трактаты и приглашая прохожих покаяться и обратиться к Иисусу, она заметила знакомое лицо. Это был мужчина, который спас её от самоубийства через утопление. Он также сразу узнал девушку.

Бьянка протянула мужчине трактат.

— Я очень благодарна вам за то, что спасли мою жизнь здесь, на земле. Теперь я хочу видеть вас спасённым на всю вечность.

Мужчина с радостью взял её христианские материалы, и, когда они расстались, он задумался о «случайной» встрече с Бьянкой.

Часто Бьянка использовала творческие стратегии, чтобы передать экземпляры Евангелий на русском языке солдатам. Она знала, что сотрудник КГБ всегда ехал в передней части поезда, передислоцировавшего советские войска, поэтому она ждала на платформе рядом с последним вагоном. В тот самый момент, когда поезд начинал двигаться, она бросала Евангелия через открытые окна, прямо на колени солдатам. Мужчины хватали их и прятали под форму. К тому времени, как спереди осознавали, что происходит, было уже слишком поздно что-либо предпринять. Всё, что мог сделать сотрудник КГБ, — это потрясти кулаком в

Бьянка: Иисус, её постоянный спутник

сторону Бьянки и выругать её, в то время как поезд уносил его прочь от неё.

Бог совершил в сердце Бьянки мощную работу. Она провела много лет в детском доме, ища безопасности и прячась в деревянном сундуке, чтобы её не могли ранить. Но теперь прибежищем девушки был Иисус. В Его объятиях она чувствовала себя в безопасности.

Бьянку, которой предстояло ещё многому научиться о любви, этого научили Ричард и Сабина Вурмбранд.

Когда русская армия вторглась в Румынию после Второй мировой войны, немецкие солдаты, оставшиеся после отступления основной части нацистских войск, вынуждены были выживать самостоятельно. Те, кто не был арестован, оказались в тяжёлом и отчаянном положении. Забытые теми, кому они служили, ненавидимые румынами и преследуемые советской армией, они не могли найти себе безопасного места.

Как-то ночью Ричард и Сабина обнаружили в своём сарае троих молодых немецких солдат, всё ещё в нацистской форме, которые прятались там от преследователей. Они накормили напуганных мужчин и постирали их одежду.

В то же время дом Вурмбрандов тайно посещали советские солдаты, чтобы расспросить о Боге. У них зарождались сомнения в коммунизме, и они хотели узнать больше о христианстве.

Когда близкие друзья узнали, что в сарае Вурмбрандов прячутся беглые нацисты, а в доме собираются советские солдаты, они очень испугались. А вдруг представители враждующих армий обнаружат друг друга? Разве Вурмбранды не понимали, какой страшный риск они берут на себя? Их могли предать, а потом расстрелять без суда и следствия.

Однако Ричард был невозмутим.

Пламенные сердца 2

— Бог велел нам любить наших врагов, и я продолжу так поступать, — спокойно парировал он. — Держать немцев и русских порознь — это дело Бога.

«Как я могла не верить в Спасителя, Который даёт Своим последователям силу прощать и помогать даже тем, кто причинил им вред?» — думала Бьянка.

Она видела этот новый, незнакомый ей раньше вид любви, и это навсегда изменило её.

Жизнь была сложной и полной трудностей, поскольку Бьянке и её собратьям по вере ежедневно приходилось рисковать, помогая друг другу физически, эмоционально и духовно. Если бы они не могли поддерживать друг друга в вере и собираться для взаимного ободрения, то могли потерять надежду. А надежда Бьянки вскоре подверглась испытанию.

В воскресенье 29 февраля 1948 года Бьянка, как обычно, пошла в церковь, а придя, была удивлена, обнаружив, что пастора Вурмбранда всё ещё нет и никто не знает, где он. Обычно пастор приходил заблаговременно, чтобы помолиться и подготовиться к богослужению. «Как странно...» — подумала Бьянка.

В тот день и все последующие за ним пастор Вурмбранд так и не появился. Казалось, он просто исчез с лица земли.

Вскоре христиане из общины пастора Вурмбранда поняли, что означает его исчезновение. Он, должно быть, был похищен коммунистической тайной полицией по дороге в церковь. Бьянка слышала и о других, кто таинственно исчезал и отправлялся на «перевоспитание» или же был убит русскими «освободителями» в их лагерях принудительного труда.

Прошло шесть месяцев, а о местонахождении Ричарда не было совершенно никаких новостей. Сабина непрерывно искала информацию о нём. Она неоднократно становилась

Бьянка: Иисус, её постоянный спутник

добычей мошенников, выдававших себя за чиновников с правительственными связями, однако на самом деле охотившихся за уязвимыми вдовами и матерями. К сожалению, у неё не было никаких зацепок, чтобы найти своего пропавшего мужа.

Однажды к Бьянке подошёл коллега пастора Вурмбранда, Магне Сольхайм.

— Я очень боюсь, что наш Ричард уже мёртв. Или если он всё ещё жив, то, должно быть, депортирован в Сибирь. За все годы моей жизни в этой стране всегда была возможность подкупить тюремных надзирателей, чтобы передать сообщение заключённому или даже вывезти его, но теперь они слишком напуганы, чтобы брать на себя такое.

— Пастор Сольхайм, — сказала Бьянка, — я уверена, что Ричард не только жив, но и находится здесь, в Бухаресте, его прячут от наших глаз, вероятно, тайная полиция.

Вскоре по городу распространился слух о том, что дважды в неделю родственники пропавших людей могли прийти в государственное учреждение, чтобы получить информацию о пропавших близких. Сабина, которая к тому времени не имела мужества пережить очередную ложную надежду, спросила Бьянку, могла ли бы она сходить в это учреждение и навести справки о своём «брате» Ричарде.

Написав заявление, Бьянка отправилась в Министерство внутренних дел. Она не знала, что в этом здании также размещалось управление службы безопасности.

Бьянка ждала во дворе перед офисом вместе со множеством других женщин, каждая из которых отчаянно искала информацию о своём близком. Женщины по одной входили в помещение и разговаривали с офицером, который держал списки имён.

Бьянка тихо завела разговор с женщиной, стоявшей рядом. Когда же она отвлеклась и стала разглядывать двор, её

Пламенные сердца 2

собеседница внезапно указала на одно из маленьких окошек правительственного здания — подвальное окно, находившееся чуть выше уровня земли.

— Посмотрите туда, — прошептала она, — на то окно, но постарайтесь не привлекать внимания. Кажется, там мужчина указывает на вас. Такое ощущение, что он хочет сказать вам что-то.

Бьянка медленно повернулась, чтобы не привлечь внимание наблюдающих за очередью охранников. Яркое августовское солнце ослепило её, но постепенно она смогла различить лицо мужчины, стоявшего в тёмном окне. Он был худой, как скелет, небритый, с тёмными, впалыми глазами. Бьянка протёрла глаза, чтобы лучше его разглядеть.

«Это он! Это он! Ричард жив!»

Понимая, что Бьянка не должна показать, что узнала его, Ричард быстро поднял руку в мимолётном приветствии и улыбнулся ей. Этого было достаточно.

Когда, наконец, настала очередь Бьянки войти, она была уверена, что дежурный офицер подтвердит то, что она уже знала — Ричард Вурмбранд жив и находится в этом самом здании в Бухаресте.

— Вурмбранд... Вурмбранд... — пробормотал мужчина, просматривая список имён. — Нет, его в нашем списке нет. Это значит, что у нас его нет, и мы не знаем, где он находится.

Так Бьянка поняла, что это якобы «предоставление информации» — не что иное, как ещё один коммунистический обман и издевательство над измученными семьями. Столкновение с такой явной ложью вывело Бьянку из себя.

— Если бы в этой стране было меньше лжецов, она была бы намного лучше! — крикнула она, выйдя из здания и хлопнув дверью.

Бьянка вернулась домой, понимая, насколько глупой была её реакция. Это было чудо, что её тут же не арестовали.

Пламенные сердца 2

С тех пор Сабина дважды в неделю приходила в правительственное учреждение, чтобы якобы подать заявление о «поиске пропавшего мужа». На самом деле эти визиты позволяли ей увидеться с Ричардом, тайно пообщаться и убедиться, что он жив. Они были благодарны Господу за то, что Он вновь показал им Своё всемогущество и способность защитить, несмотря на злые замыслы врагов.

Церковь хранила эту тайну в течение многих недель, пока Ричарда, наконец, не перевели в другую тюрьму. Они узнали, что он был «заключённым номер один», ставшим мишенью из-за своего открытого христианского свидетельства, подпольной церковной работы и категорического отказа отречься от своей веры в Бога. Неспособность сломить его разозлила коммунистических палачей и заставила их усиливать наказания и пытки.

Первые месяцы заключения Ричарда вызвали возрождение среди молодых людей его церкви. До этого они слушали его проповеди, не будучи полностью преданными Христу и Его делу; но теперь они полностью посвятили себя Ему. Если Иисус мог вдохновить Своих последователей на такую смелость, силу и верность и заставить их пастора не только жить для Него, но и быть готовым умереть за Него, то Он должен быть истинным Спасителем и Мессией.

Распространяя по Румынии Евангелия на русском языке, Бьянка одновременно работала машинисткой в государственном банке. Её зарплата была низкой, и, если ей нужно было купить пару туфель или блузку, у неё не оставалось денег на еду. Каждый день она получала талон на маленькую буханку хлеба.

Бьянка иногда вынуждена была работать шестнадцать часов в день, чтобы отработать сверхурочные часы, которые

Бьянка: Иисус, её постоянный спутник

товарищи называли «добровольным трудом» и за которые работники не получали оплаты. Тех, кто отказывался, увольняли и называли «нежелательными элементами». В её банке, как и в других учреждениях, был парторг, чья работа заключалась в том, чтобы наблюдать за сотрудниками и докладывать о них начальству. Он часто вызывал Бьянку и обвинял в распространении религиозной пропаганды среди коллег. Если она не прекратит свою «пропаганду», предупреждал он, на неё найдут управу. Бьянка понимала эту завуалированную угрозу арестом.

Однажды, когда Бьянку в очередной раз вызвали в кабинет парторга, он сразу же набросился на неё.

— Ваша Библия полна несправедливости! — сказал он.

Когда Бьянка спросила, где именно, он указал на Евангелие от Матфея 25:29: «...ибо всякому имеющему дастся и приумножится».

— Что это за социальная несправедливость, товарищ? — требовал ответа мужчина.

Молча Бьянка просила Господа помочь ей подобрать правильный ответ.

— Я объясню вам, что Господь Иисус имел в виду этими словами, — наконец ответила Бьянка. — Представим себе, что наш филиал банка недавно был отмечен руководством и при этом все сотрудники получили повышение в зарплате. Наш директор также получил его, хотя у него и так была самая высокая зарплата среди нас. Он заслужил её, ведь он на самом деле очень честный и добросовестный начальник. С другой стороны, представьте, что одна уборщица выпивала и была очень ленива. Вместо того чтобы приходить вовремя, она приходила поздно и иногда не приходила вообще. Она постоянно ссорилась с другими сотрудниками и была нерадива в выполнении своих обязанностей. Несмотря на то, что у неё была самая низкая зарплата среди нас, её в конце концов уволили бы, не так ли? И совершенно справедливо. Вот что имеет в виду Библия.

Пламенные сердца 2

Бьянка умолкла и посмотрела на парторга, надеясь, что её пример ясно передал смысл стиха. Мужчина выглядел озадаченным и ничего не говорил. Он лишь махнул рукой, дав Бьянке знать, что она может идти.

Возвращаясь на рабочее место, Бьянка вдруг поняла причину этой встречи: парторг пытался найти причину, чтобы уволить её... или, возможно, сделать что-то ещё хуже.

Летом 1950 года, когда пастор Вурмбранд находился в тюрьме уже в течение двух лет, близкие друзья Бьянки начали уговаривать её эмигрировать вместе с ними в новообразовавшееся государство Израиль¹⁰.

— Пришло время евреям ехать в Израиль, — говорили они. — Это исполнение Божьего обетования нашему народу!

Однако мысль о том, чтобы покинуть Румынию ради Израиля, расстраивала Бьянку. Она не хотела уезжать из страны сейчас, главным образом потому, что те, кого она любила больше всего, Вурмбранды, остались без какого-либо источника дохода. Когда арестовали Ричарда, коммунисты наказали всю его семью, лишив их права на работу. Несмотря на то, что её зарплаты не хватало на многое, Бьянка чувствовала, что она единственная, кто может им помочь.

Как-то воскресным вечером после богослужения Бьянка обратилась к Сабине за советом.

— Что мне делать? — спросила она. — Стоит ли ехать в Израиль или остаться здесь?

— Я предлагаю помолиться об этом, — сказала Сабина. — Давай попросим Господа показать тебе Его волю в течение трёх дней. Он обязательно даст знак, если мы попросим.

¹⁰ 14 мая 1948 года было создано государство Израиль.

Бьянка: Иисус, её постоянный спутник

Прошло три дня. На четвёртый день Бьянка, как обычно, пошла на работу в банк. Как только она переступила порог, её вызвал директор и вручил ей документ. Прочтя первые несколько строк, женщина поняла, что это приказ о её немедленном увольнении.

«Это, должно быть, и есть знак от Господа, что мне следует ехать в Израиль, — подумала Бьянка, и это очень опечалило её. — Зачем я просила Господа показать мне Его волю? — сокрушалась она. — Если бы я не молилась об этом, у меня всё ещё был бы выбор... а моя собственная воля — не ехать в Израиль!»

Бьянка вернулась домой. В слезах она упала на колени и обратилась к Господу: «Господи, в Библии Геден просил у Тебя больше, чем один знак, и Ты не рассердился на него. Ты дал ему второй знак. Я обещаю, что, если я открою свою Библию и Ты покажешь мне отрывок, который ясно и однозначно скажет мне, что Ты хочешь, чтобы я поехала в Израиль, я больше не буду Тебя беспокоить и беспрекословно подчинюсь Твоей воле».

Бьянка встала, отчаянно надеясь, что таких стихов не существует. Она взяла свою Библию, закрыла глаза, сделала глубокий вдох и положила книгу открытой на кровать. Она посмотрела на страницу и сразу же увидела отрывок из Книги пророка Езекииля 3:4–5, где написано: «И Он сказал мне: сын человеческий! встань и иди к дому Израилеву, и говори им Моими словами; ибо не к народу с речью невнятнойю и с непонятным языком ты посылаешься, но к дому Израилеву».

Бьянка закрыла Библию, и на следующий день подала заявление на эмиграцию в Израиль. Сабина собрала для Бьянки у друзей кое-какую одежду и помогла ей упаковать чемодан.

За три дня до отъезда Бьянки Сабину тоже арестовали. И теперь, когда двое людей, которых она любила больше всего, были в тюрьме, она чувствовала, что потеряла всё и у неё

больше нет причин оставаться. Ощущая страх и одиночество, Бьянка, в возрасте двадцати пяти лет, покинула родную страну, чтобы начать новую жизнь в новой земле.

Бьянка прибыла в Израиль всего через два года после Войны за независимость — сложного конфликта, включающего сначала гражданскую войну между арабами и евреями Палестины, затем декларацию ООН о разделении страны на отдельные еврейское и арабское государства и, наконец, вторжение во вновь образованное государство Израиль пяти различных арабских армий. Государство находилось в смятении. Хотя ООН, включая Советский Союз и Соединённые Штаты, официально признали новое государство, окружающие арабские соседи усердно пытались задуть его в самом зародыше.

Вскоре Бьянка узнала, что жизнь в Израиле была трудной для всех. Эмигрировавшие евреи поменяли один вид бедности на другой. Они съехались из стольких разных стран, что говорили на более девяноста языках, а среди тех, кто не владел ивритом, была широко распространена безработица. Бьянка поселилась в Хайфе и в течение многих лет выполняла разную тяжёлую физическую работу. Со временем она поступила на курсы медсестёр и начала изучать иврит.

Стремясь преуспеть в новой жизни, Бьянка стала слишком занята для Бога. В это время она стала получать письма от немца, который жил в Румынии и за которого она молилась. Его письма, написанные на примитивном румынском, предостерегали христианку от мирского духа и теплохладности в вере, но она мало обращала на них внимания. Лишь позже Бьянка поняла, что Господь использовал эти письма, чтобы помочь ей, чтобы обратить её внимание на то, что она духовно дрейфует, и напомнить, насколько она нуждается в Боге.

Бьянка: Иисус, её постоянный спутник

Во время учёбы Бьянка познакомилась с мужчиной по имени Том Адлер, который был одним из преподавателей, а также врачом в психиатрическом отделении государственной больницы. После окончания учёбы Бьянка устроилась на работу в отделение, где работал Том. Вскоре они полюбили друг друга и поженились. Их отношения поспособствовали некоторому исцелению от боли, которую они оба испытывали в прошлом.

В день рождения Бьянки Том пришёл домой с красивой красной розой.

— Мой отец всегда дарил такую розу матери на её день рождения, — объяснил он, улыбаясь молодой жене.

С тех пор каждый год Бьянка с нетерпением ждала этого драгоценного традиционного подарка.

Том был выжившим во время Холокоста евреем и атеистом. Он потерял почти всю семью в Аушвице и сам находился в нацистских трудовых лагерях почти три года.

— Где был Бог, когда столько евреев и раввинов взывали к Нему, чтобы спастись от печей Гитлера?! — спрашивал Том.

Многие пациенты его больницы также прошли Холокост. Немало из них были прикованы к постели, и большинство страдали психологическими расстройствами, причинёнными обращением нацистов. Как Бьянка узнала позже, разум заживает гораздо дольше, чем тело, и процесс его исцеления очень непрост.

Несколько месяцев спустя после свадьбы Тому начало нездоровиться. Симптомы депрессии становились всё более очевидными, и по мере того, как его болезнь прогрессировала, он был уже не в состоянии продолжать работу в психиатрии. Директор больницы, пожилой немецкий еврей, с сочувствием отнёсся к бедственному положению молодого врача и предоставил ему отпуск. Работа будет ждать его, пока он не выздоровеет.

Бьянка знала, что Тому нужно время, чтобы наконец взглянуть в глаза боли из прошлого и Богу, Которого он винил в

пережитых им обстоятельствах. Том помогал другим справляться с их болью; теперь же пришло время разобраться со своей собственной. Пока он сам не обретёт мир, он не сможет передавать его другим. Так врач стал пациентом.

Во время одной из бессонных ночей, ворочаясь в постели и борясь с мыслями, терзавшими его разум, Том взмолился, обращаясь к жене:

— Помоги мне найти хоть какое-то облегчение от этой депрессии!

— Ты пробовал медикаменты, которые назначал своим пациентам? — спросила Бьянка.

— Конечно! Я перепробовал всё, что можно, но ничего не действует»

— В таком случае, — ответила жена, — я знаю только одного врача, который может тебе помочь. Он исцелил меня и многих моих друзей, и я уверена, что Он может помочь и тебе.

— Неужели? — скептически произнёс Том. — И кто этот врач, о котором мне ничего не известно?

— Его зовут Йешуа Ха-Машиах, Иисус Христос, наш Мессия. Он обещал Своим последователям, что всё, что они попросят у Бога Отца — Бога Авраама, Исаака и Иакова, Бога наших предков — во Имя Его, будет дано им.

Бьянка сделала паузу и стала на колени возле кровати.

— Давай помолимся прямо сейчас, — предложила она. — Ты получишь возможность увидеть, правда ли то, что сказал Бог.

Том склонил колени рядом с женой и повторил слова молитвы. Когда они снова встали, Бьянка взглянула на мужа. Его глаза вновь стали ясными и спокойными. Выражение страдания на его лице полностью исчезло. Он был спокоен, более чем когда-либо за долгое время.

— Знаешь, что произошло во время той молитвы, Бьянка? — позже спросил Том. — Я почувствовал, как та ужасная тяжесть на сердце, которая угнетала меня в течение многих месяцев,

Бьянка: Иисус, её постоянный спутник

исчезла. Мне показалось, как будто во мне начал таять айсберг — сначала медленно, пока не растаял полностью. — Волнение Тома было ощутимым. — Теперь я чувствую, что снова свободен, действительно свободен!

В последующие дни Том и Бьянка делали это каждый вечер. Когда депрессия Тома возвращалась, они молились и видели, как Бог отвечает на их нужду. Бьянка была в восторге. Сердце Тома оттаяло, и он впервые почувствовал тепло исцеляющей любви Божьей.

Бьянка осознавала, что она всё ещё духовно дрейфует. Впрочем, когда она увидела, как Бог использовал её, чтобы привести Тома к вере во Христа, она покалась в своей неблагодарности и, со слезами на глазах, попросила Бога простить её.

Том так никогда и не получил ответы на вопрос, почему во время Холокоста творились такие жестокие зверства. Простого объяснения тут не существует. Однако с Божьей помощью он нашёл способ двигаться вперёд к новой жизни, будучи исполненным счастья и надежды. А Бьянка радовалась, что наконец-то у неё есть муж, который любит её, что у неё есть семья, в которой Бог — Глава и Советник. Для супругов это было новое начало, и они задавались вопросом, что же их ждёт в будущем.

В 1966 году Том решил поехать за границу, чтобы продолжить обучение и получить опыт работы в других больницах. Они с Бьянкой прибыли в Англию, где Том провёл двенадцать месяцев, повышая квалификацию в психиатрической больнице.

Вскоре после приезда Тома и Бьянки их ожидал невероятный сюрприз. К ним в гости пришли Сабина и Ричард Вурмбранд. Пастор был освобождён из тюрьмы в 1964 году в результате общей амнистии, проведя в заключении в общей сложности четырнадцать лет. Его супруга провела в тюрьме три года, включая долгие месяцы в трудовом лагере. Осознав вероятность и опасность третьего заключения пастора, группа

христиан из Норвегии добилась эмиграции семьи из Румынии. Коммунистическое правительство страны начало «торговать» своими политическими заключёнными. За пастора Вурмбранда оно потребовало 10 тысяч долларов США, что более чем в пять раз выше стандартной цены, запрашиваемой ими за политического заключённого.

Как же чудесно было для Бьянки снова встретиться с Вурмбрандами и знать, что наконец-то их страдания под коммунистическим режимом закончились! Том и Бьянка перевели на иврит книги Вурмбрандов «Пытаемы за Христа» и «Жена пастора», а затем Бьянка перевела книгу Сабины на румынский.

Когда пребывание в Англии закончилось, Бьянка и Том вернулись в Израиль, к своей работе. Со временем Том разочаровался в практике психиатрии. В начале своей карьеры он помогал в восстановлении жертвам Холокоста, а теперь он принимал больше частных пациентов, которые искали психиатрическое оправдание своих проступков. Вскоре после того, как Том и Бьянка начали молиться о Божьем ведении в своей жизни, друг из Финляндии предложил Тому пройти обучение в библейской школе, чтобы подготовиться к служению. Пара переехала в Финляндию, где он получил степень по миссиологии.

Во время последних трёх недель обучения Тома они с Бьянкой снова попросили Господа указать им дальнейший путь. Ограничения и сопротивление христианскому свидетельству помешали супругам вернуться в Израиль в качестве миссионеров. Недавно принятый закон запрещал определённые виды христианской миссионерской деятельности, а государство относилось к христианским миссионерам с большой осторожностью.

Вскоре ранним утром, когда Том и Бьянка были ещё в пижамах, раздался звонок в дверь — пришла телеграмма из Новой

Бьянка: Иисус, её постоянный спутник

Зеландии: «Дорогие Том и Бьянка, пожалуйста, готовьтесь и собирайте багаж. Вам нужно быть здесь 20 декабря. Письмо следует. Джон».

«Как любопытно!» — подумала Бьянка.

Через несколько дней пришло письмо, объясняющее загадочную телеграмму. Бьянка и Том познакомились несколько лет назад с Джоном Хисманом, когда он посетил их в Израиле по пути в Германию на конференцию миссии Вурмбрандов; он был директором миссии Вурмбрандов в Новой Зеландии¹¹, которая сообщала миру о бедственном положении преследуемых христиан в коммунистических странах.

Джон решил, что пришло время вернуться домой в Австралию, однако не смог найти никого, кто бы подошёл на должность руководителя миссии в Новой Зеландии. Джон заключил, что новым лидером может стать Том Адлер. Он сам пережил Холокост, а Бьянка пришла к Господу благодаря служению Вурмбрандов и была обучена ими.

В возрасте пятидесяти пяти лет Бьянка с мужем отправилась в Окленд. У них обоих были израильские паспорта, а все рейсы из Лондона в Окленд пролегали через арабские страны. Том и Бьянка беспокоились, что путешествие может быть слишком рискованным и им не позволят вылететь. Когда самолёт с супругами на борту приземлился в Дубае, они оставались на своих местах. Никто не заподозрил, что они евреи, и не попросил предъявить паспорта.

По прибытии в Новую Зеландию супруги с головой окунулись в работу. Они выступали в церквях, делясь посланием о преследуемых христианах, и призывали других христиан к

¹¹ Первоначально миссия называлась «Иисус коммунистическому миру», однако позже многие из миссий Вурмбранда изменили своё название на «Голос мучеников», название ежемесячного издания миссий, которое распространялось ими по всему миру.

молитве заступничества за их братьев и сестёр по вере, страдающих в коммунистических тюрьмах.

Том усердно трудился, несмотря на частые болезни. После Холокоста его здоровье так полностью и не восстановилось; хотя часто он не подавал виду, Бьянка знала, как ему нездоровится.

Три года Том и Бьянка трудились не покладая рук в Новой Зеландии, пока однажды в сентябре 1983 года Господь не забрал Тома в его вечный дом на небесах. Ему было всего пятьдесят девять лет.

Два месяца после смерти Тома Бьянка не могла молиться вообще. Она проводила молитвенные собрания у себя дома, но не могла произнести ни слова. Она была духовно нема. Спустя некоторое время женщина сняла небольшую квартиру поблизости — скромное жильё, состоящее из двух комнат и гостиной, где она продолжала проводить молитвенные собрания.

Вскоре после смерти Тома два стиха начали настойчиво звучать в голове Бьянки: «По смерти Моисея, раба Господня, Господь сказал Иисусу, сыну Навину, служителю Моисееву: Моисей, раб Мой, умер; итак, встань». Снова и снова эти слова звучали в её голове.

Разные друзья пытались обратить внимание Бьянки на то, что теперь, когда мужа нет, возможно, она должна заменить его на посту руководителя? Но Бьянка и слышать об этом не хотела. Она была секретарём своего мужа, но никогда не была руководителем. Стать директором миссии? Она пыталась справиться с горем и чувствовала себя совершенно неадекватной для этой роли.

— Как же я могу взять на себя такую огромную ответственность? — отмахивалась она.

Тем не менее Бьянка не могла избавиться от чувства, что Бог говорит с ней. Она открыла Библию на отрывке из

Бьянка: Иисус, её постоянный спутник

Книги Иисуса Навина 1:1–2, чтобы увидеть, что именно означают эти стихи.

«По смерти Моисея, раба Господня, Господь сказал Иисусу, сыну Навину, служителю Моисееву: Моисей, раб Мой, умер; итак, встань». — Бьянка застыла в шоке. Сразу после фразы были три дополнительных слова в скобках, которых она никогда не видела раньше: — «Займи его место»¹².

Прочитав эти слова, Бьянка поняла, что ей следует делать. Она переборола свои сомнения, страхи и неуверенность, сможет ли она нести огромное бремя ответственности, и согласилась стать новым директором миссии Вурмбрандов в Новой Зеландии.

Однажды днём, когда Бьянка была одна дома, внезапный крик вырвался из глубины её души, а вместе с ним хлынули и слёзы. Это был крик покаяния перед Господом. Женщина поняла настоящую причину, по которой не могла молиться. Она злилась на Бога за то, что Он так неожиданно забрал её мужа. Мужчину, которого она любила и который любил её. Того, с кем она работала и делилась всем, кто поддерживал и вдохновлял её. Теперь Тома больше не было. И женщина снова почувствовала себя совершенно одинокой.

Через несколько месяцев наступил день рождения Бьянки, первый после смерти Тома. Вспоминая прошлые дни рождения, празднуемые с мужем, Бьянка пришла к печальному осознанию того, что в этом году не будет красной розы от мужа. Традиция, длившаяся более тридцати лет, теперь ушла навсегда. Под тяжестью своих размышлений Бьянка пошла в другую комнату и принялась за работу.

Через некоторое время она вернулась и открыла окно, чтобы ободриться прекрасным солнечным днём. Вдруг её внимание привлекло что-то красное. Она наклонилась, чтобы

¹² В переводе Библии, который использовала Бьянка, в скобках было написано «Займи его место».

Пламенные сердца 2

лучше рассмотреть и не могла поверить своим глазам. К окну тянулась тонкая веточка, на конце ветки была маленькая красная розочка.

Лепестки цветка находились так близко, что Бьянка могла протянуть руку и отрезать бутон ножницами. Она выбежала на улицу, чтобы увидеть, откуда растёт роза. Маленький куст рос в саду её соседа. Одна веточка каким-то образом пробилась через забор и пыталась добраться до её окна.

В тот момент Бьянка вспомнила стих из Книги пророка Исаии 54:5: «Ибо твой Творец есть супруг твой; Господь Саваоф — имя Его; и Искупитель твой — Святой Израилев: Богом всей земли назовётся Он».

На протяжении многих лет Бьянка несколько раз посещала Румынию. Её первый визит состоялся в 1970 году, когда страна всё ещё находилась под гнётом коммунизма. Она была свидетельницей великой бедности и несчастий, причинённых режимом, который обещал так много, а выполнил так мало. Румыния лежала в руинах, и бедные обнищали ещё больше.

Впрочем, даже среди этой кромешной тьмы Бьянка видела лучи Божьей любви, ярко излучаемые христианами Румынии. Многие из них были её друзьями. Из-за своей любви и верности Господу они пережили долгие годы тюремного заключения и рабства в трудовых лагерях.

В 1989 году, после почти полувека угнетения и принудительного атеизма, коммунизм пал. Диктатора Николае Чаушеску и его жену Елену свергли и казнили. Сотни тысяч румын встали на колени на центральной площади в Бухаресте и прочитали молитву «Отче наш»: «Отче наш, сущий на небесах...», а затем спели популярный христианский

Бьянка: Иисус, её постоянный спутник

гимн, песню победы, написанную много лет назад румынским поэтом¹³, который уверовал в Господа через служение Ричарда и Сабины.

В 1991 году миссия Вурмбрандов открыла в стране первые после окончания эры коммунизма христианский книжный магазин и типографию. Когда организации понадобился более крупный склад для хранения книг, городской совет выделил им помещение, где ранее Ричард отбывал заключение.

В подвалах дворца Чаушеску находилась тюрьма, где в одиночной камере когда-то держали Ричарда и где он мечтал о том, как будет распространять христианские книги. В то время эта мечта казалась сверхнереалистичной. Теперь же, десятилетия спустя, супруги посетили новую христианскую типографию и не могли ей нарадоваться. Место смерти и отчаяния превратилось в место жизни и надежды.

«Какое огромное достижение над атеистическим коммунизмом, какая победа — думала Бьянка. — Бог по-прежнему контролирует ситуацию и в удобное Ему время отвечает на молитвы».

— В начале жизни я была одинока, — говорила Бьянка, — и вновь стала одинокой после смерти Тома. Но Иисус — мой постоянный спутник. Я вне всяких сомнений знаю, что моя полнота — в Нём. Плетущаяся роза, которую Бог послал мне в день рождения много лет назад, чтобы утешить и ободрить меня, на самом деле является символом моей жизни. Я часто боролась со слабостью и, как этот хрупкий цветок, росла, преодолевала преграды, взбиралась на стены и расцветала. Я смиренно осознаю, что Бог использовал меня как свидетеля для окружающих в годы моего служения своим соотечественникам-евреям и преследуемым верующим.

¹³ Гимн «Бог есть», написанный Косташем Иоанидом.

Бьянка продолжала нести служение в миссии «Голос мучеников» в Новой Зеландии до выхода на пенсию. После краткой болезни она ушла к Господу 29 января 2012 года в возрасте 87 лет. Некролог Бьянки выражал особую благодарность «ангелам с человеческими лицами», которые заботились о ней в её последние дни жизни.

Из первых уст **Аида**

Смелая христианская свидетельница в Советском Союзе Аида Скрипникова была впервые арестована и заключена в тюрьму с 1965 по 1966 год. Она была повторно арестована и приговорена к заключению в трудовом лагере с 1968 по 1971 год. Женщина рассказывает о том, как в эти трудные времена Бог неоднократно посылал утешение и ободрение через Его Слово и верующих.

Пламенные сердца 2

Мой арест 12 апреля 1968 года был полной неожиданностью. Хотя внешне я оставалась спокойной, внутри меня бушевала буря. Мне казалось, что Бог оставил меня. Когда меня заперли в камере, я не могла даже молиться. Я несколько раз пыталась сделать это, но у меня ничего не получалось. Мне не давал покоя только один вопрос: «Почему? Почему, Господи, это произошло именно сейчас?»

Я долго ходила по маленькой камере из угла в угол. Все её стены были исписаны, в основном проклятиями и руганью. Вдруг я увидела слова, резко выделявшиеся среди других. Я была удивлена, как я не заметила их раньше?!

«Пути Господни неисповедимы» (Послание к Римлянам 11:33).

Это и был ответ на мой вопрос.

Часто нужный стих из Библии приходит в нужное время. Позже я узнала, что эти слова были написаны сестрой из моей церкви, которая находилась в этой камере, потому что она проводила библейские занятия для детей. Через полтора года моего заключения мне тайно передали Новый Завет.

Полную историю Аиды можно прочитать в первом томе книги «Пламенные сердца».

Грасия

Нам нужно бежать!

ПАЛАВАН, ФИЛИППИНЫ

27 МАЯ 2001 ГОДА

Грасия Бернхэм крепко спала рядом с мужем Мартином, убаюканная волнами, лениво плещущимися у их бунгало над водой. Их юбилейная поездка на курорт Дос-Пальмас была роскошным, романтическим отдыхом для супругов, которого у них не было за восемнадцать лет брака.

После ужина пара наблюдала, как солнце опускается за тропический горизонт, а затем погрузилась в сон.

Грасию разбудил ночью громкий стук в деревянную дверь их домика. «Наверное, нам придётся переселиться в другой домик», — подумала женщина. Во время ужина один из сотрудников говорил что-то о том, Бернхэмам нужно будет сменить бунгало.

— Слишком рано для переезда! — крикнула Грасия из постели.

Однако стук был очень настойчивым. Теперь вмешался Мартин.

— Что вам нужно? — громко спросил он.

— Это охрана, — последовал ответ.

— Думаю, охранник пьян, — предположила Грасия.

— Нет, думаю, что-то здесь не так, — ответил Мартин, вставая с постели.

Мартин схватил шорты, лежащие возле кровати, а Грасия села и потянулась за своей одеждой — парой шорт и серой футболкой, которую она носила накануне вечером.

Как только Мартин подошёл к двери, она распахнулась, и в комнату ворвались трое мужчин с военными винтовками М-16. Они были молоды — подросток и двое других, лет по двадцать, в длинных черных рубашках и камуфляжных штанах.

Двое из мужчин вытолкнули Мартина за дверь.

— Давай, давай, давай! — приказал третий Грасии.

— Нет, нет, нет! — упиралась она, цепляясь за простыню, которой была обвёрнута. — Я не одета.

Она надеялась, что мужчина говорит по-английски. Трясущимися руками она надела шорты и быстро натянула футболку. Мужчина рыскал по их вещам, пока не нашёл фотоаппарат и мобильный телефон.

— Давай, двигайся, двигайся! — приказал он.

У женщины не было времени, чтобы найти свою сумочку, но ей удалось схватить две пары шлёпанцев перед тем, как поспешить наружу. Она почувствовала резкую боль, когда мужчина ткнул её в спину стволом ружья. Она воспротивилась:

— Я не побегу!

Он повёл её к причалу, где Грасия увидела длинную скоростную лодку с тремя мощными подвесными моторами — такими, как те, которые используют для транспортировки наркотиков. Её муж уже сидел на полу лодки вместе с несколькими другими испуганными заложниками.

— О, как я рад тебя видеть, — сказал Мартин, вздохнув с облегчением. Он был всё ещё без рубашки и без контактных линз. Сев рядом с ним, Грасия протянула ему шлёпанцы. Они молчали. К лодке из разных бунгало сводили других пленников. На востоке светало.

Грасия взглянула на обручальное кольцо на своём пальце. «Эти ребята не получают моё кольцо!» — подумала

Грасия: Нам нужно бежать!

она. Когда никто не смотрел, она сняла кольцо и спрятала в карман шорт.

Кроме того, что поездка в Дос-Пальмас была празднованием годовщины супружеской жизни Мартина и Грасии, она также знаменовала конец главы их служения. Мартин был повышен до должности главного пилота в миссии *New Tribes Mission* («Миссия новых племён»)¹⁴. В ближайшие месяцы семья Бернхэм — Мартин, Грасия и их трое детей — должны были переехать в Аризону, чтобы приступить к выполнению своей новой роли.

За семнадцать лет служения на Филиппинах с *New Tribes* — Мартина в качестве пилота-миссионера и Грасии в качестве «диспетчера» (она планировала полёты Мартина и управляла ими по радио) — семья Бернхэм столкнулась со многими трудностями. Бури, которые бросали красно-белую «Сесну» Мартина из стороны в сторону, как детскую игрушку, а также болезни, изоляция от общества и другие проблемы неоднократно вызывали потрясения. Однако ни одно из них и близко не было таким, как то, с которым они столкнулись сейчас.

Когда двигатели заработали и лодка отчалила от пристани, Грасия посчитала количество заложников. Двадцать. Она обнаружила, что некоторые из похитителей говорили по-английски, а также на ещё одном языке, который она не узнала. Примерно пятнадцать похитителей подняли вверх кулаки, в унисон скандируя:

— Аллах акбар! Аллах акбар! — арабское выражение, означающее «Аллах велик».

Грасия тут же поняла, с кем они имеют дело: это были боевики жесточайшей мусульманской террористической группировки «Абу Сайяф».

— У нас большие проблемы, — прошептала она Мартину.

¹⁴ *New Tribes Mission* теперь называется Ethnos360.

Грасия, пятый ребёнок из шести, выросла в христианской семье. Её отец, пастор, который принимал участие в основании библейского колледжа, следил за тем, чтобы она была в церкви всякий раз, когда были открыты её двери — уроки воскресной школы, утренние и вечерние богослужения, молитвенные собрания посреди недели, а также любые дополнительные мероприятия, которые планировала община.

Когда девочке было лет семь-восемь, учитель воскресной школы объяснил ей важность посвящения своей жизни Иисусу Христу, и вскоре после этого она выявила желание принять крещение. Чтение стало одним из самых любимых увлечений Грасии. С годами она зачитывалась биографиями посвящённых Богу женщин-христианок, таких как Эми Кармайл — молодая ирландка, переехавшая в Индию, чтобы служить детям, и Мэри Слессор — смелая миссионерка в Африке, которая боролась с колдовством и каннибализмом.

В старших классах Грасия подала заявки в несколько колледжей, но в конечном итоге решила поступить в Библейский колледж Кальвари в Канзас-Сити, где преподавал её отец. Во время последнего года обучения подруга девушки, Элизабет, встречалась с парнем по имени Даг Бернхэм, тихим сыном миссионеров с Филиппин.

— Ты знаешь, что старший брат Дага переводится сюда на второй семестр? — как-то спросила Элизабет. Грасия удивлённо подняла брови. — Он будет на третьем курсе, — продолжила Элизабет. — Хочешь с ним познакомиться?

Как позже узнала Грасия, молодого человека звали Мартин. Он был пилотом, который должен был посещать занятия в библейском колледже и одновременно преподавать в авиационном отделении школы. Мартин был лёгким на подъём, с хорошим чувством юмора и тёплой улыбкой. Когда они начали проводить время

Грасия: Нам нужно бежать!

вместе, их дружба расцвела, и Мартин предложил Грасии посетить одно из представлений студенческой миссионерской группы.

Потом Мартин пригласил девушку на свидание.

— Скоро будет осенний концерт, — сказал он. — Ты не хотела бы ты пойти со мной?

Однако Грасия не дала ему немедленного ответа.

— Угадайте, кто только что пригласил меня на свидание? — весело спросила она своих подруг. — Мартин Бернхэм! Идти мне или не стоит?

— Конечно!

По мере того, как их отношения углублялись, Грасия узнала о детстве Мартина на Филиппинах, где его семья несла миссионерское служение. Он учился летать в Уичито, в Канзасе, чтобы стать миссионером-пилотом. Вскоре девушка поняла, что влюбляется. Она чувствовала, что Бог призывает её быть с Мартином, следовать за этим человеком, куда бы Он ни повёл.

Во время весенних каникул 1983 года Мартин вытащил из кармана крошечную коробочку с кольцом.

— Грасия... ты выйдешь за меня? — спросил он.

...Через несколько месяцев на простой церемонии в окружении друзей и семьи они стали мужем и женой. Их медовый месяц прошёл в Брансоне, штат Миссури. Потом несколько месяцев муж занимался опыливанием сельскохозяйственных культур, чтобы улучшить свои навыки пилотирования. В Миссисипи супруги провели год в «лагере для новобранцев» миссии *New Tribes*, первый шаг на пути к тому, чтобы стать миссионерами. Часть обучения включала изнурительный шестинедельный период «джунглевого лагеря», во время которого они учились выживать в лесу.

Когда год тренировок завершился, Грасия была подавлена. Она подружилась с восемнадцатью другими членами группы, и прощание с ними разрывало ей сердце. Она плакала и горевала, пока не поняла одну суровую истину: вся твоя жизнь

будет чередой прощаний. Ты должна взять себя в руки, если хочешь выжить. Тогда она решила больше никогда не позволять прощаниям так разбивать себя.

После окончания лагеря Грасия и Мартин получили «добро» на переход на следующий уровень миссионерской подготовки — лётной подготовки в Аризоне — перед тем, как их направят в страну, где они будут служить миссионерами.

— Пожалуйста, отправьте нас куда угодно, только не на Филиппины, — попросил Мартин руководство миссии *New Tribes*. Не то чтобы ему не нравилась эта страна, но он вырос там и сомневался, что опытные миссионеры, помнящие его ещё ребёнком, будут готовы садиться в его самолёт и доверять ему свои жизни.

Грасии же было всё равно, куда они с Мартином поедут. Она знала, что будет счастлива везде, лишь бы они были вместе.

Однажды руководство миссии *New Tribes* пригласило их на очередное собеседование.

— На Филиппинах очень нужен пилот, — сказали они. — Мартин, ты знаешь культуру и частично язык. Смешно посылать тебя в другое место. Ты готов вернуться туда?

Мартин не колеблясь согласился, и они с Грасией начали готовиться к переезду на Филиппины. Как и обещала, Грасия хорошо справилась с прощанием в аэропорту. Но когда они сели на рейс «Филиппинских авиалиний» в международном аэропорту Лос-Анджелеса и женщина услышала, как стюардесса приветствует пассажиров на тагальском, а не на английском, по её лицу потекли слёзы. Только теперь она полностью осознала, что на самом деле покидает дом и не знает, вернётся ли когда-нибудь жить в США.

Грасия и Мартин провели первые несколько дней в гостевом доме миссии *New Tribes* в столице Маниле, пока получали

Грасия: Нам нужно бежать!

филиппинские водительские права и сдавали отпечатки пальцев в иммиграционной службе. Вскоре, однако, они отправились на север, вглубь острова Лусон, в семичасовую поездку на автобусе к миссионерскому комплексу со взлётно-посадочной полосой в Арито.

Посёлок находился в красивой местности, и Грасии очень понравился её новый дом. Он был построен на сваях, и она была в восторге, обнаружив, что в нём даже есть внутренний санузел и холодная проточная вода. На веранде было кресло-качалка, и Грасия представляла себе, как она будет сидеть на нём и наслаждаться красотой гор и видом того, как местные фермеры пахут буйволами рисовые поля.

Мартин почти сразу же поднялся в воздух и стал заботиться о нуждах нескольких миссионерских семей, работавших среди разных отдалённых племён на Лусоне. Он доставлял им всё — от сухого молока, яиц и мяса до топлива для холодильников и печей.

Грасия едва успела распаковать вещи в своём маленьком домике, как сразу же взяла на себя обязанности радиодиспетчера. Дважды в день — в 7 часов утра и в 15:30 она проводила переключку и разговаривала с сотрудниками каждой станции. Если у кого-то был «трафик», что, как она узнала, означало сообщения для третьей стороны, она составляла список и начинала соединять их, как старомодный телефонный оператор. По радио она принимала заказы на продукты и лекарства, запросы на встречи и полёты.

Другая составляющая работы Грасии с радио заключалась в «сопровождении полётов» Мартина, когда он поднимался в воздух. Он звонил ей каждые десять минут с отчётом о своём местонахождении, которое она записывала на случай чрезвычайной ситуации, чтобы знать, где его искать. Ей также приходилось отслеживать погоду, запрашивая данные в пункте назначения. Когда Мартин находился в воздухе, Грасия сидела рядом с радио и не покидала его.

Пламенные сердца 2

Бернхэмы любили миссионерскую жизнь на Филиппинах. Они проповедовали Евангелие недостижимым народам и поддерживали остальных миссионеров на острове. Мартин направлял свою маленькую «Сессну» к примитивным посадочным полосам отдалённых деревень, маневрируя крыльями над джунглями и приземляясь на полностью загруженном самолёте на взлётно-посадочную полосу длиной 300 метров, стеснённую деревьями с обеих сторон. Он выпрыгивал из кабины, и вскоре миссионеры узнавали его любовь и к ним самим, и к представителям племён. Мартин приветствовал каждую семью тёплой улыбкой, зная, что миссионеры на местах, которые неделями не общались с другими англоговорящими, просто нуждаются в том, чтобы кто-то выпил с ними чашку кофе и выслушал их.

Вскоре Мартин знал всё о каждом миссионере: кто испытывал финансовые трудности, кто был обескуражен медленным прогрессом в изучении языка, у кого были проблемы в браке. Он держал их новорождённых детей на руках и поздравлял детей миссионеров с достижениями в домашнем обучении. Он всегда был рад встретиться с деревенскими жителями, которые недавно стали последователями Иисуса Христа. Мартин заботился о каждом, кого он встречал, и все, кто его знал, любили его.

Дома Грасия видела, как Господь обеспечивает их нужды. Были времена, когда у них с Мартином не было достаточно денег, чтобы хорошо питаться, им приходилось ходить пешком, а не ездить на мотоцикле, чтобы сэкономить на топливе, но у них всегда было самое необходимое.

Через шесть месяцев после прибытия Бернхэмов в Арито у них родился первенец, Джефффри. Джефф был ещё совсем маленьким, когда к Бернхэмам прибыла делегация миссионеров с южного острова Минданао.

— На нашем острове также очень нужно наладить воздушное сообщение, — сказали они. — Всего у нас восемь семей. Это

Грасия: Нам нужно бежать!

больше, чем у вас здесь, на Лусоне. Не согласились ли бы вы рассмотреть возможность приехать к нам и организовать его?

Вскоре Мартин и Грасия собрали свою небольшую семью и переехали в Малайбалай, небольшой город в горах Минданао, где к семье присоединились Минди и Закэри. Бернхэмы провели следующие восемь лет в Малайбалае, прежде чем вернуться на Лусон. По мере взросления детей Грасия много времени уделяла их домашнему обучению, а также принимала в своём доме миссионеров, которые приезжали на остров на кратковременный отдых. Семья Бернхэм служила Господу на Филиппинах до того весеннего дня, когда поездка на побережье навсегда изменила их жизнь.

27 МАЯ 2001 ГОДА

РАННЕЕ УТРО

Катер яростно подпрыгивал на воде, а белые бунгало Дос-Пальмас становились всё меньше на отдаляющемся горизонте. Грасия заставляла себя сохранять спокойствие. Она вспомнила курс, который проходила во время своего обучения, который готовил будущих миссионеров к ситуациям с захватом заложников.

«Первые несколько моментов, когда всех собирают вместе, — наставлял инструктор, — это время, когда захватчики наиболее склонны стрелять. Поэтому делайте то, что вам говорят. Но вскоре после этого начните устанавливать зрительный контакт с похитителями. Станьте для них реальным человеком, а не просто объектом. Сообщайте им о своих нуждах. Это поможет установить в их глазах вашу индивидуальность».

«Что ещё он говорил?» — Грасия больше ничего не могла вспомнить. Тогда на занятиях ей было трудно сосредоточиться

на теме захвата заложников, поскольку похищение казалось ей тем, что может произойти с другими людьми, а не с ней и с Мартином. Женщина решила применить на практике то, что запомнила, и попросилась в туалет. Один из других заложников вызвался поддержать *малонг*, большое покрывало, чтобы дать женщинам немного уединения. Они по очереди приседали на лодке.

Примерно через час пути старший лидер «Абу Сайяф» наклонился к Мартину и, посмотрев на его руку, заявил:

— Я хочу это кольцо.

Мартин не мог ничего сделать, кроме как отдать своё обручальное кольцо.

Грасия была подавлена, она так жалела, что не положила кольцо Мартина в карман вместе со своим. Она вспомнила тот день много лет назад, когда заплатила за его простенькое золотое кольцо всего пятьдесят долларов. Это всего лишь кольцо. Кольцо можно заменить. Она крепко сжала руку Мартина.

Время от времени на горизонте появлялись другие лодки. В такие моменты захватчики собирали заложников вместе и накрывали их брезентом. В один из таких моментов Грасия услышала, как моторы замедлились, и рядом оказалась другая лодка. Когда вторая лодка отплыла, она заметила, что террористы получили какой-то пакет с едой. Грасия не осознавала, насколько она была голодна и жаждала, пока они не начали передавать кусочки *кассавы*. Она никогда раньше не ела *кассау* — твёрдую пасту, сделанную из измельчённого корня овоща, смешанную с водой и затем приготовленную на пару в банановых листьях — и надеялась, что её можно есть.

По мере того, как приближался полдень, солнце становилось всё жарче. Грасия и Мартин изучали лица своих похитителей, пытаясь понять, как их зовут и кто из них главный. Около второго-третьего часа дня к ним подошёл человек по имени Сулейман с жёлтым блокнотом.

Грасия: Нам нужно бежать!

— Мы — «Абу Сайяф». Некоторые называют нас террористами. Мы хотим, чтобы вы знали, что мы не террористы. Мы просто люди, которых правительство Филиппин лишило родины, и мы хотим её вернуть. Правительство не хочет нас слушать, поэтому нам приходится так поступать, чтобы привлечь внимание.

Он по очереди спрашивал у заложников их имена и профессии и делал записи. За исключением человека по имени Гильермо, высокого калифорнийца, которого Грасия запомнила по ужину накануне, Грасия и Мартин были единственными американцами. Остальные заложники были гражданами Филиппин, достаточно богатыми, чтобы позволить себе отдых в таком месте, как Дос-Пальмас.

— Мы американские миссионеры из организации *New Tribes Mission*, — сказал Мартин Сулейману. — Мы помогаем племенным народам.

Облако разочарования внезапно омрачило лицо Сулеймана. Грасия видела, что он надеялся, что Мартин окажется богатым бизнесменом, чья компания легко заплатит выкуп. А миссионерские группы, напротив, были бедными организациями, известными своей политикой против выплаты выкупов.

— У вас будет политический выкуп, — сообщил Сулейман. — Мы будем предъявлять требования и разбираться с вами в последнюю очередь.

«О, нет! — подумала Грасия. — Это будет очень долго».

Пока лодка бороздила поверхность воды, мысли Грасии остановились на их троих детях. Джеффу было четырнадцать, Минди — одиннадцать, а Заку — десять. В таких ситуациях протокол миссии предусматривал эвакуацию детей из страны. Но женщина не была уверена в том, что об их похищении уже стало известно. Кто им сообщит? А может, они уже на пути в безопасное место? Её сердце разрывалось от мысли о страхе и замешательстве, которые, вероятно, испытывали дети. Она

Пламенные сердца 2

пыталась успокоить себя более оптимистичными мыслями. В худшем случае мы проведём с этими людьми лето и вернёмся до того, как дети пойдут в школу. На закате скоростная лодка подошла к большому рыболовному судну. На борту было ещё десять-двадцать членов «Абу Сайяф», а также экипаж рыбаков. Грасию, Мартина и других заложников перевели по узкой бамбуковой доске на рыболовное судно. Их посадили на палубе ждать, пока похитители проведут вечернюю молитву. «Я не могу поверить, что это происходит», — подумала Грасия.

— Как думаешь, уже известно, что нас захватили? — спросила она Мартина, когда темнота окутала корабль.

— Трудно сказать, — ответил Мартин. — Не волнуйся, Грасия, мы справимся.

Женщине вспомнилась песня, которую она услышала на прошлой неделе. И когда Мартин начал засыпать, она тихо запела припев.

*Будь силен, будь силен, будь силен в Господе,
И будь смел, ибо Он твой проводник.
Будь силен, будь силен, будь силен в Господе,
И радуйся, ибо победа твоя¹⁵.*

На борту рыбацкого судна заложники начали заботиться друг о друге. Какой-то мужчина дал Мартину футболку без рукава. Женщина передала Грасии длинное кружево, чтобы покрыть голову, кто-то другой бросил *малонг*. Её голые руки всё ещё были видны, но, по крайней мере, она стала скромнее выглядеть, что было важно для мусульман на борту лодки.

После молитвы мужчина по имени Сабайя дал Мартину спутниковый телефон и приказал ему сделать заявление на «Радё Агонг», радиостанции, дружественной к «Абу Сайяф» и готовой транслировать их сообщения.

¹⁵ Песня «Будьте сильны в Господе», слова Линды Ли Джонсон.

Грасия: Нам нужно бежать!

«Я, Мартин Бернхэм, вместе с моей женой Грасией, живущие на Филиппинах уже в течение пятнадцати лет в качестве сотрудников миссии *New Tribes*, взяты в заложники группой «Абу Сайяф»... Мы обращаемся к правительствам США и Филиппин с просьбой посодействовать тому, чтобы эта ситуация была разрешена мирным путём как можно скорее».

— Ты хорошо справился, дорогой, — сказала Грасия, когда Мартин вернулся к ней. — Ты всегда хорошо справляешься.

В тот вечер религиозное разнообразие на борту лодки было заметным. Мусульмане проводили свой обряд поклонения и молитвы, обратившись на запад, к Мекке. Католики доставали свои чётки. Один из заложников попросил Мартина помолиться вслух за всю группу.

— Господи, ничего из происходящего с нами не является сюрпризом для Тебя. Тебе известно, где мы находимся, даже если это неизвестно нам. Мы знаем, что о нас беспокоятся. Но Ты держишь нас в Своих руках. Дай нам благодать пройти это испытание. Мы полагаемся на Тебя. Аминь.

Когда Грасия слушала молитву мужа, её сердце окутало ощущение мира. Она успокоилась, как и другие заложники, которые сразу же начали считать Мартина неофициальным капелланом группы.

Несколько дней все оставались на борту рыболовецкого судна. Ночью, когда температура падала и люди пытались уснуть, они ложились вдоль узких бортов палубы, свесив ноги над океаном. Судно было слишком маленьким для количества пассажиров, которое оно перевозило.

Когда питьевая вода закончилась, у заложников не осталось выбора, кроме как пить талую воду, которая стекала со льда, ранее использовавшегося для охлаждения рыбы. Один из похитителей дал Мартину ещё одну рубашку, чтобы закрыть руки, и Грасия была рада, что ему не будет так холодно ночью.

Наконец, проведя пять дней и четыре ночи в море, похитители прибыли к месту назначения и пришвартовали судно у филиппинского острова Басилан, оплота «Абу Сайяф».

Из-за каменистого побережья рыболовное судно не могло подойти к берегу, поэтому пассажирам пришлось пробираться через воду по грудь, чтобы выйти на сушу. Боевики «Абу Сайяф», находившиеся на берегу, встретили прибывших криками «Аллах Акбар!». Похитители повели заложников вверх по холму. Мартин потерял свои шлёпанцы ещё на судне и теперь брёл босиком. Это было даже к лучшему, потому что шлёпанцы Грасии всё время скользили на крутой тропе. Она сняла их и несла в руках.

Со временем группа прибыла к маленькому укрытию на вершине холма, построенному для обжига кокосовой скорлупы в уголь. Строение было 3,5 м х 2 м и возвышалось примерно на 30 см над землёй. Заложники забрались внутрь и проспали на полу из бамбуковых досок всю ночь.

Когда наступил рассвет, группа узнала, что их будут отводить к реке, по несколько человек, чтобы искупаться в холодной воде. Первые несколько заложников только начали купаться, как внезапно раздалась стрельба. Грасия была в ужасе, её сердце громко колотилось в груди.

— Ложись! — закричал кто-то.

Грасия рухнула на землю и ползком вернулась в кокосовое укрытие. Боевики «Абу Сайяф» ответили огнём и бросились в лес. Через несколько часов после высадки на берег армия правительства — вооружённые силы Филиппин — обнаружила логово террористов.

Когда прогремели первые выстрелы, Сабайя прибежал в кокосовое укрытие, ища заложницу по имени Тесс.

— Идём с нами, — приказал он. — Ты позвонишь на радиостанцию и передашь сообщение президенту Арройо. Требуй, чтобы она отозвала войска с Басилана и прекратила стрельбу по «Абу Сайяф», потому что они могут ранить заложников.

Грасия: Нам нужно бежать!

Впервые за почти неделю Грасия и Мартин узнали, где они находятся.

Через десять минут стрельба прекратилась. Удивительно, но никто не пострадал. Боевики повели заложников в джунгли. Местность становилась всё более труднопроходимой. Когда группа села отдохнуть, на них напал рой пчёл, что ещё больше понизило моральный дух. Куда бы они ни шли, ситуация всё время ухудшалась.

С наступлением темноты люди из «Абу Сайяф» связали запястья всех пленников вместе, чтобы они не могли убежать. Часами они брели гуськом через джунгли, Мартин всё ещё босиком, а Грасия в своих шлёпанцах. В конце концов они добрались до джипни, небольшого автобуса, популярного в Филиппинах. Поскольку все не смогли поместиться в транспортное средство, троих заложников оставили. Позже Грасия и Мартин узнали, что всех их тут же обезглавили.

Переполненный грузовик трясся по джунглевой тропе, пока не добрался до небольшой одноэтажной больницы. Сердце Грасии сжалось. Только этого не хватало! Пациенты уже больны и пытаются выздороветь, а тут среди ночи врываются террористы со своими заложниками. Теперь ещё больше жизней окажется под угрозой.

Трое боевиков начали выбивать окна прикладами своих ружей. Грасия и Мартин поняли, что члены группировки пытаются укрыться в больнице, поскольку в соответствии с Женевской конвенцией правительственные войска не имеют права атаковать больницы. Однако их план был быстро сорван, когда снова началась перестрелка.

Правительственные войска обстреляли больницу, а «Абу Сайяф» сразу же открыли ответный огонь. Бои продолжались до поздней ночи. Чтобы укрыться от пуль, Грасия, Мартин и другие заложники перебежали из комнаты в комнату, держась подальше от окон.

Представители Вооружённых сил Филиппин отключили в больнице электричество и телефонную связь, что привело террористов в ярость, так как они надеялись использовать телефоны для связи с прессой и дачи интервью. На следующее утро Мартина вывели во двор, чтобы сделать ещё один звонок по спутниковому телефону. Грасия была в ужасе от того, что она остаётся одна, но у неё не было выбора.

— Позвони в свою миссию в Маниле, — сказал Сабайя. — И скажи им, чтобы они связались с американским посольством и попросили их позвонить президенту Арройо.

Стоя на улице с телефоном у уха, Мартин услышал голос своего друга Боба Мейзеля на другом конце линии. Сначала Боб не узнал голос Мартина. Некоторое время потребовалось, чтобы убедить Боба, и Мартину удалось передать сообщение до того, как батарея телефона разрядилась.

Постоянный стресс скоро сказался на пищеварительной системе Грасии, и она быстро побежала в свободную палату, чтобы облегчиться.

— Если я не вернусь через пару минут, ты должен меня найти, хорошо? — попросила она Мартина.

Снаружи стрельба не прекращалась. «Абу Сайяф» приносили своих раненых в больницу, бросали их на пол и снова спешили на бой. Когда грохот обстрела усилился, кто-то крикнул:

— Ложись!

Грасия снова упала на пол, однако её взгляд был прикован к окровавленному, корчащемуся лицу лежащего рядом террориста. Смотреть на него было невыносимо. Неужели так выглядит смерть? Разум Грасии помутился. Она больше не могла ясно мыслить и впала в шок: «О, Боже, помоги мне! Успокой меня, умоляю. Защити нас и сохрани наш рассудок».

Как-то в суматохе перестрелки боевики получили известие о том, что поступил выкуп за двоих заложников. Вместе с ними они также отпустили Р. Дж., сынишку одной из заложниц.

Грасия: Нам нужно бежать!

Перестрелка продолжалась до самого вечера, и Грасия была эмоционально истощена. Ей казалось, что больница станет их могилой.

— Они просто расстреляют нас всех, — сказала она Мартину. — Мы все умрём здесь.

— Это скоро закончится, — как всегда успокаивал жену Мартин.

Через полчаса у «Абу Сайяф» появился новый план.

— Всем собираться! Мы уходим!

Грасия схватила простыню с одной из коек и сделала импровизированный рюкзак, чтобы положить туда запасную рубашку Мартина, их общую зубную щётку и несколько кусочков еды.

Как только женщина вышла во двор, у неё за плечами прогремел взрыв гранаты.

— Я ранен! Я ранен! — закричал Гильермо.

Мартин также почувствовал резкую боль в спине. В него попали несколько осколков.

— Пошли! — кричал террорист.

Единственным выбором было встать и бежать за ним. На окраине города группа наконец-то перешла на шаг. Каждый час или около того они останавливались, чтобы передохнуть. И каждый раз Грасия была настолько измотана, что падала на землю и мгновенно засыпала.

Как ни странно, однако правительственные войска их больше не преследовали. Похитители проговорились, что использовали ранее полученный выкуп для подкупа командования филиппинской армии.

Той ночью Грасия, Мартин и другие заложники устроились отдыхать под деревом. Это была первая из многих ночей, которые им предстояло провести на холодной, твёрдой земле. Одна из заложниц, женщина по имени Энджи, впала в истерику. Её состояние было настолько плохим, что Грасия наклонилась к Мартину и прошептала:

Пламенные сердца 2

— Может, мне лечь рядом с ней, чтобы утешить её?

Мартин кивнул. Женщины придвинулись друг ко другу. Грасия обняла Энджи и успокаивала её всю оставшуюся часть ночи.

На следующее утро Грасия проснулась и увидела, как Мартин дрожит.

— Этой ночью я чуть было не замёрз, — признался он.

Грасия была опустошена. Он нуждался во мне, а меня не было рядом. Она плакала и плакала, представляя, как её муж лежал один, дрожа от холода. «С этого момента я больше не покину его, — пообещала себе женщина, — независимо от обстоятельств».

Продвигаясь по острову, группа заложников и террористов, старалась заботиться друг о друге, насколько это было возможно. Когда один из шлёпанцев Грасии унесло, когда она пересекала ручей, Сабайя предложил ей пару потрёпанных синих резиновых сапог. А кто-то из группы дал Мартину пару резиновых сандалий, что было огромным облегчением для его босых ног.

Через несколько ночей после отступления из больницы, когда группа собиралась на ночлег, Грасия услышала крик:

— Солдаты! Солдаты!

Филиппинская армия снова наступала, и заложники поспешили собрать свои вещи, чтобы снова бежать в лес. Грасия заметила, что сандалии Мартина пропали и очень расстроилась: «Кто мог украсть его обувь?»

— Не беспокойся, — сказал Мартин. — Я уверен, что они найдутся.

— Что ты имеешь в виду? — возразила Грасия. — Нам придётся снова идти в лес, а твои ноги босы!

Она обратилась к мужчине по имени Мусаб, который, как ей казалось, был лидером среди их похитителей, и, почти не сдерживая гнева, потребовала:

— Мартину нужна обувь!

Мусаб лениво огляделся и пожал плечами. Это взбесило Грасию.

— Мартин не может идти по лесу босиком! Это не годится. Он поранится, и вы должны что-то сделать!

Лицо Мусаба омрачилось от того, что его отчитала женщина. Он развернулся и ушёл. К Грасии подошёл Сулейман и сказал:

— Ты должна успокоиться. Всё образуется.

В этот момент она увидела брата Мусаба, другого террориста, который поднимался по холму после купания. У него на ногах были сандалии Мартина, одну из которых он уже успел сломать. Не говоря ни слова, он улыбнулся и вернул их Мартину.

Внутри Грасии кипела ярость, но постепенно она успокоилась. «Если я хочу выйти отсюда живой и снова увидеть своих детей, — подумала женщина, — мне лучше взять себя в руки».

На десятой неделе их плена, после бесчисленных моментов надежды, сменяющихся глубокими пропастями отчаяния, Грасия ощутила, что оказалась в незнакомом ей эмоциональном состоянии. Несколько других заложников были освобождены после того, как их семьи выплатили за них выкуп. И хотя Грасия очень радовалась за них, она стала чувствовать себя покинутой Богом. Женщина знала, что Бог всемогущ, но никак не могла понять, почему, если Господь любит её, Он допускает, что она всё ещё находится в этих ужасных обстоятельствах.

Однажды днём, сидя на камне у реки, Грасия ощутила всю тяжесть своего депрессивного состояния, которое начало отражаться на её отношениях с другими, делая общение с ней очень трудным. Она смотрела на воду и наблюдала за тем, как листок оторвался от ветки и поплыл по реке. «Почему я не могу плыть

Грасия: Нам нужно бежать!

по реке вместе с ним и быть свободной? — женщина чувствовала, как сатана издевается над ней: — Ты доверяешь Господу, но ты всё ещё здесь». И она поверила его лжи.

Мартин сел рядом с ней.

— Грасия, — сказал он, — мне так грустно видеть, как ты теряешь веру.

— Я не теряю веру, — ответила она. — Я верю, что Бог создал всё и Иисус умер за наши грехи. Я просто выбираю не верить в то, что Бог меня любит. Потому что Он не приходит на помощь!

Нежно, как всегда, Мартин произнёс:

— Мне кажется, что либо ты веришь во всё, либо ты не веришь ни во что. Тебе нужно решить, во что ты веришь.

В течение нескольких дней женщина переживала духовные терзания и чувствовала себя несчастной. Будь то у реки или в доме, она горько плакала.

Однажды, сидя у реки, Грасия начала размышлять над словами Мартина: «Писание утверждает, что Бог любит меня. — И она начала вспоминать все стихи о любви. — Может, сейчас я не чувствую этого, но Слово Божье говорит, что Он любит меня». Грасия знала, что у неё есть выбор: поддаться своей обиде и позволить ей загнать себя в ещё более глубокую эмоциональную яму или же выбрать веру в то, что говорит Божье Слово. Независимо от того, ощущает она это или нет, для неё этого должно было быть достаточно: «Я буду принимать Слово Божье тем, что оно есть, и верить ему. Я буду держаться за него изо всех сил, потому что я в очень плохом состоянии и не могу помочь себе сама. Я позволю Богу помочь мне».

Там, в глубинах филиппинских джунглей, Грасия молилась, чтобы Бог помог ей довериться Его любви. Она не могла доверять своим похитителям, не могла доверять себе, но могла доверять Господу. Она оторвала взгляд от реки и поняла, что чувствует себя совершенно иначе. Казалось, Бог говорил ей: «Если ты веришь, что Я умер за тебя, почему бы тебе не верить,

Пламенные сердца 2

что Я люблю тебя? Почему бы тебе не позволить Мне обнять тебя и любить тебя?»

И Грасия позволила. Она сдалась и отдала всю свою боль и весь свой гнев Господу. С того дня Господь давал ей уверенность в душе, что Он верен. Один из любимых гимнов женщины «Как Ты велик» стал для неё ещё более значимым, особенно второй и третий куплеты, которые она часто пела.

*Когда весной природа расцветает,
И слышно в дальней роще соловья,
И аромат долины грудь вдыхает,
И слух ласкает звонкий шум ручья, —*

*Когда я вижу лик Христа смиренный,
Кто людям в этом мире был рабом,
Как на кресте Он умер, Царь вселенной,
И нам прощенье приобрёл крестом.*

*Тогда поёт мой дух, Господь, Тебе:
Как Ты велик, как Ты велик!¹⁶*

Когда заложники начинали петь, боевики шипели на них. Но они никогда не упрекали Грасию, когда она пела «Как Ты велик», потому что считали эту песню очень красивой. Не раз Мартин повторял, обращаясь к супруге:

— Возможно, Бог держит нас здесь для того, чтобы мы прославляли Его в этом совершенно тёмном месте.

С течением времени Грасия продолжала всё больше и всё глубже осознавать, каким по-настоящему замечательным человеком был её муж. Она всегда знала, что он был сильным христианином, но под огромным давлением обстоятельств она увидела новые грани его характера и всё больше сходства с Христом.

¹⁶ Гимн «Как Ты велик», слова Стюарта К. Хайна.

Грасия: Нам нужно бежать!

Они вместе с Мартином молились за своих похитителей. Они просили Бога, чтобы у них появилась жалость к заложникам и чтобы они отвергли ислам и обратились к Иисусу Христу. В долгие промежутки времени между атаками, когда группа была вынуждена сидеть и ждать, чтобы снова двинуться в путь, супруги искали моменты, когда можно было поделиться Евангелием с террористами-мусульманами.

Сулейман особенно интересовался разговорами о религии и пытался убедить Бернхэмов, что ислам — это воистину религия справедливости.

— Мы стараемся добиться справедливости за всё то плохое, что когда-либо с нами происходило, — как-то сказал он.

— Ну, — ответил Мартин, — христианство совершенно другое. Иисус сказал нам не только любить своих ближних, но и врагов.

Сулейман усмехнулся.

— И где же здесь справедливость?

К разговору присоединилась Грасия:

— Я, например, не хочу справедливости, потому что я грешница. Я верю, что Иисус — Бог и пришёл на землю, чтобы умереть за мои грехи. Мне не нужно платить за свои грехи, потому что они уже оплачены.

Сулейман покачал головой.

— Я не хочу, чтобы кто-то платил за мои грехи. Я сам за них заплачу.

Позже в тот день, когда Мартин и Грасия остались наедине, мужчина сказал:

— Ты знаешь, именно это Сулейман и будет делать. Однажды, когда он предстанет перед Богом, он сам заплатит за свои грехи, и это будет очень плохо.

К тому времени супруги уже ежедневно молились за своих похитителей, но теперь они чувствовали ещё большую необходимость молиться об их спасении.

Пламенные сердца 2

В джунглях Филиппин молитва часто была единственной связью с внешним миром, единственной надеждой. Часто Грасия ощущала, что они с Мартином молятся не одни. Однажды, когда они брели через болотистую местность по пояс в грязи, уставшие, а боевики тащили за собой раненых, женщина почувствовала незыблемую уверенность в том, что за них молятся. Это придало ей силы продолжать идти вперёд.

За последующие двенадцать месяцев Грасия снова и снова видела, как повторяется один и тот же сценарий. Когда военные атаковали, завязывался яростный бой, в ходе которого гибли и получали ранения как террористы «Абу Сайяф», так и заложники, прежде чем группа снова отступала вглубь джунглей. Днями или даже неделями они оставались на новом месте, пока военные снова не обнаруживали их. Всего Бернхэмы пережили семнадцать столкновений между правительственными войсками и боевиками «Абу Сайяф».

Число членов группировки, удерживавших заложников, когда-то достигало восьмидесяти человек. Однако многие из них были убиты, а некоторые дезертировали из-за низкого боевого духа; в конце концов количество похитителей сократилось до четырнадцати человек. Число заложников тоже уменьшилось, поскольку «Абу Сайяф» настойчиво вели переговоры о выкупе за их освобождение.

В течение месяцев Грасия и Мартин, вместе с другими удерживаемыми, испытывали невыносимые трудности. Постоянно не хватало еды, чистой воды и медикаментов. Они жили в перманентном стрессе из-за нападений со стороны правительственных войск и угроз террористов. Их дни протекали в изнуряющих марш-бросках, когда они бежали, спасая свои жизни, и в сидении без дела, когда поддавались скуке, унынию и стрессу.

Грасия: Нам нужно бежать!

Боевики «Абу Сайяф» прибегали к разнообразным способам обеспечения себя и заложников едой. Однажды они планировали остановить очередное транспортное средство, которое проедет мимо, и забрать все продукты. Первый проезжающий джипни был загружен мешками с рисом и заполнен гражданскими пассажирами. На крыше с ружьём в руках сидел сотрудник CAFGU¹⁷.

Когда боевики выбежали из леса, чтобы остановить джипни, правоохранитель поднял оружие. Террористы открыли огонь по транспортному средству, сняв не только его, но и поубивав гражданских лиц, сидящих внутри.

Члены «Абу Сайяф» собрали около десятка мешков с рисом, которые остались не залитыми кровью, и «почистили» кошельки и сумки пассажиров. В одной из сумок они с радостью обнаружили большую банку молока. В другой, похожей на сумку для подгузников, нашли одежду маленькой девочки. Всё добытое притащили в лагерь.

Той ночью Мартин и Грасия сидели в шоке, когда один из похитителей принёс им горячее молоко с сахаром. Они были так голодны, что не могли его не выпить, как бы их сердца не болели, зная о резне, в результате которой это молоко было раздобыто.

— Господи, — молился Мартин, — мы знаем, какой ценой эта еда попала к нам. Мы просто молимся, чтобы Ты проявил милость и дал силы семьям людей, которые погибли.

Грасия смотрела на свою чашку с молоком и думала о том, выжила ли маленькая девочка, чьё молоко она теперь держала. Несколько дней спустя женщина получила ответ на свой вопрос. Ребёнок был убит, и, что ещё хуже, девочка была

¹⁷ Гражданское вооружённое формирование по географическому принципу (CAFGU) — это нерегулярное вспомогательное подразделение Вооружённых сил Филиппин, сосредоточенное на борьбе с повстанческими движениями в сельской местности.

племянницей одного из боевиков «Абу Сайяф». Как оказалось, этот мужчина принимал участие в расстреле собственных невестки и племянницы.

Жизнь в джунглях была невыносимой. У «Абу Сайяф», казалось, никогда не было плана действий. Всякий раз, когда поступал приказ собираться, над лагерем нависала смертельная тишина. Сердце Грасии начинало биться учащённо, и она так сильно дрожала, что едва могла собирать свои вещи — несколько предметов личной гигиены, немного еды и письма, которые она и Мартин написали детям. Если они заканчивали собираться до того, как руководство группировки решало, в каком направлении двигаться, женщина сидела в страхе, что в любой миг может посыпаться град пуль.

Однажды ночью, после многочасовой ходьбы, группа наконец пришла в банановую рощу, чтобы отдохнуть. Грасия была слишком уставшей, чтобы даже снять обувь.

— Мартин, — обессиленно произнесла она, — что с нами будет?

Горячие слёзы текли по лицу женщины. Спокойное уверение Мартина утешило её, и супруги, держась за руки, помолились, а затем заснули.

На следующий вечер группа снова двинулась в путь и вскоре вышла к реке. Они переходили её в темноте, по грудь в ледяной воде, и Грасия всё больше и больше отставала. Она добралась до другого берега вся промокшая и дрожащая. «Боже, — молилась она, а по её щекам слезы текли, — сколько ещё это будет продолжаться? Есть ли какая-либо определённая черта, которую нам нужно пересечь, точка, когда Ты скажешь, что я пострадала уже достаточно? Где она?»

Грасия: Нам нужно бежать!

Грасия и Мартин знали, что единственная надежда на спасение — это переговоры, впрочем, для «Абу Сайяф» переговоры означали одно: деньги. Однажды, после многочисленных раундов дискуссий с представителем президента Арройо, Грасия услышала, как Сабайя говорит по спутниковому телефону. На этот раз он разговаривал с самим президентом. Видимо, кто-то из Малайзии попросил предложить выступить посредником в ситуации с заложниками и попытаться договориться об их освобождении.

— Госпожа президент, — сказал он, — похоже, вы не видите всей картины. У нас есть трое американцев. Нам нужен миллион долларов за Мартина. Если мы получим деньги — отпустим его и его спутницу.

Когда же президент потребовала безусловной капитуляции террористов, Сабайя вспылил:

— Если не допустите к переговорам Малайзию в течение семидесяти двух часов, мы убьём одного из белых!

Грасия была в ужасе: «Если убьют Мартина, Гильермо или меня, это не будет просто пуля в грудь». Женщина знала, что это будет обезглавливание широким изогнутым лезвием бола.

Три дня спустя Сабайя сдержал слово. Обезглавленное тело Гильермо было выставлено на холме на всеобщее обозрение, а рядом на бамбуковом шесте висела голова.

7 июня 2002 года

Больше года Мартин и Грасия находились в плену в джунглях Филиппин. Когда они слышали от своих захватчиков, что неподалёку из нескольких кораблей высадились солдаты, стало ясно, что петля вокруг террористов затягивается. Похитители снова гнали своих немногих оставшихся

заложников через джунгли, пытаясь уклониться от захвата. Полторы недели тому назад измотанные пленники доели свой последний рис и теперь питались листьями.

— Собирайтесь! Собирайтесь! — вновь прозвучал такой ненавистный им приказ.

В который раз Грасия повернулась к Мартину и сказала:

— Я больше не смогу это пережить. Я больше не выдержу.

Как много раз до этого, Мартин ответил:

— Грасия, я думаю, что мы скоро выберемся отсюда. Думаю, всё наладится. После того, как мы вернёмся домой, это будет назаться таким коротким временем. Держись!

Однако это было трудно. Переговоры о выкупе пленников продолжались; теперь заложников осталось всего трое.

В полдень группа остановилась на крутом склоне горного хребта. Пошёл дождь, и Грасия с Мартином залезли в свой гамак под тентом.

— Я не знаю, почему это с нами произошло, — сказал Мартин. Грасия почувствовала, что он о чём-то задумался. — Я много размышлял о 100-м Псалме — о том, что в нём написано о служении Господу с радостью. То, что с нами происходит, сейчас может не казаться нам служением Господу, но именно это мы и делаем, понимаешь? Мы можем не покинуть эти джунгли живыми, но можем уйти из этого мира, служа Господу с радостью.

Супруги вместе помолились, благодаря Господа за то, что Он сохранил их, и снова умоляли Его позволить им вернуться домой к детям.

— Но мы хотим продолжать служить Тебе с радостью, — единогласно завершили они молитву.

Как только они закрыли глаза, раздались выстрелы с вершины соседней горы. Пережив шестнадцать предыдущих сражений, Грасия знала, что нужно немедленно упасть на землю. Она попыталась вылезти из гамака, но, прежде чем она успела

Грасия: Нам нужно бежать!

это сделать, почувствовала резкое жжение от пули, попавшей в правую ногу и, контуженная, покатилась по крутому склону.

Когда Грасия очнулась и увидела на земле Мартина, она быстро поползла к нему. Его туловище было скорёжено, ноги — под туловищем, а глаза закрыты.

Грасия увидела, как кровь пропитывает рубашку мужа с левой стороны груди. Его дыхание было тяжёлым, почти как тихий храп. Грасия легла рядом с ним и попыталась притвориться мёртвой.

Время от времени, пока стрельба продолжалась, Мартин тихо стонал. Грасия знала, что каждый момент может стать для них последним. Ужас, царивший в её сердце, был гораздо сильнее, чем боль в ноге. Женщина заставляла себя лежать неподвижно: «Если боевики увидят, что я ранена, но жива, то потащат меня вниз по склону». Они заставят её бросить Мартина и продолжить идти на больной ноге.

Прошло несколько минут, и вдруг Грасия почувствовала, как тело Мартина стало тяжёлым и обмякло. Неужели он умер? Может, он просто потерял сознание?!

Наконец, стрельба прекратилась. Зная, что её могут застрелить, сделай она резкое движение, Грасия медленно пошевелила руками, сигнализируя, что она жива. Два солдата правительственных войск заметили её и подняли с земли за руки и раненные ноги. Она оглянулась туда, где лежал Мартин. Красное пятно на его рубашке стало больше, а лицо было мертво-бледным. В этот миг женщина поняла, что человек, которого она любила больше всего на свете, умер.

Ей хотелось остановить мир, чтобы осмыслить свою страшную утрату, оплакать бессмысленную смерть своего замечательного мужа. Но, к сожалению, обстоятельства диктовали противоположное.

— Возьмите тот мешок! — настаивала она, указывая на мешок, который они с Мартином несли через джунгли.

Пламенные сердца 2

Солдаты смотрели на неё, как на сумасшедшую, но Грасия настаивала. — Возьмите тот мешок! В нём письма мужа к нашим детям. Это единственное, что у них останется от отца. Вы должны взять его!

Наконец, солдаты исполнили её просьбу.

Дождь не позволял вертолётам спасателей приземлиться. Пока все ждали улучшения погоды, солдаты пытались смириться с тем, что во время спасательной операции они подстрелили всех троих заложников.

«Я не могу заснуть, я не могу здесь развалиться, — повторяла про себя Грасия. — Я выжила до этого момента». Женщина пыталась вспомнить слова Мартина, которые он произносил много раз: «Ты справишься, Грасия. Ты должна вернуться домой целой».

Через какое-то время лейтенант, отвечавший за проведение операции, подошёл поговорить с Грасией.

— Госпожа Бернхэм, — сказал он, — вы, вероятно, очень злитесь на нас, но мы просто выполняли свою работу.

— Я знаю, — ответила женщина. — Мы никогда не забывали, кто в этой истории плохой, а кто хороший.

Вскоре после этого она услышала звук винтов вертолёта. Сквозь облака проглядывал маленький кусочек голубого неба.

Безотлагательно солдаты отнесли Грасию к ожидающему вертолёту «Блэк Хоук».

— Подождите! А тело Мартина? Меня увезут, а моего мужа оставят на этом сыром склоне? Так нельзя...

Женщина откинулась назад и с грустью поняла, что в её физическом состоянии у неё нет другого выбора. Вертолёт поднялся в небо, оставив её лучшего друга лежать внизу под дождём.

Менее чем через полчаса «Блэк Хоук» приземлился в аэропорту города Замбоанга, и мир Грасии мгновенно вернулся от

Грасия: Нам нужно бежать!

суровой реальности джунглей до некогда знакомых удобств современной жизни. Дверь вертолѐта отодвинулась, и Грасия увидела американских солдат и экипаж скорой помощи. Врачи положили Грасию на носилки, загрузили в заднюю часть скорой помощи, и через несколько минут она уже была в госпитале армии США в Камп Наварро.

Пуля, поразившая ногу Грасии, не задела кости и не повредила артерии. Она прошла через плоть с задней стороны бедра и вышла спереди. Ей потребовалась простая хирургическая процедура, чтобы закрыть входное и выходное отверстия.

Когда Грасия очнулась от анестезии, её нога была плотно забинтована от бедра до колена. Хирург посчитал её состояние удовлетворительным для выписки, и майор Рейка Стро, американская военнослужащая, отвечавшая за женщину, объяснила, что она будет отправлена в Манилу на военном транспортном самолѐте C-130.

— Миссия этого судна и его экипажа состояла в том, чтобы ждать вас и Мартина, пока вы не выйдете из джунглей, — объяснила майор Стро. — Теперь они, наконец, смогут завершить её выполнение.

Грасия испытала огромное облегчение, узнав, что тело Мартина забрали из джунглей и доставили на борту американского военного самолѐта на авиабазу в Японии.

В Маниле Грасию сопроводили в посольство США, откуда она, наконец, смогла позвонить домой.

— Здравствуйте, — сказала женщина, когда трубку взяла её свекровь. — Это Грасия. Я звоню из Манилы. Я только хочу сообщить, что со мной всё в порядке.

Она не могла дождаться, чтобы поговорить с детьми, но была ужасно разочарована, узнав, что после окончания школьных занятий дети гостят у её родителей и ей придётся подождать, чтобы услышать их голоса.

Грасия знала, что, прежде чем повесить трубку, ей нужно сообщить родным Мартина болезненную новость о его смерти.

— Мне так жаль, но Мартин не выжил, — произнесла Грасия.

— Нам тоже очень жаль, но мы рады, что с тобой всё в порядке, — ответила свекровь.

Не желая, чтобы они услышали информацию из прессы, женщина поведала подробности смерти их сына. Как она делала много раз в течение последнего года, Грасия пыталась сосредоточиться только на следующей секунде, следующей минуте, чтобы справиться с ужасной задачей.

Только повесив трубку, женщина поняла, насколько она измотана. Пришла медсестра и немного её вымыла. Ощущения прикосновения к коже чистой, тёплой воды были таким успокаивающим удовольствием! Грасия посмотрела на ожидающую её кровать с безупречно застланными простынями и удобным матрасом и подумала: «Сегодня не будет гамака. И никто больше не будет приковывать Мартина цепями».

Попытавшись заснуть, Грасия обнаружила, что вновь и вновь переживает сцену смерти мужа: «А если бы я поговорила с ним и попыталась разбудить его? Что, если бы я перевернула его, чтобы кровь так быстро не заполнила его лёгкие? Был бы он всё ещё жив?» Женщина ругала себя за то, что ничего не сделала, ничего, впрочем, в глубине души она знала, что бы она ни делала, результат был бы тем же. Наконец она задремала. Это была первая из бесконечной череды таких беспокойных ночей.

Как только Грасия заснула, зазвучали выстрелы. Она резко подскочила в постели и закричала. Её сердце колотилось в груди, и она знала, что ей нужно упасть на землю, но из-за раненой ноги не могла встать с кровати.

Прибежала медсестра.

— Кто стреляет?! — закричала Грасия. Пот градом катился по её лбу.

Грасия: Нам нужно бежать!

Медсестра сочувственно посмотрела на неё.

— Никакой стрельбы не было, — заверила она. — С вами всё в порядке. Поверьте: ничего не было.

Сквозь дымку сна Грасия поняла, что нападение было всего лишь ночным кошмаром, и она находилась в безопасности. Больше не нужно бежать, спасая жизнь. Медсестра сидела рядом с ней, пока она приходила в себя и, наконец, снова заснула.

Спустя несколько дней Грасия вернулась в США. Она ещё не успела сойти с трапа самолёта, как увидела Зака, который нервно ходил взад и вперёд. Она подняла руки и протянула их из своей инвалидной коляски, чтобы обнять его. Потом она потянулась к Джеффу, а затем к Минди и воскликнула:

— Благодарю Тебя, Боже! Мы снова вместе! Я не знала, смогу ли когда-нибудь снова вас обнять.

В день похорон Мартина Грасия была рада тому, что похоронное бюро подготовило прекрасное видео в память о её муже — с фотографиями от его детства до студенческих лет, их первых лет на Филиппинах и снимками с детьми и его самолётами.

Смотря на безжизненное тело своего мужа, лежащее в гробу, Грасия была потрясена тем, каким худым он выглядел — всего 57 килограммов — и как он постарел. «Бедный Мартин, — подумала жена, протянув руку из инвалидной коляски и положив её на его твёрдую грудь. — Ты прошёл через столько испытаний. Ты был таким храбрым и поддерживал меня, чтобы я смогла вернуться домой. Я всегда буду любить тебя!»

Во время прощального богослужения, пока машины с представителями СМИ ожидали снаружи, чтобы начать прямое включение, друзья из разных периодов жизни Бернхэмов говорили о Мартине.

— Мы не «потеряли» Мартина, — заметил один из пасторов. — Мы знаем, где он сейчас. И однажды, благодаря Божьему обещанию и жертве Иисуса Христа на кресте, мы сможем присоединиться к нему и воссоединиться с ним!

Под конец выступил пастор Клей Боулен. Они с Мартином были близкими друзьями по колледжу два десятилетия назад, вместе несли служение в студенческой миссионерской группе и ставили пьесы, которые Грасия посещала в ранние дни их дружбы с Мартином. Супруга знала, что Мартин хотел бы, чтобы Клей проповедовал на его похоронах. Когда их друг пошёл к кафедре, она наклонилась вперёд, не желая пропустить ни слова.

В течение более получаса Клей удерживал внимание зала, почитая жизнь и работу Мартина и представляя миру, который слушал, Евангелие, за которое Мартин отдал жизнь.

— Грасия была спасена из джунглей вертолётom, — сказал он. — Мартин же был спасён из джунглей на крыльях ангелов.

В последующие недели после освобождения Грасия узнала конкретные детали о том, как Тело Христово молилось за них с мужем во время их годовичного плена. Она была поражена, узнав, что в один из моментов наибольшей опасности христианские радиостанции по всей Америке призвали к молитве, побуждая Божьих детей собираться и ходатайствовать за Бернхэмов, и люди молились за них.

Грасия сделала и другие удивительные открытия, приспособившись к жизни в США, особенно в отношении своих троих детей. Возвращаясь домой, мать не знала, чего ожидать от Джеффа, Минди и Зака. Она внимательно наблюдала за ними, стараясь понять, как на них повлияла смерть отца и длительное отсутствие матери.

— Я увидела, что они остались такими же, — сделала она вывод. — Они просто стали на год старше и, кажется, очень хорошо адаптировались. Кактакоевозможно? —удивляласьона.

Грасия: Нам нужно бежать!

Затем Грасия стала замечать людей, которыми Бог окружил её детей: их учителей-христиан в школе, их молодёжного пастора, пастора их церкви, бабушку и дедушку. Через всех этих людей Бог с великой верностью заботился о её детях.

— Благополучие моих детей — это особый дар Бога для меня, — рассказывает мать. — В этом нет никакой моей заслуги. Я думаю, что это особое благословение Бога, явленное мне.

Бог заботился не только о детях, но и о физических недугах Грасии. Её раны на ноге быстро зажили, и через несколько недель, чтобы передвигаться, ей больше не нужны были костыли. Она снова могла ходить, как и раньше. Самой большой проблемой у неё со здоровьем была пищеварительная система. Во время пребывания в джунглях в её пищеварительном тракте поселились тропические амёбы.

Грасия знала, что родственники мужа с радостью позволят ей с тремя детьми жить с ними столько, сколько нужно, однако она понимала, что однажды им понадобится собственный дом. «Может, мы сможем позволить себе скромный трейлер?» — думала женщина.

И тогда Бог подарил Грасии ещё один особенный дар. Она получила письмо от одного из горожан, который хотел построить для Грасии дом в честь Мартина. Она была потрясена актом его доброты.

Вскоре начали поступать и другие благословения. Грасию завалили приглашениями выступить в церквях, семинариях, организациях ветеранов, тюрьмах, университетах и во множестве других мест. Она никогда не считала публичные выступления одним из своих даров, но принимала приглашения, доверяя Богу в том, что Он даст ей слова.

— Мой муж умер в возрасте сорока двух лет, — часто говорила Грасия. — Никто из нас не знает длину дистанции, которую мы бежим. Её не оглашают на старте. Нам известно одно: мы должны пробежать её. Мы видим продолжающееся

напряжение между Западом и мусульманским миром и задаётся вопросом, закончится ли оно когда-нибудь. У Бога есть решение для этой проблемы. Какое? Ты и я! Бог дал нам задание заботиться о мире и приводить людей ко Христу.

Грасия постоянно искала способы продолжить своё служение. По совету мудрых друзей она основала Фонд Мартина и Грасии Бернхэм, используя многочисленные финансовые пожертвования, которые она получила от заботливых людей после своего освобождения из плена. Этот фонд дал Грасии возможность финансировать служения, за которые они с Мартином радели: благовестие мусульманам, миссионерскую авиацию, поддержку преследуемых христиан и миссии племенным народам.

Летом 2004 года Госдепартамент США попросил Грасию вернуться на Филиппины, чтобы дать показания на судебном процессе против восьми террористов «Абу Сайяф». Судебные процессы, в итоге которых двадцать три человека были приговорены к пожизненному заключению, длились несколько лет. Грасия начала общаться с некоторыми из своих похитителей, и, по крайней мере, четверо из них уверовали во Христа.

— Члены «Абу Сайяф» были грязными крысами, — говорит Грасия, — и остаются такими. Но Иисус умер за таких грязных крыс, впрочем, мы все одинаковы. Мы сами — ужасные грешники, нуждающиеся в Божьей благодати. Если бы мы знали, что кто-то из них станет верующим в Иисуса благодаря тому, что мы пережили, нам было бы легче переносить этот долгий год. Бог может взять любую ситуацию и сделать так, чтобы всё послужило ко благу.

Грасия ожидала, что её история будет интересна несколько месяцев, прежде чем информационный шум уляжется, однако всё произошло иным образом. В течение последующих двух десятилетий женщина продолжала путешествовать и делиться

Грасия: Нам нужно бежать!

своим свидетельством, вдохновляя окружающих следовать за Богом.

— Иногда мне говорят: «Когда я был молод, то думал, что Бог хочет, чтобы я стал миссионером, впрочем этого не случилось...» Следование за Богом никогда «просто не случается». Вы должны сознательно отказаться от своей воли и следовать воле Божьей. У вас может быть «хорошая жизнь», вы можете идти к своей мечте и отдаваться своим увлечениям, потому что Бог добр и любит благословлять Своих детей. Но если вы действительно хотите быть Его учеником, то вам необходимо отречься себя, взять свой крест, а не свою мечту и следовать за Богом, несмотря ни на что.

Следование за Богом и истинное ученичество стоят дорого. У вас будут шрамы. Но однажды вы услышите: «Хорошо, добрый и верный раб».

Иногда Грасия вспоминает тот юбилей, празднование которого она организовала для себя с мужем. Она не может не гадать, что случилось бы, если бы она не забронировала отель на курорте Дос-Пальмас. Их с Мартином не похитили бы?

— Я часто думаю об этом и рада, что у меня нет права выбора. Мы всё ещё были бы на Филиппинах. Мартин по-прежнему летал бы для миссии *New Tribes*, а я всё ещё сидела бы рядом с сумасшедшим радиоприёмником. Я рада, что Господь не пришёл ко мне во сне или как-то ещё и не сказал: «Грасия, ты хочешь быть взятой в заложники или хочешь состариться рядом с Мартином?» Потому что я во мгновение ока выбрала бы состариться с Мартином.

Хорошо, что у нас нет выбора. Бог призывает нас к определённым вещам и заставляет нас реагировать определённым образом в определённых ситуациях, чтобы всё сложилось ко

Пламенные сердца 2

благу и для Его славы. Я уверена, что именно так и произошло. Я думаю, что в нашей истории всё сложилось к лучшему и что Бог был прославлен. Ведь в этом и заключается смысл, не так ли? Смысл не в том, чтобы состариться рядом с мужем. Смысл в том, чтобы прославлять Бога тем, что нам дано здесь и сейчас.

Не может быть урожай без тех, кто сеет семена. И семя, которое мы посадили в джунглях, не погибло. Спустя все эти годы мы видим, как Бог творит потрясающее, и поражаемся этому.

Из первых уст *Рашин*

3 декабря 1990 года Рашин Судманд узнала, что иранское правительство казнило её отца за решение, которое он принял в возрасте семнадцати лет: покинул ислам и обратился ко Христу. Рашин часто размышляет о духовном наследии, которое оставил её отец.

Мой отец мечтал основать церковь в городе Машхад. Он основал небольшую общину в подвале нашего дома, и

она росла. Иранцы жаждут близости с Богом, которую не могут найти в исламе.

Мы были единственной христианской семьёй в районе, и я всегда чувствовала, что между нами и другими существует различие. Даже в школе я была единственной христианкой. Когда учителя спрашивали о том, кто по профессии мой отец, а я отвечала: «Мой отец пастор», они не понимали.

Я помню день, когда к нам домой пришла религиозная полиция и отцу приказали закрыть церковь. После этого его постоянно вызывали в полицейский участок на допросы. Мои родители очень осторожно делились с нами информацией. Когда они говорили друг с другом шёпотом, мы понимали, что что-то происходит. Они учили нас не рассказывать друзьям о людях, которые приходили к нам домой. Однако мы до конца не понимали, насколько это серьёзно.

Я играла на улице с братьями и сёстрами, когда пришли люди, которые арестовали моего отца. «Куда ты идёшь? — спросила я его. — Не волнуйся, — ответил он. — Я вернусь». Отца не было дома в течение месяца, и нам не разрешали видеться с ним. Когда его отпустили, ему приказали не покидать Машхад и сообщили, что будут следить за всем, чем он занимается.

В конце концов ему выдвинули ультиматум. «Это твой последний шанс, — сказали ему, — иначе тебя ожидает приговор к смертной казни», и дали две недели на ответ. Мой отец отправился в Тегеран и сообщил об этом другим пасторам, которые предложили помочь нашей семье бежать в безопасное место. Однако мой отец отказался и сделал официальное заявление церкви:

«Я последователь Великого Пастыря овец, нашего Господа Иисуса Христа, и готов пожертвовать своей душой ради своих овец. Моё бегство от преследований заставит сердца моего стада

Из первых уст: Рашин

охладеть и ослабеть; я не хочу быть для них плохим примером. Так что я готов снова идти в тюрьму и, если потребуется, отдать жизнь».

Пока отец был в Тегеране, матери позвонили из органов и вызвали отца, когда он вернётся. Поэтому, как только он приехал, он сразу же явился к властям. Мы ничего не слышали о нём две недели, но затем нам разрешили его навестить. Мы ждали несколько часов. Когда я наконец увидела его, то была в восторге. Он ничего нам не рассказывал, а просто обнял нас и попросил прилежно учиться и заботиться о маме. Когда мы собирались уходить, отец, стоя у двери, заплакал. С тех пор мы больше не видели его.

Несколько недель о нём не было новостей. В Машхад приехал пастор из Тегерана, чтобы узнать, что произошло. Ему стало известно, что отца казнили две недели назад за его веру и служение. Его похоронили в пустынном, пыльном месте, без указания имени. На могиле положили обычный камень, чтобы обозначить место его захоронения.

За две недели до того, как нам разрешили навестить отца в тюрьме, к нам домой пришёл человек и сказал немедленно идти с ним, чтобы увидеть отца. Мы пошли и, прождав несколько часов, так и не увидели его. После мученической смерти моего отца кто-то из религиозного офиса сказал нам, что, хотя мы не видели моего отца, он мог видеть нас издалека. Они показали ему нас в последний раз и сказали: «Это твоя семья. Это твоя жена, которая слепа, и это твой шанс. Выбери Иисуса или свою семью».

У меня были очень близкие отношения с отцом. Я всегда говорила ему: «Я люблю тебя больше, чем Бога». И он всегда пытался научить меня, что «ты должна любить Бога прежде всех и всего». Я говорила себе: «Рашин, ты не сможешь выжить без отца». Но в тот день, когда я узнала о его мученичестве, я

Пламенные сердца 2

почувствовала присутствие Бога. Он обнял меня, и я осознала, что не могла бы выжить без Его присутствия, Его любви, Его благодати и Его милости.

Если бы у меня была возможность снова увидеть отца, я бы сказала ему, как сильно я его люблю и что горжусь им. Я горжусь тем выбором, который он сделал. Я не могу отрицать трудности, которые мы пережили после его смерти, но мы счастливы и гордимся им, что он выбрал Христа. Он преподавал нам великий урок; он показал нам, что христианство — это не просто религия, это реальность. Это истина.

Три дня спустя после мученической смерти отца я написала письмо Богу и пообещала Ему следовать по стопам моего отца. Хотя я была очень грустна из-за потери отца, написание этого письма помогло мне выжить и понять, что мой отец жив. Хотя он не со мной, он с Господом. Бог призвал меня нести этот факел. Я решила следовать по его стопам.

Теперь Рашин свидетельствует иранцам внутри и за пределами Ирана.

Тамара

«Мы не собираемся уезжать!»

Исфара, Таджикистан

12 января 2004 года

Тамара Бессараб готовилась ко сну в небольшом доме, в котором она жила с мужем Сергеем на севере Таджикистана. Улицы были пусты, так как люди спешили домой, чтобы воспользоваться двумя часами электричества, выделяемыми городом ежедневно.

Весь день Тамару мучила острая, знакомая боль от ушной инфекции. Надев ночную рубашку, она закапала в уши несколько капель лекарства, заложила их ватой и вытянулась на красочной *курпаче* на бетонном полу. Она надеялась вскоре избавиться от пульсирующей боли и крепко уснуть.

Даже сквозь вату в ушах Тамара слышала спокойный и размеренный голос, который доносился из передней комнаты, где её муж поклонялся Богу с гитарой. Сергей был пастором единственной христианской общины в городе с 126 мечетями, и передняя комната их дома служила залом для собраний небольшой церкви, основанной супругами.

Каждый день Сергей посвящал себя чтению Библии, молитве, прославлению Бога на гитаре и пением. Он выучил свои любимые гимны в тюрьме и исполнял их очень красиво. Тамара поражалась непоколебимой преданности мужа Господу

Пламенные сердца 2

и знала, что Сергей дорожит временем наедине с Богом. Это была священная и важная часть его ежедневной жизни, и он верно следовал ей.

Рустам — советский ветеран Афганской войны — и его жена готовились ко сну в соседней комнате. Сергей и Тамара радушно приняли супругов в своём доме и наставляли их в служении.

Вдруг Тамара услышала звуки, похожие на хлопки фейерверка. «Может быть, люди всё ещё празднуют?» — подумала она, ведь недавно был Новый год.

Тамара вынула вату из ушей и услышала крики Сергея из другой комнаты. Тогда женщина поняла, что это были не фейерверки, а выстрелы. Она только потянулась за одеждой, чтобы накинуть её на ночную рубашку, как мимо головы пронеслась пуля, чуть не задев её. Вскрикнув, она отпрянула назад, а затем бросилась к двери спальни, пытаясь разглядеть, что происходит в соседней комнате.

Сергей лежал на полу раненый. Пули влетели в окно и достигли своей цели. Первая попала ему в руку, а вторая ранила в ногу.

Тамара не могла ничем помочь мужу.

С самого начала жизнь Тамары была полна боли. Когда её мать умерла в тридцать девять лет после многих лет вдыхания угольной пыли на кирпичном заводе, где она работала, тринадцатилетняя Тамара осталась жить с сёстрами и отцом-пьяницей. Она начала пить, курить и пыталась осмыслить своё мучительное существование.

«Кто мы? — гадали они с младшей сестрой. Их мать была русской и номинальной православной христианкой, а отец — таджиком и мусульманином. — Мы таджички? Должны ли мы жить согласно исламскому закону или мы православные?» Ни

Тамара: «Мы не собираемся уезжать!»

один из родителей не потрудился привить детям свои убеждения, и Тамара осталась в неопределённости.

Когда, всего через несколько месяцев после смерти жены, отец женился вторично, вскоре он начал бить новую жену так же, как бил мать Тамары. Однажды, попив чай с мачехой, Тамара вошла в спальню и обнаружила, что отец повесился. Она вернулась в другую комнату, села за стол и спокойно рассказала мачехе и сводной сестре о том, что она только что увидела. Покинув стол, мачеха и сводная сестра вынули его из петли. В тот день он избежал смерти, но Тамара желала, чтобы он умер.

Жестокая нестабильность жизни заставила Тамару понять, что она — единственная, на кого она могла положиться. Девушка усердно трудилась, чтобы прокормить себя и своих братьев и сестёр. Её первая работа была санитаркой в больнице — купание пациентов, смена одежды и уход за ними. Она также работала в детском доме, что было ещё труднее. Кормя младенцев, сотрудницы клали бутылочки им на грудь, и, если они скатывалась, никто не приходил, чтобы поднять их и дать им опять. Тамара с ужасом понимала, что дети остаются голодными, плачут от недоедания.

Как и дети, о которых Тамара заботилась, она чувствовала себя нелюбимой, и она изо всех сил старалась защитить себя и своих сестёр. Она была диким волчонком, учившимся выживать в небезопасном мире.

Тамара поступила в университет изучать русский язык и литературу и расцвела. Ей нравилось учиться, и занятия давались легко. Днём девушка работала, вечером посещала занятия, а затем до поздней ночи оставалась в университете, чтобы заниматься. У неё не было денег на проезд, поэтому она всегда ходила пешком: от работы до университета, из университета домой. Она добиралась домой, когда семья уже спала.

Такой график был слишком тяжёлым для её семьи. И через три года мачеха пожаловалась отцу; к огорчению Тамары, вскоре её заставили бросить учёбу.

Не имея чем заполнить освободившееся время, Тамара нашла компанию сверстников: таких же трудных юношей и девушек, как и она сама, которые вели разгульную жизнь. Она убедила себя, что пошла в отца, а не в мать.

Тамара проводила ночи с разными мужчинами, как и многие девушки из её компании. Она дважды забеременела — сначала у неё родилась дочь, которую она назвала Надей, а позже сын Серёжа. Когда Тамара была беременна дочерью, она жила в квартире с отцом, мачехой, братьями и сёстрами. Через пять месяцев после первых родов Тамары мачеха устала от постоянных сложностей с проблемной молодой женщиной и её ребёнком. Она поставила мужу ультиматум:

— Выбирай: я или Тамара с ребёнком!

Отец выбрал жену.

— Иди, куда хочешь, — сказал он дочери, собирая её вещи. — Только убирайся отсюда. Я не собираюсь из-за тебя ссориться с женой.

Тамаре не было куда пойти, а её дочь в то время была сильно больна лихорадкой. У самой женщины был синяк под глазом — печальное последствие неприятной встречи с отцом Нади несколькими днями ранее.

Таща вещи из дома и неся дочь, бездомная мать-одиночка направилась в парк неподалёку. Там она воззвала к Богу в своей первой молитве. «Кто ты?! — спрашивала Тамара. — Почему мне так больно? Зачем ты забрал маму, единственную, кто любил нас?»

Тамара плакала и ругала Бога. Она была голодна, жаждала и отчаянно нуждалась в том, чтобы накормить девочку. Успокоившись, женщина заметила торговый автомат и

Тамара: «Мы не собираемся уезжать!»

произнесла свою вторую молитву: «Господи, пошли мне три копейки, чтобы я могла купить хотя бы стакан газировки».

К своему огромнейшему удивлению, посмотрев вниз, Тамара увидела на земле три копейки. «Какая же я дура! — подумала она. — Почему я не догадалась попросить хотя бы рубль, чтобы купить булочку?» Так начались поиски Тамарой Бога, Которого она ещё не знала и не понимала.

Тамаре отчаянно нужно было найти работу, но она знала, что это будет невозможно без кого-то, кто бы заботился о Наде. Ей нужна была передышка — всего лишь некоторое время, чтобы она могла встать на ноги. Так женщина пришла к единственному решению, которое, как ей казалось, могло дать хоть какую-то надежду: она оставит Надю в детском доме. «Всего на год или около того», — думала она, этого должно было хватить, чтобы обеспечить будущее для дочери.

Тамара с Надей покинула парк и пошла в детский дом, где она работала во время летних каникул. Она вошла в большое здание и нашла директора. Женщина сразу же заметила её синяк под глазом.

— Как ты живёшь? — сочувствующе спросила директор.

— Я оказалась на улице, — ответила Тамара и объясняла ей свою сложную ситуацию. Пока она говорила, женщина лишь кивала.

— Кто тебя избил?

Тамара рассказала о том, что отец Нади, выпив, становился жестоким.

— А теперь он совсем исчез.

Тут в кабинет директора вбежала медсестра с младенцем на руках.

— Какая-то женщина только что оставила ребёнка, — воскликнула она, задыхаясь от быстрого бега.

Медсестра положила ребёнка на стол и ушла. Сотрудницы выбежали из комнаты, а Тамара последовала за ними.

Они открыли входную дверь и стали звать мать, убеждая её вернуться.

— Ты будешь жалеть об этом всю жизнь! — кричала медсестра. — Не бросай ребёнка!

Женщина пошла ещё быстрее и даже не повернулась. Вскоре она вообще скрылась из виду.

Медсестра повернулась к Тамаре.

— Как бы тебе ни было трудно, никогда так не делай.

Тамара покинула детский дом с Надей и вернулась в парк, ещё более подавленная.

Той ночью к Тамаре подошёл сотрудник милиции, патрулировавший парк, и спросил, почему она здесь. Понимая, что ей нужно убедительное объяснение, чтобы остаться, Тамара указала на многоквартирный дом через дорогу.

— Ребёнок плакал, — солгала она, — поэтому я вышла в парк.

Убедившись, что она не пьяница, создающая неприятности, офицер пожелал ей всего доброго и ушёл. Тамара провела ещё одну ночь в парке, но понимала, что это всего лишь временное решение. Единственным выходом, который она могла придумать, было отдать Надю в детский дом.

В последней отчаянной попытке за день до того, как отдать свою дочь, женщина решила поговорить с родителями отца Нади.

— Завтра я уезжаю искать работу, — объяснила она. — Мне негде жить, и я собираюсь оставить дочь в детском доме.

Объясняя свой план действий бабушке Нади, Тамара чувствовала, как сжимается её сердце: «Как я смогу оставить своего ребёнка?» Она искала в глазах женщины хоть какой-либо знак сочувствия и поддержки, но без маловероятного согласия мужа пожилая женщина знала, что ей нечего предложить.

— Да, я понимаю, — неохотно произнесла она Тамаре. — Это, наверное, единственный выход.

Внезапно в разговор вступил её муж.

Тамара: «Мы не собираемся уезжать!»

— Две женщины собрались и обсуждают тут мою внучку! — воскликнул он. — Какой ещё детдом!

Тамара не могла поверить своим ушам. Неужели это выход?

— Живи у нас, — решительно сказал мужчина.

Его жена кивнула.

— Да, да, — сказала она. — Давай, поживи с нами! Дедушка разрешил.

Тамара переехала к бабушке и дедушке Нади, с облегчением осознавая, что ей не придётся отказываться от дочери.

Постепенно Тамара встала на ноги и смогла позволить себе небольшую квартирку.

У неё была старая Библия, которую ей подарили христиане, когда она была студенткой, ещё в те времена, когда её страна была одной из республик Советского Союза. Она хотела её продать. В то время Библия была редкостью, и Тамара знала, что может обменять её как минимум на еду. Однако что-то останавливало женщину. Она помнила слова христианина, который подарил ей книгу: «Если она тебе не нужна, — сказал он ей, — отдай её таким же образом, каким ты её получила». Тамара решила, что никогда не продаст Библию.

Долгое время Библия лежала в её квартире, как реликвия, которую почитали, но не трогали. Однако вскоре в стране, так же как и в сердце самой Тамары, началась гражданская война. Она постепенно умирала от пьянства, распутства, нищеты, голода. У её дочери были тёмные круги под глазами от голода; а у сына, которого она родила через несколько лет после Нади, был рахит. Дважды Тамара думала о самоубийстве, но её решительности помочь детям выжить было достаточно, чтобы она оставалась жить.

Однако по мере того, как гражданские беспорядки в её городе усиливались, а на улицах вспыхивали кровавые бои, Тамара всё более впадала в отчаяние. Она работала бухгалтером на крупной фабрике, но в стране не было еды. Каждую ночь женщина плакала, зная, что утром ей нечем будет накормить детей. Часто она бродила по базару, собирала то, что падало с убогих овощных лавок, и приносила домой. Иногда ей удавалось раздобыть один клубень картофеля или моркови, и этого должно было хватить на обед.

В конце концов, Тамара открыла свою Библию. «Господи, если Ты существуешь...» — задумчиво произнесла она и начинала читать.

Однажды женщина прочла о том, как ученики сидели вместе, а Иисус пересёк море на лодке. Когда Его ученики нашли Его там, Его первый вопрос был: «Дети, есть ли у вас что-нибудь поесть?» Тамара прошептала им ответ: «Нет, Господи». Она узнала, что Он сразу же накормил их. Женщина закрыла Библию. «Хорошо вам, — подумала она про учеников Иисуса. — С вами был Иисус». А кто со мной? Кто накормит меня?

На следующее утро Тамара пришла на работу и увидела, что у её стола стоит полбанки квашеной капусты, немного масла и две картофелины. Она оглянулась вокруг, но ещё никто не пришёл. Когда вошла коллега, Тамара спросила её о еде.

— Это для тебя, — сказала женщина.

«Как это может быть?» — Тамара знала, что её подруга тоже голодала.

— Как это для меня? — спросила она.

Женщина объяснила, что после того, как накануне вечером её семья закончила есть, они всё ещё были голодны. У них оставались продукты, но она их тогда не приготовила.

— Бог сказал мне: «Ты сейчас отнесёшь это Тамаре и оставишь у её стола».

Пламенные сердца 2

Тамара была потрясена. Она только что прочитала этот отрывок из Писания и усомнилась в Боге; но теперь она впервые видела в Нём живого Бога. Он услышал её крик о помощи.

Тамара помчалась домой, чтобы приготовить еду для своих голодных детей. Она рассказала им о чуде, произошедшем тем утром.

— Это сделал Бог, — сказала она.

Испытав Божье обеспечение для своей семьи и увидев, что Он — Бог, Который никогда не оставит, в возрасте тридцати пяти лет Тамара обратилась к Господу.

Первое, о чём она попросила, обратившись ко Христу, было: «Дай мне воздержание. Я больше не хочу жить такой ужасной жизнью». Тамара мечтала о муже и белом свадебном платье; но она думала, что уже никогда не станет невестой. Она потеряла надежду когда-либо выйти замуж и отдала своё желание Богу. Больше она не просила и не ожидала супруга. Теперь для неё Бога было достаточно.

Наконец-то Тамара почувствовала, что кто-то по-настоящему заботится о ней. Она знала, что Бог берёт её бремена на Себя. Он обеспечил её той безопасностью и стабильностью, которых она так искала, и она хотела рассказать о Нём другим. Поэтому Тамара присоединилась к группе христиан, которые несли служение заключённым.

Тамара и её группа посетили много тюрем, включая исправительное учреждение в Душанбе. Как и многие другие тюрьмы по всему Таджикистану, это учреждение переживало парализующую нехватку пищи, и более ста заключённых каждый день умирали от туберкулёза и голода. Горы трупов, сложенные, как дрова, заполнили тюремный двор.

Тамара: «Мы не собираемся уезжать!»

Внутри тюрьмы Тамара и её коллеги раздавали чай и лепёшки, рассказывая голодным заключённым о Христе. Они проводили богослужения и передавали письма заключённых их родным. Один из заключённых христиан, мужчина по имени Сергей Бессараб, был частым получателем их благотворительной помощи.

Тамара наблюдала за тем, как в тюрьме Сергей, вне всякого сомнения, был лидером. Он говорил мало, предпочитая слушать, но, когда говорил, задавал глубокие вопросы о Священном Писании. Она узнала о его жизни до того, как он пришёл ко Христу. Он вырос на улице со старшим братом, который был отпетым преступником. Однажды, когда Сергей сломал ногу во время аварии, брат предложил ему наркотик, которым торговал, чтобы облегчить боль. Так Сергей стал наркозависимым.

Сергей стал лидером одной из банд преступников Таджикистана и управлял грязными деньгами организации. Теперь ему было стыдно за такую жизнь, и он предпочитал не говорить об этом. Из-за своей преступной деятельности Сергей в общей сложности провёл в тюрьме восемнадцать лет. Его брат также отбывал заключение.

Сергей прибыл в тюрьму с ужасной болью — его нога всё ещё была сломана. Его мать голодала, чтобы иметь возможность отправлять еду для двух заключённых сыновей. Когда Сергей получал посылки, он тут же обменивал их содержимое на наркотики.

В какой-то момент Сергей начал задумываться о Боге. Он хотел познать истину, но не был уверен, где её найти. Сергей познакомился с другим заключённым по имени Сергей Гаврилов, который уверовал во Христа в тюрьме после того, как ему дали Библию. В молитвенной комнате Сергей объяснял Евангелие Сергею, и он тоже уверовал в Иисуса Христа. В присутствии других заключённых он дал обет больше не

принимать наркотики и отказался от давней привычки курить. Став новым творением во Христе, Сергей направил свой острый ум на изучение Божьего Слова в тюремной молитвенной комнате и занимался им по несколько часов в день.

Когда Сергей Гаврилов вышел на свободу, Сергей занял его место в молитвенной комнате. Он оказывал влияние на других заключённых. Твёрдо и спокойно он проповедовал истину своим заключённым братьям по вере и побуждал их жить в соответствии с ней. Жизнь Сергея и свидетельство о кардинальных изменениях в нём поспособствовали обращению многих людей ко Христу.

Когда в тюрьме закончилась еда и жизнь стала невыносимой, Бог был с Сергеем даже среди этих испытаний.

— Нам было нечего есть, — как-то рассказал Сергей Тамаре. — Я помолился и лёг спать. Тогда мне приснился пир. Я всё съел и никак не мог насытиться. А когда я проснулся, то почувствовал, что настолько сыт, будто на самом деле всё съел.

Вскоре после этого разговора нога Сергея опухла и почернела — болезненные последствия старой травмы, и его отправили в тюремную больницу. Тамара навестила его в палате и, с хитрым взглядом, засунула руку в карман. Она вынула оттуда пять маленьких шоколадных конфет и протянула их Сергею.

— Это для тебя, — прошептала она.

Сергей знал, что не сможет оставить все пять конфет себе, когда его окружали столько голодных людей. Он отдал четыре конфеты другим больным и оставил одну себе. Раздав конфеты, он откинулся на больничной койке и стал представлять себе, как он насладится своим шоколадом.

Когда в палате стало тихо, он приготовил чашку горячего чая и потянулся за шоколадным сокровищем, лежащим в кармане, представляя, как конфета медленно тает на его языке и успокаивает урчащий желудок. В этот момент к его койке подошёл мужчина.

Тамара: «Мы не собираемся уезжать!»

— Сергей, — сказал заключённый, — я так голоден. У тебя есть хоть немного хлеба?

— У меня ничего нет, — ответил Сергей, пряча конфету в сжатом кулаке. — Мне нечем помочь тебе.

Мужчина огорчённо кивнул, и его измученное лицо искажилось выражением разочарования. Он ушёл, чтобы лечь спать голодным.

Сергей тотчас ощутил, как Святой Дух тихо побуждает его пойти и обменять конфету на кусок хлеба и отдать его мужчине.

«Нет, Господи, — взмолился Сергей. — Только не это, пожалуйста». Он не мог вынести мысли о том, что придётся отдать свою последнюю конфету. Однако он знал, что Бог прав. Сергей заковылял на своей ноющей ноге в общую зону, обменял свою драгоценную конфету на порцию хлеба и отдал мужчине.

В тюрьме Сергей стал новым человеком. Тамара знала, что только Бог способен на такое полное преобразование.

После освобождения из зоны в 2001 году Сергей присоединился к команде Тамары в их тюремном служении. Однажды во время телефонного разговора Тамара сказала Сергею:

— Я вижу, как братья, освободившись из тюрьмы, падали, потому что у них не было спутницы жизни. Они начинали искать и возвращались в мир. Тебе нужно найти женщину, которая будет идти рядом с тобой.

— А я уже нашёл, — сказал Сергей. — Это ты. Я молился, и Бог указал мне на тебя. Понимаешь? Мы — в одном Духе. Мы оба служители и будем дополнять друг друга.

Тамара была ошеломлена предложением Сергея: «Как я объясню детям, что выхожу замуж?» Она перестала думать, что замужество всё ещё возможно. Кроме того, она отдала

своё желание иметь мужа Господу. Впрочем, вскоре Тамара стала понимать, что она испытывает чувства к Сергею и хочет быть рядом с ним. Всю жизнь женщина была одна. Теперь ей хотелось, чтобы Сергей защищал и поддерживал её, чтобы подставил своё плечо. С ним она чувствовала себя в безопасности. Она знала, что замужество позволит ей участвовать в служениях, недоступных для одиноких женщин в крайне консервативной культуре Таджикистана. А Сергей стал бы человеком, с которым она могла бы разделить свою жизнь и своё служение.

Летом того же года Сергей и Тамара поженились.

Тамара продолжила своё тюремное служение, теперь уже с Сергеем. Они часто путешествовали на поезде в течение нескольких дней, чтобы служить заключённым в далёких городах. Два несовершеннолетних человека стали совершенными партнёрами в работе, к которой Бог призвал их.

В конце 2002 года Сергей и Тамара переехали в Исфару, чтобы основать там церковь и свидетельствовать жителям города о чудесном преображении, которое Иисус Христос совершил в их жизни. Тамара оставила сына-подростка дома, чтобы он мог закончить школу.

Тамара противилась переезду в Исфару. Её взрослая дочь, которая уже жила отдельно, и сын были в разных городах, каждый в нескольких часах езды от неё. Семья и так виделась лишь изредка. Тамара ощутила духовную тьму Исфары, города, где господствовал ислам. На каждой улице было по две мечети, а женщины покрывали себя с головы до ног. Там не было ни одной христианской церкви. Тамара хотела уйти, но решила остаться.

Домом Бессарабов и временной церковью служила полуразваленная хижина, купленная за тысячу долларов США, в которой не было ни дверей, ни стёкол в окнах, ни электричества, ни воды, ни туалета. Сергей и Тамара переехали в Исфару в

Тамара: «Мы не собираемся уезжать!»

декабре. В течение дня температура немного превышала точку замерзания, а ночью снова опускалась. Они закрыли оконные и дверные отверстия водонепроницаемой тканью, чтобы защититься от пронизывающего ветра.

В доме была большая комната, где собиралась на богослужения их молодая христианская община.

Тамара и Сергей сразу же приступили к работе. Сергей изучал Библию, посещал людей, проповедовал Евангелие, молился и проводил богослужения. Он давал мудрые советы людям, которые приходили к нему с проблемами. Вместе с женой они служили местному сообществу.

Вскоре после того, как Бессарабы прибыли в Исфару, к Тамаре пришла делегация мусульманских женщин. Она пригласила их в дом, но они не сели на скамейки, которые Сергей установил для богослужений. Почти сразу Тамара поняла, что визит не был дружеским.

— Убирайся отсюда, — предупредили женщины Тамару. — Вам здесь не место! Здесь разрешён только ислам. Разве вы не понимаете, что вам здесь делать нечего?!

Тамара глубоко вздохнула.

— Мы не собираемся уезжать, потому что, когда Бог открывает дверь, только Он может её закрыть. Ни ислам, ни фанатизм; только Он. — Она улыбалась женщинам, стараясь передать любовь Христа. — Со временем вы поймёте, что иметь христиан в качестве соседей — большое благословение. В городе, куда приходит Иисус, зарождается живая вера в живого Бога. И это будет только благословением.

В тот момент Тамара ещё до конца не осознавала, в какой опасности они с мужем находятся.

Вскоре после прибытия Сергея и Тамары в город в одной из известных мечетей кто-то сжёг большой Коран. По всей Исфаре разнеслись слухи о том, что в этом виновны Бессарабы. Тамара отмахнулась от слухов: «Кто поверит в такое?» Вскоре

после этого был убит важный мусульманский лидер. Тамара задалась вопросом, не обвинят ли их и в этом.

Однажды несколько мужчин вызвали Сергея из церкви и угрожали ему. Такое случалось и раньше. Супруг всегда старался оградить жену от догадок о такого рода угрозах, однако в этот раз она сама стала свидетелем происходящего.

— У тебя будут проблемы, если не уберёшься отсюда, — предупредили они.

Когда позже Тамара спросила об этом разговоре Сергея, он успокоил её:

— Никогда ничего не бойся. Бог не оставит нас!

Некоторое время спустя Сергей и Тамара отправились в *хукумат*¹⁸, чтобы зарегистрировать свою церковь. Чиновник из отдела по делам религий сделал очередное предупреждение.

— Пока я сижу здесь, — сказал он, — здесь не будет ни христианства, ни церкви. Собирайте вещи и убирайтесь отсюда!

— Мой отец таджик, а мама русская, — обратилась Тамара к чиновнику. — Отец соблюдал законы ислама, а мать была христианкой. Что же мне было делать? Я избрала Иисуса. — Тамара сделала паузу. — Я не принадлежала ни к какой религии. Ни Иисус, ни Мухаммед не были важны для меня. Я не знала ни христианского, ни исламского учения. Но когда я увидела, как Иисус действует в моей жизни, Он освободил меня от пьянства и многих других пороков. Он дал мне новые мысли, новое сердце, и, самое главное, Он дал мне надежду. Я здесь не для того, чтобы оскорблять ислам. Вы можете следовать исламу, воля ваша. Но мы с мужем приехали в этот город, чтобы рассказать людям о чудесах Иисуса.

Чиновник молчал, а Тамара продолжила.

— Наша религия, как вы её называете, очень миролюбива. Мы не несём зла. Вера в Иисуса делает человека другим. Она превращает наркомана в нормального человека. Благодаря

¹⁸ Хукумат — местная мэрия.

Тамара: «Мы не собираемся уезжать!»

ей люди получают сверхъестественное освобождение. Никто не мог изменить меня и его, — сказала женщина, указывая на Сергея. — Только вера в Иисуса сверхъестественным образом преображает человека!

Они с Сергеем поделились с чиновником Благой вестью.

— Выберите это благословение, — призвали они. — Выберите жизнь!

Когда же Сергей и Тамара закончили говорить, мужчина прищурился и прошипел:

— Я сделаю всё возможное, чтобы тебя не было в этом городе.

Через несколько дней Тамара открыла местную газету и нашла статью, написанную о них с Сергеем и их новой церкви. «В городе появились люди, крайне опасные для общества, — утверждал автор. — Один из них — преступник, а другая непонятно кто». Когда Тамара читала её, сердце колотилось в её груди. Автор статьи откопал информацию о судимостях Сергея и, одно за другим, перечислял его правонарушения. В статье также говорилось, что Бессарабов заслали из Узбекистана — страны, с которой в то время у Таджикистана сложились крайне напряжённые отношения — и что им платят огромные деньги.

«Теперь, — по словам журналиста, — эти люди орудуют в нашем городе. Они воздействуют на умы людей с помощью чёрной магии. Люди идут к этим преступникам, как зомби, а они накачивают их неизвестно чем».

Кровь Тамары закипела, и она почувствовала, как у неё зазвенело в ушах. Она с трудом могла стерпеть эту газетную ложь, но продолжала читать. Несколько мгновений спустя она увидела в статье адрес их церкви — их дома, где они жили с Сергеем, — и пришла в ещё больший шок.

«Не ходите по этому адресу, — предостерегала статья. — Они заманят вас в свои сети». Лицо Тамары покраснело, и она сжала газету в руке. «Вы, наверное, заметили, — говорилось

далее в статье, — что после их появления был убит уважаемый человек. Кто избавит город от этих людей?»

Тамара была вне себя: «Как они смеют так клеветать на нас! Как они смеют исказить то доброе дело, которое мы с Сергеем делаем! Откуда автор взял эти измышления?» Всё, что они с Сергеем делали, это лишь помогали жителям Исфары.

Тамара подбежала к мужу и, показывая ему статью, изо всех сил старалась сохранять спокойствие.

— Давай пойдём туда, где это было напечатано, — умоляла она, — и потребуем ответа: на каком основании они напечатали эту ложь!

— Нет, — сказал Сергей спокойным и размеренным голосом. — Лучше давай помолимся за него.

В тот вечер Тамара видела, как в передней комнате её муж стоял на коленях и молился:

— Господи, благослови писаку, автора этой статьи.

Вскоре после публикации статьи в дом Сергея и Тамары стали стекаться люди со всего города, даже не подозревая, что этот дом — христианская церковь. Некоторым было любопытно взглянуть на эту пару своими глазами, но большинство искало помощи.

— Можете ли вы исцелить меня? — спрашивали люди. — В статье говорилось, что у вас есть сила.

Сергей и Тамара рассказывали посетителям о своей работе, об Иисусе и предлагали им самим познать спасительную силу Иисуса Христа.

Церковь росла, и Тамара не могла нарадоваться. Бог использовал клевету местной газеты как лучшую рекламу служения, которую они с Сергеем даже не могли представить.

Однако прошло совсем немного времени, и улыбка Тамары исчезла.

Примерно через две недели после первой статьи в местной газете появилась вторая. Читая её, женщина не могла поверить

Тамара: «Мы не собираемся уезжать!»

своим глазам. Заключительная фраза потрясла её и повергла в ужас: «Что же делать с Сергеем Бессарабом?!»

Год спустя

В течение десяти минут в доме свистели пули. Тамара неподвижно лежала на полу, чтобы в неё не попали.

В соседней комнате Рустам толкнул жену на пол и накрыл одеялом.

— Держи голову опущенной! — приказал он, а сам по-пластунски пополз к Сергею, который был ранен. Пули пробили окно над его головой и водопроводную трубу, из-за чего комнату заливала холодная вода.

Снаружи раздавались выстрелы, но Тамара знала, что Сергею нужна помощь. Когда стрельба на миг прекратилась, она бросилась к двери, босиком и всё ещё в ночной рубашке.

Зная, что у соседей есть телефон, женщина поспешила по тропинке и забарабанила кулаками в дверь.

— Мой муж ранен! — кричала она. — Быстрее, вызовите скорую помощь!

Всё ещё пребывая в состоянии шока, женщина побежала обратно домой.

Через дорогу от дома жил мэр Исфары, поэтому милиция всегда дежурила в этом районе. К тому времени, когда Тамара вернулась домой, прибыли правоохранители вместе с сотрудниками скорой помощи. Собралась толпа зевак. Убийцы Сергея неспеша прошли сквозь неё, спокойные и собранные, к ожидавшей в конце переуллка машине.

Рядом с Сергеем на полу лежали его раскрытая Библия и песенник. Его глаза были безучастны, а безжизненные руки

все ещё сжимали забрызганную кровью гитару. В ужасе Тамара поняла, что её муж мёртв.

В Сергея стреляли четыре раза. Первая пуля пробила его руку и расколола гитару. Второй выстрел пришёлся в ногу. Последние две пули — роковые выстрелы — попали Сергею прямо в сердце.

Рустам проверил карманы Сергея и нашёл немного наличных. Он вручил деньги Тамаре. «Как я буду хоронить мужа только с этим?»

Супруга стояла рядом, пока полицейские осматривали место преступления и тело Сергея, но вскоре она уже не могла даже стоять. Женщина отошла и села. Неожиданно она почувствовала, как офицер схватил её за плечо и острое жало иглы пронзило руку.

Разум Тамары сразу же помутился, и она погрузилась в состояние наркотического опьянения.

— Одевайся! — приказал офицер. Как в тумане, Тамара, спотыкаясь, вернулась в спальню, выскользнула из ночной рубашки и накинула на себя кое-какую одежду. Полицейские сопроводили её в служебную машину, в заднюю часть которой затем погрузили и тело Сергея. Тамара видела припаркованный на улице белый «Фольксваген» мужа, который теперь был иррешищён пулевыми отверстиями.

Когда Тамару привезли в прокуратуру, её отвели в небольшой кабинет для допросов. Напротив неё сидели трое мужчин. Даже под действием наркотиков Тамара поняла, что она была их главной подозреваемой.

— Мы знаем, что это ты убила мужа, — сказал один из присутствующих. — Нам известно, что именно ты заказала его убийство.

Тамара: «Мы не собираемся уезжать!»

И хотя это была наглая и болезненная для Тамары ложь, женщина знала, насколько бесполезно было оправдываться перед людьми, искусно обученными добывать информацию. Осознавая эффект действия наркотика в организме, Тамара была предельно осторожна в том, что говорить.

— Сколько тебе заплатили? — спросил другой присутствующий.

Женщина молчала, полная решимости не наговорить ничего лишнего.

— Мы знаем, что много. Вас заслали из Узбекистана, и мы знаем, что это ты заказала убийство.

Вопросы продолжались в течение часа, один за другим. Тамара по-прежнему молчала.

— Если ты собираешься молчать, — сказал следователь, — что же, можно поиграть и в эту игру.

Он положил перед ней лист бумаги. Тамара пробежала взглядом текст и поняла, что это было заготовленное признание.

— Если не подпишешь это прямо сейчас и не расскажешь всю правду, мы отведём тебя в подвал. — И мужчина угрожающе усмехнулся. — В подвале ты всё расскажешь.

Глаза Тамары расширились от ужаса. Она думала о Сергее, о том, что его тело покоится на холодной металлической плите в морге. «Неужели наступил её час присоединиться к нему?!»

Внезапно резкий стук в дверь прервал допрос. Дверь распахнулась — Тамара узнала двух мужчин, стоявших в коридоре. Это были братья из церкви Сергея и Тамары в Душанбе, той самой, которая отправила Бессарабов в Исфару. Они уже знали, что произошло с Сергеем.

Тамара глубоко вздохнула с облегчением. Мужчины принадлежали к официально зарегистрированной церкви, и этот статус нёс с собой определённое влияние. Когда эти братья приехали, полиция отпустила Тамару. Чиновники поняли,

Пламенные сердца 2

что она была не одинока, её любили и поддерживали другие единомыслители.

Выходя из кабинета для допросов, Тамара взглянула на допрашивавших её офицеров. Их лица выражали разочарование.

Тамара вернулась в дом, где всего несколько часов назад был ещё жив её муж.

Прощание с Сергеем было похоже на сон. Тамаре казалось, что её глаза окутывала чёрная пелена, которая заслоняла всё вокруг. А в это время мать Сергея рыдала над гробом сына.

На похоронах присутствовали миссионеры, бывшие заключённые, руководители мечетей и представители таджикского правительства. Во время панихиды многие, один за другим, вдохновенно свидетельствовали о Боге, Которому служил Сергей. Каждый из выступающих молился за его убийц, чтобы Господь коснулся их сердец.

Эти похороны были прощанием с верным Богу человеком, которого, как христиане знали, однажды они снова увидят на небесах. Руководители мечетей и таджикские официальные лица выразили свои соболезнования Тамаре и общине, услышали Евангелие и убедительные свидетельства о человеке, который пал мученической смертью.

Всё это время Тамара находилась в оцепенении. У неё был только гроб, тело покойного мужа и понимание того, что произошло что-то непоправимое. «Я в таком тумане», — сокрушалась она.

Тамара молилась, чтобы Бог помог ей продолжить дело мужа в Исфаре. Она знала, что двигаться вперёд можно только с Его помощью.

Рядом с женщиной стоял её сын-подросток, Серёжа. Когда гроб его отца опускали в землю, молодой человек

Тамара: «Мы не собираемся уезжать!»

воззвал к Богу в покаянии и посвятил жизнь Господу. Смерть Сергея поспособствовала обретению вечной жизни его пасынком.

Сергея похоронили на скалистом участке земли недалеко от его родного города Консой.

В течение двадцати дней после убийства мужа Тамара не могла даже держать в руках Библию.

— Почему, Боже, почему? — всхлипывала она, и по её лицу текли слезы.

«Возможно, смерть Сергея, эта ужасная потеря, была частью Божьего плана». Желая продолжать вести свою малую группу, Тамара неохотно открыла Библию. Однако внутри неё шла ожесточённая борьба. Женщина была обижена на Бога за то, что Он забрал Сергея. Чтобы её сердце обрело исцеление, понадобилось время, однако Божье Слово и Его любовь в конце концов коснулись его, а Святой Дух проговорил к женщине через Послание к Римлянам 8:28, и Тамара из всех сил цеплялась за эти драгоценные слова: «Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, всё содействует ко благу».

Письма, выражающие соболезнования, посыпались со всего мира. «У этого мужа Божьего было огромное сердце, — писала одна семья. — Он оставил о себе наилучшие впечатления. Когда он вёл церковные собрания и говорил о Боге, его послание было доступно для каждой души. Своей заботой он умел вселить надежду в любого человека». Церковь в Исфаре, по их словам, «понесла большую утрату» в связи со смертью Сергея.

Многие из писем были от бывших узников, которые пришли ко Христу через служение Сергея в тюрьме. «Наш Господь Иисус был убит за проповедь Слова Божьего... Сергей теперь со Христом. Его трагическая кончина очень потрясла меня», — писал бывший сокамерник Сергея, вместе с которым он отбывал

заключение и в подростковом возрасте, и уже взрослым. Он рассказал, что заключённые, которые узнавали о смерти Сергея, говорили: «Очень жаль, что такой искренний человек, который всегда указывал на путь Божий, погиб от рук безбожников».

«Сестра Тамара, — заверял он, — не падайте духом. Знайте, что мы всегда с вами и мы любим вас».

В течение нескольких недель после убийства Сергея большинство членов церкви воздерживались от регулярных богослужений, опасаясь, что убийцы могут вернуться. Однако через некоторое время стадо опять собралось воедино, и Тамара возглавила его.

Однажды, обучая новых христиан и распространяя христианскую литературу по всему городу, женщина поняла, что больше не хочет уезжать из Исфары. «У нас есть церковь, мы крестим новообращённых. Люди приходят к Богу», — думала она. После смерти Сергея люди всё равно приходили, и она знала, что не может их бросить. И она останется хотя бы для того, чтобы укрепить христиан, которые тоже остались. Со временем Тамара пришла к пониманию того, что, когда у Бога есть план и мы действуем в соответствии с ним, это всегда принесёт благословение.

Тамара переехала в квартиру неподалёку, а в церкви поселилась другая семья. Женщина не могла вернуться домой, ей было не по силам провести ночь там, где был застрелен её муж.

— Всё напоминало мне о нём, — вспоминает она.

Однажды поздно ночью Тамара проснулась от настойчивого стука в дверь. На пороге стояли двое мужчин, одетых в одежду, которая указывала на то, что они были *муллами*¹⁹.

— Зачем ты распространяешь литературу? — спросили мужчины. — Зачем ты это делаешь?

Тамара стояла молча.

¹⁹ Муллы обучаются исламской религии и праву и часто являются лидерами в мечети.

Тамара: «Мы не собираемся уезжать!»

— Мы не хотим тебя убивать, — сказал один из мужчин, — но если не прекратишь эту деятельность и не уедешь отсюда...

Он посмотрел на Тамару, и его угроза повисла в воздухе. Мужчины повернулись и ушли.

Сердце Тамары бешено колотилось. Она заперла дверь на засов и прислонилась к ней. «Им ничего не стоило убить меня! — подумала женщина, и страх её превратился в гнев. — Боже, я никогда не буду жить по этим исламским законам. Укрепи меня и сделай смелой!»

Со временем об убийстве Сергея стало известно в разных странах. «Мы долго молились о том, чтобы Бог обратил внимание на Исфару, — вдруг поняла Тамара, — и теперь Он обратил на наш город внимание многих людей по всему миру. Бог готовит особое благословение для Исфары, потому что теперь мы все вместе молимся и стоим на коленях».

Тамара всё ещё жаждала справедливости для убийц мужа. Когда одного из них арестовали и доставили на допрос, женщина пошла в участок, встала за большим стеклянным окном и угрожающе смотрела на него, когда начался допрос. Но Тамара не довольствовалась тем, чтобы просто наблюдать. Она схватила со стола лист бумаги и нацарапала крупными черными буквами, достаточно жирными, чтобы мужчина мог их прочитать, слово «подонки». Она приставила свою самодельную табличку к стеклу и уставилась на человека, который убил мужчину, которого она так любила.

— Когда ты попадёшь в тюрьму, — сказала она, — тебе окажут такой приём, что ты пожалеешь о том, что родился на свет.

Тамара презирала убийцу Сергея, однако также задавалась вопросом, сможет ли когда-нибудь простить его. В самый разгар всей этой волокиты Тамара просила Бога об одном: «Помоги мне продолжить своё служение — служение Сергея — на том месте, где был убит мой муж!»

Тамара прошла через тюремные ворота и направилась в молитвенную комнату, как делала это бесчисленное количество раз до этого. Подойдя к ней, она встретила Виктора, такого же заключённого, которого Сергей привёл к Господу, когда ещё сам отбывал заключение. Теперь Виктор был ответственным за проведение богослужений в зоне.

Тамара резко остановилась и не могла поверить своим глазам: в молитвенной комнате, одетый в тюремную робу, как и все другие заключённые, с раскрытой Библией на коленях, сидел человек, который убил её мужа. Тамара увидела в глазах мужчины изнеможение. Он опустил взгляд, и Тамара быстро отвернулась — внутри неё бушевала буря.

Она повернулась к Виктору.

— Что здесь делает этот подонок? — воскликнула она.

— Этот «подонок», — мягко ответил тот, — ищет Бога. Он всё время здесь, и у него много вопросов о Христе. Мы работаем с ним.

— Это правда? — удивилась Тамара, не сводя глаз с человека, убившего Сергея.

— Да, это так.

Глядя на молодого человека, Тамара поняла, что с ней говорит Господь: «Не вмешивайся. Я понимаю твою боль, но этот человек ищет Меня». В одно мгновение кипящая ярость, которую она так долго лелеяла, внезапно исчезла, а вместо неё в её сердце и разум нахлынула тёплая волна прощения.

Тамара вышла из тюрьмы свободной от боли непросщения.

Через год верного свидетельства, бесед до поздней ночи на соседних нарах и приглашений на богослужения, Виктор привёл своего молодого сокамерника к Господу.

Тамара была поражена таким поворотом событий. Задолго до того, как Сергея убили, он привёл Виктора ко Христу. Спустя годы, в той самой тюрьме, где он сам стал

Тамара: «Мы не собираемся уезжать!»

христианином, духовный сын Сергея привёл ко Христу убийцу своего наставника.

Так Сергей стал «духовным дедом» собственного убийцы.

Тамара продолжает верно нести служение в Таджикистане. Она наставляет вдов, которые пережили трагическую потерю своих мужей, принимает участие в детском служении и наставляет нуждающихся женщин. Она продолжает свидетельствовать женщинам-мусульманкам, а также поддерживает тех, чьи мужья отбывают заключение за христианскую веру.

Одной из таких женщин была жена пастора, муж которой обратился из ислама в христианство и был арестован и заключён в тюрьму за отказ отречься от веры во время жестокого внезапного рейда на его церковь. Не имея поддержки со стороны мусульманских семей, жена этого пастора оказалась в трудном положении, когда ей пришлось в одиночку обеспечивать троих детей-подростков. Когда же мужа перевели в тюрьму в восьми часах езды от дома и здоровье женщины не позволяло ей часто навещать его, ситуация показалась ей невыносимой, и она впала в отчаяние.

Тамара подружилась с женой пастора и делилась с ней словом, которое помогло ей выстоять. С состраданием, но твёрдостью, которая помогла Тамаре пережить бесчисленные сложные ситуации, которые казались непреодолимыми, она напоминала новой подруге:

— По крайней мере, твой муж жив, и он вернётся. Мой же погиб.

Тамара видит, как Бог действовал сквозь тьму и зло, которое принесло убийство Сергея. Когда женщину спросили, стоило

Пламенные сердца 2

ли следование за Христом тех гонений, которые ей пришлось пережить, она ответила:

— Я могу с уверенностью сказать, что ради Христа это того стоило! Если бы мне предложили другую жизнь, я бы сказала «нет». Я понимаю, что, когда вы исполнены Божьей силы и продолжаете жить не своей собственной силой, а Божьей, это того стоит.

Вы больше не говорите: «Нет, я не могу, нет, это страшно, нет, это опасно». Он — Тот, Кто даёт вам силу. Да, будет страшно. Но я знаю, что произойдёт дальше, потому что в Писании написано: «Если Меня гнали, будут гнать и вас». Кто хочет этого? Но я знаю, что есть Тот, Кто даст сил претерпеть до конца.

Из первых уст

Ви

Ви, семидесятилетняя вдова, живущая в Лаосе, уверовала в Христа, когда по молитве христиан она получила исцеление от продолжительной болезни. Вскоре руководитель их деревни стал расспрашивать о её новообретённой вере.

Я была дома, занимаясь своими делами, когда ко мне пришёл руководитель деревни и спросил:

Пламенные сердца 2

— Госпожа Ви! Почему вы часто ходите в соседнюю деревню?

— Я хожу туда для христианского общения, — ответила я ему.

— Какое ещё общение, какие собрания? Ваша повседневная жизнь — в этой деревне, не так ли? Не ходите больше туда, — запретил он. — Хватит уже! Вы стары, и нечего вам там делать! Вы умрёте, если будете продолжать следовать этим западным верованиям. Почему вы так невежественны?! Перестаньте слушать их и слушайте, что мы вам говорим!

Я подумала: «Хм, зачем тебе так вести себя и грубить мне? Что я делаю не так?» Я не понимала, почему он так говорит и что они планируют.

— Не идти? Конечно же, я пойду, — настаивала на своём я.

— Кто велел вам идти туда? — спросил он.

— Никто не велел мне! — ответила я. — Никто не пришёл и не рассказал мне об Иисусе. Я пошла искать Его сама. Я жила и не знала, что рядом живут христиане, пока не заболела и не услышала, что их молитвы к Иисусу помогают людям. Я сама начала искать христиан, которые помолились бы за меня. Я была больна и бедна, но они не пренебрегли мной. Они помолились за меня, и я получила исцеление. А, став здоровой, я захотела уверовать в Иисуса и присоединиться к христианам. Я очень хотела верить в этого Иисуса! Я была так счастлива. Я и думать не могла, чтобы не стать христианкой. Моё сердце целиком было с ними.

На следующее утро руководство деревни попыталось выселить меня. Я как раз собиралась завтракать. Один из соседей, увидев меня, крикнул:

— Ви, иди сейчас же в деревенскую администрацию! Тебя вызывают.

Когда я добралась до сельской администрации, меня снова начали допрашивать.

— Куда вы ходите и какое отношение имеете к этой религии? — спросили они, указывая на меня пальцем. — Кто эти

люди? Они плохие. Кто заставил вас верить в эту религию? Кто велел идти в ту деревню? Почему вы не уважаете духов наших предков?

— Мне плевать на духов моих предков, — ответила я. — Почему вы продолжаете беспокоить меня по этому поводу? Разве у вас нет глаз? Я была очень больна. Тем не менее я молилась, и христиане приходили помолиться за меня, и я получила исцеление. Конечно же, я буду ходить и поклоняться Тому, Кто исцелил меня, и общаться с христианами. Никто не принуждает меня. Я делаю это по своей воле. И кто бы ни говорил мне что-либо негативное об этой вере, я слушать не стану. Я буду продолжать общаться с христианами.

— Тогда вы не можете здесь жить. Убирайтесь отсюда! — потребовало руководство деревни. — Если вы не умерли, то уходите. Если же вы умрёте в этой деревне, вас не похоронят здесь, вместе с нами. Ваше тело отнесут в джунгли, подальше от этой деревни! А ферму, которую мы вам дали, мы заберём и поделим между собой.

Но я не ушла. Я осталась в своём доме. С тех пор почти каждый день к нам приходили деревенские старосты и приказывали сыну, чтобы он перестал давать мне еду и выгнал меня из дома.

Сын начал меня бить. Я чувствовала, что умру. Он избил меня три раза. Я всё время думала: «Как мой собственный ребёнок может так со мной поступить? Я воспитывала его от самого рождения. Как он может поступать так с матерью, которая вырастила его?»

Впрочем, даже несмотря на то, что сын избивал меня, я не испытываю к нему ненависти. И когда односельчане стали преследовать меня, я не испугалась. Я сказала, что они могут делать то, что хотят. А я буду верить, что бы они ни делали. Они всё время убеждали меня остановиться. Но я не останавливалась и не останавлиюсь. Мысль об отречении от веры никогда

Пламенные сердца 2

не приходила мне в голову. Я буду продолжать верить и не буду их слушать.

Эти люди хотят, чтобы я умерла. Тем не менее я молюсь, и Господь даёт мне силы на каждый новый день. И с каждым днём я чувствую себя всё сильнее. Со мной поступали очень плохо: от того, что не давали мне еды, до того, что у меня отбирали одежду, и даже выгоняли из дома. И всё же Бог помогал мне в трудные времена. Какое это благословение!

Никакие преследования не испугают меня. Я буду продолжать упорствовать, пока не умру.

Буфа

Девочка-подросток, которая больше не боится

ЛАОС

ФЕВРАЛЬ 2020

Воскресенье было любимым днём недели Буфы, и она всегда просыпалась с желанием провести урок изучения Библии для детей в своей церкви. В бамбуковом доме на сваях, в котором она жила с родителями и пятью братьями и сёстрами, восемнадцатилетняя Буфа погрузилась в утренние воскресные заботы и стала собирать на стол. Воскресный завтрак семьи состоял из риса, овощей, сваренных вкрутую яиц и соуса чили.

Когда рис был готов, Буфа открыла книгу с уроками по изучению Библии и стала подбирать музыку, игры, угощения и развлечения для своего класса воскресной школы. Девочке нравилось учить младших детей любви к Богу, и она молилась, чтобы они испытали те же радость и счастье, которые пережила и она, когда обратилась ко Христу.

Родители Буфы впервые услышали Евангелие, когда она была ещё совсем маленьким ребёнком. Мужчина по имени Нууд, который жил в их деревне, отправился в соседний город Вьентьян для изучения Библии. Вернувшись, он сразу же начал проповедовать Евангелие в своей деревне, населённой представителями народности кхму, которая является одной

из крупнейших этнических меньшинств в Лаосе. Многие кхму уверовали во Христа, в том числе и родители Буфы.

Каждую неделю Буфа, её родители, братья и сёстры собирались вместе с другими последователями Христа из их племени, чтобы поклоняться в домашних церквях, разбросанных по деревням и городам страны. Христиане поклоняются в домашних церквях, чтобы избежать обнаружения лаосским правительством, которое рассматривает христианство как чуждую, иностранную религию, используемую Западом для подрыва коммунистического режима. В попытке контролировать и подавлять христианскую деятельность в стране, лаосские власти арестовывают христиан и заключают их под стражу на срок до недели. В некоторых деревнях новообращённых изгоняют из домов родные и односельчане, которые опасаются, что их новообретённая вера оскорбит духов.

Ещё в детстве Буфа узнала, что следовать за Иисусом Христом — значит подвергнуться преследованиям. Она помнит, как испугалась, когда её родители стали христианами. В их деревню прибыли сотрудники полиции, чтобы следить за жителями. Они угрожали надеть наручники и посадить в тюрьму каждого, кто будет посещать церковь. Тогда Нууд собрал христиан на ночное богослужение, что предотвратило их обнаружение.

Буфа хорошо помнит богослужение в четверг вечером, на котором они присутствовали с родителями. Жители деревни окружили их домашнюю церковь и начали бросать тяжёлые камни на гофрированную металлическую крышу. Громкий лязг напугал девочку.

«Зачем они это делают? — думала Буфа. — Если родители продолжают ходить в церковь, их могут арестовать. А если их арестуют, что будет с нами, детьми?»

Вера родителей Буфы вызвала сопротивление также и со стороны родителей её друзей из нехристианских семей. Они часто нелестно отзывались о христианах в её присутствии.

Буфа: Девочка-подросток, которая больше не боится

— Да, христиане не лгут и не хитрят, — говорили они. — Они не напиваются. Но они очень плохие люди. Христиане — наркоманы, которые по четвергам собираются в своей церкви, чтобы петь бессмысленные песни. А потом они выключают свет. Что они делают в это время? — размышляли они, обмениваясь многозначительными взглядами. — Чья жена — чья?

Буфа прекрасно понимала негативные и ложные намёки на разврат во время богослужений в их церкви.

— Не слушай, что говорят о христианах, — успокаивали дочь родители. — Что бы ни говорили о нашей вере, доверяй только нам и не обращай на них внимания.

Общаясь с родителями и глубже погружаясь в церковную жизнь, Буфа всё больше убеждалась в том, что все негативные слухи, которые ходили о христианах, были всего лишь наговорами. Буфа убедилась на личном опыте, что христиане — самые добродетельные и радостные люди, которых она встречала.

Прошло несколько лет. Под влиянием учителя воскресной школы, пастора и давнего друга Буфа серьёзно задумалась о своей вере. Поскольку девочка проявляла ответственность в выполнении всех порученных ей мелких церковных дел, пастор Ким попросил её вести занятия в воскресной школе. Принимая эту роль, Буфа понимала, что должна полностью посвятить себя следованию за Христом. Невозможно учить других, не имея своей собственной твёрдой веры. Вскоре после этого она вместе с другими из разных деревень прошла обучение преподаванию Библии детям. Именно так Буфа стала преподавателем и продолжала своё служение вплоть до того рокового утра.

Позавтракав и подготовив урок, Буфа надела своё самое красивое белое платье. Она считала, что воскресенье было священным днём, достойным наилучшей одежды.

Выходя из дома, она взяла сборник гимнов, брошюру по изучению Библии и блокнот, в который записывала игры.

Родители также собирались в церковь, но попозже, к началу богослужения. Буфа шла пораньше, чтобы встретить детей, которые придут на занятия в воскресной школе. К тому же ей не терпелось посоветоваться с пастором Кимом о том, как лучше привлечь внимание детей к теме урока.

Преодолевая путь до церкви, который длился не более пяти минут, Буфа и подумать не могла, что менее чем через час её жизнь резко изменится, став испытанием её веры и преодолением страха.

— *Сабайди!* — весело поздоровалась Буфа, войдя в деревенскую хижину, где её тепло встретили собравшиеся члены церкви. Как было принято в их культуре, она сложила ладони и слегка поклонилась пастору Киму. Девочка с нетерпением ждала, когда можно будет задать ему интересовавшие её вопросы.

После короткого разговора с пастором Буфа собрала дюжину учеников в возрасте от двух до тринадцати лет и отвела их в комнату воскресной школы — пристройку позади хижины с крышей из гофрированного металла, поддерживаемой деревянными столбами.

Применяя советы пастора Кима на практике, Буфа взяла кусок мела и нарисовала на земле линию.

— Небеса! — громко воскликнула она, указывая на одну сторону комнаты. Дети сразу же бросились туда.

— Ад! — снова воскликнула она, и дети, смеясь, побежали обратно. Игра дала её ученикам возможность выплеснуть лишнюю энергию.

Через несколько минут Буфа утихомирила детей и начала преподавать урок по Книге Бытие. Дети внимательно слушали историю об Адаме и Еве и о том, к каким последствиям приводит непослушание Богу.

Пламенные сердца 2

Внезапно свет, который пробивался через дверной проём в комнату, исчез. Почувствовав неладное, Буфа обернулась, чтобы посмотреть, что перекрыло дверной проём.

В комнату вошли трое мужчин и окружили детей. Они были одеты в гражданскую одежду. Двое выглядели на тридцать с небольшим лет, а третьему было около двадцати пяти.

Буфу охватил страх, когда на бедре самого молодого из вошедших она заметила пистолет.

«Полиция!» — на миг Буфа запаниковала. Хотя и с трудом, ей всё же удалось собраться. «Слышали ли они, что я говорила?» Девочка надеялась, что мужчины не понимали языка кхму, на котором она преподавала.

— Что здесь происходит?! — угрожающе спросил один из офицеров.

Сердце Буфы учащённо забилося в груди.

— Я преподаю детям урок воскресной школы, — ответила она. Мужчина бросил на неё недоверчивый взгляд.

— А почему здесь так шумно?

— Мы играли в игру, — ответила Буфа. — А теперь мы занимаемся. Нам весело вместе.

— Почему? Зачем вы это делаете?

Буфа пыталась скрыть свой страх, но всё её тело дрожало.

— Я должна, — ответила она. — Это моя обязанность... Я их учительница.

— Это следует прекратить, — сказал другой офицер.

— Почему? — произнесла Буфа, надеясь, что её голос звучит уверенно. Офицер не ответил.

Третий офицер взял камеру и начал фотографировать.

— Для доказательств, — объявил он.

«Для доказательств? Доказательств чего?»

Буфа никогда не сталкивалась ни с чем подобным. Офицер приказал детям выстроиться в шеренгу. Они послушались, встревоженно и молча наблюдая за щёлканьем объектива камеры.

Буфа: Девочка-подросток, которая больше не боится

— Теперь ты, — сказал мужчина, указав на Буфу. Неохотно и избегая встретиться взглядом с офицером, девочка присоединилась к детям, и он сделал ещё один снимок.

Закончив фотографировать, офицеры направились к выходу. Один из них обернулся к Буфе и ухмыльнулся.

— Ты знаешь, что преподавать здесь этим детям — противозаконно?

«Господи, помоги мне. Дай мне мудрость в этой ситуации. Дай мудро ответить на любые их вопросы». Собрав все своё мужество, Буфа посмотрела прямо в глаза офицеру и спросила:

— Как то, что я делаю, может быть противозаконно, если наша религия учит нас наставлять детей?

Тем временем она заметила, что другие христиане начали приходить на богослужение, и трое полицейских покинули комнату. Буфа посмотрела на детей — они сидели с широко раскрытыми глазами и ртами. Она поняла, как потрясены они были тем, что только что произошло.

Дети засыпали её вопросами:

— Кто эти люди? Почему они расспрашивают обо всём? Это полицейские? Зачем они пришли? Нас арестуют?

— Не волнуйтесь, — попыталась успокоить их Буфа. — Может, они просто хотят помолиться с нами!

Когда девочка увидела, как обеспокоенные выражения на лицах детей сменились облегчением, и её собственные страхи стали отступать. Она вытерла вспотевшие ладони о подол платья и продолжила урок.

Однако её облегчение мгновенно испарилось, когда в дверях вновь появился один из полицейских.

— Ты поедешь с нами в полицейский участок, — приказал он.

Буфа поняла, что ситуация оказалась гораздо серьезнее, чем она думала.

Прежде чем отправиться в полицейский участок, сотрудник полиции сказал девочке пойти домой и принести своё

удостоверение личности для пересечения пропускных постов. Этот документ, выданный Министерством внутренних дел, должен иметь каждый лаосец. Во время поездок из деревни в деревню гражданам приходится проходить полицейские посты, где они обязаны предъявлять это удостоверение.

Когда полицейский выводил Буфу из комнаты воскресной школы, она оглянулась, чтобы в последний раз взглянуть на детей. Она посмотрела им в глаза, полные страха, и попыталась успокоить их улыбкой, попросив, чтобы они продолжили работать над раскраской.

Заметив своих родителей, Буфа побежала к ним и сообщила, что её вызывают в полицейский участок.

— Если нужно — иди, — ответил отец, глядя на полицейского, стоявшего рядом с дочерью. — Если что, звони нам и пастору Киму.

Едя на мотоцикле полицейского домой, Буфа не переставала думать о детях. Как ей хотелось, чтобы они знали, что всё будет в порядке! Она надеялась, что раскраска отвлечёт их от неприятной встречи с полицией и, возможно, поддержит их дух... по крайней мере, до следующего воскресенья.

Буфа очень надеялась, что на следующей неделе сможет вернуться к детям.

Забрав документы и сев на свой красный мотоцикл, Буфа направила его на пыльную, неровную дорогу, крепко сжимая руль. Один полицейский мотоцикл ехал впереди неё, другой — следовал за ней.

Буфа знала, что полицейские известны своей жестокостью по отношению к тем, кого они допрашивают. Рост девочки был чуть больше метра пятидесяти, и она не представляла, как сможет защитить себя, если к ней будут применять силу. Мрачные

Буфа: Девочка-подросток, которая больше не боится

мысли о том, что с ней может случиться — арест, тюрьма или что-то ещё хуже — терзали её сознание.

Мчась по сельской местности, небольшой конвой проехал мимо деревни народа хмонг. Как и кхму, хмонг — одна из этнических групп Лаоса. Правительство и местные жители часто преследуют эти племенные народы. Буфа вспомнила, как однажды они с друзьями хотели навестить христиан из хмонгов и как местные власти поставили на дороге блокпост, чтобы помешать им.

Молодёжь спросили, куда они направляются, и те ответили, что едут на молитвенное собрание к христианам-хмонгам. Полиция конфисковала Библии и строго их отчитала. Библии так и не вернули. Так Буфа узнала, что встречаться с христианами из других районов запрещено.

Пока мотоцикл лавировал между выбоинами, взгляд девочки был прикован к дороге. Она пыталась успокоить свои мысли. Сердце стучало так быстро, что казалось, будто оно вот-вот выскочит из груди. «Почему меня забрала полиция? Я же только учительница воскресной школы». Колёса её мотоцикла поднимали пыль на дороге. «Меня арестуют?»

Спустя полчаса офицеры и Буфа прибыли в полицейский участок — обычную деревенскую хижину, которую можно было использовать для общественных собраний.

Один из полицейских показал, где девочке поставить мотоцикл. Буфа вошла внутрь, нервно оглядываясь, ведь она никогда раньше не была в полицейском участке. Повсюду на столах лежали груды документов; в нескольких прилегающих комнатах стояли кровати.

— Садись, — приказал офицер, указав на пустой стол в комнате, которая, как предполагала Буфа, была кабинетом для допросов. Она села и положила перед собой брошюру по изучению Библии, сборник гимнов и свой блокнот.

С места, где Буфа сидела, она могла видеть полдюжины полицейских, спящих по участку, а также хмурого мужчину,

Пламенные сердца 2

который, по-видимому, был начальником. Её взгляд метался по комнате. Вдруг девочку окружили люди с оружием.

В кабинет вошёл начальник и сел напротив. На его поясе тоже была кобура с пистолетом. Вошли ещё четверо полицейских. Один из них, с блокнотом и ручкой, сел за стол, ожидая, когда начальник начнёт допрос.

— Кто заставил тебя учить детей всему этому? — раздражённо спросил начальник, угрожая наклонившись к Буфе. — Ты разве не знаешь, что следовать этой религии противозаконно?

Буфа знала, что быть христианином в Лаосе не запрещено законом, но власти часто действовали так, будто это было противозаконно. Девушка так нервничала, что у неё почти пропал голос. Она молилась о мудрости и смелости, прося Господа, чтобы ответы не выдали её страха.

— Какой именно закон запрещает следовать этой религии? — уверенно парировала девочка.

— Почему ты учишь детей в своей церкви? — спросил начальник отделения полиции, игнорируя её вопрос. — Другие дети хорошо воспитаны и без этого вашего библейского учения.

— Я учу этих детей, как расти христианами, — сказала она. — Те, кто не учится тому, что я преподаю, идут по неправильному пути. Например, я знаю десятилетних детей, которые курят. Я могу научить детей не курить, потому что это вредно для здоровья.

Она глубоко вздохнула и объяснила своё стремление помочь детям расти во Христе, следуя путям Господа, любя своих родителей и ближних.

— Ты должна прекратить учить этих детей, — настаивал мужчина. — У вашей церкви нет здания, а без здания мы не можем позволить вам преподавать ваши убеждения. Если хочешь учить, постройте церковь.

— Зачем нам здание церкви?

— Нужно соблюсти все требования, прежде чем ты сможешь учить детей. Для этого должно быть здание. Это

Буфа: Девочка-подросток, которая больше не боится

неправильно! — мужчина сделал паузу и окинул Буфу сердитым взглядом. — Ты знаешь, что, если мы захотим, то можем посадить тебя в тюрьму прямо сейчас?

Буфа запаниковала.

— И в чём вы меня обвините? Что я сделала не так? — она почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы, но не позволила себе плакать.

— Кто дал тебе право учить детей? — лишь повторил офицер, игнорируя вопросы девочки. — Кто платит тебе за то, что ты это делаешь?

— Не важно, кто дал мне эту роль, — ответила Буфа. — Важно то, что я выполняю свои обязанности наилучшим образом, так же как и вы свои обязанности блюстителя порядка.

Мужчина с грохотом ударил ладонями по столу.

— Кто платит тебе за это? — закричал он.

— Я делаю это добровольно, — твёрдо ответила Буфа. — Меня обучил христианский наставник в Вьентьяне. Он дал мне эту брошюру, но никто мне не платит.

Допрос длился уже почти час. Начальник забрасывал Буфу вопросами. Её страх достиг предела, когда она начала сомневаться, закончится ли этот допрос вообще когда-нибудь.

Возможно, один из офицеров слышал урок Буфы по Книге Бытие, потому что его ход задаваемых ей вопросов неожиданно изменился.

— Как ты знаешь, что Бог, в Которого ты веришь, создал всё?

Чувствуя, как Господь заменяет её страх на мужество, Буфа выпрямилась в кресле.

— Я верю, что Бог создал всё, потому что Он создал меня, — заявила она. — В Библии Бог ясно говорит, что Он создал небеса и землю и всё, что на них. Всё видимое и невидимое создано Им.

— Вы верите в Иисуса, — сказал офицер. — И что вы получаете от этого?

Пламенные сердца 2

Буфа на мгновение задумалась.

— Мы не получаем деньги или материальные блага от того, что являемся христианами, — ответила она, — но мы получаем вечную жизнь.

Офицер усмехнулся и упомянул местного христианского лидера, который умер несколько лет назад.

— Если вы получаете вечную жизнь, почему он до сих пор не вернулся с того света?

Буфа растерялась.

Офицер повторил вопрос, но теперь гораздо громче.

Буфа не знала, что ответить. Под давлением офицера она начала неконтролируемо дрожать, её мысли запутались. Девочка чувствовала себя оторванной от своего тела, словно её душа наблюдала за происходящим сверху.

«Господи, помоги мне! — взмолилась христианка. И вдруг её посетила мысль, которая могла прийти только от Господа: — То, что я сейчас переживаю — не проблема. Это воля Господа для моей жизни. У Господа есть план для всего».

Посмотрев на свои руки, Буфа заметила, что они больше не дрожат и у неё появилась идея.

— Можно мне позвонить? — спросила она.

Когда офицер разрешил, она быстро вышла на улицу и позвонила пастору Киму и спросила:

— Что мне делать? Полиция угрожает мне, требует, чтобы я прекратила учить в воскресной школе.

Пастор ответил, что она может временно приостановить занятия на столько, сколько нужно.

— Если хочешь продолжать учить детей, тебе придётся делать это втайне.

Когда Буфа вернулась в кабинет для допросов, офицер указал на её вещи, лежавшие на столе, и приказал дать ему брошюру. Перелистав красочные страницы с библейскими уроками, он заявил, что конфискует её.

Буфа: Девочка-подросток, которая больше не боится

— Зачем вам эта брошюра?! — воспротивилась Буфа. — Разве вы знаете язык, на котором она написана?

Христианка сомневалась, что офицер владеет каким-либо языком, кроме официального лаосского, а брошюра была на языке кхму. Но если бы он мог прочитать её, возможно, она помогла бы ему прийти ко Христу...

— Это не имеет значения! — резко ответил полицейский. — Мы тщательно изучим эту брошюру.

Мужчина серьёзно посмотрел на Буфу.

— Ты должна пообещать, что больше не будешь учить по этим материалам, — потребовал он. — Если продолжишь, мы снова приведём тебя сюда. — Офицер сделал паузу и разложил перед собой стопку бумаг: — И в следующий раз мы посадим тебя в тюрьму на две недели.

Даже услышав такую угрозу, Буфа всё ещё не была готова дать такое обещание. Дети должны знать об Иисусе, и Сам Бог призвал её учить их. Тут девочка подумала, что, возможно, существует какой-либо способ задобрить офицера.

— Вы уже забрали материалы, — кротко произнесла она, указывая на свою библейскую брошюру, — теперь нет необходимости обещать вам, что я больше не буду учить.

Довольный ответом Буфы, офицер отпустил её домой. Девочка быстро собрала вещи и выбежала из кабинета для допросов. И хотя она провела в полицейском участке всего час, ей казалось, что это длилось гораздо дольше.

Почувствовав на лице тёплые лучи полуденного солнца, Буфа села на свой мотоцикл и помчалась домой, радуясь, что её не арестовали, а главное, что она смогла рассказать Евангелие полиции.

«Спасибо Тебе, Господи, за Твою любовь и милость ко мне», — молилась она.

Добравшись домой, Буфа поставила мотоцикл у стены под навесом и начала готовить ужин для своей семьи. Когда еда

Пламенные сердца 2

была готова, она стала готовиться к возвращению в школу на следующий день.

Девочка знала, что не сделала ничего плохого. Она не нарушила закон. Наверняка это были пустые угрозы со стороны полиции. Тревога и страх всё ещё не покинули её, и она думала о том, могут ли её ответы полицейским впоследствии привести к неприятностям, её желание оставаться верной Богу теперь было сильнее страха перед арестом и заключением.

«Если хотите арестовать меня, — подумала Буфа, — давайте! Говорите, что хотите. Я не отступлю. Я не отрекусь от Господа и не предам других христиан».

Несмотря на то, что допрос в полицейском участке был недолгим, последующие преследования не заставили себя ждать.

Прошло совсем немного времени, прежде чем самые страшные опасения Буфы стали реальностью.

Первые несколько недель в школе прошли гладко, но потом учитель вызвал девочку из класса, чтобы поговорить. Когда Буфа встала, класс огласился шквалом сплетен.

— Эй, Буфа, — шептали ученики, — что ты сделала? Должно быть, что-то очень плохое.

— Нет, я не сделала ничего плохого, — успокаивала одноклассников Буфа. — Наверное, это обычный разговор, чтобы обсудить мои оценки или что-то в этом роде.

Однако, как только девочка пришла на встречу с учителем, она поняла, что это будет не разговор, а противостояние.

— Почему ты должна верить в Иисуса? — только и твердил учитель. — Почему ты ведёшь себя, как христианка? — он продолжал засыпать Буфу вопросами.

После допроса учителя жизнь в школе больше не была прежней. В течение следующих трёх месяцев такие допросы

Буфа: Девочка-подросток, которая больше не боится

продолжались, а школьная администрация создавала для ученицы всё больше трудностей. И хотя Буфа училась превосходно, учителя отказывались признавать её успехи. Одноклассники начали отстраняться от неё во время школьных мероприятий и продолжали насмехаться:

— Ты, человек Иисуса! Ты нехорошая.

Очевидно, что в школе стало известно об аресте и допросе Буфы, но юная христианка была полна решимости не сдаваться.

Буфа понимает, что преследования, вероятно, повторятся. Впрочем, несмотря на угрозу ареста, насмешки одноклассников и давление со стороны администрации школы, она выбирает надежду вместо отчаяния. Девочка делится своим свидетельством, чтобы напомнить окружающим, что для Господа нет ничего невозможного. Он обещает в Своем Слове, что никогда нас не бросит, и она черпает силы в том, что Бог не оставил её во время допроса в полицейском участке, соответственно Он будет с ней до конца. Если полиция снова нагрянет, её сердце спокойно, и она уверена, что сможет ответить на все их вопросы.

Каждое воскресенье Буфа продолжает вставать с улыбкой на лице — это по-прежнему её любимый день недели — чтобы приготовить завтрак и накормить не только свою семью, но и детей в своём классе воскресной школы. Она горит желанием продолжать служить Господу и провозглашать Евангелие.

— В это трудное время я знаю, — говорит юная христианка, — кто любил меня больше всего — Господь. Он не оставит и не покинет меня ни в какой ситуации!

Из первых уст **Сурита**

Поклонение индуистским идолам, просьбы о молитве у буддийского священника и посещение знахарей не принесли Сурите из Непала облегчения ни от её болезни, ни от проблем с желудком у её четырёхлетнего сына. Затем в своей деревне она встретила христиан, которые поделились с ней Евангелием и помолились за её семью.

Когда я впервые пошла в церковь, я искала исцеления, впрочем, уже через два месяца поняла, что исцеление — это не самое главное. Я поняла, что я потерялась. Я просто металась во тьме, и мне необходимо было обрести прощение моих грехов. Исцеление стало второстепенным. Главное, что мне было нужно, — это личные отношения с Иисусом Христом.

Теперь я пришла к свету и получила чудо прощения от истинного Бога. Я ощутила радость и счастье и приняла Иисуса Христа как своего личного Господа и Спасителя.

Мы с мужем жили в доме свёкра и свекрови. Несмотря на то, что мой муж разрешал мне ходить в церковь, я терпела издевательства со стороны родственников-буддистов с самого первого дня посещения церкви. Когда мой свёкор напивался, свекровь говорила ему:

— Иди и бей её, потому что она ходит в церковь.

Она также подстрекала и моего мужа нападать на меня.

Однажды я увидела, как свёкор, который в то время был пьян, вошёл в мою комнату и вышел оттуда с моей Библией. Он схватил меня за волосы и стал бить книгой по голове. Он избивал меня изо всех сил в течение почти десяти минут.

В тот миг я вспомнила о боли Христа на кресте и подумала, что если Христос пострадал за меня и отдал за меня Свою жизнь, то для меня пострадать за Него — огромная честь. Даже если бы я тогда умерла, это не имело бы значения, потому что мне обеспечена вечная жизнь. Я чувствовала, что пострадать за Христа — это привилегия. Даже Христос, мой Господь, подвергался нападкам со стороны многих людей. Они плевали на Него и презирали Его. Если Христос так сильно страдал за меня, то мои страдания — ничто по сравнению с Его. После того, как свёкор перестал избивать меня, я поблагодарила Бога за то, что пострадала за Него. Тогда я помолилась за своего свёкра, потому что он не понимал,

Пламенные сердца 2

что делал. Однажды ему придётся предстать перед судом Божиим — и Бог будет его судить.

Мой свёкор часто пытается напасть на меня. Но выпивка ослабила его физически, и он часто болеет. Я смело подхожу к нему и говорю:

— Бросьте пить. Присоединяйтесь ко мне — ходите в церковь. Я бы так хотела, чтобы вы пришли в церковь!

Желание моего сердца и моя молитва о том, чтобы однажды увидеть свёкра стоящим на коленях перед Христом, молящимся и просящим у Него прощения. Я знаю, что Он может получить прощение, обрести спасение и иметь вечную жизнь. Это моя искренняя молитва, которой я молюсь.

Муж Суриты, Камаль, ходил в церковь вместе с Суритой, пока его отец не начал им угрожать. Во время нападения на Суриту Камаль был на работе, а когда вернулся домой, родители сказали ему, что они с Суритой должны покинуть отцовский дом из-за её христианской веры. Камаль ответил, что его жена может следовать за Христом, и на следующее утро они покинули дом его родителей. Несмотря на то, что сам Камаль не исповедовал веру во Христа, защита веры Суриты стоила ему наследства.

Хульда

Жизнь, сокрытая во Христе

Индия

1 МАЯ 2018 ГОДА

Хульда с тревогой наблюдала с крыльца за тем, как её семнадцатилетний сын Аман запрыгнул на чёрный мотоцикл отца и завёл двигатель. Шёл девятый час вечера. Луна, освещавшая деревню, была почти полной, такой же яркой, как глаза Хульды.

В течение последних трёх часов Хульда ждала возвращения мужа, Авраама, домой, и с каждым часом беспокойство женщины становилось всё сильнее. В голову лезли мысли о влиятельных бизнесменах из их общины, связанных с радикальными индуистами, которые были недовольны Авраамом.

— Эти люди ненавидят вашу христианскую деятельность, — недавно предупредил супругов сосед. — Особенно то, что вы евангелизируете жителей деревни.

— Возьми мотоцикл отца и съезди поищи его, — попросила Хульда сына. — Осмотри местность, не сломался ли где-то его автомобиль. Расспроси людей, может, кто знает что-нибудь.

Луна осветила пыль, взметнувшуюся, когда умчался Аман. Заламывая руки, Хульда вернулась в дом, обдумывая различные возможности того, почему Авраам мог так долго не возвращаться. «Неужели они что-то сделали с моим мужем?»

Пламенные сердца 2

Аман помчался к ближайшему мосту, находившемуся на расстоянии чуть более полутора километра. До сезона муссонов оставался ещё месяц, и дороги пока не превратились в грязь. Густые джунгли мелькали с обеих сторон, а юноша всё давил на газ и набирал скорость.

Через несколько минут Аман увидел вдалеке зарево. Его как будто током ударило. В ночное небо поднимался столб чёрного дыма. Юноша направился к нему, и вскоре перед ним открылась ужасающая сцена — прямо перед ним догорал охваченный пламенем автомобиль.

Аман остановил мотоцикл, и тормоза завизжали. Он не мог поверить своим глазам. Вокруг автомобиля собралась толпа, которая с ужасом наблюдала за тем, как из разбитых окон пылающего джипа вырывалось пламя.

Белый Джип. Такой же, как тот, на котором утром уехал отец.

Хульда родилась в маленькой индийской деревушке посреди джунглей, в пятидесяти километрах от столицы штата. В те времена добраться до её деревни было трудно: дороги не были асфальтированы, и семье приходилось пешком пробираться через горные джунгли, чтобы добраться домой.

Пока отец Хульды посвящал большую часть своих дней заботе о небольшом участке земли, которым он владел, мать оставалась дома и заботилась о детях. Чтобы свести концы с концами, отец за скудную плату также нанимался подёнщиком на сельскохозяйственные работы. Каждое утро он вставал в три часа, чтобы попеть гимны, помолиться и почитать Библию при свете маленькой свечки. В пять утра он принимался за работу. Каждое воскресенье он водил свою семью в церковь.

Хульде нравилось участвовать в церковных торжествах. Каждое Рождество она с нетерпением ждала возможности

Хульда: Жизнь, сокрытая во Христе

украшать деревенскую церковь. Она вместе с молодёжью убирала здание и украшала его коридоры и фасад поделками, которые мастерили из бумаги. Хульда также любила праздновать Пасху, когда на рассвете её семья собиралась с другими прихожанами, чтобы петь гимны о воскресении. Ей также поручили собирать у каждой семьи из церкви рис, отложенный как пожертвование для нуждающихся членов общины.

Хульда училась в миссионерской школе недалеко от своей деревни. После её окончания отцу с трудом удалось собрать деньги на оплату учёбы в государственной школе-интернате в соседнем районе, куда нужно было идти три часа по горам, а затем ехать на поезде ещё час.

Учебный класс и общежитие представляли собой глиняные строения с крышей из глиняной черепицы. Поскольку Хульда делила маленькую комнату с соседкой, у неё почти не было возможности уединиться. А туалетом им служили окружавшие здание кусты — типично для сельской школы.

Сулами, одноклассница Хульды, также происходила из посвящённой Богу христианской семьи. Хульду сразу же привлёк её добрый нрав и приветливое выражение лица — оно всегда светилося улыбкой.

Сулами заботилась о девочках, которые болели, и делилась сладостями, которые получала от родителей. Независимо от того, что она делала, Сулами всегда улыбалась и была весёлой, даже выполняя самые неприятные задания в школьном общежитии.

Хульда никогда раньше не встречала никого, кто излучал бы такую радость. «Как я могу быть такой же, как она?» — думала девочка. Хульда осознавала, что, несмотря на то что она активно участвовала в жизни церкви, в свои четырнадцать лет она по-настоящему не знала Иисуса как личного Господа и Спасителя.

Пламенные сердца 2

Как-то во время посещения своих двоюродных братьев и сестёр, которые жили всего в нескольких милях от её семьи, Хульда испытала Божью защиту, что побудило её искать отношений с Ним.

Около одиннадцати часов вечера, через несколько часов после того, как Хульда и её двоюродные уснули, их разбудил шум за окном. Девочка открыла глаза и увидела высокого мужчину, стоявшего на веранде, не более чем в четырёх метрах от неё. Он был не один.

Хульда испуганно вскрикнула и закрыла рот одеялом. Четверо мужчин тихо открыли бамбуковую дверь и прокрались в спальню. В темноте она не могла разглядеть их лица и не знала, вооружены ли они, однако понимала, что злоумышленники могли причинить ей и её двоюродным братьям вред, даже без оружия.

— Помогите! — завопила Хульда.

Все в доме повскакивали, а мужчины, испугавшись крика, убежали.

Той ночью, когда Хульда пыталась снова уснуть, в её сознании ясно отложилось: Бог был с ней. Он защитил её.

Когда Хульда вернулась в школу, Сулами подарила ей Новый Завет. Хульда с жадностью читала его, обращаясь к Богу в молитве, и вскоре доверилась Тому, Кто защитил её, — Господу Иисусу Христу. Впрочем, не все были довольны её решением.

Одна из жён братьев Хульды противилась её живой вере. Чтобы не дать Хульде проводить время в молитве и чтении Священного Писания, она заставляла её выполнять множество домашних дел.

В день, который Хульда выбрала для поста и молитвы, невестка отправляла её вести скот в лес на выпас. А когда девочка объясняла, что планирует посвятить это время духовным упражнениям, невестка обвинила её в уклонении от семейных обязанностей и пренебрежении домашней работой.

Однако со временем вера Хульды повлияла на её невестку. Когда та тяжело заболела и начала испытывать отчаянье из-за невозможности выздороветь, она послала известие Хульде. «Пожалуйста, помолись за меня», — умоляла она. Хульда горячо молилась за невестку, и вскоре её здоровье восстановилось. Убеждённые этим чудом, свидетелями которого они стали, брат и невестка Хульды также последовали за Христом.

Хульда ощущала огромную радость, когда рассказывала другим о Христе. Вскоре девочка возглавила группу студентов, которые собирались для молитвы и изучения Библии. Даже после того, как один из учителей в школе отругал её за попытки благовестия, девочка продолжала свидетельствовать о своей вере.

Её желание рассказывать окружающим о любви Бога не прекратилось даже после того, как она закончила школу; наоборот, это стало новым началом. Хульда вернулась в свою деревню и использовала часы работы на рисовом поле как возможность провозглашать Евангелие другим жителям деревни, которые трудились рядом. Иногда это воспринималось хорошо, иногда нет.

Однажды, когда Хульда и другие женщины сажали рис, она начала рассказывать о своей вере. Внезапно три женщины перестали сажать растения и начали спорить с ней. Прежде чем разговор накалился ещё более, Хульда поняла, что его необходимо прекратить. Она спокойно попросила женщин вернуться к работе и заверила, что они смогут обсудить всё позже.

В тот вечер после работы одна из женщин попросила Хульду проводить её домой, где жили три женщины, чтобы она могла помолиться о проблеме, преследующей семью. Хульда пришла в дом, собрала семью и начала молиться. После молитвы женщины почувствовали себя более умиротворёнными.

— Мы благодарны за твой визит, — сказали они, — и за то, что ты молишься за нашу семью.

Хульда: Жизнь, сокрытая во Христе

Когда Хульда не работала в поле, она путешествовала по всей округе и делилась Евангелием. Дважды её выгоняли из деревень разгневанные жители, которые не хотели иметь ничего общего ни с её посланием, ни с её Богом. Вскоре Хульда узнала, что преследования являются обычной нормальной частью христианской жизни.

Все видели, насколько изменилась жизнь Хульды, даже её отец. И, вдохновлённый непоколебимым свидетельством дочери о Христе, он вновь посвятил свою жизнь Богу. Однако возрождённая вера отца обошлась ему дорого. Когда христианские убеждения вынудили его прекратить участие в общественной жизни деревни, где часто злоупотребляли алкоголем и табаком, он был изгнан из общины.

— Никто не должен переступать порог дома этой семьи, — предупредили лидеры деревни. — А тот, кто им хоть чем-то поможет, будет оштрафован.

Все эти переживания лишь укрепили Хульду и сделали её христианкой с твёрдой верой, способной пережить насмешки, клевету и маргинализацию из-за своих отношений с Иисусом Христом. Этот опыт также поспособствовал тому, что однажды она встретила благочестивого мужчину по имени Авраам, и подготовил её к служению, которое они совершали вместе.

Впервые Хульда встретила Авраама, когда вместе с семьёй и друзьями посетила христианское мероприятие.

Авраам был тактичным и дружелюбным, и поскольку он говорил на том же языке, что и Хульда, он смог помочь ей и её друзьям взять еду и найти места, где можно было бы присесть во время мероприятия. Его характер произвёл на девушку такое же неизгладимое впечатление, как и его доброта. Авраам

Пламенные сердца 2

улыбался от всего сердца — искренней и заразной улыбкой, которая всем вокруг поднимала настроение.

Мужчина привлекал Хульду, однако она никому не открывала своих чувств. Раньше женщина решила не выходить замуж, но позже передумала. Провозглашая Евангелие, она теперь молилась о муже, который присоединился бы к ней в этом служении. И теперь Хульда задавалась вопросом, был ли Авраам ответом на её молитвы.

Пастор Авраама знал о служении благовестия Хульды.

— Она та, кто взойдёт на любую гору, чтобы проповедовать Евангелие, — как-то сказал он Аврааму. — Почему бы тебе не помолиться и не подумать о том, чтобы жениться на ней?

Время шло, а Авраам продолжал думать о Хульде. «Не для меня ли Бог хранит её?» — размышлял он.

20 мая 1998 года во время радостной церемонии Хульда и Авраам поженились.

Авраам поселился со своей молодой женой в небольшой хижине, где он проводил церковные служения. Это была живая церковь, сильно отличавшаяся от церкви, где прошла молодость Хульды. Её молодой муж был успешным проповедником, который говорил просто и прямо к сердцу слушающих. Перед каждой проповедью он проводил часы в молитве, тщательно подбирая иллюстрации и жизненные истории, которые наверняка нашли бы отклик у его слушателей. Он любил читать. Кроме Библии Авраам изучал две книги, которые помогали ему в подготовке проповеди — Библейский комментарий и книга по подготовке проповедей, используемая многими евангелистами по всей Индии.

Невысокая зарплата Авраама как пастора усложняла жизнь молодожёнам, которые с трудом могли оплатить аренду жилья. Всё их имущество состояло из немногих вещей: трёх небольших

Хульда: Жизнь, сокрытая во Христе

жестяных ящиков для хранения одежды, нескольких кухонных принадлежностей и одной деревянной кровати. Прошло много времени, прежде чем они смогли купить стол и несколько стульев.

Авраам разводил свиней и обрабатывал землю вокруг хижины, а Хульда, чтобы иметь дополнительный доход, продавала рис на местном базаре. В джунглях жители деревни собирали дрова, фрукты и корм для скота. Но жизнь в джунглях таила в себе всевозможные опасности, особенно из-за медведей, слонов и обезьян, с которыми они часто сталкивались. По вечерам Авраам и Хульда носили с собой жестяное ведро, наполненное горящим хворостом, чтобы освещать себе путь и отпугивать голодных животных.

Их подстерегали и другие опасности. Каждый день, когда Авраам и Хульда служили бедным и обездоленным, им приходилось преодолевать более десяти километров, чтобы посетить новообращённых христиан в труднодоступных сельских районах. И в самые солнечные дни местность в тропическом климате полна неожиданностей, но в сезон муссонов, когда небо обрушивало на землю неослабевающие потоки дождя, джунгли преображались — образовавшаяся грязь усложняла передвижение, и всё кишело насекомыми — переносчиками болезней.

Со временем Авраам и Хульда накопили достаточно денег, чтобы купить чёрный мотоцикл — единственное средство передвижения для семьи. Но всё же мотоцикл не полностью решал проблему передвижения, потому что на нём можно было преодолевать лишь определённые расстояния. Часто, проехав час, им приходилось ещё час идти пешком. Несмотря на это, Авраам и Хульда ездили по всему району, чтобы проповедовать Евангелие, проводить изучение Библии и молиться, а также поклоняться Богу вместе с христианами-единомышленниками в их домах.

Для них служение было важнее всех трудностей.

Однажды молодые супруги поехали в дальнюю деревню и, решив не возвращаться домой в ночное время, чтобы не рисковать, остались в ней заночевать. В тот вечер, совершив молитву

Пламенные сердца 2

за больных, они уже собирались ложиться спать, когда услышали крики, доносящиеся с улицы.

— Позовите священника, который приехал молиться за больных! — требовал мужчина.

Авраам и Хульда подбежали к входной двери. За спиной мужчины стояла разъярённая толпа из двадцати мужчин, некоторые из них были вооружены ружьями и толстыми бамбуковыми палками.

— Вы пришли осквернить бога нашей деревни! — кричал индус, житель деревни. — Вы пришли, чтобы попытаться изменить нашу религию!

При взгляде на толпу, Аврааму и Хульде стало ясно, что им нужно бежать. Прежде чем мужчины успели схватить их, они бросились назад в спальню, спрятали Библию и сборник гимнов в свою дорожную сумку и выскочили через заднюю дверь. Они бежали в темноте всю ночь, опасаясь за свои жизни. Наконец в два часа ночи на следующий день они добрались домой.

Измученные и потрясённые, Авраам и Хульда провели следующий день в молитве.

— Нам нужно молиться за верующих деревни, чтобы они оставались твёрдыми в вере, — сказал Авраам, — а также продолжать молиться о тех, кто напал на нас.

Хульда согласилась.

— Бог дал нам это служение, — сказала она, утвердившись в мысли, что Господь и впредь будет предоставлять им возможности для служения.

Через три года после свадьбы Авраам и Хульда купили участок земли и построили глиняный дом, состоящий из двух комнат. Крышу дома покрыли глиняной черепицей; смешав глину, коровий навоз и сено, обмазали стены снаружи. На переднем дворе

Хульда: Жизнь, сокрытая во Христе

они постелили сено, чтобы жители деревни могли сидеть на нём, собираясь для богослужения, которое проводилось каждую неделю. Средства для жизни пара зарабатывала сама, разводя свиней и выращивая на продажу рис, лук, чеснок и кукурузу.

Авраам и Хульда пытались родить ребёнка, но безуспешно. Результаты медицинского обследования были неутешительными — необходимо дорогостоящее лечение, поэтому они решили усыновить ребёнка. Их финансовое положение было нестабильным, высшего образования у них не было, поэтому они не могли соответствовать необходимым государственным критериям для усыновления ребёнка. Но всё же, невзирая на все препятствия, они продолжали молиться о чуде, чтобы Бог дал им ребёнка.

Ответ на молитвы они получили, когда узнали, что их родственник не может ухаживать за своим малолетним сыном. Хульда залилась слезами, когда они с Авраамом впервые увидели маленького улыбающегося им Амана. Он был чудом. С распростёртыми объятиями пара приняла его в свою семью.

УТРО 1 МАЯ 2018 ГОДА

— Авраам, — пробормотала Хульда, — мне только что приснился очень тревожный сон.

Авраам перевернулся в кровати и посмотрел на жену, которая была явно расстроена.

— За мной гнались люди, — сказала она, — я упала. Потом кто-то что-то вылил из бутылки, и они все убежали.

— Не беспокойся о сне, Хульда, — успокоил он, улыбаясь. — Просто сосредоточься на сегодняшней работе.

После утренней молитвы Авраам и Хульда были готовы к событиям дня. Был вторник, самый загруженный для них

день недели, скоро должен был открыться деревенский базар. Хульда обмоталась в жёлто-зелёное хлопковое сари и собрала товар, который в тот день планировала продать.

Базар находился лишь в нескольких метрах от их дома, и он стал стратегическим местом для их служения. На базаре Хульда продавала рис, что давало дополнительный доход для семьи, а Авраам общался с жителями деревни.

Каждый вторник Авраам одалживал машину у одного из родственников и нанимал водителя из близлежащей деревни. Последние два месяца водитель вместе с Авраамом колесили по горным дорогам в джунглях, доставляя жителей деревни на базар. Это было служение на колёсах: Авраам всегда вовлекал пассажиров в разговор и благовествовал им.

В то утро Авраам так торопился на встречу со своим водителем, что уехал из дома, даже не позавтракав. Несколько часов спустя, сразу после обеда, Хульда пошла на базар, чтобы купить немного продуктов. На парковке стоял Авраам.

— У тебя есть деньги? Я хочу купить немного овощей, — сказала она.

По его свежевыбритому лицу она поняла, что он был у парикмахера.

Авраам знал, что Хульда экономит деньги, в основном из-за того, что они достраивали свой дом, чтобы он стал более приспособленным для богослужений.

— Не беспокойся о мелочах, — сказал он, передавая ей несколько рупий, — я еду на встречу с верующими в соседнюю деревню, но сегодня вечером мы увидимся.

Хульда взяла деньги и провела взглядом мужа, он шёл к машине, где его ждал водитель. Авраам обернулся, улыбнулся ей и скрылся за дверью белого джипа.

По дороге домой Хульда планировала, что она приготовит на ужин. Она знала, что Авраам будет голодным, когда вернётся, потому что нормально пообедать ему так и не удалось.

Хульда: Жизнь, сокрытая во Христе

Она собрала волосы в тугой пучок и приступила к приготовлению его любимой еды. Она думала о муже, когда подбирала специи, мыла и резала овощи, клала их в кипящую воду в кастрюлю, стоящую на плите.

Прошло несколько часов. Хульда посмотрела на часы. День уже склонился к вечеру, и она ждала возвращения Авраама домой с минуты на минуту. Прошёл ещё час. Семь часов вечера. Ещё час. Она зашла к сыну в комнату.

— Аман, папа всё ещё не вернулся, — сказала она. — Что будем делать?

Аман перевернулся в постели, не менее обеспокоенный:

— Ты пробовала ему звонить?

У Авраама был простой мобильный телефон без голосовой почты. Хульда набрала номер, дождалась гудка, но связь сразу же прервалась. Она опять позвонила, чувствуя, как нарастает паника, но гудка не последовало.

«Возможно, села батарейка», — подумала она.

После ещё одной неудачной попытки позвонить мужу Хульда вышла на улицу и села на крыльце.

— Боже, пожалуйста, защити моего мужа, — молилась она, — сохрани его. Приведи его домой!..

...Аман в ужасе наблюдал, как пламя охватывало белый джип. Он с трудом переводил дыхание, ощущая, как стук сердца отдаётся в ушах. Разворачивая мотоцикл, он пытался удержать его в дрожащих руках. Аман завёл двигатель и, покачиваясь, поехал обратно по ухабистой дороге домой к матери.

Хульда издали услышала слабый гул мотоцикла Амана, который становился всё громче. Прошло лишь десять минут, как он уехал искать своего отца. Аман заглушил мотор и бросился к двери.

Пламенные сердца 2

— Мама, я видел горящий автомобиль на мосту! — Хульда ждала, пока её сын справится с волнением и продолжит. — Это был папин джип...

Хульда рухнула на пол, слёзы текли по её щекам.

«Я знаю, что Авраам был в этом джипе», — подумала она.

Аман помог матери подняться и усадил её на кровать.

— Начала собираться толпа, поэтому я поспешил домой, — сказал он.

Они оба знали, что просто толпа могла быстро превратиться в разъярённую толпу.

Следующие два часа были мучительными. Аман с матерью ожидали и молились, взывая к Богу за помощью, надеясь на лучшее и опасаясь худшего. Хульда знала, что её муж был мишенью для недругов. Она знала, что в деревне были люди, которые считали Авраама своим врагом и были бы не против, если бы его служение прекратилось.

В 11 вечера зазвонил телефон.

— Хульда? — Она узнала голос на другом конце провода: это был родственник Авраама, владельца белого джипа.

— Хульда, мне только что сказали в полиции, что мой автомобиль был угнан неизвестными вооружёнными лицами.

«Авраам... жив?»

Перед рассветом Хульда получила ответ на свой вопрос, когда пришли родственники, чтобы сообщить ей новость.

Возле горящего джипа нашли обезглавленное тело Авраама.

На следующее утро к ней явилась полиция.

— Вы жена Авраама? — спросил её офицер.

Хульда кивнула.

— Вчера вечером вооружённые люди в масках похитили вашего мужа и его водителя, когда они возвращались домой.

Хульда: Жизнь, сокрытая во Христе

Они отпустили водителя, но убили вашего мужа. — Помедлив, офицер продолжил: — Нам нужна ваша помощь в расследовании. Вы бы не могли поехать с нами на опознание тела?

Всё ещё пребывая в шоке, Хульда покачала головой. Просьба была слишком болезненной, поэтому её брат вызвался пойти вместо неё. Вместе с Аманом они сели на мотоцикл и поехали к мосту, месту убийства.

При ярком свете утреннего солнца Аман увидел то, что осталось скрытым во тьме прошлой ночью. У кромки воды, рядом с тлеющими останками обугленного белого джипа, Аман увидел обезглавленное тело своего отца.

Аман с дядей стояли, обнявшись, и плакали.

В течение нескольких последующих дней проходило следствие. Водитель джипа дал полиции свидетельские показания, так же поступили и несколько жителей деревни, ставшие свидетелями преступления.

Авраама похитили, избили, нанесли колото-резанные раны и застрелили, после чего перерезали горло и обезглавили. Его убийцами были двадцать пять вооружённых, скрывавшихся под масками наксалитов, членов коммунистической группировки, которая выступает против правительства и заявляет, что представляет беднейшие слои индийского общества. Индуистские радикалы часто платили наксалитам, или «маоистам», и подстрекали их на преследование христиан.

Записка, написанная от руки яркими красными буквами, которую нашли возле тела Авраама, гласила: «Смерть полицейскому шпиону. Да здравствует PLGA (Партизанская армия народного освобождения, — прим. перев.)». И стояла подпись: «Ваши маоисты».

После ареста и допроса одного из боевиков-наксалитов полиция узнала, что члены группировки, ответственные за смерть Авраама, были намеренно введены в заблуждение местными индуистскими бизнесменами, желавшими

смерти христианского пастора. Радикальные индуисты распространили слух о том, что Авраам якобы был полицейским информатором, чем разозлили наксалитов и побудили их убить пастора.

Авраама убили за девятнадцать дней до двадцатилетнего юбилея их с Хульдой свадьбы. Хульда похоронила мужа на небольшом участке земли за их домом. Большое количество христиан, в том числе пасторы из окружающих церквей, пришли на похоронное служение.

Хульда стояла у свежей могилы своего мужа, и слёзы текли по её лицу. Но в какой-то момент похоронного служения Хульда получила утешение — когда собравшиеся запели гимн: *«В синем небе, где живёт наш Иисус, мы встретимся на облаке, а потом увидим и наших любимых...»*. И хотя Хульда была раздавлена горем, она знала — Авраам уже с Иисусом, и придёт день, когда она присоединится к нему в небесах.

Позже на могиле Авраама будет установлен белый камень, на котором вверху выбьют слова: «Мученик за Христа». А внизу на языке хинди написан любимый стих Авраама из Священного Писания: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил» (2 Тимофею 4:7).

Следующие две недели Хульда ощущала тревогу и невыносимое одиночество. Она не могла ни есть, ни готовить еду, ни ходить на базар. Единственное, что она могла, — это ходить на могилу Авраама, стоять там часами и вспоминать его улыбающееся лицо. Она не знала, как дальше совершать служение без него.

День годовщины их свадьбы Хульда провела в молитве. Она благодарила Бога за утешение во время скорби, несмотря на то что её жизнь была разрушена.

Хульда: Жизнь, сокрытая во Христе

— Ты сохранил мне жизнь для какой-то цели, — молилась она. — Ты уже имеешь для меня план, и мне нужно узнать, в чём он заключается.

Некоторые пасторы советовали Хульде передать служение Авраама кому-то другому, уехать в город и жить в предоставляемом церковью жилье. Проходила неделя за неделей, и родственники Хульды тоже начали беспокоиться о её безопасности, опасаясь, что наксалиты могут убить и её.

— Почему ты не хочешь переехать из деревни к нам? — спрашивали её родственники. — У нас ты будешь в большей безопасности.

И каждый раз Хульда отвечала с неизменной уверенностью.

— Бог призвал меня на служение в этом месте, — говорила она. — Мой муж был верен в исполнении своей части служения, теперь моя очередь исполнить свою часть. Я не уеду отсюда. Я буду продолжать служение, которое оставил Авраам.

Как только стали известно, кто убил мужа Хульды, жители деревни сразу оповестили её об этом. Однажды, идя по местному базару, она увидела одного из убийц. Волна гнева охватила её.

«Зачем ты убил моего мужа? — хотелось закричать ей. — Авраам никому не причинил вреда! Он всегда был готов помогать людям, находящимся в нужде!»

Но вместо того, чтобы укорить убийцу своего мужа, Хульда решила подчинить свой гнев Богу. «Боже, пожалуйста, измени его, — молилась она, — измени и всех тех, кто принимал участие в убийстве моего мужа, чтобы они могли уверовать в Иисуса и стать евангелистами, выполняя ту работу, которую оставил Авраам».

Два года спустя Хульда узнала, что Бог ответил на её молитву. Главарь банды, который убил Авраама, самый разыскиваемый из всех наксалит, тяжело заболел и сдался полиции.

Пламенные сердца 2

В своём признании мужчина сообщил о том, что знала и Хульда, и каждый, кто был знаком с пастором Авраамом.

— Я убил невинного, — сказал он.

Вместе со своим сыном Хульда продолжает служение, которое она несла со своим мужем. Они посещают служения домашних церквей в отдалённых местах, ходят теми же тропами через горные джунгли, которыми она когда-то ходила со своим мужем.

Везде, куда бы она ни пошла, Хульда встречает людей, которые знают о жизни Авраама, его смерти и любви к Иисусу Христу. Она понимает, что без него её служение уже совершается по-иному, но она остаётся верной деревенским жителям, служа тем, ради которых погиб её муж.

Хульда основала ещё три домашние церкви с помощью женщин-христианок, которые активно участвуют в служении общины постом и молитвой. Она посещает малые группы, собрания которых проходят на улице, где участники сидят на циновках из пальмовых листьев, воспевая песни хвалы и изучая Слово Божье.

Размышляя о своём служении, Хульда часто задавалась вопросом — почему Бог призвал её к служению без спутника жизни. Она так долго молилась о муже и всё лишь для того, чтобы опять потерять его.

Однако это чувство одиночества напомнило ей, что у Бога всегда есть цель. Она могла использовать свой ужасный травматический опыт, чтобы послужить вдовам, потерявшим своих мужей во время служения Господу в Индии.

— Бог дал мне всё необходимое, — говорит она. — Бог обеспечил меня в большей мере, чем я могла бы себе представить.

Хульда: Жизнь, сокрытая во Христе

Итак, работа Хульды продолжается в той же деревне, где был убит её муж, среди тех же людей, которые были ответственны за его смерть.

— Стоит следовать за Христом, — говорит она, — несмотря на все преследования и трудности в жизни. В будущем, если придут новые преследования, я готова их встретить, потому что знаю, что мой Искупитель жив, и моя жизнь сокрыта во Христе.

Из первых уст *Карен*

В 2014 году Джон, муж Карен Шорт, был задержан в Северной Корее и подвергнут допросу. Его заставили написать признание в своих «преступлениях», включая правонарушение, заключающееся в желании того, чтобы больше северокорейцев последовали за Иисусом. Во время его пятнадцатидневного заключения Карен не имела возможности с ним связаться.

Как только я узнала, что Джона задержали, я подумала: «Ага, в этом Господь». Я знала, что Господь контролирует ситуацию. Мне и в голову не пришло подумать о жестокости или о том, как с ним там будут обращаться. Я не представляла себе ситуаций: «а что, если». Слов «а что, если» нет в моем словаре. Я просто доверяла Господу, веря, что в этом Его воля. Моя единственная молитвенная просьба о Джоне сводилась к тому, чтобы у него не забрали Библию. Я думала: «Если у него будет Слово Божье, с ним всё будет в порядке». К счастью, Бог ответил на эту молитву.

У нас с Джоном был обычай каждый день читать определенную главу из определенной книги Библии. Поэтому я считала, что, если у него будет Писание, мы будем читать одни и те же тексты. Я знала, что он будет читать каждый день, находясь под стражей. Это было так практично и так воодушевляло: мы будем едины в молитве у престола благодати, полностью полагаясь на Господа. Я знала, что Джон будет светом во тьме.

В то время Божий народ поддерживал меня в молитве, я получала много слов ободрения. Будь то текстовые сообщения, электронные письма или телефонные звонки — они необычайно воодушевляли. Письма от детей были бесценны, потому что в молитвах милых деток нет и тени сомнения. Я знаю, Господь слышит их молитвы.

Пока Джона держали под стражей, некоторые люди спрашивали меня: «Каковы ваши требования? Чего вы ожидаете от северокорейского правительства?» Я отвечала: «Ничего». Я ничего не ожидаю ни от какого правительства. Мы австралийцы. Я благодарю Бога за привилегии австралийского гражданства. Но я не ожидаю никаких действий от правительства, потому что это не в его компетенции, это в руках Божьих, не человеческих.

Прошло приблизительно десять дней со дня задержания Джона, и я пошла в австралийское консульство в Гонконге.

Пламенные сердца 2

Они долго со мной беседовали. Я раздала евангельские трактаты всем чиновникам. Они спрашивали меня: «Вы не расстроены? Вы не скучаете по нему? Разве вы не любите своего мужа?» Я отвечала: «Безусловно, скучаю и люблю! Но Бог на первом месте в нашей жизни, и мой муж оказался там для достижения Божьей цели».

Разные люди спрашивали меня: «А что вы думаете об этом? А что — о том? А что, если он не вернётся?» Я говорила им: «Пожалуйста, не говорите так. Я так не думаю. Мы живём сегодняшним днём и молимся за тех, кто охраняет его, какова бы ни была его нынешняя ситуация; и мы очень благодарны».

Мы с Джоном часто постились вместе, поэтому я пятнадцать дней провела в посте. Думаю, что это давало мне возможность полностью сосредоточиться на Господе. Всё, что не было необходимым, отпадало. Я была полностью сосредоточена на молитве о Джоне, чтобы он был духовно спокоен, умиротворён и мог справиться со всеми возможными трудностями. Я просто знала, что мне нужно быть спокойной и сосредоточенной перед Господом.

Когда мы с Джоном поженились, отец дал мне совет: «Будь близка к Господу, читай Слово Божье для своей жизни — и тогда преодолеешь любую ситуацию, в которой окажешься». Я верила в это. Необходимо иметь якорь и основание, где на первом месте — Бог. Доверьтесь Богу всем сердцем, делайте то, что Он хочет от вас. Это не тайна. Вы сейчас находитесь там, где Бог хочет видеть вас, если только Он не вложит в ваше сердце желание пойти куда-то ещё. Господь знает; но, если вы готовы следовать Его воле, вы будете знать, что делать, потому что Его воля — совершенна.

Послушайте, как Карен и Джон рассказывают о своих испытаниях в Северной Корее, посетив сайт vomradio.net/short.

Марзие и Марьям

Две обычные девушки

ТЕГЕРАН, ИРАН,
2006 ГОД

Марьям Ростампур и Марзие Амиризаде стояли в гостиной своей городской квартиры в окружении стопок Нового Завета карманного формата. Обе девушки держали в руках рюкзаки, куда паковали книги — одну за другой. Сегодня вечером они впервые реализуют свой новый план служения: осознание этого наполняло их волнением и тревогой.

К тому времени, как они закончили работу, их рюкзаки были набиты 114 экземплярами Нового Завета. Прежде чем выйти на прохладный вечерний воздух, они подошли к большой карте, висящей на стене в гостиной. Перед их взором раскинулся огромный город Тегеран. Внизу на карте была надпись на английском языке: «Бог есть любовь. Он любит нас. Мы любим Его». Крошечный голубой крестик украшал написанное от руки напоминание.

Когда они просматривали карту, их глаза остановились на соседнем районе, где в тот вечер они планировали раздавать Новые Заветы. Обе девушки поочерёдно помолились вслух об этом районе и о его жителях. Они молились о своей защите и о каждом человеке, который получит Новый Завет. Закончив молитву, они нервно переглянулись и вышли в ночь, зная,

что если их поймают с таким количеством Писания, то наверняка арестуют.

Двигаясь на север машиной, принадлежащей Марзие, они вскоре прибыли к месту назначения. Останавливаясь у каждого дома, они опускали в почтовый ящик экземпляр Нового Завета. Если у дома не было почтового ящика, они, присев, просовывали книгу под дверь. Несколько раз, когда соседи замечали двух девушек, они пригибали головы и убегали, благодарные за покров ночи. Адреналин в теле зашкаливал по мере того, как сумки становились все легче и легче.

Когда наконец их рюкзаки опустели, подруги отправились домой — уставшие, взволнованные и благодарные за то, что первый вечер распространения Писания прошёл успешно. Зелёной шариковой ручкой девушки отметили выполненную в районе работу, нарисовав на карте кружок и крестик. Они улыбнулись и вздохнули с облегчением. Вновь вместе помолившись за район, который посетили, они попросили Бога взрастить сотни верных христиан из малого семени, которое они посеяли.

Куда же нам пойти завтра вечером, — задавались вопросом девушки, опять изучая карту на стене.

МАРЗИЕ

Марзие родилась в Иране всего за несколько месяцев до революции 1979 года, в результате которой правительство Ирана было смещено исламистами под руководством аятоллы Рухоллы Хомейни. Следовательно, она выросла в радикальной исламской стране с одним из самых репрессивных режимов в мире. Выход из ислама считается незаконным, поэтому христиане сталкиваются с постоянной угрозой тюремного

Марзие и Марьям: Две обычные девушки

заклучения и с ложными обвинениями в действиях против национальной безопасности, заключающихся в хранении Библии или даже просто в разговорах о Христе.

В детстве у Марзие было много вопросов об Аллахе, боге ислама. Ей совершенно не нравилась характеристика, которую давал ему ислам, представляя его как жестокого правителя, с нетерпением ожидающего, чтобы наказать людей за малейший грех. У неё установились близкие отношения с отцом, и, подрастая, она хотела, чтобы Аллах ислама был похож на её отца.

В подростковом возрасте вопросы Марзие об Аллахе становились всё более острыми.

— Почему я должна говорить с Аллахом на арабском, а не на фарси, моём родном языке? — спрашивала она своих учителей. Её интересовало, почему тот, кто создал её, не может понять язык её сердца.

У неё были вопросы не только к исламу как вере, но и к исламским предписаниям, особенно относительно строгих правил, установленных для женщин.

— Почему я должна покрываться, разговаривая с Аллахом? — спрашивала она. — И почему нужно кланяться ему в определенное время дня? Разве он не может услышать меня, если я помолюсь в другое время дня?

— Не нужно задавать вопросы, — предупреждали учителя. — Просто повинуйся правилам ислама. Если ты хочешь быть близкой к Аллаху и чтобы он был доволен тобой, тогда выполняй предписания ислама.

Марзие жаждала правды, но, не зная другого способа, чтобы познать Аллаха и развить близкие отношения с ним, она послушалась учителей и приняла исламские предписания. На протяжении двух лет она прилежно читала Коран, повиновалась исламским правилам и молилась исламскими молитвами. Но всё это изменилось в одну ночь, когда однажды к ней во сне проговорил Единый Истинный Бог.

Во сне Марзие стояла и молилась к небу, когда вдруг небо открылось и вниз спустился белый конь. «Садись на меня», — проговорил он. Марзие взобралась ему на спину, и он галопом понёсся по городу. Марзие увидела мечеть. Десятки мусульман стояли на улице, ожидая начала вечерней молитвы.

Сначала Марзие гордо восседала на спине коня, рассматривая мусульман с безопасного расстояния. Но потом, наблюдая за ними, она заметила, что их лица начали искажаться, приобретая черты диких животных. В то же время и мусульмане заметили Марзие. Они бросились к ней, нападая и яростно дёргая её за ноги.

Конь сразу же усакал, унося перепуганную Марзие от толпы в безопасное место. Схватившись за гриву лошади, она почувствовала ни с чем не сравнимую любовь, исходящую от животного, чистую и сильную любовь, которую она никогда прежде не испытывала.

Всю последующую неделю Марзие могла думать только о глубокой любви, которую она ощутила во сне. Она никогда и нигде не переживала такой любви. «Бог, зачем Ты позволил мне проснуться? — спрашивала она. — Я хотела остаться в этом сне навсегда!»

Вскоре она пришла к выводу, что больше всего Бог заботится о её сердце, и решила оставить прежнюю религию. Вместо того чтобы выполнять исламские предписания в отношении молитвы, Марзие решила просто поговорить с Богом как со своим драгоценным Отцом.

Однажды к ней подошла подруга, которая ранее была обращена в христианство. Подруга знала, что Марзие всем сердцем ищет истину; она рассказала ей, что, согласно христианскому учению, Иисус Христос — это Сын Божий и Спаситель всего человечества.

Марзие была шокирована. Её учили только одному, что Иисус — это пророк. «А на самом ли деле Он — Сын Божий?» Она

Марзие и Марьям: Две обычные девушки

начала читать Библию, но решила для себя изучать и другие религии, чтобы узнать, правду ли говорит христианство об Иисусе. Вскоре она испытала потрясение: «Возможно, в мире существует какая-то вера, которую я никогда не смогу познать в полной мере».

Однажды, окончательно устав от этой путаницы, она встала на колени и обратилась к Богу с простой молитвой:

— Если Ты создал меня, если Ты мой Отец, Ты должен найти меня. Ты должен показать мне правду об Иисусе. Если Иисус — это истина, покажи и докажи мне её, потому что я не хочу заблуждаться в этом мире.

Вскоре после этого подруга пригласила Марзие в церковь, где она увидела, как христиане радостно поклоняются Богу и молятся Ему на своём родном языке, фарси. Как раз в то время у Марзие сильно болела спина, и боль мучила её уже некоторое время. Во время прославления она услышала голос в своём сердце: «Ты исцелена». Марзие несколько раз слышала тот же голос и те же слова: «Ты исцелена». Марзие вначале игнорировала этот голос, но потом рассказала об этом подруге.

— Это голос Иисуса, — объяснила она, — и Он может исцелить тебя.

Марзие попрощалась с подругой и пошла на приём к врачу, поскольку ей нужно было продлить рецепт на лекарства, которые помогали ей бороться с болью. Но врач, начав выписывать рецепт, вдруг остановился и положил ручку.

— Госпожа Амиризаде, не знаю почему, но я не могу сейчас вам ничего выписать, — сказал он, — приходите в следующий раз.

«В чем дело? — изумилась Марзие. — Почему он не хочет выписать мне рецепт?» Тотчас Бог напомнил ей: «Марзие, доверься Мне, Я исцелил тебя».

Наконец Марзие решила не сопротивляться и вышла из кабинета врача. Позже, осознав, что симптомы болезни пропали, она поблагодарила Бога за чудо исцеления.

Марзие начала верить в Иисуса всем своим сердцем. Но всё же у неё были некоторые сомнения. Читая Библию, она не понимала некоторые вопросы относительно Духа Святого, к примеру, как это апостолы, получив Духа Святого, могли говорить на иных языках. «Бог, пожалуйста, покажи мне истину, — молилась она. — Я не хочу сомневаться».

Однажды, молясь в своей комнате, Марзие начала молиться на ином языке. Хотя этот язык Марзие никогда раньше не слышала, каким-то образом она поняла слова, с которыми обращалась к Богу. Она знала, что это было от Духа Святого. Поклоняясь Богу и молясь Ему, она увидела видение — перед ней стоял Иисус у большого престола. Все её сомнения сразу исчезли; она ощутила, что Бог убрал пелену с её глаз, и она могла видеть истину ясно. Она продолжала поклоняться Ему. С этого дня Марзие посвятила свою жизнь Иисусу Христу.

Быть христианином в Иране не является противозаконным, однако переход из ислама в другую веру, например христианство, а также евангелизация мусульман сторонниками этой веры являются преступлениями, караемыми смертной казнью. Но это не остановило Марзие, и она смело делилась своей новообретённой верой. Она работала менеджером в школе косметологии в Тегеране — работа, которой она добивалась много лет. Благодаря этой должности она делилась Евангелием спасения с женщинами, которые встречались ей на пути.

Но Иисус дал Марзие другое задание: «Оставь свою работу и следуй за Мной». Марзие трудно давалось это решение. Она построила свой бизнес с нуля, годами неутомимо трудясь, пока не достигла такого уровня успеха, который обеспечивал ей достойный доход. Но каким должен быть её ответ, она, конечно, знала.

— Ты с ума сошла, Марзие? — спрашивали друзья. — Ты годами тяжело работала и сейчас можешь наслаждаться своей успешной карьерой. Что с тобой?

Марзие и Марьям: Две обычные девушки

— Я люблю Иисуса, и всё, что я хочу делать, — это следовать за Ним, — сказала она.

В 2005 году Марзие, по совету своего пастора, поехала в Турцию на христианскую конференцию. Это изменило весь ход её жизни.

МАРЬЯМ

Марьям родилась в семье номинальных мусульман в Иране. Они не придерживались исламских правил и ритуалов и были мусульманами только по названию, как и большинство мусульманских семей в Иране.

С раннего возраста Марьям хотела иметь близкие отношения с Богом. Она хотела разговаривать с Ним, иметь с Ним обоюдную связь. Ей хотелось знать Его Самого и истину о Нём. Она задавала вопросы членам своей семьи, пыталась исполнять исламские предписания, такие как чтение намаза²⁰ и чтение Корана на фарси. Повзрослев, она исследовала и другие религии и обнаружила другую ветвь ислама, которая обещала более близкие отношения²¹. Что бы она ни пробовала, Марьям никогда не ощущала близких отношений с Богом. Она никогда не слышала Его голоса и не ощущала, что Он слышит её.

В шестнадцать лет её растущее разочарование вылилось в решение отказаться от религиозных ритуалов. Марьям перестала молиться. Она также прекратила попытки познать Бога и понять

²⁰ Намаз — персидское слово, которое означает «молитва». Ежедневный намаз — это один из пяти столпов ислама.

²¹ Суфизм — это мистическая форма исламской веры, восходящая к VII веку. В суфизме последователь учения стремится испытать божественную любовь и знание через передачу божественного света от сердца учителя к ученику.

другие религии. Вместо этого она часами стояла на балконе и смотрела в ночное небо. Там, на балконе, она обращалась к Богу.

Она не знала, Кто такой Бог, но знала, что Он существует и может слышать её голос. В вечерней тишине Марьям часами говорила к Нему. Она наслаждалась этим временем, но всё же чувствовала, что между ней и Богом было какое-то препятствие.

Как-то после занятий в колледже её сестра вернулась домой с маленькой брошюрой в руках. Марьям взглянула на название брошюры: «Его имя чудесно». Брошюру ей дал мужчина из церкви, расположенной напротив колледжа, где училась сестра.

— Я знаю, что ты хочешь узнать правду о Боге, — сказала сестра, вручая Марьям брошюру. — Только не читай последнюю страницу, — предупредила она. — Это молитва исповедания для того, кто хочет стать христианином.

Марьям взяла брошюру и поспешила наверх, в свою комнату, чтобы прочитать её. По мере того, как она узнавала, Кто такой Бог, она чувствовала, как мощное присутствие наполняло её комнату. Каждое прочитанное ею слово обращалось непосредственно к её сердцу; она была не одна, читая эти слова. Марьям знала, что находилась в присутствии Кого-то ещё.

Из брошюры Марьям узнала, что Иисус Христос — это Сын Божий, но такое утверждение является богохульным для мусульман. Но в своём сердце она понимала, что это истина. В этом Марьям не сомневалась. Она чувствовала, что Христос влечёт её к Себе, готовя её сердце к принятию истины.

Присутствие Бога в её комнате было настолько сильным, настолько ощутимым, что она сидела и плакала почти три часа, с жадностью вчитываясь в каждое слово тридцатистраничной брошюры. На последней странице была напечатана молитва, и она прочитала её без тени сомнения или колебания. Именно в этот момент Марьям покаялась и отдала своё сердце Иисусу Христу.

Марзие и Марьям: Две обычные девушки

Марьям рассказала сестре о том, что пережила, и они решили вместе ходить в церковь. Вскоре её сестра тоже отдала свою жизнь Иисусу.

В девятнадцать лет Марьям тайно приняла крещение, которое совершалось в полночь в подвальном помещении небольшой церкви.

Всё это время Марьям ощущала тяжёлую, гнетущую атмосферу ислама. Но посреди тьмы она испытала живое дыхание истины — любовь Божью, — и она не могла не делиться этим с членами своей семьи. Некоторые из них последовали за Иисусом. Но некоторые всё же не были такими открытыми к внезапной смене веры.

— Ты знаешь, что твой дом теперь грязный, — сказал один из родственников отцу Марьям. — Твои дети тоже грязные, потому что стали христианами.

Тем не менее Марьям рассказывала людям о Божьей любви и приглашала их в церковь, и ничто не могло её остановить. Когда пастор Марьям увидел, как страстно она желает делиться Евангелием, он порекомендовал ей посетить христианскую конференцию в Турции, чтобы узнать больше о христианстве.

На конференции она встретила свою новую лучшую подругу, Марзие, которая вскоре стала ей ближе, чем сестра. Их объединяла особенная любовь к Иисусу. Когда они рассказали друг другу свои истории, между ними установилась тесная связь, которую заметили и другие участники конференции.

— Сколько лет вы уже знаете друг друга? — спрашивали их.

— Мы только сегодня познакомились!

Когда Марзие и Марьям вернулись домой в Иран, они оба искали пути, как лучше всего служить Господу. Благовестие иранцам было опасным делом для любого, но им, как

Марзие и Марьям: Две обычные девушки

женщинам, нужно было быть особенно осторожными. Строгие исламские правила регламентировали, как женщины должны одеваться в общественных местах, и ограничивали общение с мужчинами.

Подруги сняли квартиру в доме, стоящем на холме, в жилом и торговом районе Тегерана. Окна двух спален выходили на прекрасные горы Дараке, возвышающиеся вдаль, но вид с балкона их кухни был куда более зловещим.

Оттуда новые соседки по комнате могли видеть высокие стены печально известной тюрьмы Эвин, в которой содержалось 15 000 политических заключённых, включая иранцев, обращённых в христианство. Обе девушки слышали истории о содержании в одиночных камерах, изнасилованиях и пытках в стенах тюрьмы. За полтора года до этого, на рассвете 27 июля 2008 года, иранское правительство приговорило двадцать девять заключённых к смерти и осуществило казнь через повешение во дворе тюрьмы. Тюрьма Эвин служила постоянным напоминанием о тех опасностях, которые часто подстерегают христиан в Иране, но Марзие и Марьям ревностно искали способ поделиться Божьей любовью с жителями Тегерана.

Однажды, когда Марзие читала Библию, Бог проговорил к ней ещё раз: «Сначала вам нужно посеять несколько семян, а Я взращу их силой Святого Духа». Марьям приснился сон с аналогичным посланием. Когда подруги рассказали друг другу о Божьем призыве, они уже были уверены в правильности своего нового шага — дарить Библии жителям Ирана.

Первый телефонный звонок Марзие был пастору, с которым она познакомилась во время обучения в Турции.

Она попросила, чтобы ей в Иран прислали тысячи Библий.

— Ты это серьёзно, Марзие? Тебе нужны тысячи Библий? — переспросил он.

— Мы верим, что это видение от Бога, Он дал нам его, и мы сможем выполнить эту задачу.

Это была непростая просьба. Библии нужно было напечатать и нелегальным образом ввезти в страну. Марзие и Марьям усиленно молились об этом, и через несколько месяцев первые экземпляры Новых Заветов прибыли в страну. Девушки купили большую карту Тегерана, повесили на стене у себя в квартире и стали планировать первое массовое распространение Новых Заветов. Они начнут с северной части города и будут двигаться на юг. Чтобы не привлекать внимания, они будут это делать ночью.

Подруги быстро поняли, что распространение Писания в южной, более консервативной части города было значительно опаснее. Местные жители поддерживали исламское правительство и ратовали за строгое соблюдение исламских законов. Подруги надели мусульманские покрывала, чтобы не привлекать к себе внимания, и попытались незаметно проскользнуть в жилые кварталы. Но почти сразу местные жители заметили девушек и с подозрением окликнули:

— Привет, незнакомки!

«Они нас увидели!» — подумала Марзие, и её охватил страх. Они с Марьям поняли, насколько были уязвимыми. Как девушки, гуляющие в одиночку по ночам, они были беззащитными перед мужчинами, которые могли приставать к ним на улице или даже напасть на них. Но вечер за вечером, когда две подруги обходили кварталы Тегерана, Бог защищал их и содержимое их сумок.

Новые Заветы они прятали в своей квартире и в подвале дома, где жили. Каждый день они загружали ими сумки, чтобы разнести по городу. Зимой они даже пробирались через снежные заносы около метра глубиной. Карта на стене быстро покрывалась крестиками, которыми они отмечали каждый пройденный район.

Марзие и Марьям: Две обычные девушки

В течение дня девушки благовествовали. Однажды Марьям зашла в книжный магазин в поисках некоторых книг. В то утро она не планировала евангелизировать, но, когда к менеджеру подошёл молодой человек и спросил о наличии в продаже Библии, Марьям не могла не подслушать диалог. Как только их разговор закончился, Марьям подошла, достала из рюкзака Новый Завет и протянула его молодому человеку со словами:

— Могу я спросить, почему вы ищете Библию?

— Прошлой ночью мне приснился Иисус. Во сне Он сказал мне пойти в книжный магазин и найти Библию, а затем пойти в горы.

Молодой человек положил Новый Завет в рюкзак и ушёл.

В течение следующих трёх лет две девушки раздали более 20 тысяч Новых Заветов в разных районах Тегерана. Они оставляли книги в такси, в кафе и однажды даже в мечети. Они ещё основали две домашние церкви. Одна церковь состояла из бывших проституток — овдовевших женщин, которые вступали во временные «браки» с мужчинами, чтобы заработать на жизнь. Коран разрешает такую практику, поэтому Марзие и Марьям было очень трудно убедить женщин в том, что у Бога есть для них что-то лучшее, чем сексуальные связи с десятками мужчин.

Марзие и Марьям приглашали заинтересовавшихся людей, с которыми они познакомились во время дневной евангелизации, к себе домой. Зачастую Бог уже заранее готовил сердца гостей к слушанию Его вести спасения через сны или видения, и они жаждали услышать истину. Но приглашение посетить дом было довольно рискованным делом, потому что девушки не могли знать, кто входит в их квартиру.

К концу 2008 года молодая команда столкнулась с противодействием своему служению. Районы, обычно переполненные мусульманами, жаждущими услышать об Иисусе и получить Библию, теперь были малолюдны, и желающих

Пламенные сердца 2

слушать было мало. Вместо того, чтобы возвращаться домой с пустыми рюкзаками, девушки теперь с трудом могли найти, кому вручить хотя бы один Новый Завет. Они всегда сильно желали благовествовать, но теперь их служение стало похоже на работу.

«Неужели Бог меняет для нас нашу задачу? — задавалась вопросом Марьям. — Может, нам нужно заниматься чем-то другим?» Что-то изменилось, и обе девушки это осознали. Марзие вспомнила сон, который она видела пять лет назад, в котором Бог сказал ей, что однажды она попадёт в тюрьму.

«Это произойдёт», — сказала она Марьям.

Обе девушки чувствовали, что что-то должно измениться.

5 МАРТА 2009 ГОДА

Марьям отперла дверь своей квартиры и зашла на кухню, чтобы выпить стакан воды. У неё болела челюсть после утреннего посещения стоматолога, и ей нужно было запить водой таблетку обезболивающего. Поскольку Марзие ещё не было дома, Марьям надеялась прилечь на диване в гостиной и вздремнуть.

В ту же минуту зазвонил телефон. Звонила сестра Марьям, Ширин. Она была взволнована.

— Я так рада, что застала тебя дома, — сказала Ширин. — Прошлой ночью мне приснился ужасный сон о тебе. Мне приснилось, что ты исчезла, и голос сказал мне, что ты будешь в тёмном ужасном месте, где тебе будет страшно, — Ширин поспешила закончить свой рассказ. — Внезапно небо над твоей головой разверзлось, и тебя за волосы потянуло вверх, в прекрасный зелёный парк. Затем голос сказал: «Вот что произойдёт с твоей сестрой».

Марзие и Марьям: Две обычные девушки

— Забудь об этом, — спокойно сказала Марьям, не желая волновать Ширин. — Ты разволновалась из-за пустяка. Всё в порядке. — Марьям вошла в гостиную, держа в руке баночку с лекарством. — На новогодние праздники мы с Марзие уезжаем в отпуск на две недели. В дороге мы это обсудим.

Марьям проглотила лекарство, запив его глотком воды, и легла на диван. Сон Ширин беспокоил её больше, чем она хотела себе в этом признаться. Они с Марзие действительно планировали поездку, но это был не тот отпуск, о котором она говорила сестре. Эту версию они рассказывали друзьям и родственникам для собственной безопасности. На самом деле девушки планировали отправиться в поездку по другим иранским городам, чтобы раздавать Новые Заветы.

Но Марьям и сама видела тревожный сон. Они с Марзие стояли на холме в окружении группы мальчиков и девочек. Там был старик, в сиянии яркого света он пророчествовал над каждым из детей. Подойдя, наконец, к Марзие и Марьям, он произнёс для них леденящее душу пророчество:

— Вы обе будете арестованы.

Очнувшись от дремоты, Марьям быстро поморгала: «Кто-то звонил в дверь?» Она услышала в коридоре приглушенный голос Марзие и ещё несколько незнакомых ей голосов.

«Странно. Почему бы ей просто не войти? Может, она забыла ключ?» — Марьям посмотрела в глазок и увидела, что её подруга стоит с другой молодой женщиной в исламской одежде и двумя молодыми людьми.

— Откройте дверь, — приказала молодая женщина. У Марьям болело во рту, её мозг был затуманен обезболивающими препаратами. Ей нужно было время, чтобы подумать.

— Вам придётся подождать, пока я переоденусь, — ответила она через дверь. Согласно требованиям исламского закона, женщины должны строго придерживаться дресс-кода, предписываемого Кораном в случае, если в дом входит посторонний мужчина. Но эта женщина всё равно протиснулась в квартиру и сопровождала Марьям в спальню, чтобы та переделалась.

Когда они вернулись в гостиную, Марзие сидела на диване, а двое молодых людей обыскивали квартиру. Подруги с ужасом наблюдали за тем, как мужчины методично обыскивают каждый уголок каждой комнаты, опустошают шкафы и кладовки, роются в книгах.

У офицеров не было ордера на обыск. Это были представители *басидж* — части Революционной гвардии²². Статус *басидж* находится где-то посередине между правительственными ополченцами и обычными бандитами. Они не носили униформу, и им не требовалось разрешения на их действия.

Квартира была не только личным убежищем девушек, но и местом собраний их нелегальной домашней церкви. В их спальнях стояли стопки пластиковых стульев и хранились Новые Заветы и другая христианская литература.

Пока офицеры обыскивали квартиру, Марзие и Марьям незаметно спрятали свои мобильные телефоны в подушках дивана. Ведь если их конфискуют и найдут списки контактов, текстовые сообщения и фотографии, это, безусловно, подвергнет опасности их друзей.

Вскоре мужчины обнаружили в их спальнях Новые Заветы.

— Ты стала христианкой? — спросил мужчина Марьям.

— Да, — ответила она твёрдо и уверенно. — Я христианка уже одиннадцать лет.

²² Корпус стражей исламской революции, или «Революционная гвардия» — был создан после Исламской революции 1979 года в Иране и обладает значительными полномочиями по защите Исламской Республики от предполагаемых угроз извне или изнутри страны.

Марзие и Марьям: Две обычные девушки

Мужчина повернулся к Марзие:

— Почему ты стала христианкой? Что тебе сделал наш имам? — спросил он, имея в виду одного из исламских религиозных лидеров.

— Я стала христианкой, потому что встретила с Иисусом, — сказала она. — Я обратилась к Иисусу, потому что Он вошёл в моё сердце и призвал меня к Себе.

Мужчина усмехнулся и продолжил планомерное разбрасывание вещей по квартире.

— Похоже, что Господь везде в этом доме, — сказал он.

«Они ещё не знают о тысячах Библий в нашем подвале», — подумала Марьям.

Марзие и Марьям знали, что это лишь дело времени, когда их вызовут на допрос. Когда мужчины упаковывали найденные улики: Новые Заветы, компакт-диски, личные дневники, личные вещи и документы, удостоверяющие личность, — Марзие помогала им.

Женщина-басиджи надела на Марзие и Марьям наручники, вывела их из квартиры и посадила в маленький белый автомобиль. Уже вечерело, и дул холодный ветер. Мужчины шли следом, неся коробки с вещами. Подругам не разрешили взять с собой дополнительную одежду или какие-нибудь вещи; они не знали, куда их везут басиджи и когда их отпустят домой.

Машина мчалась по улицам района, и девушки через окно разглядывали покупателей, готовящихся к празднованию иранского Нового года, который называется *Навруз*.

Вскоре они проехали мимо возвышающихся кирпичных стен тюрьмы Эвин. Девушки проезжали мимо этих стен почти каждый день, когда ездили в город на евангелизацию. Они часто задумывались о том, каково это — находиться в тюрьме.

Неужели им предстояло это узнать?

За несколько дней до этого Марзие получала новый паспорт. В одной из форм, которую ей нужно было заполнить,

была графа «религия», и она написала «христианство». Клерк был возмущён:

— Как такое может быть? У вас мусульманское имя. Как вы можете быть христианкой?

— С Господом всё возможно, — ответила ему Марзие.

В то утро, когда Марьям была на приёме у стоматолога, Марзие вызвали в полицейский участок под предлогом решения проблемы с регистрацией её машины. Но когда она пришла, её начали допрашивать о религии и христианской деятельности. Она быстро поняла, что проблема с регистрацией машины была лишь уловкой. Они уже знали о стопках Новых Заветов, хранящихся в её квартире. В конечном итоге они надели на неё наручники, втолкнули в полицейскую машину и в сопровождении трёх офицеров поехали к ней на квартиру с обыском. На мгновение Марзие испугалась, но потом вспомнила обещание, данное Господу. «Я никогда не отрекусь от Тебя. Я верю, что Ты всегда будешь со мной и победишь мой страх». Затем она наклонилась к женщине-офицеру:

— Я христианка. Вы надели на меня наручники лишь из-за моей веры. Для меня большая честь служить Христу таким образом, и я хочу, чтобы вы знали, что не обижаюсь на вас за то, что вы сделали.

Наконец, машина с двумя подругами и *басиджи* остановилась. Они оказались возле трёхэтажного кирпичного здания районного полицейского участка, где обычно регистрировали автомобили. У главного входа было многолюдно, но вместо того, чтобы провести девушек через парадную дверь, *басиджи* провели их в обход, подальше от посторонних глаз. Вскоре Марзие и Марьям узнали, что это База Два, где размещается тайная полиция, занимающаяся случаями преступлений против государства.

Марьям начала сомневаться: «Действительно ли мы пойдём куда угодно, чтобы следовать за Иисусом и выполнять

Марзие и Марьям: Две обычные девушки

Его труд?» Посвящение казалось лёгким, когда они говорили о нём наедине в своей квартире или когда раздавали Библии каждый вечер и не были пойманными. Но теперь они обе находились под стражей в полиции, и их ситуация была серьёзной. По выражению лица Марзие она могла понять, что её подруга чувствовала то же самое.

Марьям боролась с нарастающей паникой, она ощущала себя слабой, а не смелой: «Откажемся ли мы от Христа, чтобы спасти себя?» Она молилась и просила Господа, чтобы Он укрепил их. Она знала, что только Его силою, а не своей, они могут быть смелыми и устоять.

Офицеры повели женщин вверх по лестнице в небольшой кабинет с голыми стенами и большим письменным столом. Конфискованное имущество, принадлежавшее ранее задержанным, лежало на столе и на полу.

Действие обезболивающих препаратов уже закончилось, и у Марьям снова разболелась челюсть. Ощувив слабость и головокружение, девушки вспомнили, что не ели с самого утра.

Перед ними сидел офицер по имени Расти, один из тех, кто допрашивал Марзие ещё раньше.

— С этого момента вы будете говорить мне правду, — рявкнул он.

— Я всегда говорила правду, — резко сказала Марзие. — А вы — нет! Вы обманули меня относительно моей машины, чтобы привести меня сюда. Я говорила вам, что я христианка вот уже одиннадцать лет. Я раздавала Новые Заветы. Я могла всё отрицать, но отвечала честно.

Она чувствовала, как повышается её голос.

Женщина-офицер вступила в разговор.

— Они стали христианками! — начала она с обвинения. — В их квартире мы обнаружили множество Библий и другой христианской пропаганды.

Она повернулась к девушкам:

Пламенные сердца 2

— Разве вы не знаете, что это делает вас *кафирами*, — она использовала слово на фарси, которое означает «неверный».

Обессиленная и страдающая от боли, Марьям объяснила суть христианской веры, что Иисус — Спаситель человечества.

— Он не был пророком, как утверждает Коран.

Она продолжала, объясняя, что Он — Бог во плоти, Тот, Кто взял на себя грехи мира.

В течение долгого времени офицеры и две девушки ходили взад-вперёд, споря о христианстве и об Иисусе. Их допрашивали вместе и по отдельности, задавали вопросы о людях, которым они давали Библии, наряду с этим желая узнать подробности об их домашней церкви и друзьях. Важнейшим пунктом допроса был вопрос, действительно ли девушки обратились в христианство. Дело против них, похоже, упиралось в ответ на этот пункт.

Было уже около 11 часов вечера, когда г-н Расти наконец пододвинул стопку бумаг к Марзие. Девушек допрашивали больше двух часов.

— Подпиши, — потребовал он.

У неё не было возможности прочитать все материалы, и она слишком устала, чтобы спорить, поэтому согласилась. И когда г-н Расти дал Марьям такую же стопку для подписи, она сделала то же самое.

Была почти полночь, когда вошёл ещё один охранник.

— Вы останетесь под стражей, я отвезу вас в следственный изолятор, — сообщил он.

Марзие и Марьям сели в другую машину и вскоре приехали в следственный изолятор Возара. Охранники провели их в комнату для оформления.

— В чём вас обвиняют? — спросил сонный солдат за стойкой.

Марзие и Марьям: Две обычные девушки

— Христианство, — в унисон произнесли подруги.

Марзие подняла руки, закованные в наручники, и сказала:

— Мы гордимся этими наручниками, потому что мы носим их за нашу веру в Иисуса Христа!

— Я тоже верю в Иисуса, — сказал солдат, — но я никогда не буду пытаться никого обратить в свою веру. Вы взяты под стражу не за веру в Иисуса, вы здесь за то, что пропагандируете Его другим.

Вскоре охранник повёл женщин вниз по длинной лестнице в подвал, проведя через несколько стальных дверей, в комнату, где их ждали две женщины-охранницы. Подруги сняли одежду, чтобы охранницы могли провести личный досмотр. Затем охранник провёл их через другую металлическую дверь и вывел в коридор, по обе стороны которого находились открытые комнаты. Подруги достали из грязной кучи жёсткие влажные одеяла, и за ними с лязгом захлопнулась дверь.

При тусклом освещении комнат Марзие и Марьям увидели лежащие на полу закутанные в одеяла фигуры. Они нашли свободное место в комнате, с невыносимым запахом пота, рвоты и нечищенных туалетов. Подруги легли на ледяной пол, прижавшись друг к другу и держась за руки, от их одеял исходил резкий запах мочи.

Нахлынувшие эмоции не были похожи ни на что из того, что когда-либо им приходилось испытывать: ужасная усталость, растерянность, голод, жажда и отвращение. «Как наши семьи или друзья-христиане узнают о случившемся? Как долго мы здесь пробудем? Находятся ли наши жизни в опасности?»

Девушки были слишком уставшими, чтобы бояться. Всё было непонятным. Всё, что они могли сделать, — это отдать свою ситуацию в руки Господа. Обменявшись историями о своих допросах и помолившись о защите, Марзие и Марьям погрузились в беспокойный сон.

Это была первая из больше чем 250 ночей за решёткой.

На следующее утро двух девушек разбудили крики расстроенных заключённых, ищущих сигареты. Пребывая как бы в тумане, они, наконец, вспомнили, где находятся. На завтрак раздавали по куску хлеба, но они не могли есть.

Ни Марзие, ни Марьям никогда раньше не были в тюрьме. Первые несколько дней были особо трудными — мало еды, грязная питьевая вода и стресс от неизвестности. Но вскоре к ним пришло осознание, что многие их сокамерницы — это те же проститутки, которых они пытались евангелизировать на улицах Тегерана. С каждым днём прибывало всё больше женщин, некоторым из них было всего по шестнадцать лет.

В течение двух недель, находясь в следственном изоляторе Возара, сидя на грязном, холодном, бетонном полу, Марзие и Марьям слушали душераздирающие истории о насилии и отчаянии. Они молились с женщинами и делились с ними вестью о спасении через Иисуса Христа. Однажды, поздно ночью, поступила одна девушка. Она была истощена и, как оказалось, наркоманка. От страшной боли девушка кричала, Марзие поспешила к ней в камеру и села возле неё.

— Зачем ты пришла? Почему не спишь? — спросила девушка.

— Потому что хочу посидеть с тобой, — ответила, улыбнувшись, Марзие.

Она положила голову девушки себе на колени и погладила её волосы: «Она моложе моей младшей сестры Елены». Марзие тихо помолилась, и вскоре девушка уснула.

Ранним утром следующего дня девушка нашла Марзие.

— Какой молитвой ты за меня молилась вчера? — спросила она.

Марзие и Марьям: Две обычные девушки

— Я молилась Иисусу, чтобы Он исцелил тебя.

— Я стала намного спокойнее, и боль значительно уменьшилась.

Марьям и Марзие объяснили девушке суть Евангелия.

«Это место самое лучшее из всех, где мы были, для свидетельства тем, кто жаждет знать об Иисусе», — подумала Марьям.

Обе девушки раньше молились о том, чтобы у них было больше возможности делиться своей верой, и вот теперь Господь отвечал на их молитвы. Во тьме тюрьмы их единственным светом был Иисус.

Несколько дней спустя, Марзие и Марьям впервые предстали перед судом. Как и других заключённых, их должны были перевозить из следственного изолятора в здание суда. Заключённых вызывали по одному, пока в камере не остались только две подруги. Наконец пришли и за ними. Выйдя из здания следственного изолятора, они глубоко вдохнули, благодарные за возможность впервые за несколько недель вдохнуть свежий воздух. Яркое солнце почти ослепило их, и их глазам приходилось вновь привыкать к солнечному свету. «Какое благословение хоть и на минуту, но опять оказаться вне тюремного здания!» — подумала Марзие.

Вдруг девушки услышали, как кто-то зовёт их по именам, они обернулись и увидели двух своих сестёр — Елену и Ширин, бегущих к ним. Они были шокированы тем, что их сёстры узнали об их задержании.

— Не реагировать! — рявкнул охранник. — Не останавливаться!

Но Марзие и Марьям не смогли сдержать себя. Радость от встречи с сёстрами была слишком велика, они бросились в объятия сестёр, но наручники сковывали их движения.

Торопливым шёпотом они рассказали своим сёстрам, что в подвале их многоквартирного дома всё ещё спрятаны запасы Новых Заветов.

— Вы перепрячете их для нас?

Елена и Ширин поспешно сунули сёстрам шоколад и сок, эту контрабанду заключённые спрятали под одеждой. Сёстры им также рассказали, что люди по всему миру узнали об их аресте и стараются помочь в их освобождении. В последующие дни Елена и Ширин станут для них связующим звеном с внешним миром.

— В машину! — приказал охранник.

Две девушки в последний раз обняли своих сестёр и забрались на заднее сиденье ожидавшей их машины. Они узнали, что направляются в Революционный суд — это специальный судебный орган, созданный после Исламской революции 1979 года и призванный судить обвиняемых за такие преступления, как богохульство или попытка свержения исламского правительства. В судебной системе Революционного суда каждый процесс проходит под председательством одного судьи, и эти процессы не являются публичными.

В конце концов Марзие и Марьям прибыли в кабинет г-на Собхани, которому их дело передал г-н Расти. Г-н Собхани был суровым судьёй, носившим тёмную бороду, и он любил, чтобы заключённые льстили ему и умоляли о пощаде.

Оглядев кабинет, Марзие заметила в нём знаки преданности г-на Собхани иранскому режиму: фотографии в рамках, посвящённые Исламской революции и исламским мученикам, которые были убиты, а также фотографии аятоллы Хомейни. Она также обратила внимание на его огромное кольцо со стихами из Корана и красную отметину на лбу, которую получают набожные мусульмане, когда долго молятся с прижатым ко лбу молитвенным камнем. «Судья нагревал камень перед тем,

Марзие и Марьям: Две обычные девушки

как его использовать», — подумала Марзие, зная, что некоторые мусульмане прибегают к этому способу, чтобы показать свою «преданность», не тратя необходимое время на настоящую молитву.

Судья составил для девушек список вопросов. Им нельзя было согласовывать ответы друг с другом. Но поскольку на такие вопросы они отвечали бессчётное количество раз, их ответы были почти одинаковые.

— Согласны ли вы с обвинением в пропагандистской деятельности, направленной против режима, и в оскорблении религиозных авторитетов?

— Нет.

— Согласны ли вы с обвинением в распространении Библий и в евангелизации в ресторане Тегерана?

— Нет. Мы давали Новый Завет в подарок только тем, кто просил. Мы ни с кем не начинали разговоров об Иисусе в ресторане.

Они продолжали отвечать на вопросы, затем подписали протокол и поставили отпечатки пальцев под ответами. Вместо того, чтобы отвезти их назад в следственный изолятор, охранник повёз девушек в полицейский участок. Там они вновь встретились с г-ном Расти.

— Надеюсь, вы хорошо подумали, — сказал он, откусывая кусок хлеба.

— О чём нам нужно было подумать? — спросила Марьям.

— О том, чтобы рассказать нам то, что мы хотим знать о вас и вашей деятельности. О людях, с которыми вы работали. — Он сделал паузу и уставился на женщин. — У нас есть другие способы, как заставить заключённых говорить. Расскажите нам то, что нам нужно, или мы применим к вам физическую силу. Вы можете рассказать сейчас и спасти себя.

«Если нас будут пытаться, — молились они, — дай нам силы устоять».

В следственном изоляторе Возара задержанных можно было содержать только три дня, но Марзие и Марьям были там уже четырнадцать дней. У них не было постели, не было достаточно пищи, ни даже намёка на справедливость, но они выжили, Господь был с ними. За это время они свидетельствовали десяткам женщин, с которыми они никогда бы не встретились, если бы власти не были столь жестокими к христианам.

Через две недели после задержания они оказались в камере одни. Все остальные задержанные, кроме одной женщины, которую приговорили к тюремному заключению после судебных слушаний, были освобождены под залог. В некогда шумном подвальном блоке теперь было тихо.

Переходя из камеры в камеру, Марзие и Марьям молились за всех женщин, содержащихся там, чтобы они продолжали слушать Святого Духа, действующего в их сердцах.

«А что будет с теми женщинами, которых посадят сюда после нас? — подумала Марзие. — Как мы сможем позаботиться о них?»

На стенах камеры были влажные участки, от которых отвалились кусочки штукатурки. Используя их вместо мела, Марзие и Марьям писали стихи из Библии и христианские ободряющие послания на стенах и на потолке, где задержанные смогут прочитать их перед сном. Оставшись одни в подвальной тюремной камере, две подруги молились вслух и пели песни до поздней ночи. Они по-прежнему вместе радовались своей вере.

— Какое чудо, что мы могли встретить и ободрить так много женщин, — сказала Марзие, проходя вместе с Марьям по камерам и молясь. — То, что человек задумал для зла, Бог использовал для Своего блага и Своей славы.

На следующее утро женщин привезли в здание Революционного суда. Судья им объявил — если каждая из них

Марзие и Марьям: Две обычные девушки

к пяти часам дня внесёт по 200 миллионов *туманов* (100 000 американских долларов), они будут освобождены. В противном случае они немедленно будут переведены в печально известную тюрьму Эвин.

Марьям и Марзие никак не могли так быстро раздобыть столько денег. К тому же тот день был праздничным, и банки были закрыты.

Вместо освобождения они стали новыми заключёнными тюрьмы Эвин, одной из самых суровых тюрем в мире.

Марзие и Марьям вошли в отделение 2, в секцию, предназначенную для женщин, обвиняемых в убийстве, проституции, мошенничестве или в преступлениях против государства. Г-жа Махджуб — заключённая, отвечавшая за порядок в отделении, — привела их в камеру уже настолько переполненную, что там едва ли было место, чтобы сесть. Восемь трёхместных нар были втиснуты в помещение размером четыре с половиной на шесть метров.

Впервые за две недели, стоя под потоками ледяной воды, Марзие и Марьям наконец-то приняли душ.

Сокамерницы засыпали новеньких вопросами.

— Вы стали вероотступниками, — сурово сказала одна женщина, узнав об их обвинении. — Это очень опасно.

— Не волнуйтесь, — сказала другая женщина. — Мы все в этой комнате политические заключённые.

Постепенно они познакомились с другими женщинами в камере. В первую ночь они слышали, как г-жа Махджуб тихо плачет, лёжа на своей койке.

— Можно о вас помолиться? — спросила Марьям.

Пока г-жа Махджуб плакала, обе девушки молились — не громко, но и не тихо. Постепенно и другие женщины,

Пламенные сердца 2

находящиеся в комнате, перестали разговаривать и прислушались. К концу молитвы почти во всей комнате воцарилась тишина.

— У вас чистые сердца, — воскликнул кто-то, — и Бог услышит ваш голос. Вы помолитесь и за меня?

Тюрьма Эвин, страшная адская дыра Тегерана и символ радикального исламского угнетения, стала церковью для Марьям и Марзие.

Через несколько дней после принятия душа с ледяной водой Марзие заболела. Началось всё с боли в горле, но течение болезни быстро перешло в серьёзную инфекцию. Марзие изо всех сил пыталась держаться. Марьям сказала г-же Махджуб, что Марзие нужна помощь врача, но он был в отпуске и должен был вернуться только после выходных. Желая помочь, женщина раздобыла просроченные антибиотики. Это было лучшее, что она могла сделать.

Почти неделю Марзие лежала в постели — страдающая, дрожащая и измученная. Другие заключённые приносили ей чай и фруктовый сок и изредка несколько контрабандных обезболивающих. Всё, что они могли делать, — это молиться.

Еда в тюрьме никак не способствовала выздоровлению Марзие. У заключённых был один приём пищи в день, часто это было рагу, состоящее в основном из грязной воды и жира с несколькими неочищенными морковками и картофелем. Раз в неделю им давали сосиски — ужасное месиво, которое вызывало у женщин диарею.

В дополнение к физическим проблемам, Марьям и Марзие также имели проблемы в отношениях с некоторыми женщинами в камере. Первые несколько недель заключённые мусульманки называли их «грязными

Марзие и Марьям: Две обычные девушки

неверными». Поначалу девушки не решались заговорить с незнакомыми заключёнными во время прогулок на улице, не зная, кто может шпионить в пользу режима или кто может попытаться причинить им вред. Но постепенно они стали общаться и искать возможности вступить в разговор. Эти разговоры вскоре переросли в дружбу с другими заключёнными.

Когда их только арестовали, Марзие и Марьям могли думать лишь об одном — об освобождении. Но теперь они смирились с тем, что Бог послал их в это место, и подруги вошли в будничный ритм жизни. По утрам они вязали, занимались спортом и разговаривали. После обеда они приглашали других заключённых в свою комнату на чай и закуски и проводили весь день в беседах. Они молились с единоверцами и делились своей верой с другими обитателями тюрьмы.

Марзие и Марьям были чрезвычайно благодарны своим сёстрам за то, что они открыли для них счёт в тюремном ларьке, и теперь они могли покупать снеки и сладости. Они старались всегда иметь про запас шоколад и самые лучшие снеки, чтобы угощать самых бедных заключённых, которые не могли себе ничего позволить. Такие проявления доброты не оставались незамеченными окружающими.

Обычно, когда заключённые слышали свои имена, выкрикиваемые через тюремный громкоговоритель, это приносило им радость. Ведь часто это значило, что их освобождают или что их дело сдвинулось с мёртвой точки.

Через шесть недель после прибытия в Эвин девушки услышали по громкоговорителю и свои имена. Это их обеспокоило, как и двух их новых подруг — Ширин, политическую заключённую, и Сильву, христианку, которая находилась под пристальным вниманием из-за своей работы в американской благотворительной организации.

Пламенные сердца 2

— Вы знаете, почему вас вызывают в тюремную канцелярию? — спросили они, вбегая в камеру к Марзие и Марьям, но те не имели ни малейшего представления об этом.

Марзие и Марьям явились в канцелярию. Женщина за стойкой сообщила нечто ужасное:

— Вас переводят в отделение 209, — сказала она. — Спускайтесь вниз и ожидайте охранника, он проводит вас.

«Отделение 209?» — промелькнула мысль в головах девушек. Без всякого предупреждения и объяснения причин Марзие и Марьям были переведены в самое ужасное отделение, где Сильву восемь месяцев содержали в одиночной камере, а Ширин избili до потери сознания и выбили ей зубы.

Марзие и Марьям вернулись в своё отделение, чтобы быстро попрощаться с Сильвой и Ширин и другими сокамерницами, которых они уже успели полюбить. Затем они стали ждать. Через полчаса появился толстый бородатый охранник и рявкнул, чтобы они шли за ним.

Они прошли за ним несколько сот метров, пока не оказались у небольшой белой двери в здании из красного кирпича. Охранник выдал им повязки на глаза и велел их надеть. Марзие и Марьям, спотыкаясь, вошли внутрь и услышали, как за ними захлопнулась дверь.

В отделении 209 двух подруг ещё несколько раз вызывали на допрос — это были манипулятивные попытки заставить их отречься от своей веры. Их допрашивали по отдельности, каждый допрос длился около четырёх часов. Но каждый раз девушки оставались верными Господу и благовествовали тем, кто их допрашивал.

Вскоре весь ужас пребывания в отделении 209 стал до боли очевидным. Одна из сокамерниц, молодая женщина по имени Зейнаб, которая была осуждена по обвинению в убийстве мужа, от жестокости которого она защищалась, была повешена во дворе тюрьмы. Трудно найти слова, чтобы описать

Марзие и Марьям: Две обычные девушки

боль и горе, которые испытали Марзие и Марьям, оплакивая это злодейство.

В последующие месяцы периоды относительного спокойствия сменялись периодами интенсивных допросов.

— Если будете продолжать здесь свою христианскую деятельность, у вас будут неприятности, — предупредил Марзие один из следователей.

— Делайте что хотите, — вызывающе ответила она. — Пока вы не отрежете мне язык, я буду продолжать утолять голод людей по истине об Иисусе. А если вы отрежете мне язык, я буду делиться Его Евангелием на языке жестов!

Марзие и Марьям поместили в разные камеры, изолировав друг от друга, и потом время от времени их возили в Революционный суд на чёрной машине без опознавательных знаков. Их постоянным спутником был Святой Дух. Но несмотря на уверенность в том, что Господь любит их и никогда не покинет, в сердце Марьям закралось чувство опустошающего одиночества. Она не могла есть и ощущала пустоту в душе как никогда раньше. Она молилась Богу, прося утешения, пела гимны. Спустя некоторое время охранник попросил Марьям помолиться за него. Во время молитвы она почувствовала, как её окутывает Божья любовь и разгоняет все страхи и одиночество. Она поняла, что в их заточении есть какая-то цель, и почувствовала себя благословенной, как никогда раньше.

Хотя Марзие и Марьям мало общались с внешним миром, интерес к их делу возрастал. Их история стала известна через спутниковое телевидение и интернет. Христиане по всему миру молились о них; их возносили в молитве к Богу как членов всемирной духовной семьи.

Однажды охранник зашёл в камеру к Марьям с шокирующей новостью.

— У нас целая комната завалена письмами, адресованными вам, — сказал он. — Люди со всего мира присылают вам письма.

Каждый день в тюрьму доставляли около пятидесяти писем. Для двух заключённых девушек некоторые письма были от взрослых, как говорил охранник, и много было писем от детей, с рисунками и библейскими стихами. Количество писем, отправленное им, превышало даже количество официальной корреспонденции, поступающей в тюрьму, и тюремный персонал злился.

— Мы должны открывать и читать ваши письма, — сказал охранник, — потому что иранское правительство обязывает нас проверять всю входящую тюремную корреспонденцию. — Он остановился и с недоумевающим выражением лица спросил: — Что значит «Иисус — Пастырь мой?»

«Слава Господу! — подумала Марьям. — Хотя мы не можем читать письма, присланные нам, Бог использует их, чтобы передать Своё послание охранникам и персоналу тюрьмы!»

Когда через несколько недель их сёстрам, наконец, разрешили навестить их, девушки узнали больше подробностей о растущем интересе к их делу. Их духовная семья по всему миру поддерживала их в молитве и писала им письма. Они больше не чувствовали себя одинокими.

Тюремный персонал, наряду с правительственными чиновниками, также узнал, что девушки не одиноки. Бесчисленное множество людей по всему миру внимательно следили за положением девушек, и даже будучи далеко, призывали персонал тюрьмы и иранское правительство к ответственности за их обращение с Марзие и Марьям.

Со временем две подруги получили новость, которая привела их восторг, — их время пребывания в отделении 209 пришло к концу. Их переведут обратно в отделение 2 к их друзьям — Ширин, Сильве и остальным.

Прошло шесть месяцев после первого ареста, но Марзие и Марьям так и не встретились с адвокатом, который мог бы представлять их интересы в суде, и не ознакомились с предъявленными им обвинениями в письменном виде. После бурных президентских выборов вся страна погрузилась в хаос. Подруги смирилась с мыслью о том, что они больше ничего не могут сделать для обретения свободы.

У обеих девушек начались серьёзные проблемы со здоровьем, они чувствовали недомогание или боль каждый день своего заключения. Однажды ночью Марьям ощутила невыносимую боль в животе, но в тюрьме ей отказались дать лекарство. Всю ночь Марзие сидела рядом с ней и молилась.

Эта ситуация оказала большое влияние на сокамерниц.

— Ваша дружба удивительна, — отметила одна женщина. — Мы не можем поверить, что вы так любите друг друга и заботитесь друг о друге.

Как-то утром их вызвали в тюремную канцелярию и опять перенаправили в суд. Там они наконец встретились со своим адвокатом.

— Мне жаль, что мы до сих пор не встретились, — сказал он. — Я всё ещё пытаюсь получить разрешение судьи на посещение вас в тюрьме.

Адвокат начал работать над их защитой, и с этим новым поворотом событий Марзие и Марьям обрели надежду на возможное освобождение.

Перед очередным судебным заседанием адвокат убеждал своих клиенток смягчить свою позицию в отношении

Пламенные сердца 2

христианства в обмен на более благоприятное отношение к ним в суде.

— Приближается день суда, — сказал он, — и у вас наконец-то будет шанс защитить себя. Не хотите ли вы подумать об изменении своей позиции в отношении христианских убеждений?

Во время последнего слушания в Революционном суде судья предупредил Марзие и Марьям, что, если они не изменят свои показания, их дело будет передано в печально известное Бюро 15 для вынесения окончательного вердикта. Работающий там судья был известен тем, что приговаривал заключённых либо к смертной казни, либо к пожизненному заключению.

Но девушки отказались от предложения адвоката.

— Здесь не о чем думать, — сказала Марзие. — Мы никогда не отвернёмся от Христа, никогда не изменим свою историю, никогда не отречёмся от нашего Спасителя.

Она знала, что на чаше весов лежит их жизнь, но ей также было известно, что рука Божья будет руководить всем, что произойдёт дальше.

Через неделю Марьям и Марзие вновь услышали свои имена через тюремный громкоговоритель. Завтра будет суд — эту новость они узнали в тюремной канцелярии.

На следующее утро они встретились в суде со своим адвокатом. Международное давление нарастало, и Марзие и Марьям узнали, что им назначили нового судью. Позвонили из Организации Объединённых Наций и попросили судебные органы разобраться в этом деле как можно скорее.

«Какие прекрасные новости! — подумала Марзие. — Будет ли сегодня принято решение?»

Марзие и Марьям: Две обычные девушки

— Вы понимаете, что из-за вашего упрямства наши враги, воспользовавшись ситуацией, провели против нас несколько негативных кампаний? — спросил судья.

Девушки знали о пикетах перед посольством Ирана в Лондоне и в других местах по всему миру. Они надеялись, что раздражение судьи не выльется для них в суровое наказание. Девушки молча стояли, ощущая лишь дрожь в животе. Ничто в лице адвоката не выдавало его мыслей.

— Обвинения в пропаганде против режима и в оскорблении наших священных ценностей — беспочвенны, — продолжал судья. — Нет никаких существенных, подтверждающих эти обвинения доказательств.

Марзие и Марьям были шокированы: «Это происходит на самом деле?» Судья наклонился вперёд и продолжил:

— Я не думаю, что вы оскорбили какие-либо другие религии или религиозные убеждения, не так ли?

— Нет, — ответили они.

Судья выпрямился.

— Поэтому я признаю вас невиновными в деле о подстрекательстве к пропаганде против системы и оскорблении наших священных ценностей.

Вот так просто, без единого слова показаний, с Марьям и Марзие были сняты обвинения. Но судья ещё не закончил. Обвинение в вероотступничестве всё ещё оставалось.

— Вы христианки? — спросил судья. — Вы призваны следовать за Иисусом?

Вопросы повисли в воздухе, Марзие почувствовала озноб. Это были те же вопросы, которые задавали ей четыре года назад во время крещения. Неспеша она рассказала о своей вере во Христа и о своих личных с Ним отношениях.

— Я считаю, что Иисус — Сын Божий и мой Спаситель.

Судья был явно изумлён таким смелым заявлением заключённой, чья свобода находилась на расстоянии вытянутой

руки. Он попытался надавить на Марзие, но она стала ещё настойчивее. Её адвокат попытался вмешаться и что-то объяснить, но заявление Марзие, казалось, подрывали составленный им план защиты. Судья вышел на короткий перерыв, и адвокат раздражённо спросил, почему они отказались просто подписать заявление об отказе от евангелизационной деятельности.

— Если бы вы просто подписали подготовленное мной заявление, не возникло бы никакой проблемы, — негодовал он, — вы бы вышли на свободу!

— Мы не подписали, потому что не согласны с его содержанием, — вмешалась Марьям.

Не получив никакого решения, Марзие и Марьям были вновь возвращены в Эвин. Их друзьям не терпелось узнать, что произошло в суде. Услышав рассказ, некоторые даже сказали, что христианки сошли с ума, отказавшись принять предложения юридических лиц.

— Мы верим в нашего Бога, — успокаивала их Марзие. — Мы уверены, что Бог может показать Свою победу. Мы не можем, но Бог может показать Свою силу.

В последующие дни девушки получали от персонала тюрьмы путаные, противоречивые сообщения о своём статусе. Иногда казалось, что обещания свободы — это ложь, в другие дни их освобождение казалось неизбежным. Каждый вечер они задавались вопросом: «Будет ли эта ночь в тюрьме Эвин последней ночью выполнения Божьего труда за решёткой?»

Наконец этот день настал! Марзие и Марьям узнали, что их освободят уже на следующий день. Девушки были в восторге, но вместе с тем они также испытывали и противоречивые

Марзие и Марьям: Две обычные девушки

чувства — они оставляли место, которое служило им домом и семьёй на протяжении девяти месяцев. Тюрьма Эвин больше не была для них чужой. Это был их университет, который научил их тому, чему они не смогли бы научиться ни в каком другом месте. Это была их церковь, место искренней, глубокой веры и доверия Иисусу Христу. Оно стало частью самого их существования, где они пережили как худшие, так и некоторые из лучших дней жизни.

Ширин пожелала помолиться за них, их друзья устроили Марзие и Марьям прощальную вечеринку — они пели песни, дарили им стихи, записки и маленькие подарки на память. Никто не спал в ту ночь. В конце концов Бог завершил труд, который приготовил для них в тюрьме Эвин, и на следующий вечер они уже оказались в другом месте.

На следующий день, 18 ноября 2009 года, в два часа дня, две подруги, наконец, услышали слова, которые они так долго ждали:

— Прибыли ваши документы об освобождении!

Услышав свои имена по громкоговорителю, они взяли в руки свои немногочисленные пожитки. Пришли друзья из всего отделения, чтобы обнять девушек и пожелать всего наилучшего. Теперь уже оставалось только пройти по коридору и выйти из здания на солнце. Они махали на прощание и видели море лиц, оставшихся позади, пока охранник не закрыл за ними дверь.

— Вы те самые христианки? — спросил охранник. — Я много слышал о вас. Рад, что вас, наконец, освободили.

Часовой провёл двух девушек к основным воротам тюрьмы, открыл и выпустил их.

Марзие и Марьям наконец были свободны.

У ворот тюрьмы их ожидали две сестры. Сквозь смех и слёзы девушки обнимались, пока солдат не велел им уйти. Долгие месяцы Марзие и Марьям мечтали об этой минуте, но,

Пламенные сердца 2

когда они подъезжали к квартире, Марзие охватило странное чувство: «Моё тело свободно, но моя душа и дух по-прежнему с нашими дорогими друзьями, страдающими от ужасной несправедливости».

Марзие и Марьям окинули взглядом некогда столь привычную обстановку — сёстры заранее навели порядок в квартире. Они смотрели на свою мебель, фотографии, стопки музыкальных дисков. Вещи, которые когда-то казались такими необходимыми, теперь выглядели лишними.

С балкона их кухни всё ещё были видны стены тюрьмы Эвин.

В течение двух лет до ареста Марьям и Марзие раздавали Новые Заветы и проводили в своём доме собрание двух домашних церквей. На протяжении девяти месяцев в тюрьме они каждый день прославляли Иисуса и провозглашали Евангелие. А теперь евангелизационная деятельность застопорилась. Иранцы, которые хотели больше узнать о христианстве, не осмеливались подойти к ним. Те, кто раньше посещал их домашние церкви, теперь даже не приближались к ним.

Вскоре подруги услышали от других, что новости об их верности Христу привели многих людей к вере в Него. Услышав о том, что они готовы скорее умереть, чем отречься от своей веры, люди хотели узнать, что побуждает к готовности подобной жертвы. Люди, с которыми они в прошлом разговаривали и которым не интересно было христианство, теперь жадно читали Библию и задавали различные вопросы о вере Марзие и Марьям.

Прошли месяцы, и девушкам, наконец, сообщили, что судебное заседание по делу о вероотступничестве назначено на 13 апреля 2010 года. В зависимости от исхода дела существовала

Марзие и Марьям: Две обычные девушки

вероятность того, что их снова отправят в тюрьму. Они, на всякий случай, упаковали чемоданы, чтобы взять с собой в зал суда, и передали своим друзьям в Эвин, что они могут вскоре к ним присоединиться.

В день слушания дела подруги прибыли в здание суда и ждали целый час, пока их вызовут. Наконец, они вошли в зал суда, чтобы предстать перед коллегией судей. Десять минут длилось молчание.

Наконец, главный судья прочитал молитву Аллаху, а затем дал указание зачитать обвинение против Марзие и Марьям.

— Госпожа Ростампур, вы согласны с этими обвинениями? — спросил он.

— Нет.

— Госпожа Амиризаде, вы согласны с этими обвинениями?

— Нет.

Девушки наблюдали за тем, как их адвокат записывает план защиты своих клиентов — слова, которые определяют будущее Марзие и Марьям. Когда он закончил, главный судья подозвал их к скамье и наклонился, чтобы сказать:

— Подпишите это заявление о том, что вы были в суде, и можете идти домой.

— Но не думайте, что всегда будет так просто, — рявкнул другой судья. — На этот раз мы позволили вам сорваться с крючка, но, если вы когда-нибудь ещё переступите порог зала суда, вас наверняка приговорят к смертной казни.

За дверями зала суда их адвокат едва сдерживал свою радость. Наконец всё закончилось. И впервые с момента ареста Марзие и Марьям почувствовали себя свободными.

Их чувство обрётённой свободы длилось недолго. Хотя физически их освободили из тюрьмы Эвин, они все ещё чувствовали,

как будто режим держал их в плену, следя за каждым их шагом, и мог снова арестовать их в любое время. Иран был их домом, их родиной, но, если бы им пришлось выбирать между своей верой и своей страной, они бы выбрали Христа.

22 мая 2010 года Марьям и Марзие уехали из Ирана, не зная, вернутся ли они когда-нибудь на родину. Самолёт поднимался в раннее утреннее небо, они смотрели через окно вниз, на огни Тегерана. Они летели навстречу неопределённому будущему, вынужденные покинуть землю, где родились. Они оставляли позади воспоминания всей своей жизни. Большая часть страны ещё спала — их страдающие друзья в переполненных камерах тюрьмы Эвин и их братья и сестры христиане в своих домах.

Но всё же они знали, что их будущее в Господе и в Его милости к страдающим и гонимым людям Ирана.

— Этот жестокий несправедливый режим не может длиться вечно, — говорила Марьям. — Придёт день, когда Бог поднимет из пепла эту страну и даст ей «вместо плача — елей радости, вместо унылого духа — славную одежду» (Исаии 61:3). Марьям и Марзие молились, чтобы Господь продолжал их использовать в Своем замысле, чтобы свобода проповеди Евангелия расцвела в Иране.

В итоге подруги поселились в Соединённых Штатах Америки, где и начали новую жизнь. Они очень плохо знали английский, но всё же начали работать над книгой о пережитом в тюрьме.

Вспоминая свою жизнь в тюрьме, Марьям говорила:

— Побывав в тюрьме Эвин, люди уже никогда не будут прежними. Стресс слишком велик. Мы уже не сможем быть прежними. Мы не можем быть счастливыми, как раньше. Мы не можем наслаждаться занятиями, как обычные люди, потому что всё время думаем о тех, кто там находится до сих пор.

Марзие и Марьям: Две обычные девушки

— Я верю, что у Бога с самого начала была цель изменить меня и подготовить к самым страшным испытаниям, которые я пережила в тюрьме, — говорит Марзие. — Я очень благодарна Богу за то, что Он дал мне возможность немного вкушать Его страданий. По сравнению с тем, что Он сделал для нас, это ничто. Для меня было честью страдать за Его имя.

За годы, прошедшие после освобождения из тюрьмы, Марзие и Марьям путешествовали по миру и рассказывали о своём тюремном заключении в Иране. Они с благодарностью рассказывают людям о своём служении по распространению Библии, о времени, проведённом в заключении за следование Иисусу Христу, и о том, как Бог продолжает использовать их.

Как-то Марзие и Марьям рассказывали о своём служении в Австралии, в зале они заметили иранскую пару, которая не переставала плакать. «Почему они плачут?» — недоумевали подружки. После собрания супруги подошли к девушкам и рассказали, как несколько лет назад они нашли в своём почтовом ящике Новый Завет. Благодаря одной этой книге вся семья уверовала во Христа — сначала дочь, затем её жених, а вскоре и остальные члены семьи. Позже они эмигрировали в Австралию, но всегда молились о том таинственном человеке, который положил Библию в их почтовый ящик. И когда их друг рассказал им, что слышал историю Марзие и Марьям по радио, супруги захотели встретиться с девушками, чья верность изменила их жизнь.

— Это был Божий план с самого начала: свести нас вместе, — сказала позже Марьям. — Если бы мы служили по отдельности, мы не смогли бы сделать всего того, что сделали. Я думаю, что в единстве есть сила. В нас присутствует Святой Дух, но Бог не просто так посылает нам окружающих людей. Мы можем ободрять друг друга, мы можем укреплять друг друга.

Пламенные сердца 2

Подруги находят утешение в том, как Бог использовал их для Своих целей в Иране. Через некоторое время после того, как они начали раздавать Новые Заветы в Тегеране, один из друзей-христиан рассказал им, что их служение было объявлено в иранском парламенте угрозой безопасности. Поскольку в городе было распространено огромное количество Новых Заветов, члены правительства предположили, что за таким массовым распространением должна стоять крупная христианская организация. Вспоминая тот день, Марзие улыбается.

— Они не знали, что за этим стоит вера и труд двух обычных девушек, — говорит она.

Из первых уст **Гао**

В 1940-х годах, получив исцеление от хронической болезни, Гао Шао Сю обратилась ко Христу. В свои 80 лет она руководила домашней церковью и продолжала преданно наставлять христиан в условиях возрастающих ограничений, налагаемых на них коммунистическим правительством Китая.

Когда я была маленькой, мне поставили диагноз: воспаление головного мозга. Я испытывала постоянную боль. Врачи советовали моим родителям не тратить много денег на меня и на моё образование, потому что я долго не проживу. Это были 1930-е годы.

К счастью, я родилась в относительно обеспеченной семье, и мои родители очень любили меня. Меня возили из больницы в больницу в надежде найти эффективное лечение. Больше десяти лет меня лечили, но всё оказалось бесполезным. Когда мне было пятнадцать лет, как-то один шарлатан убедил моих родителей, что сможет меня вылечить за три месяца. Они пригласили так называемого целителя переехать жить в наш дом. Я не знаю, сколько они дали ему денег, но однажды ночью он просто исчез, а с ним исчезла и моя надежда на избавление от боли. А когда мне было шестнадцать, мои родители открыто говорили о моих будущих похоронах. Мне просто оставалось терпеливо ждать смерти.

Как-то к нам в гости пришли два христианина. Они узнали о моей болезни и просто сказали:

— У нас есть хорошая новость. У вас есть надежда.

Мои родители отчаянно нуждались в хорошей новости. Мой отец пригласил их остановиться у нас, чтобы больше узнать от них об этой новости.

Они рассказали, что существует Бог, что у Него есть сила и возможность спасти мою жизнь, если мы попросим Его об этом. Естественно, мой отец был скептически настроен после жестокого разочарования из-за врача-шарлатана, но всё же позволил им остаться.

Никаких денег гости не взяли. Они пробыли с нами три дня и всё, что они делали,— это молились. Впервые в жизни я не чувствовала боли. Именно тогда мой отец уверовал в Господа и при всех посвятил меня Богу. Вскоре после случившегося я также уверовала и решила следовать за Господом.

Я, девушка, ни разу не видела полной Библии. В нашей общине были лишь некоторые рукописные главы Библии. В свои школьные годы я была слишком больна, чтобы ходить в школу, но мне хотелось повысить уровень своего образования, и я подумала: «Что может быть лучше, чем переписывать от руки те отрывки из Библии, которые у нас есть!»

И я начала переписывать отрывки из Библии. Чем больше я переписывала, тем здоровее я становилась как физически, так и эмоционально. Во время культурной революции²³ я пережила травму, как и многие другие христиане. Был случай, когда разгневанная толпа напала на меня; меня связали, надели на голову остроконечную шляпу, чтобы унижить, и заставили ходить по улицам с плакатом на груди, где было написано «диссидентка». Я была вынуждена в таком виде ходить по улицам города много дней. Но и тогда я не отреклась от моего Бога. Я знала, что Он реален.

Он могуществен, благодаря Ему я ещё не умерла. К тому времени я уже знала Слово Божье. Я нашла в Нём истину, саму жизнь и чёткое указание пути, по которому мне следует идти.

Сегодня эта же Книга является важнейшей поддержкой и источником моей жизни.

У меня до сих пор осталась привычка от руки переписывать Слово Божье. Хотя я уже многие стихи знаю наизусть, моим любимым до сих пор остаётся стих из Евангелия от Иоанна 3:16.

²³ Культурная революция (1966–1976) — неудачная попытка возродить дух коммунистической революции в Китае, которую возглавил Мао Цзедун, после захвата коммунистами власти в стране в 1949 году. Всё, что ассоциировалось с докоммунистическим прошлым Китая, было уничтожено, включая произведения искусства и памятники культуры. Учитывая связи христианства с западными миссионерами, христиане стали объектом особого внимания.

Анита

Нет ничего лучше, чем жить для Иисуса

Остин, Техас,
19 ДЕКАБРЯ 2013 ГОДА

Анита Смит откинула длинные песочно-каштановые волосы на одно плечо, пока ассистент режиссёра прикреплял маленький микрофон к лацкану её серого кардигана. Она поправила наушники, сощурилась от слепящего света в студии и глубоко вдохнула. Через несколько минут она будет разговаривать с ведущим — ветераном известной международной информационной программы.

После поминального богослужения в честь её покойного мужа, которое состоялось в этот день, Анита переживала эмоциональное истощение, но всё же твёрдо решила дать это интервью. Она смотрела в объектив камеры, ожидая, когда оператор подаст сигнал о том, что он переключил её на журналиста, ведущего трансляцию с небоскрёба в Нью-Йорке.

Внезапно Анита услышала его чёткий голос в своём наушнике. Она не отрывала глаз от камеры, пока ведущий выражал свои соболезнования в связи с её утратой.

Анита была готова говорить. Хотя в тот вечер у неё не было ничего особо возвышенного или увлекающего, чтобы рассказать на камеру, — она не собиралась производить впечатление

Анита: Нет ничего лучше, чем жить для Иисуса

на зрителей своими ораторскими способностями, — но у тридцатидвухлетней вдовы было конкретное сообщение, которым она хотела поделиться с миром, и ведущий программы собирался предоставить ей такую возможность.

Кивнув в камеру в знак благодарности, она выслушала первый вопрос. Не удивительно, что речь шла о муже Аниты — Ронни, вопрос был об отзывах, которые его ученики оставляли о нём в соцсетях. Анита тоже читала эти отзывы, ученики называли Ронни «светом» и «лучом света в тёмном царстве».

Анита перевела дух и на минуту задумалась: «Что я хочу, чтобы люди знали о моём муже?»

БЕНГАЗИ, ЛИВИЯ.

ДВУМЯ НЕДЕЛЯМИ РАНЬШЕ

Ронни Смит развязал узел галстука, снял рубашку и бросил её на кровать. У него были тёмные, коротко стриженные волосы, и типаж его лица легко вписывался в этническое разнообразие Ливии. Хотя он был американцем, уроженцем Детройта, часто на улицах его принимали за турка.

День выдался необычным для школьного учителя химии. Работая учителем химии в Международной школе Бенгази, он находился там, как минимум, до трёх часов дня. Но когда его ученики сдавали промежуточные экзамены, он мог уйти с работы пораньше и совершить дневную пробежку.

Ронни зашнуровал кеды и открыл дверь квартиры. Он спулся по ступеням дома, где уже около года жил со своей семьёй, и на своей коже ощущал свежее дуновение средиземноморского ветерка. Он не мог дождаться, когда встретится со своей женой Анитой и двухлетним сыном Осией, которые

улетели в Штаты в отпуск. Ещё одна неделя, и Ронни отправится в путь.

Ронни и Анита впервые встретились на первом ознакомительном курсе в Университете штата Уэйн в Детройте, когда Ронни, студент-химик, был определён в одну группу с Анитой — в будущем фармацевтом. Между ними быстро завязалась дружба. Они проводили много времени вместе в лаборатории, вместе изучали сложные предметы, такие как высшая математика и естественные науки. Аните нравилось чувство юмора и сарказм Ронни, его неуёмная энергия и мягкая улыбка.

Церковное прошлое Аниты отличалось от прошлого её будущего мужа. Анита выросла в семье сирийских родителей-католиков, иммигрировавших в Соединённые Штаты из Ирака; вместе с семьёй она посещала мессу по большим праздникам. Хотя Анита видела, как мать принимает участие в традиционных католических таинствах, и она сама могла пересказать религиозные доктрины, но всё же она не понимала важности развития личных отношений с Иисусом Христом. Под влиянием Ронни Анита осознала свою нужду в Спасителе и Своём Небесном Отце, Который захотел узнать её лично.

Ронни вырос в христианской семье. Его родители были одними из руководителей пятидесятнической церкви, и Ронни часто принимал участие в служении молодёжной группы. Учась в колледже, Ронни был активен в жизни церкви. Как-то в воскресенье Ронни приехал за Анитой на своём белом «Сатурне» и поехал с ней в церковь. Впервые Анита узнала, что Иисус хочет иметь с ней личные отношения и что истинное покаяние ведёт к изменению в образе жизни и желаниях.

Анита: Нет ничего лучше, чем жить для Иисуса

Общие интересы и возрастающая вера Аниты объединили их, и они глубоко полюбили друг друга. Они поженились после окончания учёбы, сыграв летом весёлую свадьбу, и переехали в Остин, штат Техас, где Ронни работал над получением степени магистра, а Анита пошла работать фармацевтом.

В Техасе они нашли общину, придерживающуюся библейского учения, которая уже год как собиралась в здании средней школы в центре города. В церкви учили быть руками и ногами Иисуса, и они жили по этому правилу — делились Божьей любовью с теми, кто в ней отчаянно нуждался. Анита присоединилась к служению для беженцев, выполняя его с любовью, посвящая много времени служению беженцам из Ближнего Востока, прибывшим в Остин.

— Откуда у тебя желание помогать нам? — неоднократно спрашивали они Аниту.

— Бог дал нам любовь, — сказала она, — и мы стараемся проявить её к вам.

В церкви у Ронни появилось такое сильное желание ясно понимать и чётко излагать Слово Божье, что, хотя он и стремился получить докторскую степень по химии, вместо этого он решил поступить в семинарию.

Сын Ронни и Аниты Осия, чьё имя означает «спасение», появился в их жизни через несколько лет после свадьбы, как раз в тот момент, когда Ронни закончил обучение в семинарии. Супруги начали задумываться, чем они дальше будут заниматься в жизни. Стоит ли им оставаться в Остине и продолжать служение в церкви или им нужно переехать в другое место и там делиться Божьей любовью?

Ронни и Анита молились о Божьем водительстве, в это время Анита стала больше участвовать в евангелизационной работе своей церкви. Супруги начали посещать небольшую группу по изучению Библии, и там им стало понятно, что христианам нужно делиться Божьей любовью

Пламенные сердца 2

с соседями, в той местности, где они живут, и до края земли, даже если это означало бы для них утрату комфорта, опасность или жертву.

Интенсивное изучение Библии охватывало разные темы, но именно тема страданий за Христа нашла отклик в сердце Аниты. На этом занятии супруги прочитали главу из «Книги мучеников» Фокса и начали молиться о гонимых христианах по всему миру.

Они молились о христианах, которые служат в трудных местах и страдают за свою веру, и о том, чтобы все верующие имели мужество не стыдиться Иисуса Христа. Анита начала глубоко задумываться о том, что значит страдать за свои убеждения: «Преследования — это не вопрос «если», это вопрос «когда». Последователи Христа не могут избежать страданий. Это часть христианской жизни».

Эта мысль была новой для Аниты, ведь она была ещё сравнительно молодой в своей вере. Она была христианкой только пять лет, и всё же чувствовала себя обязанной молиться о том, чтобы Дух Святой дал ей духа крепости, готового принять страдания ради Христа. Но делать это не глупым или неразумным образом — она не хотела страдать ради страданий или подвергать себя ненужной опасности. Скорее, она молилась о смиренной готовности, благоговении и спокойной уверенности, которые позволили бы ей следовать за Христом, куда бы Он ни повёл её семью.

Однажды, придя домой с занятий по изучению Библии, Анита сказала:

— Ронни, я хочу, чтобы ты знал, что я молюсь о том, чтобы мы претерпели страдания.

Ронни растерялся:

— Ты молишься, чтобы мы претерпели страдания?

— Ну да, — сказала она. — В страданиях мы научимся быть стойкими и иметь более сильную веру.

Анита: Нет ничего лучше, чем жить для Иисуса

Ронни тоже мучил этот вопрос. Что это будет означать для их будущего? Призывает ли их Бог делиться любовью Христа в опасных местах?

Как раз в этот период времени супруги слышали проповедь пастора Джона Пайпера, которая произвела на них неизгладимое впечатление. «Непредсказуемость в отношении церкви в сегодняшнем мире не уменьшается, — сказал Пайпер, — она возрастает...». Ссылаясь на Послание к Колоссянам 1:24²⁴, Пайпер развил свою мысль: «Павел понимает свою миссию так, что одного лишь недостаёт в страданиях Иисуса: *жертва любви Христа должна быть представлена лично... народам, за которые Он умер*. И Павел говорит, что он делает это в своих страданиях»²⁵.

«Голгофа — это не пригород Иерусалима, — говорил Пайпер, — давайте пойдём с Ним за ворота и будем страдать с Ним и терпеть позор»²⁶. Эти слова, нашедшие отклик в их сердцах, подтвердили молитву Аниты и вызвали у супругов не только горячее желание проявить любовь Христа, но и повлияли на выбор географического направления их жизни. Ронни и Анита почувствовали, что Бог призывает их посвятить себя не основанию церквей в США, а чему-то другому.

Они молились, чтобы Бог указал им место в мире, где бы они могли делиться Его любовью. После того, как супруги съездили в Тунис, они решили переехать в Северную Африку.

Однако семья Аниты была категорически против этой идеи.

— Вы бросаетесь в огонь, — предупредила её мать, ссылаясь на известное сирийское выражение. — У вас нет способностей для этого. Вы — молодые американцы, вы не знаете, в какой

²⁴ «Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь» (Кол. 1:24)

²⁵ Джон Пайпер, «Doing Missions When Dying Is Gain», 27 октября, 1996 г.

²⁶ Послание к Евреям 13:13.

культуре мы жили. Вы не сможете этого сделать! Вы даже языка не знаете!

— Значит, мы его выучим, — мягко заверила Анита.

Анита знала, что переезд будет болезненным. Цена послушания Христу разлучит её с семьёй, что повлияет, прежде всего, на её отношения с матерью. Решение следовать за Иисусом означало оставить комфорт Америки, уют дома; но это также означало оставить семью, которая не понимала и не принимала её решения. Осия был единственным внуком у её матери. Увезти его на другой конец света и разделить их было бы большим разочарованием для матери. Каждый раз желание Аниты и Ронни переехать её семья воспринимала в штыки.

В конце концов Ронни и Анита решили переехать в североафриканскую страну Ливию — страну, охваченную внутренними войнами и кризисами с тех пор, как всего год назад лидер страны Муаммар Каддафи был отстранён от власти.

Несомненно, жить в Ливии будет опасно. Но Ронни и Анита были готовы оставить семьи родителей и американский образ жизни, чтобы показать народу Ливии, что любовь Христа более важная, чем физический комфорт. Веря, что всё в жизни содействует ко благу Божьему народу и что смерть — это приобретение, они решили служить Богу в стране, которая отчаянно нуждалась в Его любви.

Однако вскоре решимость пары продемонстрировать любовь Христа, — даже притом, что это стремление может дорого им обойтись, — подверглась испытанию.

За четыре месяца до переезда Ронни и Аниты в Ливию исламские боевики атаковали дипломатическую резиденцию США в Бенгази. Во время ночного нападения погибли четыре американца, включая посла США в Ливии.

Анита: Нет ничего лучше, чем жить для Иисуса

В то время Ронни и Анита жили в Александрии, в Египте, где готовились к жизни в Ливии, изучая арабский язык и приобретая навыки, которыегодились бы им для установления глубоких отношений с людьми в новой культуре. Вскоре после того, как они прибыли в Египет, Ронни узнал, что в одной из школ Ливии есть вакансия учителя химии. Поскольку Ронни уже около восьми лет не использовал свою профессию химика, они с Анитой решили, что Бог показывает им возможность поделиться Своим миром с охваченной войной Ливией, и они покинули Египет.

Хотя нападение на дипломатическую резиденцию потрясло весь мир, это не помешало Ронни и Аните переехать в Бенгази. Во время их переезда, в 2013 году, политическое напряжение в стране достигло наивысшего уровня. Звуки взрывов по ночам стали настолько привычными, что соседи Ронни и Аниты даже шутили по этому поводу.

— Вы уже привыкли к разрывам бомб? — спрашивали их ливийские друзья.

Государственный департамент США также призывал всех американских граждан воздерживаться от поездок в город.

Для Ронни, который вёл крайне дисциплинированный образ жизни и быстро втянулся в ежедневную рутину преподавания в международной школе, переезд в Бенгази оказался довольно лёгким. Он любил своих учеников и непринуждённо шутил с ними. Ученики также любили его, и Ронни, говоря на примитивном арабском с сильным акцентом, часами беседовал с ними о жизни, вступая в глубокие и содержательные беседы, которые заставляли их думать и вдохновляли их. В своём профиле в *Twitter*, который его ученики регулярно посещали, Ронни взял себе псевдоним «лучший друг Ливии» — так ласково называли его ученики.

Жизнь Аниты в Бенгази была более замкнутой, чем у её мужа. Для женщины в Ливии было неприемлемо находиться на

Анита: Нет ничего лучше, чем жить для Иисуса

улице одной, поэтому она большую часть времени проводила в квартире, заботясь об Осии, который уже начинал ходить. Некоторое время она не была знакома ни с кем из соседей и у неё не было машины. Когда на улице потеплело и температура поднялась выше 25 градусов, она с маленьким сыном укрывалась на плоской крыше многоквартирного дома. Там она могла носить футболку и шорты, а Осия — плескаться и играть с водой в своём синем тазике. Когда тазик стал для него маленьким, Ронни и Анита купили своему сыну детский бассейн.

Вскоре Анита начала налаживать отношения с соседками. В соседнем доме у неё появилась подруга, и к ней в гости Анита ходила быстрым шагом, надев свой бежевый хиджаб и изо всех сил стараясь выглядеть как ливийка.

Анита подружилась с семьёй, которая жила этажом ниже, и по вечерам в четверг или пятницу женщины собирались вместе, сидели на полу, ели и пили чай, пока их дети вместе играли. Вскоре, когда они с Ронни купили машину, Анита сажала соседа с детьми в маленький автомобиль и возила их на пляж.

Аните было легко говорить с женщинами о Боге.

— Что ты думаешь об Иисусе? — спрашивали её новые подруги. — Что ты думаешь о Мухаммеде?

Для Аниты проявление Божьей любви к своим соседкам было вопросом взаимоотношений. Как и Ронни, она хотела наладить дружеские отношения с ливийцами, и их легко было любить — дружелюбных, гостеприимных, всегда заботящихся о своих американских друзьях.

В Ливии начались ужасные гражданские и социальные волнения. После казни Каддафи ополченцы захватили некоторые районы Бенгази. Город стал очагом террористических атак, и христианам рекомендовали оставаться дома в целях безопасности. Когда один из отрядов ополчения устроил беспорядки в близлежащей зоне отдыха, друзья Ронни сразу же сообщили ему об этом и посоветовали спрятаться в доме.

Пламенные сердца 2

— Пожалуйста, не выходи туда на пробежку, — сказали они. — Если всё-таки хочешь выйти, просто бегай в нашем районе.

В этом районе было спокойно, и Ронни обычно чувствовал себя в достаточной безопасности, наслаждаясь пробежками. Но по мере того, как в городе становилось всё более беспокойно, близкий друг Ронни посоветовал ему прекратить пробежки даже в этом районе.

5 октября 2013 года американские военные спецподразделения *Delta Force* захватили боевика «Аль-Каиды» Абу Анаса аль-Либи в ходе предрассветного рейда в Триполи, Ливия, всего в 600 милях от побережья Бенгази. В результате возникли политические беспорядки, которые угрожали безопасности американцев, проживающих в городе, поэтому соседи Аниты также приложили все усилия, чтобы защитить её.

— Никуда не выходи, — предупредили её. — Мы сами принесём тебе продукты.

Стресс, связанный с жизнью в Ливии, не мог не сказаться на Аните. Хотя она знала, что Бог призвал её семью в Бенгази, она часто боролась со страхом, боясь, что кто-то из них может быть похищен — такая участь была бы даже хуже смерти. Иногда она задавалась вопросом, сможет ли она вынести, если что-то случится с Осией или Ронни.

В ноябре Анита с маленьким сыном села в самолёт, чтобы лететь в Соединённые Штаты и провести праздники с семьёй. Самолёт взлетел, Анита посмотрела в окно на раскинувшуюся внизу ливийскую землю и почувствовала огромное облегчение. Они с Осией благополучно выбрались оттуда. Они должны были вернуться после Нового года, но в тот момент

Анита: Нет ничего лучше, чем жить для Иисуса

Аните казалось, что она сбежала. «Теперь, — подумала она, — Ронни просто обязан оттуда выбраться».

Первого декабря, когда Анита и Осия всё ещё находились в Соединённых Штатах, а Ронни проводил промежуточные экзамены в Бенгази, организация «Аль-Каида» решила отреагировать на октябрьский рейд американских военных. Адам Гадан, уроженец США, принявший ислам и служивший в своё время пресс-секретарём Усамы бен Ладена, осудил захват Абу Анаса аль-Либи и призвал своих ливийских последователей «преподать крестоносцам²⁷ урок, который они не забудут». Он призвал их «восстать и отомстить Америке — врагу ислама и мусульман».

Подстрекательские призывы Гадана нашли отклик в Ливии, и американцам стало ещё опаснее находиться в Бенгази.

БЕНГАЗИ

5 ДЕКАБРЯ 2013 ГОДА

11:30 УТРА

В припаркованной на улице машине сидел мужчина, который жил по соседству с Анитой и Ронни, и терпеливо ожидал, пока его пожилая мать выйдет из дома. Он поднял глаза, когда мимо его машины пробежал Ронни. Через несколько мгновений он заметил четырёх мужчин на черном джипе, следовавших за Ронни.

²⁷ «Крестоносцы» — термин, используемый сегодня исламистами для насмешек. Он восходит к средневековым крестовым походам XI–XIII веков, когда христианские державы вели военные действия, чтобы отвоевать у мусульман Святую землю и вернуть бывшие христианские территории.

Пламенные сердца 2

— Вы американец? — услышал он вопрос одного из мужчин, обращённый к Ронни. Находясь в машине, мужчина мог слышать короткий разговор, и почувствовал облегчение, когда джип уехал. Он смотрел, как Ронни продолжает пробежку, держась ближе к обочине.

Мгновением позже мужчина в машине снова заметил черный джип. Он объехал квартал и снова начал преследовать Ронни. Джип свернул за угол, и вдруг воздух пронзили выстрелы. Ронни рухнул на обочину дороги, его тело было изрешечено пулями, и из ран текла кровь.

Соседи слышали выстрелы и вызвали скорую помощь. Медики прибыли быстро, они погрузили тело Ронни на каталку и срочно отвезли в больницу, но было уже поздно. Ронни был мёртв.

Детройт, Мичиган
8:30 утра

Анита вытерла овсяную кашу со щёк своего маленького сына и улыбнулась, вытирая его пухлые, липкие пальчики. Тёплый завтрак казался особенно приятным в такое холодное декабрьское утро.

До Рождества оставалось всего три недели, и Анита радовалась, что проведёт праздничные дни в Техасе с Ронни и его семьёй. За эти недели, что они были в разлуке, Анита разговаривала с Ронни по видеосвязи, но ей очень хотелось, чтобы он был рядом. Как здорово быть опять вместе и провести праздники с семьёй и друзьями. Анита не могла дождаться, когда они с Ронни опять поедут в знакомые места, где они впервые почувствовали уникальное призвание Бога в своей

Анита: Нет ничего лучше, чем жить для Иисуса

жизни. Как много изменилось с тех пор, как они впервые приехали в Техас.

Когда Анита закончила убирать со стола после завтрака, болтая с матерью и старшей сестрой, у неё зазвонил мобильный телефон. Она взглянула на часы: «Восемь тридцать. Рановато для звонка».

Анита вытерла руки и посмотрела на экран. Это был виде-звонок от её друзей из Бенгази — американской пары, которую они с Ронни хорошо знали. Она ответила на звонок, и на экране появилось лицо подруги и её мужа.

— Анита, ты с Осией? Ты можешь где-то уединиться и присесть, чтобы поговорить? — серьёзный тон мужа подруги соответствовал напряжённому выражению его лица.

Выскользнув из кухни, Анита прошла по короткому коридору в спальню своей матери. Закрыла дверь и села на кровать.

Глаза подруги наполнились слезами, она глубоко вдохнула. Её муж мрачно смотрел в экран. Наконец, он заговорил:

— Анита, мне очень жаль. Ронни мёртв.

Шок от его слов лишил Аниту дара речи, прошло какое-то время, пока она пыталась осмыслить то, что только что услышала.

— Что? — наконец она смогла выдать из себя. — Нет, нет, это невозможно.

Анита почувствовала, как внутри у неё все перевернулось, и она рухнула на колени.

— Мне очень жаль, Анита, — сказала её подруга, сдерживая рыдания, — Ронни больше нет.

После смерти Ронни мать Аниты, сестра, другие члены семьи и друзья оказали ей необходимую поддержку. Следуя культурным традициям её родителей, близкие семьи заполонили их

дом. Анита ценила их заботу, но временами чувствовала себя подавленной из-за огромного количества людей в доме. Ей нужно было найти тихое место и осмыслить случившееся. Тогда её близкие друзья из Техаса приехали и отвезли Аниту в кафе, чтобы она могла уединиться от многочисленных членов семьи, которые приходили и уходили.

Ученики Ронни выражали свои соболезнования в *Twitter* с помощью хэштега #ThankYouSmith. «Спасибо Смиту за то, что он был прекрасным учителем и замечательным другом, — написал один из учеников. «Спасибо Смиту за то, что каждый день рисковал своей жизнью, чтобы помочь нам полностью раскрыть свой потенциал», — сказал другой. «Мне жаль, что вам пришлось пройти этот путь», — написал третий.

Всё ещё пребывая в шоке, Анита не могла поверить, что Ронни действительно больше нет: «Как Осия будет расти без отца? Как я буду дальше жить без моего лучшего друга? Что будет с нашей жизнью в Ливии?»

Ученики Ронни также посылали сообщения непосредственно Аните, выражая своё потрясение, печаль и стыд за то, что ливийцы виновны в смерти их учителя.

Находясь в процессе осознания своего горя, Анита знала, что ей нужно делать и что Ронни хотел бы, чтобы она сделала. Ей нужно напрямую обратиться к народу Ливии.

12 декабря, всего лишь через неделю после убийства Ронни, Анита написала открытое письмо на английском и арабском языках, под названием «Открытое письмо вдовы Ронни Смита ливийскому народу».

Мой муж и лучший друг Ронни Смит любил ливийский народ. Больше года Ронни проработал учителем химии в школе в Бенгази, и он бы с радостью отдал ещё больше лет Ливии, если бы

Анита: Нет ничего лучше, чем жить для Иисуса

5 декабря 2013 года неизвестные вооружённые люди не оборвали его жизнь.

Мы с Ронни приехали в Ливию, потому что видели, как страдает ливийский народ, но мы также видели и вашу надежду и хотели вместе с вами построить лучшее будущее. Ливия сильно отличалась от того, с чем мы сталкивались раньше, но мы были рады познакомиться с ливийской культурой. Ронни полюбил вас и ваш образ жизни, также как и я. Ронни действительно стал «лучшим другом Ливии».

Наши друзья и родственники беспокоились о нашей безопасности, как и некоторые из вас. Мы много говорили об этом. Но мы остались, потому что верили, что ливийский народ стоит того, чтобы нам рисковать. Даже зная то, что я знаю сейчас, я не сомневаюсь, что мы оба снова приняли бы то же решение.

Ронни очень любил всех вас, особенно своих учеников. Он любил шутить с вами, рассказывать истории о вас, помогать вам в жизни и побуждать вас быть такими, какими вы можете стать. Он делал всё возможное, чтобы смиренно и уважительно жить своей верой в обществе людей с другой верой.

Нападавшим: Я люблю вас и прощаю. Как же иначе? Ведь Иисус учил нас «любить врагов наших» — не убивать их и не мстить. Иисус пожертвовал Своей жизнью из любви к тем людям, которые убили Его, а также из любви к нам. Его смерть и воскресение открыли нам возможность идти по прямому пути к Богу в мире и прощении. Благодаря тому, что сделал Иисус, Ронни сейчас находится с Ним в раю. Иисус пришёл не только для того, чтобы забрать нас в рай, когда мы умрём, но и чтобы принести мир и исцеление на эту землю. Ронни любил вас, потому

Пламенные сердца 2

что Бог любит вас. Ронни любил вас, потому что Бог любил его — не потому, что Ронни был таким великим, а потому, что Бог такой великий.

Ливийскому народу: Я всегда знала, что Бог пошлёт в наши сердца любовь к вам, но я не ожидала, что вы нас так полюбите. Мы приехали, чтобы благословить вас, но вы благословили нас гораздо больше. Спасибо вам. Спасибо за вашу поддержку и любовь к Ронни, к нашему сыну Осии и ко мне. Со смертью Ронни моя любовь к вам возросла так, как я и представить себе не могла. Я чувствую себя сейчас намного ближе к вам, чем когда-либо раньше.

Я слышу, как люди говорят с ненавистью и гневом, обвиняя убийц в смерти Ронни, но это не то, чего хотел бы Ронни. Ронни хотел бы, чтобы его смерть стала для нас возможностью показать друг другу любовь и прощение, потому что именно это показал нам Бог.

Я хочу, чтобы вы все — весь народ Ливии — знали, что я молюсь о мире и процветании Ливии. Пусть кровь Ронни, пролитая на ливийской земле, будет способствовать миру и примирению ливийского народа с Богом.

Остин, Техас

19 ДЕКАБРЯ 2013 ГОДА

«Что я хочу, чтобы люди знали о моем муже?»

— Ронни хотел нести свет и любовь Иисуса ливийскому народу, который он знал, — говорит Анита, спокойно и чётко

Анита: Нет ничего лучше, чем жить для Иисуса

глядя прямо в камеру. — Он действительно хотел. Он не хотел привлекать к себе внимание, не хотел быть хорошим парнем, хорошим учителем или весёлым учителем — он просто хотел показать любовь и прощение, которые мы имеем от Бога. Это то, что он хочет оставить после себя.

Ведущий перешёл к следующему вопросу. Он слышал о письме, которое Анита написала жителям Ливии и тем, кто убил Ронни. Он не мог поверить, что Анита смогла сказать убийцам своего мужа, что любит и прощает их. Перемещаясь под яркими огнями студии в Нью-Йорке, ведущий со значительной долей недоверия отметил, насколько необычным, по его мнению, был поступок Аниты.

— Я не держу на них зла, — объяснила Анита, — и хочу, чтобы они это знали. Я не хочу мстить. Я просто очень хочу, чтобы они знали, что я люблю их и прощаю, и Ронни хотел бы этого. Я молюсь и надеюсь, что наш сын, Осия, поверит этому, и я всем сердцем молюсь, чтобы нападавшие... может быть, этот инцидент побудит их познать любовь и прощение, которые можно найти в Иисусе. Это правда.

Следующий вопрос не удивил Аниту. Сразу ли она почувствовала любовь и прощение к убийцам своего мужа? Для телезрителей ведущий пояснил, что со дня смерти Ронни прошло всего несколько недель. Он знал о других людях, которые смогли простить смерть близкого человека лишь спустя месяцы или даже годы, но его поразило, что Анита смогла испытать подобные эмоции так быстро. Ведущий был опытным журналистом, ранее освещавшим трагедии по всему миру, и он знал, что утверждения Аниты удивят многих его зрителей.

— В первый день после случившегося я даже не думала о каких-либо эмоциях по отношению к нападавшим, но они появились очень скоро, — сказала Анита. — Это произошло в тот же вечер или на следующий день. Должно быть, на

меня снизошёл Божий Дух, заменив гнев на Свою любовь. Да, они забрали у меня мужа. Я люблю своего мужа. Но, должно быть, это Дух Божий побуждает меня показать им то, что Бог хочет, чтобы они увидели. Он хочет, чтобы нападавшие увидели, что даже если они и сделали такое с моим мужем — любовь и прощение реальны. И я хочу, чтобы они увидели и узнали это.

«Она не злилась? Она не испытывала ненависти к убийцам своего мужа?» — ведущий был заметно озадачен.

Он извинился за то, что задаёт подобные вопросы, но ему трудно было понять, как Анита смогла проявить такое необычное милосердие.

Слёзы навернулись на глаза Аниты, и какое-то мгновение она едва могла продолжать.

— Я просто представляю, как к нему подъезжает чёрный джип. Мне не знакомы их лица, я просто хочу, чтобы они знали, что Бог любит их и может их за это простить. Я не знаю их, но просто... да, мои чувства искренни. Может это звучит глупо, но это Дух Божий вкладывает в меня. Я в это верю.

Ведущий смягчился, и его следующие слова были полны участия. Он заверил свою скорбящую гостью, что не думает, что это звучит глупо. Скорее, он считает, что её слова звучат как слова замечательного человека.

Затем ведущий сменил тему разговора и спросил о её маленьком сыне Осии. Что Анита скажет ребёнку, когда он вырастет? Как она объяснит ему, почему его отец оказался в Бенгази, что он там делал?

По его тону Анита почувствовала, что интервью подходит к концу и скоро будет реклама.

— Мы хотим, чтобы Осия, наш сын, знал, что мы его очень любим, — сказала она в заключение. — И Ронни очень любил его. И мы с Ронни, как родители, хотели бы для Осии, чтобы он знал, что Бог любит его больше. И Бог хочет, чтобы он знал,

Анита: Нет ничего лучше, чем жить для Иисуса

так же как и мы с Ронни хотим, чтобы он знал, что нет в жизни ничего лучше, чем жить для Иисуса.

Эпилог

Анита давала и другие интервью средствам массовой информации на английском и арабском языках, передавая то же послание: она прощает убийц своего мужа и желает, чтобы они познали любовь и прощение, которые можно найти в Иисусе.

Из первых уст **Ванда**

Более десяти лет муж Ванды Яшек — Пётр, гражданин Чехии, руководил служением «Голос мучеников» в Африке. Ему приходилось ездить по делам служения в опасные районы, где христиане подвергаются гонениям. 10 декабря 2015 года, когда Ванда не получила сообщения от мужа перед его вылетом из Хартума, Судан, она начала беспокоиться. Вскоре она узнала, что его арестовали. Ванда рассказывает,

как Бог через Писание и верных молитвенников всемирного Тела Христова поддерживал её на протяжении 445 дней — времени, когда Пётр находился в тюрьме.

Я осознавала опасность служения Петра гонимым братьям и сёстрам. Я даже сама ездила с ним в некоторые опасные поездки. Но для меня было большим потрясением, когда он не вернулся из своей очередной поездки в Хартум. Сначала мы сообщили об этом пастору, который сразу же организовал молитвенную цепочку. Затем наша дочь связалась с посольством Чехии в Каире и с Министерством иностранных дел Чехии.

Многие наши братья и сёстры, наши друзья, поддерживали нас — посещали, звонили, присылали текстовые сообщения и электронные письма. Господь напомнил мне многие ободряющие стихи из Писания, и я их отмечала для себя. В первые дни заключения моего мужа одним из наиболее ободряющих стихов, который помогал мне оставаться спокойной, был стих из 2 Послания к Тимофею 1:7: «Ибо дал нам Бог духа не боязни, но силы, любви и целомудрия».

После тех первых трудных дней слова из Книги Псалмов 36:5 проговорили прямо к моему сердцу: «Предай Господу путь твой и уповай на Него, и Он совершит». Легко сказать, но трудно сосредоточиться на этих словах. Дело было не в моей силе или решимости.

Однажды произошёл случай, когда мне показалось, что Пётр уже не вернётся. Я приехала на заправку, где как раз стоял газетный стенд. Моё внимание привлёк заголовок, напечатанный крупным шрифтом, на первой странице ежедневной газеты: «Гражданину Чехии, арестованному в Судане, грозит смертная казнь». Безусловно, это стало потрясением для меня, и меня одолевали мысли: «Неужели это действительно случится?»

Пламенные сердца 2

Всё это время мои молитвы были в основном просьбами об освобождении Петра, и они были услышаны в своё время. Но позже, когда у нас с Петром появилась возможность переписываться, я узнала, что Господь использовал его для благовестия среди заключённых. Этот факт изменил моё понимание и даже мои молитвы: «Как я могла молиться о немедленном освобождении Петра, если Господь хотел его использовать для того, чтобы привести людей к Себе?» Поэтому я начала молиться, чтобы во всем исполнялась Божья воля.

Было много услышанных молитв: о крепком здоровье Петра, несмотря на то что в его окружении было много больных, и о мире Господнем в его разуме и в сердце. Один из главных ответов на молитву — это когда Пётр получил Библию от сотрудника чешского консульства. После возвращения Петра домой я узнала ещё о многих отвеченных молитвах. Мы пролистали свой молитвенный ежедневник и обнаружили, что Господь явным образом отвечал на наши горячие молитвы, когда Пётр особенно в этом нуждался.

Я верю, что благодаря молитвам и ходатайству многих людей я могла оставаться спокойной и испытывать мир Божий. Многие молитвы верующих помогли мне преодолеть сомнения и страхи.

Ханнели

Уцелевшая

КАБУЛ, АФГАНИСТАН

29 НОЯБРЯ 2014 ГОДА

Ханнели Гроневальд спустилась по лестнице дома, принадлежавшего её семье, и вышла на свежий осенний воздух. Она увидела Хасана, дежурившего у ворот, и остановилась, чтобы перекинуться с ним парой дружеских слов, пока он открывал для неё ворота.

Водитель Ханнели — Сайед — ожидал её на другой стороне улицы. Движение в то утро обещало быть особенно хаотичным; город был в состоянии повышенной готовности из-за угрозы нападения, некоторые дороги были перекрыты.

Первой остановкой Ханнели был отель *Kabul Star* («Звезда Кабула»), где в роскошном конференц-зале проходила медицинская конференция. Повестка дня не привлекла её внимания, поэтому она вытащила из сумки мобильный телефон и отправила сообщения своим детям — семнадцатилетнему Жан-Пьеру и пятнадцатилетней Роде, но никто из них не ответил. Она предположила, что подростки ещё спят, поэтому использовала это время, чтобы ответить на электронные письма в своём телефоне. Наконец, после обеда конференция закончилась, и Ханнели отправилась в путь.

Сайед отвёз Ханнели в медицинскую клинику, где она работала врачом. Обычно она не работала по субботам, но

Организация Объединённых Наций получила достоверную информацию о том, что на Кабул планируется атака талибов. Ханнели и её коллег попросили быть наготове, чтобы оказать помощь предполагаемым пострадавшим. Ханнели это не особо беспокоило. Оповещения о возможной атаке поступали часто, и она предположила, что это будет просто очередной обычный день.

Вторая половина дня выдалась довольно спокойной. Несколько пациентов Ханнели не смогли прийти на приём, и прогнозируемая атака не произошла. Когда около четырёх часов дня Сайед написал ей, что ждёт на улице, Ханнели была рада уехать домой. Она забралась на заднее сиденье машины, и Сайед всю дорогу изо всех сил пытался маневрировать в бешеном дневном трафике.

Через десять минут зазвонил телефон Сайеда. По тону его голоса и выражению лица Ханелли поняла, что случилось что-то ужасное. Она наклонилась к нему и взволнованно спросила:

— Что случилось?

Сайед оглянулся на свою встревоженную пассажирку.

— Нападение всё же произошло, — сказал он.

И мягко объяснил ей, что случилось. Нападение было совершено на дом Ханелли.

Ханнели откинулась на спинку сиденья, её разум пытался обработать информацию. Она потянулась за мобильным телефоном, чтобы позвонить мужу Вернеру, но в ответ раздавались лишь телефонные гудки.

Не теряя ни секунды, она пыталась позвонить Жан-Пьеру и Роде, но никто не ответил. Нарастал парализующий страх: «Возможно, они пытались укрыться в подвале дома и в спешке забыли телефоны. Или, может быть, телефоны были на беззвучном режиме, так как они боялись, чтобы звуки не привлекли внимания».

Ханнели: Уцелевшая

Следующие несколько минут Ханнели продолжала лихорадочно звонить своим детям и мужу.

Не имея возможности связаться с семьёй по телефону, Ханнели сосредоточилась на заторах на дорогах, чтобы не подпитывать страх, растущий в сердце. Казалось, прошла целая вечность, пока они добрались до улицы 5. Улицы были оцеплены множеством афганских полицейских и огромными бронированными машинами.

Как только Сайед припарковал машину возле перекрёстка, Ханнели выскочила из машины и бросилась к улице, где жила и работала её семья. Проталкиваясь через толпу, собравшуюся на улице, она изо всех сил пыталась прорваться через баррикаду, но полиция не пропускала её. Она умоляла рассказать ей, что случилось, но никто не хотел рассказать ей о случившемся. Ханнели вытянула шею, чтобы увидеть квартиру на верхнем этаже, где жила её семья.

В воздухе повисла жуткая, оглушающая тишина. В толпе было тревожно тихо, не было даже привычной какофонии, создаваемой транспортом, автомобильными гудками и лаем собак. Весть о нападении облетела весь город, и прибывшие журналисты подошли к Ханнели, чтобы взять интервью. Отмахиваясь от них, она попыталась уйти в сторону от толпы, но их камеры вспыхивали ей вслед. Слезы жгли ей глаза, готовые вырваться, как вода через прорвавшуюся плотину.

Ханнели взывала к Богу о помощи.

2002 ГОД

Трагедия, вызванная террористическими атаками 11 сентября 2001 года, открыла для Ханнели и Вернера Гроневальд новую главу в их жизни. В то время они наслаждались

счастливой, насыщенной и относительно лёгкой жизнью в богатом пригороде Претории, Южная Африка. Ханелли работала врачом в разных отделениях скорой помощи по всему городу. У неё была хорошая зарплата, и в конце рабочего дня она с радостью возвращалась домой, чтобы отдохнуть в кругу семьи.

Её муж Вернер был пастором большой церкви, где он и проводил большую часть дня, потом он спешил в детский сад, чтобы забрать их двух детей. По вечерам Вернер посещал членов церкви, которых давно не было на служении, он служил везде, где была возможность протянуть руку помощи.

Вернер и Ханнели были счастливы. Их жизнь полностью их устраивала.

Ни Вернер, ни Ханнели особо не были ориентированы на миссионерское служение. Они считали, что миссионерское поле предназначено для «суперхристиан», для любителей приключений, для тех, у кого был «особый ключ к Божьему престолу». Супруги Гроневальд, напротив, считали себя простыми людьми, которые служат простыми способами.

Вскоре после атаки исламских террористов на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке Вернер, придя из церкви, поделился с женой удивившей её мыслью:

— Я хотел бы поехать в Пакистан с краткосрочной миссией, — мягко сказал он. — В церкви собралась группа, которая уже скоро выезжает, и я хотел бы поехать вместе с ними. Ты не против? Конечно, я бы хотел, чтобы и ты поехала со мной.

Вернер объяснил, что у него возникло непреодолимое желание поехать туда, чтобы с большим пониманием молиться за этот народ. Он признался, что эта мысль уже давно была у него на сердце.

Ханнели потеряла дар речи. Одно дело, если Вернер хочет поехать в такую поездку, но она определённо не хотела ехать с ним. На какое-то время она отложила эту мысль на потом, ей не хотелось много об этом думать. И уж точно она даже подумать

не могла, что его желание поехать в эту поездку вскоре изменит жизнь всей их семьи.

Наступил день отъезда Вернера, и Ханнели с тяжёлым сердцем провожала его и всю команду в аэропорт. Ей хотелось, чтобы он уже вернулся домой и эта поездка осталась бы приятным воспоминанием, о котором бы они говорили, вернувшись к повседневной жизни.

В аэропорту, в комнате для молитвы, Ханнели попросили помолиться о команде. Эта просьба имела смысл, поскольку она была женой пастора, но Ханнели застыла на своём стуле, не в силах выговорить ни слова. Она никогда не чувствовала себя комфортно, молясь перед другими людьми, но сейчас её вдруг охватило чувство неопределённости, связанное с поездкой в эту опасную страну. В тот момент она поняла, что не хочет отпускать Вернера: «Что, если он не вернётся?»

Дрожащим голосом она произнесла несколько слов молитвы. Будучи не в состоянии произнести второе предложение, она, сдерживая слёзы, сидела молча. После долгой неловкой паузы кто-то другой помолился о поездке команды, о том, чтобы на них покоилась Божья рука благословения и защиты.

Собрав свои куртки и сумки, члены команды радостно переговаривались, предвкушая ожидающее их новое приключение, но на сердце у Ханнели всё ещё было тяжело. Глубоко в сердце она понимала, что её отношения с Богом не такие, какими они должны быть. Она не захотела поехать на служение в Пакистан вместе с Вернером, и ей было стыдно, что она даже не смогла помолиться за команду: «Почему я не слышу Божий голос, как все остальные?»

Через десять дней Вернер вернулся из поездки в Пакистан. Ханнели забронировала столик в дорогом ресторане, чтобы отпраздновать его возвращение. Сделав заказ, Вернер внимательно посмотрел на жену. Ханнели удивилась, увидев его глаза, полные слез. Из его уст полились рассказы о времени,

проведённом в Пакистане, о трудностях, с которыми столкнулась команда. У них ничего не получалось, куда бы они ни пошли, везде их окружал хаос. Он рассказал Ханнели о чёрных воронах, которые были везде, куда бы он ни пошёл. Их бесконечное карканье наполняло его душу непрерывным ощущением тьмы и зла. Вернер не мог избавиться от ощущения, что вороны — это отражение духовного климата страны.

Он также рассказал ей о том дне, когда группа отправилась на Хайберский перевал — горное ущелье, разделяющее Пакистан и Афганистан, где правят племенные полевые командиры, а не полицейские или военные. Дорога через перевал, известная как «шёлковый путь», долгое время была ключевым торговым маршрутом между Центральной и Южной Азией.

К этому моменту слёзы потекли по щекам Вернера. Ханнели, оглянувшись на посетителей ресторана, почувствовала неловкость, но её муж не стеснялся плакать. Он ясно почувствовал призыв от Господа ехать в Афганистан. Он видел тысячи афганцев, которые погибнут, если никто им не расскажет о любви Иисуса Христа.

По словам Вернера, именно в тот момент, стоя обеими ногами на «нейтральной полосе», разделяющей две страны, он осмелился бросить вызов Богу.

— Господи, — сказал он, — Ты знаешь Ханнели. Она никогда не согласится оставить нашу комфортную жизнь в Южной Африке и променять её на жизнь в горе и трудностях в Афганистане. Ты должен Сам призвать её. Я не могу этого сделать.

Официанты принесли основное блюдо, и некоторое время супруги ели молча. Потом Вернер, подняв глаза на Ханнели, нерешительно спросил:

— Не хотела бы ты через несколько месяцев поехать со мной в короткую медицинскую поездку в Афганистан? Я сам всё подготовлю, но хочу, чтобы ты поехала со мной.

Потонув в омуте серо-зелёных глаз своего мужа, Ханнели не могла набраться смелости, чтобы сказать ему «нет». У неё не было никакого желания ехать в Афганистан, но она утвердительно кивнула. Втайне она надеялась, что он забудет об этом. «Наверняка это просто такой этап в его жизни, какой-то энтузиазм, возникший после евангелизационной поездки, культурный шок», — думала она.

Но не тут-то было. Всего за несколько недель Вернер набрал достаточное количество медиков, чтобы сформировать команду, и Ханнели согласилась поехать с ним. «Будет здорово совершить что-то рискованное, выйти за пределы своей зоны комфорта», — убеждала она себя. Готовясь к поездке, Ханнели и другие члены команды прошли подготовку по культурной адаптации, выучив несколько слов на персидском диалекте дари, на котором говорят в Афганистане. Затем наступил день отъезда.

Команда приземлилась в Пешаваре, Пакистан, в среду, а затем они планировали пересечь границу с Афганистаном. Но возникла проблема с получением виз, и они поняли, что не успеют приехать вовремя в Кабул, чтобы провести первый приём медицинской клиники в понедельник, как планировалось ранее. Выходные они провели в гостинице в Пешаваре и собирались пойти на служение в местную домашнюю церковь. Подходя к дому, где проводилось служение, Ханнели была потрясена тем, что система канализации была открытой. В воздухе висел тошнотворный запах — содержимое канав позеленело от сильной жары.

В домашней церкви христиане-эмигранты приветствовали команду, их посадили в гостиной на металлические складные стулья. Группа малышей встала, чтобы спеть Господу песню хвалы, и в этот момент на Ханнели снизошло нечто странное, чего она никогда раньше не испытывала. Святой Дух коснулся её особым образом, она никогда не думала, что это возможно. Она пыталась сглотнуть слёзы, но они бежали по её щекам.

Ханнели чувствовала себя здесь умиротворённой. В своём сердце она знала, что Бог показывает ей что-то новое. Это место может стать её домом.

Она подняла глаза на Вернера и с удивлением увидела, что по его щекам тоже лились слёзы. «Неужели Бог призывает людей вот таким образом? — задумалась она. — Не потому ли наш отъезд в Кабул был задержан?»

Рано утром в понедельник члены команды получили визы и отправились в тринадцатичасовое путешествие из Пешавара в Кабул на микроавтобусе-такси. Они наняли вооружённого солдата, чтобы тот сопровождал их в путешествии через пресловутый Хайберский перевал и горный хребет Гиндукуш — особо опасную территорию племён, где проходили подготовку такие террористические группы, как «Аль-Каида», «Талибан» и ИГИЛ. В этих же самых горах на протяжении нескольких месяцев укрывался Усама бен Ладен.

Изнуряющее, некомфортное путешествие длилось в общей сложности тринадцать часов. На пограничном пункте Ханнели воспользовалась туалетом на корточках. Чтобы смыть, она принесла ведро с водой, которое стояло в углу грязной комнаты, стараясь при этом не коснуться ведром своей одежды. Позже, в дороге, когда женщинам нужно было сходить в туалет, в качестве импровизированных перегородок они использовали свои головные платки. Общественных туалетов для женщин не существовало.

Как только они выезжали вновь на дорогу, пыль легко проникала в салон душного такси. Пассажиры широко открывали окна и вытирали пот с лица пыльными руками. Несколько часов подряд беспечный водитель, объезжая камни, вёл машину по бесконечной череде выбоин. В машине не было запаса воды, и Ханнели задавалась вопросом, что произойдёт, если машина сломается.

Наконец, измученная команда прибыла в столицу Афганистана. В течение следующих нескольких дней христиане

развернули мобильные медицинские клиники в селениях на окраинах Кабула и оказывали медицинскую помощь афганским женщинам. По вечерам они возвращались в свою небольшую гостиницу уставшие, но довольные.

Вернувшись домой в Южную Африку, Гроневальды почувствовали необходимость в том, чтобы Бог подтвердил их новое призвание. С Ханнели это произошло ранним утром во время её утреннего молитвенного общения с Богом. Внезапно она ощутила побуждение прочитать Евангелие от Луки 5:31–32, где Иисус говорит: «...не здоровые имеют нужду во враче, но больные; Я пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию». Внутри у Ханнели затрепетало: «Бог призывает меня служить врачом больным людям в Афганистане».

Ханнели начала больше проводить времени в изучении Слова Божьего, ища на его страницах истину. Она молилась и усердно искала Его лица, чтобы получить ответы и руководство. Вернер делал то же самое. Вскоре Ханнели поняла, что её отношения с Господом стали глубже, и впервые в жизни она почувствовала, как Господь говорит с ней через Своё Слово. Она хотела принести как можно больше пользы женщинам Афганистана, поэтому попыталась поступить на программу акушерства и гинекологии в Университете Претории. После собеседования с деканом факультета её имя внесли в лист ожидания и сказали, что, когда освободится вакансия клинического ассистента, ей позвонят. Несколько месяцев она ждала, не получая никакого ответа на своё заявление.

Однажды вечером, во время чтения Библии и молитвы, Ханнели прочитала Первое послание к Коринфянам 7:20: «Каждый оставайся в том звании, в котором призван». Она прочитала контекст этого стиха и увидела, что апостол Павел

трижды повторяет одно и то же наставление. В тот момент Ханнели поняла: чтобы эффективно служить в Афганистане, ей не нужно оставлять свою специализацию врача скорой помощи и специализироваться на гинекологии.

Семь месяцев спустя, в апреле 2003 года, Ханнели и Вернер вновь приехали в Кабул, чтобы найти некоммерческую организацию и присоединиться к ней, подыскать подходящее жильё, изучить варианты обучения для своих детей, которым было шесть и почти четыре года. Им нужно было составить план сбора средств и определить дату переезда семьи в Афганистан.

В это время супругов Ханнели и Вернера ожидали новые трудности. Они обратились в небольшую международную школу, которая располагалась в частном доме, чтобы узнать, может ли школа принять их детей, но им ответили, что у них нет свободных мест. Ханнели ушла, вытирая слезы, понимая, что ей придётся морально подготовиться к тому, что Жан-Пьер и Роде будут на домашнем обучении.

И снова Ханнели ощутила сильную потребность в том, чтобы Бог подтвердил их призвание. В тот вечер она с Вернером и ещё одним христианином-сотрудником из Южной Африки собирались провести пожилую афганскую женщину, которую несколько недель назад сбил мотоцикл. Её одежда запуталась в колесе мотоцикла и её протащило ещё несколько метров, в результате были сломаны обе кости предплечья. Врачи провели операцию, но без анестезии.

К тому времени, как Ханнели навестила хрупкую женщину в её доме, та была в шоке от травмы, полученной в результате операции, а также от мучительной боли и лихорадки, вызванной инфекцией в открытой ране. Ханнели выписала ей рецепт на обезболивающие и антибиотики, но расстроилась из-за того, что языковой барьер мешал эффективно с ней общаться. Они помолилась за женщину, за её семью и ушли. В глубине души Ханнели знала, что народ Афганистана отчаянно нуждается в

её любви и знаниях. И снова у неё возникло ясное понимание, что они с Вернером должны переехать в Кабул.

Пришло время рассказать родственникам и друзьям о своём призвании: большинство из них поддержало решение супругов и вдохновило их идти туда, куда ведёт Господь. Но семья Ханнели воспротивилась. Её родители были твёрдо уверены, что Господь никогда не призовет семью с маленькими детьми на служение в такую опасную страну, как Афганистан. Они решительно выступали против планов Вернера и Ханнели, и этот конфликт истощал силы супругов, которые были им необходимы для подготовки к отъезду. Вернер и Ханнели не хотели отнимать единственных внуков у бабушки и дедушки, но знали, что должны повиноваться Господу.

Ухудшающиеся отношения между Ханнели и её родителями неоднократно приводили её в отчаяние и огромное уныние. Она не понимала, почему Господь, дав ей такое ясное понимание призвания и неоднократно подтвердив его, всё же допускает непрекращающиеся трудности. Лишь годы спустя она поняла, что Бог использовал эти испытания для её возрастания, чтобы она глубже укоренялась в Нём и укрепляла свою веру.

В течение двух месяцев Вернер успешно собрал почти всю сумму финансовой поддержки, необходимую семье для переезда в Афганистан. Однако в это же время супруги также узнали, что им придётся аннулировать собственные полисы страхования жизни. Ни одна компания по страхованию жизни не стала бы выплачивать страховые возмещения в случае их смерти, поскольку Афганистан был зоной боевых действий. Это открытие глубоко обеспокоило Ханнели, и тревога лишала её сна: «Что будет с детьми и со мной, если Вернер умрёт?»

Ханнели также мучили вопросы относительно её профессии: «Если я буду работать в медицинской системе Афганистана, как я смогу когда-либо снова войти в медицинский мир в

Южной Африке?» Старая поговорка «используй или потеряй» поглощала все её мысли, наполняя тревогой.

Проведя некоторое время в беспокойстве, она, наконец, поняла, что Бог хочет, чтобы она отдала все свои заботы в Его руки и полностью доверилась Ему. «Иегова-ире, — подумала Ханнели. — Таково Имя Его — Господь, наш Податель всех благ». Бог хотел, чтобы она поняла, что в итоге всё контролирует Он, и Он хотел, чтобы Ханнели доверила Ему финансовую безопасность своей семьи и будущее своей медицинской карьеры. Она научилась доверять Ему в том, что Бог — её Помощник, Путеводитель и Скала. Задача Ханнели — жить каждый день полной жизнью и отдать себя Ему и выполнению Его целей.

2003 год

В день отъезда Гроневальдов их семьи собрались в аэропорту, чтобы попрощаться. Слезы текли рекой, как будто их родственники прощались с ними навсегда. Прощание было настолько эмоциональным изматывающим, что Ханнели решила для себя, что, когда они приедут в гости, перед отъездом попрощаться будут дома, а не в аэропорту.

Семья из четырёх человек прилетела из Южной Африки в Дубай. Оттуда они должны были продолжать путь в Афганистан. Во время пересадки и ожидания в аэропорту Ханнели никак не могла уснуть, она испытала самый сильный страх, который когда-либо переживала в своей жизни. Казалось, будто невидимый демон впивался в её плоть своими клыками, чтобы высосать из неё жизнь.

Лёжа на жёстком полу в аэропорту и слушая бесконечный гул объявлений для пассажиров, Ханнели смотрела на Вернера, Жан-Пьера и маленькую Роде, и её охватил парализующий

страх: «Господи, что же мы делаем?» В эти мгновения страх неопределённости схватил её за горло и грозил задушить; она воззвала к Богу о помощи. Когда пришло время переходить к терминалу, она с трудом сглотнула комок в горле, собрала ручную кладь и села в самолёт.

Адаптация к жизни в Кабуле оказалась непростой задачей для Ханнели и её семьи. Непокойная, истерзанная войной страна на 99 % состояла из мусульман, передвигаться по всем районам Афганистана было небезопасно из-за постоянного риска похищения людей, подрыва на минах, взрывов, совершаемых смертниками, и нападений повстанцев. Лишь недавно было свергнуто правительство талибов, и боевики всё ещё продолжали орудовать в стране. Афганская полиция в большинстве своём состояла из малооплачиваемых необразованных мужчин, которые свои мизерные зарплаты часто дополняли взятками.

Засушливый климат и чрезвычайное загрязнение воздуха в Кабуле привели к тому, что пыль непрерывно рассеивалась по городу как мелкий порошок. Ханнели быстро усвоила, что вытирать пыль с мебели — пустая трата времени.

Директор некоммерческой организации, в которой работали Ханнели и Вернер, помог им сориентироваться в новом окружении. Но через пару недель они остались одни — директор уехал назад в Швейцарию, чтобы присутствовать при родах своего первого ребёнка. Жизнь была настолько тяжёлой, что Ханнели готова была собрать чемоданы и вернуться в Южную Африку.

Основным препятствием было общение, поэтому Гроневальды старались выучить язык дари как можно быстрее. Когда у них не хватало времени для формального обучения языку, они отменяли уроки и пытались освоить язык самостоятельно. Вскоре Ханнели узнала, что язык дари заимствует слова из многих

других языков и его изучение — это медленный процесс, требующий силы воли, выносливости и бесконечного повторения. Она сосредоточилась на изучении лексики — наиболее необходимых ей бытовых и медицинских фраз, которые помогут ей в ведении домашнего хозяйства и лечении пациентов.

Как для южноафриканской женщины, культурные афганские обычаи стали для Ханнели ещё большей проблемой. Афганистан — одна из самых опасных стран для женщин. Девочек обычно выдают замуж в возрасте двенадцати лет, часто за мужчин на десятки лет старше их самих. Исламские экстремисты настаивают на том, чтобы женщины и девочки сидели дома и выходили из дому лишь полностью покрытыми и в сопровождении родственника-мужчины.

Ханнели потребовалось четыре месяца, чтобы набраться смелости и самостоятельно выйти на улицу за хлебом. Она узнала, что в Афганистане покупатели в ожидании обслуживания не выстраиваются в очередь, а хаотично протискиваются к прилавку. Ханнели знала, что в переполненной пекарне мужчины, скорее всего, будут хватать её за попу или тискать её грудь.

Вернер и Жан-Пьер могли беспрепятственно носить западную одежду, где угодно, но Ханнели должна была покрывать одеждой всё тело от шеи до ступней. Афганские женщины должны были надевать паранджу²⁸, но Ханнели как иностранке можно было надевать лишь платок на голову. Больше всего она испытывала трудности с ношением платка, поскольку он мешал ей осматривать пациентов и работать с биологической жидкостью организма и кровью.

Ханнели была высокой блондинкой и выделялась среди афганских женщин. Нередко мужчины и молодые парни

²⁸ Паранджа (или бурка) — консервативная мусульманская одежда, которая надевается поверх одежды женщины и закрывает всё её тело и лицо. Сетчатый экран скрывает глаза женщины, но позволяет ей самой видеть.

приставали к иностранкам на улицах. Вскоре Ханнели узнала, что когда женщина на улице начинает шуметь, то все знают, что к ней прикоснулись непристойным образом. Если же она не поднимет шум, обидчик подумает, что она проститутка и продолжит свои действия. Ханнели как-то заговорила об этом в беседе с афганскими женщинами, но была удивлена, услышав, что они отрицают то, что она видела своими глазами: «Я знаю, что они тоже жертвы. Неужели они оправдывают мужчин?»

Ханнели не стала делиться своими страхами с мужем. У Вернера и без того была большая нагрузка на работе, и она не хотела усугублять его стресс. Поэтому, когда ей нужно было куда-то идти, она застёгивала своё просторное чёрное пальто, накидывала на голову большой шарф и быстро шла туда, куда ей было нужно, изо всех сил стараясь подавить свои пугающие мысли.

Ханнели обнаружила, что на улице молодые девушки тоже часто подвергаются нежелательному вниманию со стороны мужчин. Когда Ханнели брала с собой на улицу Роде, она прикрывала спину дочери, сжимая одну руку в кулак и держа сумочку наготове, чтобы ударить или дать пощёчину обидчику, что позволяло достичь двойной цели — публично пристыдить мужчину и одновременно защитить честь женщины.

Улицы Кабула были похожи на оживлённое, пыльное муравьиное гнездо. Работало всего несколько светофоров, и никто не соблюдал правила дорожного движения. Как только появлялся просвет на дороге, машины врывались в него, сталкиваясь и натывая друг на друга, что, конечно, способствовало образованию заторов.

В дополнение к хаосу на улицах города, Ханнели чувствовала себя некомфортно, посещая дома афганцев. Хотя она всегда старалась проявлять любовь Христа, у неё было ощущение, будто она там лишняя. Много раз соседи приглашали её в гости, а затем вручали ей буклеты об исламе и объясняли, что

нужно сделать, чтобы стать мусульманкой. Сначала Роде, хотя и неохотно, ходила с ней в гости, но и она почувствовала себя некомфортно и вскоре отказалась от посещений.

Иногда ночью Ханнели поднималась на крышу дома и наблюдала за соседними домами. Ей хотелось больше узнать об афганском народе и его повседневной жизни. Днём шторы в их домах обычно были плотно задёрнуты, не позволяя солнечному свету и свежему воздуху проникать в затхлую атмосферу дома. Но когда шторы открывали, Ханнели могла заглянуть одним глазком в афганские дома. Она видела, что большая родня живёт вместе, и если дома небольшие, то такое устройство жизни приводит к ссорам между многочисленными родственниками и жёнами. Женщины редко выходили из дома; мужчины часто проводили время на открытых пустых верандах, неподвижно сидя на корточках и подолгу глядя в никуда.

Для Ханнели афганский образ жизни казался пустым, как будто мужчины ещё не поняли, насколько всё было бы по-другому, если бы они вместе с жёнами и детьми наслаждались прохладой тенистых деревьев. Вместо этого женщины — душа каждой семьи — сидели дома безгласные и бесправные. Они были заперты в доме, были обязаны рожать детей, воспитывать их и заниматься домашними делами.

Со временем Гроневальды вошли в привычный ритм жизни. Каждое утро в семь часов они собирались и наслаждались чашечкой кофе, хлопьями с молоком и семейными молитвами. К 8 часам Вернер уже был в офисе, а Ханнели готовилась к урокам с шестилетним Жан-Пьером и четырёхлетней Роде. Наконец Роде приняли в детский сад, а её старший брат учился дома и прошёл первый и второй классы за один год. В конце концов оба ребёнка поступили в местную международную школу.

Каждый день Вернер обучал афганцев науке развитию сообществ, сельскохозяйственным навыкам и английскому языку. Все учебные материалы приходилось переводить на

языки пушту и дари. Восемь сотрудников — от уборщицы до сторожа — были афганцами и каждый день обедали вместе с Ханнели, Вернером и их детьми. Ханнели и Вернер общались с ними как с членами одной большой семьи, что было неслыханно в афганской культуре из-за классовых предрассудков и разделения полов. Прошло несколько месяцев, прежде чем уборщица почувствовала себя достаточно комфортно, чтобы сидеть и есть вместе с ними за одним столом.

Несколько дней в неделю Ханнели работала врачом в местной медицинской клинике, а в те дни, когда была дома, помогала детям с уроками и лечила пациентов в подвальном помещении своего дома. Вместе с Вернером они также посещали южноафриканских заключённых в тюрьме Пули-Чархи, что на востоке Кабула, печально известной суровыми пытками и казнями. Чтобы завоевать расположение тюремных охранников, Ханнели давала им медицинские консультации и при необходимости выписывала рецепты.

В процессе служения народу Афганистана Ханнели вскоре испытала изменения в своём собственном сердце. В первые трудные месяцы адаптации она увидела, как Господь помогает ей и открывает ей Свой характер. Библейские обетования обрели новый смысл для Ханнели и вытащили её из тёмного колодца, в котором она находилась. Бог показал ей, что Он действительно есть любовь и что Он заботится о тех, кто искренне ищет Его.

Ханнели всегда любила музыку и мечтала о том, чтобы начать играть на музыкальном инструменте. Постепенно она освоила игру на гитаре и начала испытывать удивительное спокойствие, поклоняясь Господу. Если раньше она жила только для себя и своей семьи, то теперь Ханнели протянула руку помощи некоторым из самых бедных людей на земле. Чувство радости и удовлетворения, которые она обретала в новом труде, поднимало её над трудными обстоятельствами. Она почувствовала, что сможет принять эту новую жизнь.

Через девять лет после их переезда в Кабул пастор церкви из Южной Африки приехал на короткое время в Кабул, чтобы сообщить плохие новости: большая церковь, к которой принадлежали Вернер и Ханнели, сократит их финансовую поддержку почти наполовину. Экономика Южной Африки переживала спад, и в церкви были финансовые трудности. Вскоре после этого Вернер и Ханнели узнали, что несколько их спонсоров больше также не смогут им оказывать финансовую поддержку.

Пройдёт ещё девять долгих месяцев, прежде чем Гроневадьды смогут поехать в Южную Африку и собрать себе поддержку, поэтому они тщательно всё посчитали и поняли, что им придётся значительно сократить свои расходы. Они забрали Жан-Пьера из частной школы, в которой он учился. Сын был подавлен — ему очень нравилось общение в школе, и он имел прекрасные отношения с одноклассниками. Он был горд тем, что входил в состав ученического совета, числился в списке отличников и усердно занимался спортом. Жан-Пьеру трудно давался переход к домашнему обучению, его охватило чувство одиночества и депрессия.

К следующему году финансовое положение семьи ещё больше ухудшилось, и Вернер предложил переехать в квартиру, которая располагалась над его офисом, всего в нескольких кварталах от их дома. Предложение расстроило Ханнели. Во дворе просторного дома, где они жили, росли фруктовые деревья, виноград и прекрасные розы.

Ханнели варила варенье и делала конфеты из обилия слив и абрикос, ей нравилось дарить их соседям и сотрудникам. На переднем дворе у них был пластиковый бассейн, где семья могла охладиться летом, на заднем дворе была широкая веранда, и им нравилось принимать там гостей, угощая их традиционным южноафриканским барбекю. Семья была здесь счастливой, и ей не хотелось отсюда уезжать.

Она попыталась представить свою семью в маленькой квартире. Крошечная кухня и само здание было непригодным

для приёма гостей. У детей не будет свободы передвижения, и афганцы — рабочие — постоянно будут рядом. Перспектива переезда выглядела неприглядной, но Ханнели понимала, что таким образом они смогут сэкономить на аренде, коммунальных услугах и зарплате двух охранников.

Друзья и коллеги предупреждали Вернера и Ханнели об опасности совмещения офиса и дома в одном здании. В случае нападения они остались бы незащищёнными, но Гроневальды знали, что у них нет другого выхода. Ханнели вспомнила, как они готовились к отъезду из Южной Африки в Афганистан, как аннулировали полисы страхования жизни и как их поразила суровая реальность выбранного ими нового дома. На протяжении многих лет правительство ЮАР давало понять, что не готово помочь ни одному гражданину, попавшему в беду за границей. Ханнели и Вернер понимали, что если с ними что-то случится, то они как семья будут предоставлены сами себе.

Жизнь в Афганистане всегда была опасной, и Бог всегда был с ними. Ханнели верила, что их жизнь после переезда в эту квартиру ничем не будет отличаться от прежней.

ШАНХАЙ, КИТАЙ

ОКТАБРЬ 2014 ГОДА

Летом Вернера пригласили выступить в Китае на специальном саммите для сотрудников гуманитарных организаций. Сотрудники Гроневальдов часто ездили в другие страны, чтобы принять участие во вдохновляющих конференциях, но они сами никогда их не посещали. По мере приближения даты поездки Ханнели поняла, что Вернер хочет принять участие в мероприятии, но не хочет ехать без семьи, поэтому они

запланировали поехать в Китай все вместе. Это будет хорошая возможность провести время вместе вдали от стресса, связанного с жизнью в Кабуле, тем более что запланированный ими отпуск в июне не состоялся. Кроме того, такой отдых был необходим для детей перед школьными экзаменами.

И вот Ханнели вместе с сыном и дочерью сидит в зале и ждёт, когда её муж выйдет на сцену. В течение предыдущих десяти дней семья путешествовала по Китаю, они побывали на Великой китайской стене, на площади Тяньаньмэнь, а также попробовали местную уличную еду — незнакомые блюда, которые они с энтузиазмом исследовали.

Ханнели наблюдала, как её муж подошёл к трибуне, окинул взглядом собравшуюся аудиторию и начал проповедовать. Она почувствовала вдохновение, слушая его проповедь «Цена следования за Христом». Услышанное напомнило ей о том, что нельзя упускать из виду ту самую причину, по которой они были призваны переносить трудности и боль в служении. Они служили в Кабуле более десяти лет, и их труд редко был лёгким.

Вскоре проповедь Вернера подошла к концу, и Ханнели, соглашаясь, кивнула, когда её муж произнёс последние слова своей проповеди:

— Мы умираем только один раз. Умереть можно и за Христа.

Вернер призвал своих слушателей узнать цену следования за Иисусом, и ровно через месяц Ханнели поймёт, насколько высокой окажется эта цена.

УТРО НАПАДЕНИЯ

В субботу Ханнели проснулась в 7 утра, к этому времени Вернер уже давно не спал. Обычно он просыпался рано утром в 5:30 и проводил тихое время с Господом, пока все домашние

спали. Иногда он поднимался на крышу дома и наблюдал восход солнца над прекрасными горами, обрамляющими город.

Но именно в эту субботу Вернер встал ещё раньше, около 4:30 утра. На прошлой неделе он меньше спал, меньше общался и больше работал. С тех пор, как он вернулся с конференции в Китае, он казался замкнутым и сосредоточенным на работе, которую ему нужно было закончить до отъезда семьи в отпуск в Южную Африку, запланированный на 12 декабря.

Ханнели оделась и тихо спустилась вниз, стараясь не разбудить детей. Она собиралась провести субботу в клинике и задавалась вопросом, будет ли атака, о которой их предупредили.

В течение нескольких недель район, где жили Гроневальды, сотрясали взрывы. Безопасность в Кабуле ухудшалась по мере того, как талибы укрепляли свои позиции, особенно после инаугурации нового президента Исламской Республики Афганистан.

В двух случаях автомобиль едва не пострадал от разрушительных взрывов, когда водитель Ханнели вёз её в клинику. Ханнели понимала, что Бог защитил её.

Незадолго до 8:00 Вернер попрощался с женой и пошёл в офис. Начали сходитьсь афганские сотрудники. Ханнели уехала на работу, не подозревая, что в последний раз видела своего мужа живым.

Несколько часов спустя

Солнце начало садиться, Ханнели опять посмотрела на окна своей квартиры. Никто не включал вечерние фонари. Её охватило непреодолимое желание прорваться через полицейские баррикады и силой пройти через ворота. Переживая за мужа и детей, она села возле здания и беспрерывно молилась о безопасности для своей семьи и всех, находящихся в здании.

Ханнели: Уцелевшая

В 17:45, сразу после захода солнца, тишину разорвали выстрелы, за которыми последовал взрыв, сотрясший землю.

Поняв, что шум доносится изнутри здания, Ханнели разрыдалась. Зеваки, находящиеся на улице, бросились в укрытие, но Ханнели не двинулась с места, пока полицейские не увели её с места происшествия в соседский дом, расположенный через два дома от её собственного.

Стрельба и взрывы раздавались в течение следующего часа, дребезжали окна соседского дома. Наконец афганская полиция выпустила два реактивных снаряда по квартире на верхнем этаже, по квартире, где жила Ханнели с семьёй. Взрыв привёл к возгоранию, и здание горело в течение получаса. Никогда раньше Ханнели не ощущала такого оцепенения и беспомощности. Она написала нескольким своим друзьям, отчаянно умоляя их молиться.

В темноте она смотрела на светящийся экран своего смартфона. В перерывах между сообщениями и звонками от обеспокоенных близких она искала утешение в чтении Слова Божьего в приложении на своём телефоне. Снова и снова Ханнели перечитывала 90-й Псалом, повторяя написанные там слова и веря, что с её семьёй всё в порядке. Ханнели повторяла стихи из псалма, веря, что каким-то образом с её семьёй всё будет хорошо. *«Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится, говорит Господу: «прибежище моё и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!» Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы, перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен; щит и ограждение — истина Его. Не убоишься ужасов в ночи...»*

Ханнели напоминала себе слова из Псалма 90: *«Ибо ты сказал: «Господь — упование мое»; Всевышнего избрал ты прибежищем твоим; не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему; ибо Ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих...»*

Пламенные сердца 2

Вскоре она успокоилась. Она всем сердцем верила, что её семья жива и здорова, что они просто прячутся и что она увидит их через час-другой. Это всего лишь ужасный кошмар, который скоро закончится.

Но в глубине её сознания затаился страх: «Что, если с ними не всё в порядке?»

В 19:30 подруга, следившая за новостями, сообщила Ханнели, что атаку отбили и шестерых заложников освободили неповреждёнными. Среди них — один мальчик. Ханнели вздохнула с облегчением: «Это точно Жан-Пьер!» Он единственный мальчик в доме.

Через несколько минут после того, как Ханнели почувствовала огромное облегчение от сообщения, что её сын в безопасности, к ней подошёл высокопоставленный офицер полиции с коллегой, чтобы задать, казалось, бесконечный список вопросов: что Гроневальды делали в Афганистане? На кого они работали? Сколько у них сотрудников? Какими проектами занимались?

Ханнели ответила на каждый вопрос, будучи уверена, что её сотрудничество поможет получить информацию о состоянии её семьи, но офицеры отказались сказать ей что-либо. Но всё же она верила, что Жан-Пьер теперь в безопасности, и надеялась, что Вернер и Роде наверняка с ним.

Офицеры ушли, и телефон Ханнели зазвонил ещё раз. Двое её друзей и сотрудников — Джеймс и Рон — спросили, могут ли они приехать за ней. Но когда они приехали, она заметила, что они оба выглядели мрачными.

Все трое нашли стулья и сели. Джеймс прочистил горло и сжал руки, пытаясь передать ужасную новость, которую они получили. Наконец он нерешительно заговорил.

— Ханнели, — сказал он, — это будет самая длинная ночь в твоей жизни.

Ханнели оглянулась в замешательстве.

— Почему? Кто из них пострадал?

Глаза Джеймса наполнились слезами.

— Ханнели, — сказал он, — все трое убиты. — Тыльной стороной ладони он вытер слёзы. — Мне очень жаль.

Ханнели смотрела на него и не верила: «Это неправда!» Было ощущение, как будто кто-то сильно ударил её в живот. Разве она только что не узнала, что Жан-Пьер освобождён? В груди было ощущение, как будто она задыхалась под тяжестью огромного валуна. Наконец она кивнула, но всё кружилось в голове.

«Господь, а как же обещания защиты, данные в 90-м Псалме? Я верила, что с ними ничего плохого не случится!.. Я верила, что Ты с ними, чтобы защитить их!.. Господь, Ты где был? Где ты сейчас?..»

Талибы сразу же взяли на себя полную ответственность за нападение на дом Гроневадьдов. Представитель «Талибана» объяснил, что они выбрали конкретное здание, потому что оно было «центром миссионерской деятельности». Зная, что её семья за границей скоро услышит ужасные новости, Ханнели сделала несколько самых тяжёлых звонков в своей жизни, которые лишили её остатка сил.

Ту ночь Ханнели провела в доме Джеймса и его жены Лорен. Большую часть ночи она провела в борьбе с Богом. На протяжении всей ночи на неё волнами накатывала сильная тошнота, и, склонив голову над унитазом, чтобы вырвать желчью, она могла отождествить себя с мучениями Иисуса на кресте: *«Боже мой, Боже мой, почему Ты оставил меня?»*

Ханнели хотела просто дать волю своим эмоциям. Если бы она смогла плакать, может быть, ей стало бы легче. Но она не могла. Она пыталась думать о своей семье, вспомнить

Вернера, Жан-Пьера и Роде такими, какими они были вчера, но, когда она пыталась вспомнить их лица, у неё нарастала тревога.

Ханнели была убеждена, что Бог оставил её, должно быть, она сделала что-то ужасно плохое, чтобы так разгневать Его. В какой-то момент она даже усомнилась в том, что Бог вообще существует: «Может быть, Он просто иллюзия?» Но каждый раз, когда эта мысль приходила ей в голову, она отгоняла её. Даже в этой невыразимо трагической ситуации Ханнели знала, что сатана пытается посеять семена разрушения в её уязвимом сердце.

Ещё одна мысль терзала её разум. «Господь, я тоже должна была там быть! — плакала она. — Я должна была умереть вместе с ними! Почему меня там не было? По субботам я всегда дома. Почему Ты не позволил мне умереть вместе с семьёй?» Усталость нависала над ней, как тяжёлое одеяло, но сон отказывался приходить.

На следующее утро коллеги Ханнели собрались, чтобы обсудить, что делать дальше в этой ситуации. Ей нужно было покинуть страну быстро и безопасно, но её паспорт и виза были уничтожены в огне, а ближайшее посольство ЮАР находилось в Пакистане. Она оказалось во власти афганского правительства.

После бесчисленных звонков Ханнели и её семьи в Министерство иностранных дел ЮАР и в посольство ЮАР в Пакистане произошло чудо. В течение многих лет правительство Южной Африки давало понять, что не готово помогать гражданам ЮАР, попавшим в беду за границей, но теперь посольство согласилось помочь, и ей выдали новые проездные документы. Сотрудником посольства была добрая африканская женщина, которую глубоко тронула ситуация Ханнели. Позже она призналась, что история Ханнели побудила её больше узнать об Иисусе.

В последующие дни слова соболезнования начали приходить со всего мира. Люди были опечалены, разгневаны и возмущены. В смартфонах распространялись сообщения о молитвенных цепочках, христиане создавали страницы в социальных сетях, посвящённые молитве за Ханнели.

Но не все общественные протесты были поддерживающими для семьи. Южноафриканская общественность критиковала послушание Гроневальдов Божьему призыву, потому что решение супругов жить в Кабуле казалось им неразумным. Их семью высмеивали, особенно Вернера, СМИ публиковали бессердечные высказывания: «Нельзя везти семью в зону боевых действий, — заявляли они. — Это безответственно. Они это заслужили, они получили то, что искали, и у нас нет к ним сочувствия».

Эти слова глубоко ранили Ханнели, но не поколебали её уверенности в призвании её семьи: «Действительно ли эти люди понимают, что каждый человек создан для выполнения особой жизненной цели во славу Божию?» Ханнели поняла, сколько ещё людей блуждают в темноте, не осознавая истинного состояния своего духовного здоровья, и она убедилась в том, что критика — это способ преследования последователей Иисуса. Это цена послушания.

Настал день, когда Ханнели могла пойти в то место, которое когда-то было её домом и офисом семьи. Во дворе её ожидал полный хаос. Повсюду валялось битое стекло, поломанная мебель и бытовая техника.

Войдя внутрь, ей пришлось карабкаться через груды строительного мусора. Станный химический запах, смешанный с дымом, висел в воздухе и обжигал ноздри Ханнели. Её взгляд упал на разбросанную в прихожей обувь, и она увидела один из пары синих кроссовок Роде, которые она купила ей несколькими неделями раньше в Китае. В прихожей столы и стулья валялись вверх дном, а на посечённых осколками стенах были

видны пулевые отверстия. Ханнели узнала, что два террориста-смертника взорвали себя в доме во время нападения. Она оглянулась и поняла, что, должно быть, всё случилось именно здесь. В комнате сына Ханнели увидела ещё больше пулевых отверстий и тёмные пятна крови.

Ханнели искала, что бы можно было взять и сохранить на память, что-нибудь ценное для неё, но всё, что могла найти, — это копия паспорта Вернера, несколько медикаментов и открытку ко Дню матери от Жан-Пьера. С колотящимся сердцем она запихнула скудную находку в сумку: «И это всё, что я могу сохранить? После почти двенадцати лет в Афганистане?» Ошеломляющая реальность поразила Ханнели: время её пребывания в Кабуле пришло к концу.

В последние дни пребывания Ханнели в Афганистане ей сообщили, что нападавшими, скорее всего, были террористы, приезжавшие к Вернеру на обучение. В течение четырёх недель по выходным несколько мужчин из Джелалабада — города фундаменталистов в восточной части Афганистана — приезжали к Вернеру на обучение. Они выдавали себя за друзей и братьев во Христе.

Эти мужчины бывали в доме Ханнели, ели за её столом и наблюдали за каждым шагом семьи. Убийцы запомнили планировку дома и офиса и тайно составили план действий. Они точно знали распорядок дня семьи. Им дали чёткую инструкцию уничтожить семью — помеху, которая вызывает слишком много проблем в мусульманских кругах и способствует приближению нежелательной духовной революции.

Ханнели как раз заканчивала последние сборы перед отъездом из страны, как её вызвали для опознания тел Вернера, Жан-Пьера и Роде на военной базе Международных сил содействия

безопасности недалеко от международного аэропорта Кабула. База была единственным местом в Кабуле, имеющем холодильное оборудование, где можно было сохранить тела.

Сердце Ханнели колотилось, отдаваясь в горле и в висках. Джеймс и Рон, друзья, которые сообщили ей ужасную новость той ночью, молча стояли позади неё в знак поддержки. Она не была готова к тому, что последует в следующие полчаса. «Может ли кто-то быть к этому готов?» Присутствие её друзей — просто их присутствие — воодушевляло её, вознося к Божьему престолу любви, благодати и силы.

Сотрудник открыл холодильную камеру, переложил тело на каталку из нержавеющей стали и подтолкнул к Ханнели. Её глаза с тревогой устремились на молнию. Когда служащий растегнул молнию мешка, открыв лицо Вернера, Ханнели охватили эмоции, и она изо всех сил боролась со слезами, пытаясь их удержать. Она ненавидела истерику и пообещала себе держать себя в руках, что бы ни случилось.

Ханнели молча смотрела на лицо Вернера, глотая душиющие её слёзы. Он выглядел так, как будто мирно спал, на лице никакого признака беспокойства. Внезапно её медицинская подготовка взяла верх, сила Духа Святого наполнила её, и она попросила пару перчаток. Она обследовала тело Вернера, чтобы собственными пальцами ощутить, в какое место ему стреляли. Ханнели стало понятно, что нападавшие не целились в жизненно важные органы в груди, а стреляли в нижнюю часть тела и ноги. Как будто хотели, чтобы он страдал, слыша, как убивают его детей.

Следующим было тело Жан-Пьера, затем Роде. Ханнели изучала тела своих детей, пытаясь определить, что с ними происходило перед смертью. На лице её сына запеклась густая, черная кровь, и всё его тело, включая грудь, было прострелено пулями. То, что она увидела, не было похоже на её сына. От шока у неё перехватило дыхание, а сердце пропустило

несколько ударов, когда ей показалось, что его смерть была тяжёлой. Она обследовала его грудь и обнаружила, что её сын захлебнулся в собственной крови.

Осматривая маленькое, хрупкое тело Роде, Ханнели была поражена, найдя сухие листья в её красивых длинных волнистых волосах. «Она была на улице? Где её нашли?» — Ханнели задавалась вопросами. Похоже, что она умерла, как и её брат — задохнувшись и захлебнувшись в собственной крови. На её лице были следы предсмертных мучений.

Ханнели всё ещё не могла плакать. Она глубоко спрятала свою боль, где никто не мог её видеть.

Через несколько дней она с подружкой Кейт поехали в Департамент судебно-медицинской экспертизы, чтобы в последнем акте любви помочь подготовить истерзанные тела к транспортировке в Южную Африку. В процессе она услышала разговор на дари афганских мужчин, назначенных для оказания помощи. Они были поражены тем, что Ханнели нашла в себе силы прийти и помочь в подготовке к транспортировке тел членов своей семьи.

Ханнели подняла на них глаза.

— Они действительно были членами моей семьи, — сказала она, — и я простила талибов, которые с ними так поступили.

«Простила?» Мужчины были удивлены. В исламе идея прощения ничего не значила, в сравнении с принципом «око за око и зуб за зуб». Прощение не распространяется на того, кто причинил вред человеку.

Ханнели больше ничего не сказала мужчинам и повернулась к Кейт.

— Кейт, ты видишь, что жизнь иностранцев здесь ничего не стоит? Они не хотят нас видеть в своей стране, даже если мы находимся здесь, чтобы им помочь. Ты готова к тому, что можешь умереть сегодня вечером? Ты знаешь, где будешь проводить вечность? У тебя правильные отношения с Богом?

Кейт покачала головой.

— Нет, — признала она, — я не буду проводить вечность на небесах. Я сделала очень много плохого в своей жизни, нет искупления за то, что я сделала.

— Кейт, — сказала Ханнели, — это неправда. В день, когда Иисус был распят, Он сказал разбойнику, который висел рядом с Ним на кресте, что он в тот же день будет с Ним в раю, потому что разбойник поверил в то, что Иисус искупит его. Вера — это всё, что нужно для вечной жизни. Иисус всё сделал на кресте для того, чтобы спасти нас. Всё, что тебе нужно сделать, — поверить в Него и принять дар вечного искупления.

Из всей лавины эмоций, которые переживала Ханнели, она была поражена этой замечательной возможностью поделиться вестью о жертве Христа ради человечества. Никакой грех не может быть слишком тяжким, чтобы Христос не мог его простить. И в этот самый момент, когда Ханнели говорила о прощении, процесс исцеления невольно начал происходить в её собственном сердце.

Через шесть дней после того, как её семья была убита, Ханнели нашла онлайн-блог, который Жан-Пьер начал вести всего за два месяца до своей смерти.

В своём третьем и последнем посте он написал слова, которые успокоили сердце Ханнели:

«В целом я люблю эту страну. Мне нравится жизнь, которой я живу. Я бы ничего не менял, даже если бы и мог. Я возрос в себе и в Боге. Трудности временны, а Бог всегда рядом и постоянно благословляет нас».

Вскоре после этого одна англичанка рассказала Ханнели о видении, которое она получила через несколько дней после нападения. Она видела, как Вернер, Жан-Пьер и Роде стояли с Иисусом и смотрели, как Ханнели справляется с ситуацией, в которой оказалась. Они не были грустными, поскольку знали, что их ждёт впереди. Они с восторгом поддерживали её: «Давай, мама! Ну же, Ханнели! Мы ждём тебя! У тебя там ещё много дел, но скоро придёт твой черёд! Продолжай! Беги дальше! Скоро ты будешь с нами, а здесь — изумительно!»

Это видение утешило Ханнели, и со временем оно становилось для неё всё более ярким и реальным. Оно мотивировало её неустанно сосредоточиваться на финишной черте, бежать с факелом «жизни через Христа», высоко поднятым в руке. Ханнели бежала к Иисусу и к своей семье. Даже в горе её целью было не сдаваться. Она будет живым свидетелем Божьей любви, заботы, защиты и верности. Она найдёт смысл в том, почему её жизнь была спасена, и она будет жить этой целью во славу Божью.

В течение нескольких месяцев после убийства её семьи Ханнели не была уверена, что Бог на самом деле ожидает от неё: «Продолжать ли мне работу международного социального работника или нужно оставаться в Южной Африке и начать новую жизнь?» Было так много возможностей, так много советов, но она не чувствовала чёткого направления.

Но вскоре Ханнели стало ясно одно: она должна поделиться своей историей. До нападения она избегала публичных выступлений и с радостью предоставляла Вернеру эту возможность. Но теперь она выступала с уверенностью и рвением.

— Самая большая задача для меня, — сказала Ханнели, — это не только быть готовой умереть за Иисуса, но и продолжать жить для Него, быть таким Его посланником в мире, чтобы Он гордился мной.

Я совершенно не понимаю, как на самом деле всё устроено в жизни, как всё устроено в духовной сфере, почему Бог позволяет одно и не позволяет другое. Я не знаю, почему Он благословляет некоторых людей в то время, как другие страдают. Я не знаю, почему Он защищает некоторых, когда других убивают.

Всё, что я могу сказать, — это то, что Бог берёт каждого из нас в индивидуальное путешествие с Ним, чтобы достичь Своих целей в нас и через нас. Моё путешествие заставляет меня стоять на коленях и молчать у Его ног, в то время как Его голос звучит у меня в ушах: «Остановитесь и познайте, что Я — Бог».

Через шесть месяцев после смерти мужа, сына и дочери Ханнели размышляла об этой огромной потере.

— Я не была готова потерять мужа и детей в результате одного нападения, — сказала она. — Да и может ли кто-нибудь быть готов? Я знала, что что-то может случиться, но только после того, как это случилось, я поняла, что Бог дал мне Свою благодать, чтобы перенести это.

Сравнивая получение Божьей благодати с посадочным талоном, который имеет путешественник, она сказала:

— Мы получаем посадочный талон непосредственно перед посадкой в самолёт, а не за неделю до этого. Так и в этом случае.

Затем Ханнели сказала то, что продемонстрировало, как глубоко Господь формировал её взгляд на смысл смерти её семьи.

— Я так рада, что Вернер, Жан-Пьер и Роде были избраны умереть как мученики за Христа. Какая замечательная честь! Как семья, мы жили для Христа. Они умерли за Христа.

С человеческой точки зрения — это не имеет смысла. С перспективы вечности — это было приобретение, и Бог будет

Пламенные сердца 2

прославлен в этом. Сатана пытался украсть их жизни и мою радость, он убил мою семью. Его имя — убийца и вор.

Но он забыл, что последнее слово всегда за Богом. Кровь, пролитая моей семьёй и двумя афганскими братьями, погибшими во время этого нападения, была не напрасной. Она принесёт большой урожай афганцев, которые придут в Божье Царство.

В этом я абсолютно уверена.

Эпилог

Ханнели вернулась в родную Южную Африку, чтобы похоронить свою семью и оплакать их. Впоследствии она написала книгу о пережитом. Она снова вышла замуж и продолжала путешествовать и выступать в Южной Африке и за рубежом, пока коронавирус не остановил её поездки. Сейчас она работает полный рабочий день в медицинской сфере и по-прежнему делится своей историей и верой с проблемными пациентами, сталкивающимися с трудностями.

Из первых уст **Мария**

Мария и её муж — сотрудники «Голоса мучеников», работающие на Кубе, распространяя там Божье Царство. За годы их служения в этой коммунистической стране их несколько раз задерживали и допрашивали.

Когда мне было около 13 лет, мой отец нёс служение пастора в кубинском городе Ольгин. Нам удалось раздобыть

несколько книг «Пытаемы за Христа». Эта книга была запрещённой в нашей стране. Один из руководителей церкви получил информацию, что государственные чиновники приедут к нам с обыском, поэтому мы сожгли эти книги и убрали пепел, чтобы при обыске чиновники ничего не могли найти.

Если бы они нашли эти книги у моего отца, его посадили бы в тюрьму. Мы даже не успели понять, почему эта книга настолько опасна. Мы не успели её прочитать. Когда я стала старше, то прочитала её. Пастор Вурмбранд так много страдал, намного больше, чем мы. Благодаря этой книге я поняла, что готова умереть за принятие Евангелия. Это того стоит.

Когда мы сталкивались с трудностями, я чувствовала силу молитвы. Был период в моей жизни, когда я боялась. Во время допросов, когда меня допрашивали кубинские чиновники, я дрожала от задаваемых мне вопросов. Мне казалось, что я не могу дышать. Но однажды я начала молиться: «Боже, послушай, Ты избрал меня на этот труд. Ты должен избавить меня от этого страха». Бог провёл Свою работу во мне, и я больше не боюсь. Я даже не знаю, как это произошло. Раньше я боялась летать на самолётах, теперь я избавлена от этого страха.

Сейчас, когда я собираюсь на Кубу, моя семья не хочет, чтобы я тудаехала.

— Ты не боишься? — спрашивают меня.

— Нет, что они могут сделать мне? Если они посадят меня в тюрьму, ну и хорошо, тогда я буду известна тем, что нахожусь в заключении за Христа, как и апостолы. Я знаю, как они умерли, — отвечаю им я. — Так что я продолжаю ездить туда и, хотя я знаю, что представители кубинской власти следят за мной, они мне никогда ничего не говорят. И страх ушёл.

Вы можете прослушать интервью с Марией и её мужем Педро, посетив сайт vomradio.net/maria.

Хелен Берхан

«Почему мы не поём?»

ТЮРЬМА МАЙ СЕРВА БЛИЗ АСМЭРЫ,
ЭРИТРЕЯ, 2003 ГОД

Худые запястья Хелен Берхан болели от того, что большую часть предыдущего дня её руки были связаны за спиной.

— Почему тебе так трудно это сделать, Хелен? — спросил следователь, разочарованно покачав головой. Она слышала раздражение в его голосе.

— Всё, чего я хочу, — чтобы ты перестала петь, — сказал он.

Он взял одинарный лист бумаги и протянул его через стол Хелен. Привлекая её взгляд, он постучал ручкой по документу.

— Прочитай, Хелен, — сказал он.

Она просмотрела документ. Там говорилось, что она перестанет исповедовать свою новую веру, перестанет петь, проповедовать и распространять Евангелие. Когда она дочитала до конца страницы, её взгляд остановился на месте, где должна быть её подпись.

— Я не подпишу, — смело заявила двадцатидевятилетняя девушка, глядя в глаза следователю. Хелен знала, насколько рискованно отказываться подписывать такие бумаги. Скорее всего, она проведёт годы в тюрьме, возможно, даже умрёт там. Но даже в этом случае она никогда не отречётся от своих отношений с Иисусом Христом.

Следователь попытался ещё раз.

Пламенные сердца 2

— Всё, что тебе нужно сделать, — это перестать быть христианкой, и мы тебя отпустим. Просто скажи слово, — настаивал он, — и мы поверим тебе.

Хелен ничего не ответила. Мужчина вздохнул.

— Уведите её в камеру, пусть соберёт свои вещи, — сказал он ожидающему охраннику.

Хелен не собирались отпускать.

Хелен выросла в Асмэре, столице восточноафриканской страны Эритреи. В детстве она любила петь. Её мать работала медсестрой, а отец — медбратом в крупной местной больнице, семья посещала православную церковь, которая находилась рядом с домом. К восьми годам Хелен уже знала Писание и осознавала себя христианкой.

Когда родилась младшая сестра Хелен, отец построил большой дом для своей растущей семьи в другом конце города. В новой церкви Хелен помогли развить её талант к пению, и девочка начала писать песни хвалы и исполнять их на служении. В четырнадцать лет Хелен приняла крещение и решила посвятить свою жизнь служению Богу.

Музыка и дальше играла важную роль в жизни Хелен, она использовала свой певческий талант как неотъемлемую часть своего евангельского служения. Она много времени уделяла заботе о больных соседях, ухаживая за ними у них дома, особенно уделяя внимание тем, кто раньше обращался за исцелением к колдунам. Когда она видела явные признаки обращения к колдунам — текст молитвы или проклятия, завёрнутый в клочок кожи и повязанный на шею больного, Хелен делилась Евангелием и молилась за таких. Часто после её молитвы эти мужчины и женщины отказывались от средств знахаря. Хелен знала, что

Бог использует её могущественным образом для совершения Своей работы.

Сразу после своего шестнадцатого дня рождения Хелен вернулась домой из школы, горя желанием закончить написание песни для исполнения в церкви на этой неделе. Но, прежде чем она добралась до своей спальни, горничная семьи, Рут, остановила её, сообщив:

— Хелен, твоя мама хочет тебя видеть.

Хелен застала маму за приготовлением ужина на кухне.

— Мы устроили тебе каникулы, — сказала мама. — Ты едешь в Эфиопию, в Аддис-Абебу.

Мама сообщила, что Хелен остановится там у друзей семьи.

«Аддис-Абеба!» — взволнованно подумала Хелен. Она никогда не уезжала далеко от своего дома, а теперь у неё будет возможность познакомиться с новыми людьми в новом городе. Хелен поспешила к себе в комнату, чтобы начать собираться. Но, выходя из кухни, она заметила на лице у матери промелькнувшую тень тревоги.

Пришёл день отъезда Хелен, родители проводили её до двери.

— Надеюсь, ты хорошо проведёшь время, — сказала мать, поглаживая волосы дочери и смущённо улыбаясь. Хелен поймала короткий взгляд, которым обменялись родители. — Ты встретишься с кем-то, кто очень важен для нашей семьи, — продолжила мать, — и кто также будет очень важен для тебя.

Затем она объяснила Хелен истинную цель её поездки — выйти замуж за мужчину на двадцать лет старше её.

По дороге в Аддис-Абебу Хелен размышляла о договорном браке. Она знала, что в их культуре не было чем-то необычным, когда родители заключают браки для своих детей, поскольку это не было редкостью в Эритрее. В её культуре связи между семьями имели большое значение. Мужчина, за которого она должна была выйти замуж, был важным другом семьи Хелен,

и этот брак ещё больше укрепил бы связи между двумя семьями. Кроме того, Хелен хотела чтить своих родителей, считаясь с их желаниями.

Вскоре после её приезда в новую страну, когда она только начала привыкать к мысли о договорном браке, как неожиданно приехали родители Хелен. Конечно, девушка была рада их видеть, но что заставило их приехать, ведь она предполагала, что скоро вернётся домой. Но всё оказалось не так. Они приехали на свадьбу. Это произойдёт раньше, чем думала Хелен, и она не вернётся в Асмэру.

Хелен проглотила свой страх и приготовилась к замужеству. «Жаль, что я не смогла попрощаться со школьными друзьями», — подумала она.

В возрасте шестнадцати лет Хелен вышла замуж за тридцатилетнего мужчину, которого едва знала, и начала свою семейную жизнь в Эфиопии. Её муж не был христианином, и брак не был счастливым. У супругов было мало общего. Спустя год они переехали в родной город Хелен — в Асмэру.

Через несколько лет Хелен родила дочь Еву. Когда Еве было шесть месяцев, муж уехал в Швецию, где он жил, ещё будучи неженатым. Поначалу это не беспокоило Хелен. Но когда его поездки участились, а его пребывание дома сократилось, Хелен поняла, что есть проблема. В свой последний приезд домой он вручил отцу Хелен конверт с документами о разводе. Он начал бракоразводный процесс, и в итоге брак был расторгнут.

Хелен была раздавлена. Она воспринимала брак как священный союз в глазах Бога, теперь её брак распался. Но это был не её выбор. Хотя Хелен и знала, что её муж, как и она, женились по обязательству и они оба были несчастливы, но

она не жалела об их отношениях, результатом которых была её любимая дочь.

Когда бракоразводный процесс был завершён, муж Хелен выделил некоторую сумму на содержание её и Евы. Почти сразу же Хелен решила, что сделать с полученными деньгами. Она купила салон красоты в богатой части города Асмэра, где могла помогать другим и делиться своей верой.

Но жизнь разведённой женщины была нелёгкой; развод, как правило, не приветствуется в её культуре. Хелен не принимала решения выйти замуж, и она не принимала решения развестись; тем не менее её всё равно обвиняли.

— О, смотрите, — шептались женщины в церкви. — Вот идёт разведённая. Что она здесь делает?

Хелен старалась объяснить свою ситуацию членам церкви, но они всё равно сторонились её, и на служениях ей приходилось сидеть одной в конце зала. Ей не позволяли ни петь, ни проповедовать, ни принимать участие в каких-либо делах церкви. И напоследок, несколько членов церкви подошли к ней и сказали, что она больше не может приходить на служения.

— Разведённой нет места в церкви, — упорствовали они.

Хелен ушла, она была так обижена, что больше никогда не приходила в церковь. Она молилась дома одна, часто на протяжении всей ночи. Она скучала по общению с другими христианами и чувствовала себя ужасно одинокой. Но вскоре Бог дал ей подарок: слова новой песни. Неважно, как одиноко она себя ощущала, Иисус был с ней в этом пути. Хотя люди отвернулись от неё, Бог никогда не оставлял её.

С новообретённым рвением в вере Хелен начала изучать историю апостола Павла в Библии. «Как христианка, я должна быть готова встретиться с гораздо большими страданиями, чем это», — думала она. Ей попалась книга Ричарда Вурмбранда «Пытаемы за Христа», и вскоре она

почувствовала, что Бог готовит её к страданиям во имя Его. Терпя отвержение со стороны своих друзей-христиан, когда у неё был только Бог, к Которому она могла обратиться за утешением и общением, Хелен убедилась в одной несомненной истине: «Я должна быть готова служить Христу, даже если это будет стоить мне жизни».

Хелен расцвела в своём новом салоне красоты. Здесь она могла говорить о своей вере, заплетая клиентам волосы и нанося макияж. Каждый раз, когда она видела, как молодые невесты улыбаются своему отражению в зеркале, у неё становилось тепло на сердце.

Но мирное будущее, на которое она надеялась и о котором молилась, не стало реальностью. Между Эфиопией и Эритреей назревал конфликт, и для Хелен атмосфера казалась беспокойной.

В 1998 году, когда Еве исполнилось четыре года, опять вспыхнула война с Эфиопией. Всё началось с небольшого спора из-за приграничной деревни, который перерос в полномасштабную войну. Ожесточённый конфликт длился два года, и многие друзья Хелен, призванные на военную службу, были убиты. Кровавое пролитие казалось страшной тратой человеческих жизней. «Несомненно, Бог хочет чего-то лучшего для нас», — думала Хелен.

В это же время Хелен начала изучать теологию в расположенном неподалёку христианском учебном центре. Она ездила по окрестным городам и деревням, пела в маленьких церквах и рассказывала о своей вере. Постепенно весть о ней как о певице распространилась, и всё больше и больше церквей приглашали её петь. Хелен была безмерно рада, что имела возможность служить Богу.

Хелен Берхан: «Почему мы не поём?»

Однако вскоре Хелен оказалась врагом правительства.

Начало лета, 2000 год

Однажды в воскресенье около 20:30 Хелен шла по оживлённым улицам Асмэры. Только что закончились занятия в группе по изучению Библии, и она наслаждалась летним вечером, наблюдая за суетой людей на улице.

Она ощутила побуждение от Господа, в котором невозможно ошибиться и которому Хелен не могла не повиноваться.

— Подержи, — попросила она, вручив свою сумочку подруге, — я буду проповедовать.

Хелен поднялась по ступенькам на самый верх стоянки такси, громко похлопала в ладоши и начала говорить.

— Мы живём в великой стране, — сказала она. — Пусть она небольшая, но мы полны решимости, и нам есть чем гордиться.

Но эта война разрывает нас на части. У каждого из нас кто-то погиб из близких. Даже некоторым из вас осталось недолго жить. Поэтому я считаю, что сейчас наша страна нуждается в примирении. Бог не хочет видеть, как умирает Его народ. Разве Иисус не говорил, что мы должны любить своих ближних? Нам всем нужно молиться, чтобы Эритрея и Эфиопия смогли обрести мир и чтобы эта война закончилась как можно скорее.

Окинув взглядом собравшихся, Хелен увидела, что некоторые люди плачут. Через несколько минут, закончив говорить, она спустилась вниз по ступенькам. На полпути вниз она заметила двух мужчин, пристально за ней наблюдавших. Когда она ступила на дорогу, эти двое бросились вперёд и схватили её за плечи с двух сторон.

«Тайная полиция».

Пламенные сердца 2

Вскоре Хелен стояла перед начальником полиции. Один из мужчин, которые её задержали, подал ложный рапорт о том, что Хелен якобы выступала против тюремного заключения эритрейцев и что настаивала на том, что президент и правительство должны уйти в отставку.

Начальник жестом показал двум офицерам уйти, сел за стол, скрестив руки на груди.

— Это правда? — спросил он. — Вы проповедовали против правительства?

Хелен покачала головой:

— Я только говорила о том, что Иисус учит, что мы должны любить своих ближних, и как мне печально, что так много людей погибает на войне. Я верна своей стране и хочу видеть только её процветание, и я верю, что для этого люди должны верить в Бога.

Поздно вечером, опросив свидетелей, присутствовавших во время проповеди Хелен, начальник полиции записал имя Хелен и её адрес и приказал прийти на следующее утро.

Но, прежде чем вновь явиться в полицию, Хелен позвонила своим родителям, чтобы сообщить о происходящем с ней на случай, если она будет задержана. Она хотела убедиться, что родители и Ева будут знать, где она, и что кто-то сможет руководить её салоном.

Позже, когда Хелен сидела перед начальником полиции, он сделал ей официальное предупреждение:

— Вы больше никогда не должны проповедовать.

Хелен знала, что он хотел, чтобы она смиренно согласилась, но она не могла отречься от Бога. С высоко поднятой головой она сказала:

— Я никогда не перестану проповедовать. Благою весть невозможно остановить.

Хелен ушла из полицейского участка, не имея намерения подчиниться приказу. Вскоре сила её убеждённости будет подвергнута новому испытанию.

Всего лишь неделю спустя Хелен пришла на христианское собрание, где она должна была петь. Собрание проходило в жилой части города, и почти сразу же после начала богослужения раздался громкий стук в дверь. Там стоят мужчина и жаловался на шум.

— Разве вы не знаете, что люди легли спать? — возмущался он. — Ваше громкое пение мешает им.

Этот мужчина просто проходил мимо, и, хотя никто из жителей не жаловался, хозяин дома пообещал, что позаботится о том, чтобы пели тихо.

Как только Хелен начала петь, она снова услышала громкий стук в дверь. В этот раз, когда хозяин открыл дверь, в комнату ворвалась группа полицейских. Хелен продолжала петь, не позволяя им прервать прославление.

Полицейские забрали двадцать христиан в полицейский участок для допроса.

— Зачем вы там собрались? — хотели они знать.

Вдруг один из офицеров указал на Хелен.

— Вот эта — она лидер. Спросите, что она там делала.

— Мы собрались лишь для того, чтобы проповедовать и слушать Евангелие, — сказала Хелен. — Мы не нарушали порядок, а поклоняться Богу — это не преступление. Вы должны отпустить нас, потому что мы не сделали ничего плохого.

Но христиан продержали в полиции до позднего вечера. Многие из задержанных вместе с Хелен начали сильно переживать. Завтра понедельник, и, если их продержат в участке всю ночь, они не попадут на работу и потеряют её.

Христиане, молясь, старались ободрять друг друга. В конце концов их отпустили со строгим предупреждением больше не собираться вместе.

Но это не остановило Хелен. Через месяц, придя в местную больницу, где она помогала больным, она встретила

там богатого мужчину. Она часто видела его в этой больнице — он ожидал, пока пациенты умрут, чтобы потом купить для них гробы, заявляя, что делает это из соображений благотворительности.

«Почему бы ему не тратить деньги на лекарства, а не на гробы?» — удивлялась Хелен, отмечая его странный способ проявления щедрости. Она не была уверена, был ли он психически болен или причастен к одному из эритрейских «культов смерти», где почитают смерть. Но его присутствие расстраивало персонал больницы, пациентов и их семьи, которые знали, что он ждёт чьей-то смерти. Хелен решила благовествовать ему. Но когда она начала говорить с мужчиной, он разразился гневной тирадой:

— Ты не имеешь права говорить мне об этом! Как ты смеешь унижать меня перед этими людьми? — Он наклонился близко к лицу Хелен и со злобой, брызгая слюной, кричал: — Отведите её в полицию!

Он был так зол, что охранники больницы решили, что будет лучше, если они вызовут полицию. Вскоре на Хелен надели наручники и бросили в одиночную камеру. Камера была крошечной, но достаточно широкой, чтобы лечь на пол, там было темно, жарко и не хватало воздуха. Когда за ней закрылась дверь, Хелен старалась подавить приступ паники.

Прислонившись к стене, Хелен соскользнула на пол, не в состоянии найти удобное положение. Металлические наручники удерживали её руки за спиной и ещё туже стягивались, когда она шевелила кистями рук. Пальцы, лишённые циркуляции крови, немели, и у неё начала кружиться голова.

Хелен находилась в заключении уже двадцать четыре часа, прежде чем, наконец, пришёл охранник, чтобы отвести её в туалет. Так продолжалось несколько дней. Семья Хелен приносила ей домашнюю еду в металлической кастрюле, но

Хелен Берхан: «Почему мы не поём?»

охранники вываливали содержимое в полиэтиленовый пакет и просовывали его в камеру.

Через одиннадцать дней Хелен под охраной привезли в здание суда, чтобы она встретилась с мужчиной, который подал на неё в суд. В присутствии судьи он потребовал, чтобы Хелен принесла свои извинения суду, персоналу больницы и прихожанам своей церкви. Он хотел добиться от неё признания, что она была не права, рассказывая ему о Евангелии и унижая его.

Хелен отказалась это сделать, и её вернули в полицейский участок. В этот раз её поместили в большую камеру, где находились другие женщины. Радуюсь тому, что она находится в светлом помещении, где больше воздуха, и вместе с другими женщинами, она запела, чтобы поднять им настроение.

Позже, в тот же день, Хелен опять отвезли в здание суда. Она попросила о возможности поговорить с судьёй наедине. Это был спокойный пожилой мужчина, он внимательно выслушал, что Хелен рассказала о себе и о своей вере и о том, что на самом деле произошло в больнице.

— Раз уж вы так помогаете людям, — сказал судья, — возможно, вы могли бы дать и мне совет?

Судья описал проблему, с которой он столкнулся в отношениях со своей женой. Это его очень беспокоило. Хелен выслушала его и постаралась помочь, чем смогла.

Когда она вернулась в зал суда, судья вынес решение в пользу Хелен.

— Несомненно, Бог наблюдает за мной и вмешался, чтобы освободить меня!

Хотя война с Эфиопией официально была закончена и жизнь стала более спокойной, отношения между двумя странами всё

ещё оставались напряжёнными. Правительство, во главе с президентом Исаясом Афеворки²⁹, проявляло всё больше нетерпимости и всё меньше толерантности. Президент отказался ратифицировать конституцию, отменил президентские выборы, объявил другие политические партии вне закона и фактически закрыл национальную прессу. В соответствии со своей марксистской государственной политикой он также сделал атеизм господствующей идеологией.

К маю 2002 года правительство Эритреи издало указ о том, что в стране будут признаны только четыре религиозные конфессии: эфиопская православная церковь, католическая церковь, ислам и евангелическо-лютеранская церковь. Хелен и другие члены церкви, которую она посещала, были обескуражены, поскольку правительство теперь считало их церковь незаконной.

Правительство начало вести пропаганду против церкви, обвиняя христиан в получении взяток от иностранных организаций, таких как ЦРУ. Вскоре стали проводиться обыски в частных домах и на небольших собраниях, а также на общественных мероприятиях, где собирались известные христиане. Многие христиане были арестованы по обвинению в проведении семейных богослужений в своих домах, а другие — просто за владение Библией. В Асмэре ширились репрессии, и среди людей сложилась атмосфера недоверия. Любой человек мог оказаться сотрудником тайной полиции.

²⁹ Президент Исаяс Афеворки учился в Китае во время Культурной революции (1966–1976), где и стал сторонником авторитарного метода управления председателя Мао Цзэдуна. По возвращении в Эритрею Афеворки основал собственное марксистское революционное движение — Эритрейский народный фронт освобождения, позже переименованный в Народный фронт за демократию и справедливость. Афеворки и его последователи влились в длящуюся 30 лет борьбу за независимость от Эфиопии, которая привела к поражению Эфиопии, независимости Эритреи и приходу к власти Афеворки в 1993 году.

Хелен Берхан: «Почему мы не поём?»

«Как наше правительство может сажать в тюрьму законопослушных, трудолюбивых людей только из-за их личных убеждений?»

В условиях растущих притеснений Хелен посвятила себя написанию песен поклонения, и в 2003 году она записала свой первый компакт-диск. Церковь, которую она посещала, ушла в подполье, но верующие продолжали поддерживать Хелен, распространяя записи её музыкального альбома. Она была в восторге от того, что её песни будут известны всё более широкой аудитории и помогут распространению Евангелия. Страх и Евангелие в понимании Хелен были несовместимыми понятиями, и поэтому она решила: что бы ни случилось, она будет продолжать труд для Бога.

Выход альбома с песнями поклонения Хелен дал ей новые возможности для проведения служений поклонения и обучения Библии. Три раза в неделю, поздно вечером, в подвальном помещении дома она тайно проводила обучение группы молодёжи. Семья Хелен присматривала за маленькой Евой, пока она отсыпалась дома после занятий. Хотя служение Хелен было сопряжено с опасностью, она смело выполняла задачу, возложенную на неё Богом.

Однажды вечером, когда она пристёгивала свой велосипед и собиралась войти внутрь помещения, чтобы провести занятие по изучению Библии, она услышала, как неподалёку разговаривали два молодых человека.

— Вот и она, — сказал один из них.

Хелен поспешила в дом, и когда она увидела полные нетерпеливого ожидания глаза собравшихся, её беспокойство рассеялось: «Господь хочет видеть меня именно здесь».

Хелен и пятнадцать молодых людей столпились в маленьком помещении с кирпичными стенами, и, как только она начала говорить, дверь подвала внезапно распахнулась. Группа сотрудников тайной полиции, слишком большая, чтобы успеть

их сосчитать, ворвалась в подвал. Нападающие, от которых разило алкоголем, согнали группу в центр комнаты и безжалостно начали их избивать дубинками и тонкими пластиковыми плётками.

Хелен почувствовала, как пальцы одного из полицейских сжали её запястья достаточно сильно, чтобы оставить на них синяки, и затем он потащил её вверх по лестнице. Она больно ударялась голеньями о каменные ступени. Позже Хелен узнает, что полицейские ворвались в дом с криками:

— Где певица? Мы убьём её!

Вытащив свою жертву на улицу, офицер затолкал Хелен и её велосипед в грузовик и отвёз в полицейский участок. Там её втолкнули в большую камеру. Женщина-охранница сорвала с плеч Хелен белую шаль.

— Посмотрим, как тебе понравится мёрзнуть, — презрительно ухмыльнулась она.

К двум часам ночи камера была переполнена. Одна из женщин — проститутка с накрашенными ярко-красными губами по имени Зула — захотела поближе познакомиться с Хелен. Когда она услышала, что Хелен певица, она захлопала от радости:

— Ты нам споёшь?

Всю следующую неделю, в перерывах между допросами в тайной полиции, Хелен пела для заключённых. Её пение не нравилось охранникам тюрьмы.

Поздно вечером охранники вывели Хелен и других заключённых на улицу и заставили их встать на колени на мокрую, грязную траву. Женщина-охранница подошла к Хелен, наклонилась, больно сжала нос Хелен двумя пальцами и потащила её по траве.

— Прекрати петь! — шипела она. Глаза Хелен заслезались от боли.

На следующее утро Хелен отправили на официальный допрос. Она отвечала на вопросы о том, где находится её салон

Хелен Берхан: «Почему мы не поём?»

красоты, и о её планах на будущее. Когда допрашивающий спросил о её религиозных убеждениях, Хелен ответила:

— Я готова умереть за свою веру.

Хелен удивилась, когда после допроса её не отправили назад в камеру. Её вывели на улицу и затолкали в военный грузовик. Устроившись среди других заключённых, Хелен пришла в ужас, услышав, что охранники упоминают Ади Абейто — название печально известной тюрьмы для провинившихся военнослужащих.

«Зачем им посылать туда меня, гражданского человека?»

Грузовик мчался по окраине Асмэры, пока, наконец, не затормозил у ворот тюрьмы. Хелен тихо молилась, решив не выказывать страха.

По одному их начали вызывать на допрос. Наконец, пришли охранники, чтобы отвести её в камеру.

По пути в камеру охранник вывел её из главного тюремного комплекса на дневной свет. Взгляду открылись строения из рифлёного железа, похожие на армейские казармы. Когда они проходили через один из барачков, Хелен увидела сотни голодных заключённых, на их лицах запечатлелись следы страдания.

Хелен трудно было уснуть ночью. Она слышала, как сокамерники кашляли, их рвало, и она не могла не помогать им. Камеры кишели крысами и блохами, из-за отсутствия туалетов заключённые вынуждены были отправлять естественные надобности на улице за зданием тюрьмы.

Многие заключённые были больны и едва могли ходить. Один мужчина, которому поставили капельницу внутривенно, спал в коридоре из-за мучившей его диареи, ему необходима была помощь при посещении уличного туалета. Поэтому каждую ночь Хелен не спала, помогая ему, она едва ли вообще спала на протяжении нескольких недель.

Однажды ночью Хелен мучили приступы диареи, и охранник вывел её на улицу. Было уже за полночь, и луна была

Пламенные сердца 2

затянута тучами. По дороге к месту, где Хелен могла справиться с нуждой, она заметила на земле три фигуры: «Это мешки с картошкой или связанные овцы?» Однако, подойдя поближе, она поняла, что это были люди. Хелен смогла разглядеть их изуродованные тела, их запястья были туго стянуты наручниками и пристёгнуты к лодыжкам. Она подумала, что они были мертвы, пока не услышала, как один из них застонал.

Хелен была шокирована.

— В чём они провинились? — выпалила она. — Они здесь будут всю ночь?

Охранник молча указал на пустырь и ничего не ответил.

Вернувшись в камеру, Хелен поделилась с другими заключёнными тем, что увидела. Ей объяснили, что это такой вид пытки, который называется «положение вертолёта». Её сердце сжималось от жалости к мужчинам и женщинам, с которыми так бесчеловечно обращались всего лишь в нескольких метрах от камеры, в которой она сама находилась.

Через три недели после прибытия Хелен в военную тюрьму ей велели собирать вещи. Её и небольшую группу других христиан опять погрузили на военный грузовик.

— Куда мы едем? — спросила Хелен сидящую рядом женщину.

— Я слышала, как охранник сказал «Май Серва», — дрожащим голосом ответила женщина.

«Май Серва. Тюрьма и военный лагерь для опасных заключённых, отбывающих длительные сроки заключения, и для серьёзных уголовников».

Хелен медленно выдохнула, когда грузовик поехал по ухабистой дороге.

Расположенная за городом в безлюдном районе тюрьма Май Серва состояла из нескольких примитивных бараков из глино-

битного кирпича, которые, по-видимому, раньше были армейскими казармами. По прибытии Хелен тюремные охранники провели полный обыск, проверяя её на наличие оружия, денег и Библии, но она твёрдо решила, что не проявит и тени страха перед охранниками.

Затем Хелен и других заключённых провели по лагерю и повели вниз, в долину. Там они увидели тянущиеся ряды металлических грузовых контейнеров, которые обычно используются для перевозки товаров за границу.

Пока Хелен и остальные заключённые стояли в очереди, ожидая, когда их отведут в камеры, Хелен заметила, как что-то промелькнуло внутри ближайшего к ней контейнера. В его стене была проделана небольшая дыра на уровне глаз, и она увидела глаза людей, выглядывающих через это отверстие.

Хелен озарило шокирующее осознание: контейнеры — это камеры!

Стараясь глубоко дышать, Хелен наслаждалась солнечным теплом и видом открытого пространства. Она не знала, испытает ли подобное снова, и если да, то когда.

Один охранник приказал женщинам идти вперёд, а другой изо всех сил пытался открыть ржавые двойные двери контейнера. Хелен и её новые сокамерницы вошли вовнутрь. Она обернулась как раз в тот момент, когда охранник ухмыльнулся, захлопывая дверь. Тяжёлая металлическая дверь с лязгом захлопнулась, оставив внутри только тонкую полоску света. Когда охранник с ужасным скрипом задвинул засов и резиновое уплотнение сомкнулось, дверь окончательно захлопнулась, заперев женщин внутри. Сердце Хелен заколотилось от мысли: «А что же будет дальше?».

Контейнер был не больше семи метров в длину. Восемнадцать находящихся там женщин стояли, тесно прижатые друг к другу. Через несколько минут Хелен почувствовала зуд на ноге и потянулась, чтобы почесать её. И тут же она заметила, что

другие женщины делают то же самое. Контейнер кишел голодными блохами и вшами. Хелен запаниковала и начала яростно смахивать с себя насекомых, но это было бесполезно.

В течение дня контейнер нагревался солнцем до такой степени, что жару невозможно было вынести. Женщины впадали в отчаяние, многие начинали злиться. Хелен изо всех сил старалась сохранять спокойствие, находясь в таком стеснённом пространстве, до отказа набитом перепуганными людьми.

— Что нам делать, Хелен? — плакала одна из них.

Хотя Хелен знала, что сокамерницы ожидали от неё призыва кричать или стучать по стенам контейнера, чтобы сообщить надзирателям, что они не собираются терпеть такое издевательство, у неё было другое предложение для женщин. Она вспомнила отрывок из книги Ричарда Вурмбранда «Пытаемы за Христа» о том, что христианам, как соловьям, нельзя запретить петь — даже в плену.

— Почему бы нам не спеть? — предложила Хелен. — Нам нужно славить Бога, невзирая на блох, на вшей, на жару. Мы должны благодарить Бога, несмотря на обстоятельства.

Постепенно, одна за другой, женщины начали петь и молиться. Затем Хелен поделилась с женщинами стихами из Писания, которые она знала наизусть.

Ночью температура внутри грузового контейнера быстро падала и женщины начинали дрожать от холода. Они отодвинули ведро, служащее туалетом, в угол, но запах был настолько ужасным, что они спали по очереди, чтобы никому не пришлось всю ночь провести рядом с ведром. В 5 утра охранники открыли дверь контейнера и вывели заключённых на открытую площадку на расстоянии полкилометра от контейнера. Там женщины могли воспользоваться туалетом и опорожнить ведро.

Выстраиваясь в линию вместе с остальными, чтобы вернуться в контейнер, Хелен увидела и других заключённых — мужчин,

высыпавших из соседнего контейнера. Она посчитала контейнеры — их было больше двадцати. Она подсчитала, если в каждом контейнере было восемнадцать человек, то в лагере в общем могло находиться несколько сотен человек. Большинство из них — молодые люди возрастом от двадцати до тридцати лет. Гнев поднимался в груди у Хелен: «Как заключение такого количества молодых людей в контейнеры может помочь нашей стране расти и процветать?»

Когда дверь контейнера снова захлопнулась, многие женщины расплакались. Хелен переполняли такие же эмоции, но она твёрдо решила служить своим сокамерницам. Она предложила им сесть в круг.

— Помните, как стены Иерихона рухнули из-за хвалебного пения? Если мы будем жаловаться, мы не победим. Наоборот, мы должны молиться, славить и петь. Сатана хочет использовать устрашающие слова как оружие против нас, поэтому мы должны прославлять Бога во всех обстоятельствах.

Хелен с облегчением увидела, что женщины кивают в знак согласия. Она знала, что не все они были христианками, но, казалось, все были благодарны за поддержку Хелен. Но ночью, в тишине камеры, Хелен утешалась только Господом. Она думала о маленькой Еве. Сейчас о ребёнке заботилась сестра Хелен, но Хелен не могла вынести мысли о том, что её маленькая девочка плачет, скучая по маме: «Понимает ли она, куда я делась? Страшно ли ей ночью, когда она засыпает?» Всё, что Хелен могла сделать, — это молиться!

Несколько дней подряд женщины сидели в своём контейнере и пели. Однажды утром они услышали скрежет засовов в металлических дверях. Дверь распахнулась, и появились три разъярённых охранника.

— Кто здесь пел? — грозно спросил один.

Хелен и несколько других женщин признались, что это пели они. Сердце Хелен колотилось. Охранники вытащили женщин из контейнера, заставили снять обувь и велели бегать по песчаному грунту. Мелкая острая галька ранила им ноги.

Затем охранники заставили их присесть на корточки и прыгать как лягушки.

— Прыгай! — заорал охранник на Хелен, которой трудно было удерживать равновесие. Когда она падала, он бил её палкой.

— Раз ты не можешь устоять на ногах, то ты ляжешь, — приказал он Хелен, и она легла на гравий.

После этих издевательств охранники по одной уговаривали женщин согласиться с тем, что они никогда больше не будут петь. Хелен знала, что охранники воспринимают отказ отречься от своей веры как проявление нелояльности к своей стране. Она глубоко вдохнула и заговорила.

— Я певица, — сказала она, — поэтому не могу с этим согласиться. Я буду петь тихо, чтобы не беспокоить находящихся в других контейнерах, но не остановлюсь.

Половина женщин отказалась подчиниться требованию тюремщиков.

В полдень охранники на один час отвели женщин назад в контейнер, а потом вывели ещё раз. Они схватили одну из них и избили полицейской дубинкой. Хелен вздрогнула, увидев, как женщина корчится от боли. Постепенно большинство женщин, измученных пытками, испугались и согласились прекратить петь. Их вернули в контейнер. Вскоре на улице осталась только Хелен и две других женщины.

Охранники приказали этим троим женщинам, стоявшим на коленях на колючем гравии, ещё и держать тяжёлые камни над головой. Изюм всех сил стараясь удержать камень над головой, Хелен думала о Еве. Она думала о своих братьях и сёстрах во Христе, которые также страдали за Христа в местах, таких

же ужасных, как и это, а то и худших. Она молилась о силе. Был уже поздний вечер, когда охранники, наконец, прервали мучения женщин и отвели их назад в камеру.

Но пытки охранников оказались безуспешными, Хелен и её подруги начали опять петь, как только за охранниками закрылась дверь. В 10 утра на следующее утро охранники опять вызвали поющих, связали им руки за спиной и заставили лечь на землю.

Кровообращение у Хелен замедлилось, и её руки посинели. У неё кружилась голова, и она находилась в предобморочном состоянии. Время от времени охранники развязывали им руки и спрашивали, перестанут ли они петь, когда они отказывались, их связывали снова. Это продолжалось целый день. Хелен продолжала молиться о силе, невзирая на приступы головокружения.

Когда наступила ночь, охранники оставили женщин на улице на таком расстоянии друг от друга, чтобы они не могли поддержать друг друга. В 2 часа ночи их, наконец, отвели назад в камеру. Хелен поражалась жестокости обращения охранников с женщинами. Вернувшись в камеру, христианки молились вместе, благодарные за то, что хоть на короткое время могут забыть о своих бедах и черпать силы в вере.

Позже в тот же день охранник отвёл Хелен к следователю. Тот положил перед ней лист бумаги, где было написано, что она обещает, что не будет проповедовать, поклоняться, петь или благовествовать. Когда Хелен отказалась подписать бумагу, он решил, что нужно усложнить ей жизнь, пока остаётся хоть один какой-то шанс убедить христианку отречься от своей веры.

Следователь перевёл её в другой контейнер. В нём содержались только две заключённые — женщина, пойманная при попытке тайно пересечь границу с Суданом, и женщина, страдающая психическим расстройством. Сердцебиение у Хелен

участилось. Раньше у неё была поддержка от других христиан, сейчас же она чувствовала себя совершенно одинокой.

Следующие десять месяцев Хелен проведёт в контейнере с этой сумасшедшей.

Хелен испытывала сострадание к своей безумной сокамернице, но находиться с ней в одном помещении было почти невыносимо. Она говорила и плакала непрерывно все дни и ночи. Она ругалась и оскорбляла охранников через маленькое окошко в камере. Часто она бросалась на стены, пытаясь раскатать контейнер. Она запихивала одеяло в маленькое окошко, тем самым перекрывая доступ воздуха.

В конце концов в новый контейнер поместили ещё других женщин. Многие из них были ещё незнакомыми Хелен христианками, которые отказались отречься от своей веры. К сожалению, неуравновешенная сокамерница Хелен становилась всё более агрессивной. Однажды ночью Хелен внезапно проснулась, почувствовав, как женщина в безудержной ярости сжимает её шею. После инцидента с удушением психически больная каждую ночь продолжала нападать на других сокамерниц. Остальные заключённые стали по очереди дежурить по ночам, чтобы присматривать за неуравновешенной соседкой.

Хелен не могла спать, её тело не справлялось со стрессом. Она похудела, и охранники смеялись над её худобой. Бывало, что тюремщики так пересаливали пищу заключённых, что еда становилась просто несъедобной.

Когда сестре Хелен, которая работала в Министерстве обороны, наконец, разрешили свидание с Хелен, она привела с собой и Еву повидаться с матерью. Хелен была счастлива видеть их. Но она быстро поняла, как ужасно она выглядела, когда обе посетительницы расплакались, увидев её.

Хелен Берхан: «Почему мы не поём?»

— Ты умрёшь? — рыдала Ева. Сердце Хелен разрывалось, она ничего не могла ответить. После этого свидания она почувствовала себя более подавленной, чем когда-либо раньше.

Условия заключения Хелен продолжали ухудшаться. Однажды охранник увидел, как она выглядывала через маленькое окошко в камере, он вытащил её на улицу и безжалостно избил. Хелен смотрела ему в глаза, когда он бил её, его кулаки избивали каждый участок её хрупкого тела. Избиение было настолько жестоким, что менструальный цикл у Хелен прекратился на целых четыре месяца.

Постепенно всех друзей-христиан Хелен убрали из этого контейнера, и вскоре она осталась единственной христианкой в камере. Всякий раз, когда привозили новых заключённых, охранники демонстративно издевались над ней в пример остальным.

После очередного особо напряжённого допроса охранники перевели Хелен в новый контейнер, в котором уже были восемнадцать других христианок, которые, как и Хелен, не захотели отречься от своей веры. Хелен старалась занять своих сокамерниц и поддерживать их. Она вовлекала их в рутину приготовления скудного завтрака, состоящего из булочки, пустого чечевичного супа и чашки чая, а затем они пели и изучали Библию, которую ей удалось пронести в камеру мимо охраны в пяти небольших частях.

Ей также удалось пронести некоторые письменные принадлежности, и она начала переписываться с другими заключёнными христианами. Но когда охранники узнали о тайной переписке, её избили и оставили в наручниках на ледяном полу пустого контейнера на всю ночь. В ту ночь Хелен опасалась, что может замёрзнуть насмерть в своём тонком платье. Всё её тело болело от холода и побоев.

И Хелен начала петь. Она сочинила песню и повторяла её всю ночь.

Пламенные сердца 2

*Я люблю Тебя, поэтому я всё больше
приближаюсь к Тебе.
Я знаю, что стоит следовать за Тобой.
Я не только готова находиться в тюрьме,
но и доверяю Тебе до самой смерти.
Даже в замкнутом пространстве, или в
яме, я не подчинюсь злым духам.
И даже тогда, когда я связана или
прикована, или страдаю от холода,
я буду петь и не устану от пения,
не сдамся!
Моё сердце горит Твоей любовью, моё
сердце утверждает, что я никогда
не перестану почитать Тебя или
превозносить Тебя.
Я буду петь опять и опять.
Я буду петь мелодию для Тебя. Моей душе
приятно петь Тебе.*

Охранник пришёл на следующее утро и приказал Хелен прекратить писать письма другим заключённым, но она отказалась.

— Меня арестовали за то, что я проповедовала и распространяла Евангелие, — сказала она, — и даже сейчас я не останавлиюсь. Я буду писать и говорить о своей вере.

За проявленное упрямство Хелен отправили в одиночную камеру.

Хелен видела, что Бог всегда посылал ей кого-то, чтобы помочь в каждой переживаемой трудности; её опыт продолжал привлекать внимание охранников и других заключённых.

Пламенные сердца 2

К этому времени она провела в тюрьме полтора года, из них в одиночной камере — несколько месяцев.

Время от времени у Хелен случались короткие встречи с другими заключёнными. Когда она шла опорожнять туалетное ведро, то проходила по двору мимо других обитателей тюрьмы, и некоторые из них были особенно добрыми. Группа заключённых, бывших армейских офицеров, отбывавших длительный тюремный срок, имели доступ к газетам. После прочтения очередного выпуска они передавали газеты Хелен.

Хелен, в свою очередь, была рада узнать новости о мире за пределами тюрьмы. После прочтения нескольких статей о людях, которые изменили мир, она прикрепляла вырезки из газет с этими публикациями на стенах контейнера с помощью жевательной резинки.

К контейнеру подошёл охранник и, заглянув внутрь, расспросил её об этих статьях. Она объяснила, что эти люди вдохновляют её, и охранник сделал удивительное замечание:

— Ты разве не осознаёшь, что ты одна из них?

Через четыре долгих месяца после того, как Хелен впервые попала в одиночную камеру, к ней в камеру пришёл офицер, проводящий допрос, и велел собирать вещи. Её переводят в новый контейнер к семи другим заключённым при строгом условии, что она не будет учить, проповедовать или петь.

— Я не могу с этим согласиться, — сказал Хелен, но он уже начал собирать её вещи.

В своём новом «доме» Хелен продолжала петь, и вскоре в дверь загрохотали.

Хелен Берхан: «Почему мы не поём?»

— Кто там поёт? — крикнул охранник.

Только Хелен хотела ответить, как Лия, новая заключённая-христианка, приняла на себя её вину. Охранник вывел Лию наружу и приковал её цепью на весь вечер. На следующее утро охранник снова пришёл к контейнеру.

— Она пела не одна, — сказал он, указывая на Хелен и ещё одну христианку по имени Эстер. Он вытащил обеих женщин из контейнера и приковал их цепью снаружи вместе с Лией, оставив их там до двух часов ночи. На следующий день он сделал то же самое.

Через два дня охранник вернулся к ним с угрозами.

— Если я услышу вас ещё раз, отправлю спать в камеру к мужчинам.

Хелен нервно сглотнула. Это была самая страшная угроза.

Хелен и Эстер отпустили, а Лия осталась. Вернувшись в контейнер, Хелен почувствовала глубокое сострадание к Лие. Она была новенькой в тюрьме и пострадала, защищая Хелен. Когда охранник ушёл, Хелен незаметно проскользнула на улицу, чтобы побыть с ней.

Увидев Хелен, охранник вернулся:

— Кем ты себя возомнила, Хелен? Священником, утешающим своих прихожан? Я велел тебе вернуться в контейнер.

— Пожалуйста, позвольте мне остаться с ней или пристегните меня вместо неё, — попросила Хелен.

Охранник был поражён. Он никогда не сталкивался с подобными заключёнными, поэтому он позвал троих старших по званию охранников, чтобы вместе образумить Хелен.

— Я хочу, чтобы меня наказали вместо неё или позволили мне остаться и утешить её, — попросила Хелен.

Старшие по званию охранники тоже не знали, что делать с Хелен.

— Если ты так серьёзно относишься к своей вере, то должна быть готова к более суровому наказанию, — сказал

охранник. — Было бы разумнее отказаться от своих убеждений, пока ещё не поздно.

В последующие месяцы продолжались невыразимые мучения, а для Хелен и других христиан были припасены самые суровые наказания.

Через некоторое время охранники сопроводили Хелен и других христиан в управление. Один из начальников дал им лист бумаги, и Хелен пробежала глазами документ.

«Я буду продолжать проповедовать и верить», — говорилось в нём. Хелен нахмурилась. Это было положительное исповедание, противоположное тому, что их просили подписать последний раз. Пока она пыталась понять значение этого нового признания, начальник заговорил.

— Это ваш последний шанс, — сказал он. — Если вы подпишете этот документ, то останетесь в тюрьме, и мы вас отправим в одну из тайных тюрем, из которой вы никогда не выйдете на свободу. Если вы не подпишете его, мы вас освободим. — Он пристально посмотрел на каждую из них. — Если решите подписать, я умываю руки, вы сами решили свою судьбу. И то, что с вами произойдёт, не будет моей виной.

Хелен выпрямилась на своём стуле.

— Я не могу отказаться от своей веры, — сказала она. — Если проколоть мешок с зерном, то единственное, что оттуда высыплется, — это зерно, находящееся в мешке. Так же и со мной. Я могу сказать только то, что у меня внутри. Всё, что в моём сердце, должно выходить из моих уст. — Хелен посмотрела ему прямо в глаза. — Дайте мне бумагу, я подпишу. И отправляйте меня, куда хотите. Чем больше вы меня наказываете, тем сильнее я становлюсь. Если постоянно бить молотком по шляпке гвоздя, его будет все труднее вытащить из стены. Дайте мне документ.

Хелен Берхан: «Почему мы не поём?»

Хелен поставила свою подпись на листе и вернулась в контейнер, уверенная, что Бог использует её ужасную ситуацию для Своей славы.

Хелен продолжала рассказывать другим заключённым о Христе, она также начала учить и некоторых охранников. Когда это обнаружилось, охранники жестоко её наказали, надев на неё терзающие наручники, которые глубоко врезались в запястья.

— Посмотрите на Хелен, — издевались охранники, — она похожа на овцу, приготовленную на убой к празднику.

Затем её повели на допрос. Она была настолько окоченевшей, что едва могла идти.

— Зачем ты проповедуешь сотрудникам? — спросил начальник.

— Я всегда ищу возможности рассказать о моей вере и донести весть об Иисусе, — ответила Хелен. — Я не стыжусь Евангелия и буду говорить о нём всем и каждому. Иисус хочет, чтобы я не только заключённым говорила о Нём, Он хочет, чтобы я также говорила и охранникам. Даже если бы президент посетил тюрьму, я бы и ему рассказала о Евангелии.

Начальник был в ярости. И хотя всё тело Хелен болело, она продолжала:

— Я вас не боюсь. Вы можете делать со мной что хотите, но в конечном итоге, всё, что вы можете, — это убить моё тело. Вы не можете коснуться моей души. Вы даже не можете убить меня, если только не будет Божьей воли на то, чтобы я умерла.

Хелен вернули в контейнер, но на этом дело не закончилось. Вскоре охранники наняли отпетого заключённого шпионить за Хелен, и его первым заданием было подловить её в нарушении правил.

Этот заключённый, который жил в соседнем контейнере, попросил Хелен написать на листе бумаги несколько христианских наставлений, и она согласилась. Приготовив бумагу, она сложила её и спрятала в спичечный коробок, дожидаясь удобного момента, чтобы бросить его мужчине.

Когда мужчина подал ей знак, она бросила коробок, но передача произошла совсем не тайно. Когда она увидела бегущего к ней охранника, то поняла, что её подставили.

— Теперь у нас есть доказательства против тебя, — сказал охранник, вытаскивая Хелен из контейнера. — Что теперь с тобой сделать?

Инстинктивно Хелен подняла руки, чтобы защитить лицо, но его удары опередили защиту. Она почувствовала, как будто что-то взорвалось у неё над головой, когда охранник несколько раз ударил её ногой. Когда Хелен, прихрамывая, вернулась обратно к своему контейнеру, она уже знала, что её худое тело будет покрыто синяками.

Но наказание этим не закончилось.

Начальник тюрьмы вызвал Хелен в свой кабинет, где её ожидал другой охранник, на этот раз это был мусульманин по имени Сулейман, известный беспощадными избиениями. Он поднял дубинку и безжалостно ударил Хелен. Она молчала, тогда он удвоил силу удара, будучи уверенным, что бил недостаточно сильно.

Наконец, он остановился.

— Мы прервёмся, чтобы ты могла подумать о своих поступках, — сказал он. Хелен лежала на полу. Её мышцы произвольно сокращались. — Хелен, ты должна перестать верить.

«Как после всего, что произошло со мной, он ещё может думать, что я остановлюсь? Неужели он действительно думает, что избиение заставит меня отказаться от моей веры?» — Хелен не боялась умереть, но содрогнулась от мысли, что оставит Еву сиротой.

Хелен Берхан: «Почему мы не поём?»

— Сулейман, — сказала она, — ты можешь что угодно со мной делать, но я буду продолжать верить и останусь верной моему Богу, даже если ты убьёшь меня.

Когда Сулейман остановился, тело Хелен было избито как никогда раньше. Этот жестокий человек приковал её цепью снаружи у контейнера под палящим солнцем. Она даже не могла сидеть прямо.

— Я умираю, — простонала она.

— Что я могу для тебя сделать? — спросила, плача, одна женщина.

— Скажи им, чтобы сняли с меня цепи, — прошептала она, — чтобы я могла хотя бы спокойно умереть.

Через мгновение мир Хелен погрузился во тьму.

Когда Хелен пришла в сознание, её отнесли к тюремному медику. К этому времени всё её тело было чёрным от синяков. Она рассказала ему, что произошло, он вышел на улицу и заплакал.

Была поздняя ночь, когда охранники отнесли Хелен назад в её контейнер. Несколько дней она лежала неподвижно, в основном без сна из-за сильной боли. Она много думала о том, что произошло, и о том, какими жестокими могут быть люди друг к другу.

Но всё же она не могла ненавидеть Сулеймана. Он избил Хелен в гневе, и она задумалась, стыдно ли ему теперь. Она не хотела, чтобы его наказали за то, что он с ней сделал, но молилась, чтобы однажды он обрёл веру в Господа и пришёл к покаянию в содеянном.

Хелен всё ещё находилась в физических страданиях, когда Сулейман послал другого мусульманина, чтобы тот опять её избил. Он бил её по ранам, и боль была невыносимой.

Состояние Хелен ухудшилось до такой степени, что она уже не могла мочиться. Она не могла стоять, не говоря уже о том, чтобы ходить. Охранники на носилках отнесли её к медику.

— Её организм отключается, — сказал он главному следователю. — Если оставить её здесь, она умрёт.

Состояние Хелен продолжало ухудшаться, пока, наконец, Сулейман не позволил отвезти её в больницу.

Был 2006 год, к этому времени Хелен провела в тюрьме почти три года.

Грузовик покинул территорию тюрьмы, но Хелен испытывала слишком сильную боль, чтобы чувствовать настоящее облегчение. Когда они въехали в город, она начала смотреть по сторонам. Это отвлекало её от приступов боли, пока грузовик с грохотом нёсся по улице.

Хелен не видела город больше двух лет, и она скучала по нему. Спустя столько времени он казался ей более старым, измождённым и потрёпанным. Как и Хелен, город разрушался.

В больнице Хелен объяснила врачу, что её травмы были результатом пыток, — лицо мужчины помрачнело.

— Я позабочусь о том, чтобы вас оставили в больнице, — сказал он. — Они не могут вас отправить обратно в тюрьму в таком состоянии.

Мать Хелен работала медсестрой в больнице и узнала, что её дочь поступила в больницу. Увидев свою мать, Хелен расплакалась. Она так рада была видеть её, но не могла поверить своим глазам, что мама так постарела.

Один из охранников, наблюдавших за этой встречей, сказал:

— Хелен, всё-таки ты человек. Мы никогда раньше не видели, чтобы ты плакала.

Хелен Берхан: «Почему мы не поём?»

Врачи приступили к лечению травм Хелен, и из больницы сообщили, что её здоровье слишком плохое, чтобы вернуться в тюрьму. Хелен знала, что это значит. Если бы она умерла в тюрьме, ответственность за её смерть понесли бы охранники, поэтому они освобождают тяжелобольных заключённых, чтобы избежать ответственности. Родители забрали Хелен домой.

Хотя Хелен официально освободили из тюрьмы, она все ещё находилась под наблюдением. Дом был окружён сотрудниками тайной полиции.

— Как нога Хелен? — спрашивали родителей, когда те входили или выходили из дома. — Она поправляется?

Хелен и её семья знали, что, если полиция посчитает, что её состояние достаточно улучшилось, есть большая вероятность, что её отправят назад в тюрьму, где она наверняка умрёт. Поэтому она приняла трудное решение покинуть Эритрею. Хелен обратилась в посольство Судана и умоляла дать ей визу. Она была поражена, когда сотрудники посольства удовлетворили её просьбу. Если бы власти знали, что она собирается уехать, они бы её остановили. Но несмотря на то, что они следовали за ней повсюду, казалось, они были слепы к тому, что она на самом деле делала.

«Божья рука защищает меня».

Поскольку было слишком опасно брать дочь с собой, Хелен планировала оставить Еву с бабушкой и дедушкой: «Как долго ещё я буду разлучена со своей дочерью?» Хелен знала, что единственная её надежда на воссоединение с Евой — это успешный побег из Эритреи, но это было почти невозможно.

Тревога Хелен росла по мере приближения дня её отъезда. Большинство людей бежало из страны, пересекая границу с помощью контрабандистов, но она знала: с её искалеченной ногой она никогда не сможет этого сделать. Ей нужно будет

лететь на самолёте, и в этом случае почти нет шансов улизнуть, не будучи пойманной.

Когда настал день отлёта, она обняла семью, попрощалась, пообещав дочери, что скоро они опять встретятся.

Всё это время Хелен чувствовала, что Бог направлял её путь. Он позволил ей выжить во время длительного заключения, выйти из тюрьмы и из больницы, и Он позволил ей получить визу в посольстве. Теперь она молилась, чтобы Господь продолжил защищать её на этом последнем отрезке пути к свободе.

В аэропорту, когда Хелен, опершись на свои костыли, ожидала посадки в самолёт, она заметила, что на неё уставился охранник. Сердце Хелен бешено заколотилось, и на лбу выступили капельки пота: «Он знает, кто я и что я делаю?» Когда мужчина подошёл к ней, ноги у Хелен задрожали. Но вместо того, чтобы задержать её, охранник протянул руку, чтобы поддержать её.

— Позвольте мне помочь вам, — сказал он. Хелен почти запаниковала, но пробормотала слова благодарности, и мужчина улыбнулся. — Мы должны помогать тем, кто так храбро сражался за нашу страну.

«Он думает, что я стала инвалидом на войне с Эфиопией!»

Хелен ещё раз убедилась, что Бог был с ней. Когда она протянула свой паспорт работнику у выхода на посадку, тот едва взглянул на неё: «Бог ослепляет тех, кто мог бы остановить меня!»

В самолёте Хелен сидела на месте, предназначенном для инвалидов. Когда самолёт взлетел, она выглянула в окно и, зажмурившись от солнечных лучей, посмотрела на раскинувшуюся внизу Асмэру. Вдалеке она увидела тюрьму, где провела больше двух лет, страдая за веру в Бога.

Хелен не могла поверить, что сейчас она покидает свою любимую страну. Ей казалось, что в любой момент она может

Хелен Берхан: «Почему мы не поём?»

проснуться на холодном, твёрдом полу тюремного контейнера и обнаружить, что свобода — это всего лишь сон.

Но это — реальность, и по Божьей милости Хелен свободна.

Старшая сестра Хелен, которая жила и работала в Судане, встретила её в аэропорту и отвезла к себе домой. Хотя Хелен была свободна, она всё ещё не была в безопасности. В большинстве случаев, когда Хелен отвечала на телефонный звонок, голос на линии предупреждал: «Мы следим за тобой».

Нога Хелен немного зажила, но она всё ещё не могла ходить. Она также переживала за Еву, которая всё ещё оставалась в Эритрее с родителями Хелен. Хелен боялась, что, если Ева пробудет там ещё дольше, власти могут причинить ей вред, и она больше никогда не увидит своей дочери. Хелен также знала, что через пять лет, когда Еве исполнится семнадцать, ей придётся служить в эритрейской армии. Хелен хотела лучшего будущего для своей дочери, и она решила, что пришло время тайно вывезти двенадцатилетнюю Еву из Эритреи.

Тайная полиция всё ещё следила за семьёй Хелен, что не позволяло Еве сбежать из Эритреи тем же путём, что и Хелен. Поэтому Хелен спланировала: контрабандист проведёт Еву из Асмэры в Судан через пустыню. Такое путешествие пугало Хелен. Она слышала ужасные истории о торговцах людьми, которые приводили свои группы в пустыню лишь для того, чтобы ограбить их и оставить умирать. Но даже если этот человек будет честным, то его и её дочь всё равно могут поймать.

Хелен сидела в Хартуме и молилась, пока её дочь и несколько других беженцев везли в машине ночью без света фар — сын контрабандиста лежал на крыше и громким шёпотом указывал направление своему отцу. Поездка для Евы была долгой и трудной. Хелен оплатила питание для своей дочери в

поездке, но она его так и не получила. На каком-то этапе пути группе пришлось идти пешком, а Ева была настолько слабой, что одному из беженцев пришлось нести её на спине.

Как только Ева пересекла границу, она провела несколько дней в изоляторе, где, к несчастью, одну девушку из их группы изнасиловал суданский сотрудник охраны. Из изолятора Еву перевели в лагерь для беженцев. Всё это время её мать ожидала воссоединения со своей дочерью.

Наконец сестра Хелен нашла Еву и привезла её домой. Хелен поковыляла на костылях к двери, чтобы встретить свою дочь. В слезах она благодарила Бога за то, что Он сохранил её дочь в безопасности, и за хороших людей, которые тайно вывезли её.

Хелен уже приняла решение, что она с дочерью уедет из Судана. За пять месяцев, что она там прожила, ей приходилось переезжать четыре раза, поскольку телефонные звонки с угрозами не прекращались.

Хотя Хелен не пела в церквях Судана, эритрейский пастор попросил её спеть на госпел-концерте в своей церкви в Хартуме. Не поставив её в известность, он напечатал большие плакаты с её портретом и расклеил по всему городу. Хелен пришлось переехать ещё раз, так как эритрейские власти узнали об этом.

Организация, которая помогает эритрейским христианам, усердно пыталась найти убежище для Хелен и Евы в Америке или в Европе.

— Мы примем первое подходящее предложение, — сказала Хелен.

Оказалось, что такое предложение сделала Дания, которая пригласила Хелен и Еву, отчасти из-за инвалидности Хелен.

Вскоре их самолёт приземлился в Копенгагене. Для Хелен Дания показалась другим миром. Их новый дом был

Хелен Берхан: «Почему мы не поём?»

расположен в небольшой общине в сельской местности, недалеко от моря. Жители деревни заботились о Хелен, как будто она была для них своей.

Когда Хелен прибыла туда, она была почти неподвижна, но как только она достаточно окрепла, чтобы ходить с двумя палками, она снова начала своё духовное служение. Она пела, посещала группы по изучению Библии, несла служение в окрестных церквях. На удивление Хелен хорошо спала и не страдала от длительной психологической травмы, как это случилось у многих, перенёсших пытки.

Благодаря хорошей медицинской помощи и чудесному вмешательству Господа тело Хелен также исцелилось. Её зубы сильно пострадали в тюрьме без питательных веществ, но в Дании она получила надлежащую стоматологическую помощь. Вскоре её ноги также были исцелены и ей уже не нужны были костыли.

Придя в себя, Хелен поняла, что пережила то, о чём читала в Библии во Втором послании Павла к Коринфянам: «...но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (4:16).

Наконец, Хелен могла жить без страха. Она могла уходить из дома и приходить домой в безопасности. В тюрьме каждый её шаг был под контролем, а сейчас она могла принять ванну тогда, когда хотела. Снова привыкая к свободе, она горячо молилась за тех, кто ещё страдает в тюрьме, чтобы однажды они обрели свободу, которой она теперь наслаждается.

Хелен также молилась за мужчин, которые мучили её в тюрьме.

— Я хочу сказать вам, что я люблю вас, и надеюсь, что однажды вы уверуете в Иисуса, Которому я служу.

Спустя годы после освобождения из тюрьмы Хелен написала послание для христиан, живущих в свободном мире.

Пламенные сердца 2

— Вы не должны принимать свою свободу как должное, — сказала она. — Используйте любую возможность, чтобы каждый день славить Господа. Если я могла петь в тюрьме, представьте, что вы можете сделать для славы Божьей, живя на свободе.

Она вспомнила слова песни, которую написала в тюрьме: «Христианство стоит вам жизни, но в конце результатом является победа».

Хелен до сих пор мечтает о том, что однажды она сможет вернуться в свою любимую страну и спеть песню хвалы на стадионе в Асмэре. Сегодня она остаётся одним из самых активных защитников свободы вероисповедания в Эритрее.

— С Богом всё возможно, — говорит она, — и поэтому я молюсь, чтобы однажды так и случилось.

Благодарности

В дополнение к интервью организации «Голос мучеников» с женщинами, чьи истории и свидетельства представлены в этой книге, в качестве источников были использованы следующие издания.

«Бьянка: Иисус, её постоянный спутник»

Некоторые материалы взяты из книги «Служение Богу на враждебной территории» Бьянки Адлер, под редакцией Кей Холлингс. Copyright © 2003. Использовано с разрешения. Все права защищены.

«Грасия: Нам нужно бежать»

Некоторые материалы взяты из книги «В присутствии моих врагов» Грасии Бернхэм и Дина Меррилла. Copyright © 2003, 2004, 2010. Использовано с разрешения издательства Tyndale House Publishers. Все права защищены.

«Марзие и Марьям: Две обычные девушки»

Некоторые материалы взяты из книги «Пленённые в Иране» Мариам Ростампур и Марзие Амиризаде. Copyright © 2013. Использовано с разрешения издательства Tyndale House Publishers. Все права защищены.

«Ханнели: Уцелевшая»

Основной источник контента — книга «Трагедия в Кабуле» Ханнели Гроневальд. Copyright © 2019. Использовано с разрешения Ханнели Гроневальд. Все права защищены.

«Хелен: “Почему мы не поём?”»

Некоторые материалы взяты из книги «Песня соловья». Авторские права © 2009 Хелен Берхане. Издано Authentic Media Ltd, Милтон-Кейнс, Великобритания.

Содержание

О «Голосе мучеников»	5
Вступление	7
Сара: Благовестница партизанам	11
<i>Из первых уст: Норин</i>	36
Шемсе: В ожидании славного воссоединения	39
<i>Из первых уст: Элис</i>	71
Сюзанна: Надежда, которую мы имеем	77
<i>Из первых уст: Сабина</i>	106
Бьянка: Иисус, её постоянный спутник	111
<i>Из первых уст: Аида</i>	145
Грасия: Нам нужно бежать!	147
<i>Из первых уст: Рашин</i>	185
Тамара: «Мы не собираемся уезжать!»	189
<i>Из первых уст: Ви</i>	217

Буфа: Девочка-подросток, которая больше не боится.	221
<i>Из первых уст: Сурита</i>	236
Хульда: Жизнь, сокрытая во Христе.	239
<i>Из первых уст: Карен</i>	258
Марзие и Марьям: Две обычные девушки	261
<i>Из первых уст: Гао</i>	303
Анита: Нет ничего лучше, чем жить для Иисуса.	306
<i>Из первых уст: Ванда</i>	326
Ханнели: Уцелевшая	329
<i>Из первых уст: Мария</i>	363
Хелен Берхан: «Почему мы не поём?»	365
Благодарности	403